

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

102,

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ ЧИТАННЫХЪ ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

ВЪ ЯНВАРѢ И ФЕВРАЛѢ 1873 ГОДА

И

ЕДИНСТВО ИСТОРИИ

ЛЕКЦІЯ ЧИТАННАЯ ВЪ КЕМБРИДЖСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

29 МАЯ 1873 ГОДА

ЭДУАРДА ФРИМАНА

„Facies non omnibus una
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum“
Ovid. Met. II, 13.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

НИКОЛАЯ КОРКУНОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ Л. Ф. ПАНТЕЛѢВА

1880

Фриманъ

32267

JC21

F8218

Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ пер., д. 11—2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	I
I лекція. Сравнительный методъ и его значеніе	1
II " Греки, римляне и германцы	24
III " Государство	49
IV " Государь	89
V " Народное собраніе	123
VI " Различныя аналогіи	159
Единство исторіи	225
Примѣчанія къ I лекціи	221
" " II "	225
" " III "	242
" " IV "	289
" " V "	314
" " VI "	325
" къ лекціи Единство Исторіи	337
Указатель	349

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шесть лекцій прочтенныхъ въ Королевскомъ Институтѣ представляютъ попытку систематическаго примѣненія того метода изслѣдованія, который въ отдѣльныхъ случаяхъ уже нерѣдко примѣнялся какъ мною самимъ, такъ и другими писателями. Эти лекціи заключаютъ въ себѣ попытку отстоять за политическими учрежденіями право быть предметомъ совершенно такого же научнаго изслѣдованія, какое примѣнено съ такимъ успѣхомъ къ изученію языка, мѣологии и развитія культуры. Но конечно онѣ представляютъ не болѣе какъ первый лишь шагъ въ примѣненіи сравнительнаго метода къ нѣкоторымъ наиболѣе выдающимся учрежденіямъ тѣхъ изъ арійскихъ народностей, исторія которыхъ наиболѣе извѣстна мнѣ, а также болѣе извѣстна и моимъ слушателямъ. Болѣе этого не могло бы быть дано въ такого рода лекціяхъ, если бы даже мои знанія и дали мнѣ возможность распространить мои поясненія на болѣе широкую область. Но я надѣюсь, что другіе, изученіе которыхъ направлено на другія отрасли исторіи, обратятся къ атому предмету и разработаютъ его далѣе. Сдѣланнаго мною быть можетъ достаточно для того, чтобы показать, что греки, итальянцы и германцы имѣютъ много общихъ учрежденій, сходство которыхъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ предположеніемъ общаго первоначальнаго

ихъ происхожденія. Теперь остается показать, что изъ этихъ общихъ учрежденій является общимъ всей арійской семьѣ, что изъ нихъ обще и арійцамъ и семитамъ, и что изъ этого возможнаго общаго достоянія арійцевъ и семитовъ можетъ быть общимъ всѣмъ расамъ восточнаго полушарія или и всему человѣчеству. Ни одного изъ этихъ вопросовъ я даже не попытался затронуть; я указалъ ихъ лишь какъ вопросы, къ которымъ мои собственные изслѣдованія естественно приводятъ, и которые я надѣюсь могутъ быть разработаны кѣмъ нибудь изъ тѣхъ ученыхъ, которые компетентны взяться за нихъ.

Даже въ предѣлахъ тѣхъ трехъ отраслей арійской семьи, которыя я избралъ для моего спеціальнаго изслѣдованія, объемъ и характеръ лекцій не позволили сдѣлать больше, какъ выбрать нѣсколько наиболѣе выдающихся примѣровъ, выясняющихъ выставленныя положенія, и даже въ отношеніи къ нимъ было конечно невозможно изслѣдовать предметъ со всѣхъ его сторонъ. Настоящая практическая задача лекціи, при томъ, есть не столько прямое обученіе, сколько возбужденіе вопросовъ для размышленія и изученія. Въ виду этого, послѣ того какъ лекціи были прочтены, я присоединилъ къ нимъ значительное число примѣчаній и ссылокъ, гдѣ я коснулся нѣсколько подробнѣе нѣкоторыхъ вопросовъ, нежели я это могъ сдѣлать въ самыхъ лекціяхъ. Я надѣюсь, они побудятъ иныхъ моихъ читателей къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ; я не могъ надѣяться въ этой по необходимости отрывочной формѣ дать что либо болѣе.

Я не сомнѣваюсь, что какъ въ лекціяхъ, такъ и въ примѣчаніяхъ много найдется такихъ вещей, о которыхъ уже говорилось какъ мною, такъ и другими писателями. Вѣроятно найдется много такихъ вещей, которыя и я и другіе писатели готовы повторять, какъ скоро надо распространить вѣрный взглядъ на вещи, относительно которыхъ распространены ошибочныя и смутныя понятія. Есть много людей, которые мало

обращаютъ вниманія на вещь, когда она высказана лишь однажды, но на которыхъ она производитъ наконецъ свое дѣйствіе, когда они слышать о ней въ разное время и въ разныхъ формахъ. Я полагаю, что этотъ классъ людей болѣе многочисленъ — и конечно заслуживаетъ болѣе вниманія, — чѣмъ тѣ разборчивыя лица, которыя недовольны, когда имъ приходится слышать дважды объ одномъ и томъ же. Кромѣ того, одинъ и тотъ же фактъ можетъ быть разсматриваемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, можетъ примѣняться для выясненія различныхъ общихъ положеній и излагаться различнымъ классамъ читателей и слушателей. Я нахожу также, что лучшіе и имѣющіе наибольшій успѣхъ суть тѣ писатели, которые не затруднялись выставлять истины, которыя имъ приходилось поддерживать снова и снова. И я думаю, что въ этомъ и заключается условіе ихъ успѣха.

Къ шести лекціямъ, читаннымъ въ Королевскомъ Институтѣ въ этомъ году, я присоединилъ лекцію въ честь Рида, которую я имѣлъ удовольствіе прочесть въ прошломъ году въ Кембриджскомъ университетѣ. Она конечно была написана раньше, чѣмъ лекціи читанныя въ Королевскомъ Институтѣ были написаны или задуманы. Не составляя части того же курса, она относится къ сродному предмету. И она имѣетъ съ ними одно общее стремленіе — устранить неестественное разъединеніе между тѣмъ, что называется „древнимъ“ и „новымъ“ въ языкѣ, въ исторіи и во всемъ другомъ. Если мнѣ когда придется увидѣть установленіе настоящей школы исторіи и настоящей филологической школы въ Оксфордскомъ университетѣ, я увижу въ этомъ не только практическое осуществленіе тѣхъ принциповъ, за которые я боролся въ теченіи многихъ лѣтъ, но также новый шагъ преуспѣнія настоящей здоровой науки, болѣе важный, чѣмъ что либо сдѣланное съ шестнадцатаго столѣтія.

Послѣ того, какъ эти лекціи были написаны, я познакомился съ трудомъ Ф. Куланжа *La cité Antique*, по крайней мѣрѣ въ англійскомъ переложеніи Т. К. Баркера, въ его книгѣ

„Aryan Civilization“. Онъ касается конечно многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми и я имѣлъ дѣло, и тѣ, которыхъ онъ коснулся, онъ изслѣдовалъ гораздо полнѣе, чѣмъ я. Но его книга, не смотря на свое общее заглавіе, почти всецѣло ограничивается Греціей и Римомъ, и едва ли сколько нибудь касается сродныхъ германскихъ учреждений. Я не могу также по всѣмъ вопросамъ раздѣлять взгляды автора, такъ какъ онъ держится слишкомъ узкаго взгляда, объясняя все однимъ и тѣмъ же началомъ—религіей. Я много обязанъ трудамъ профессора Макса Мюллера, Э. Б. Тайлора, сэра Генри Мэна, что видно изъ самой книги. Изъ иностранныхъ писателей особенно много заимствовалъ я, какъ это можно видѣть, изъ великой *Deutsche Verfassungsgeschichte* Георга Вайца. Ученые не могутъ не порадоваться, что они скоро получаютъ подобный же трудъ относящійся къ нашей англійской исторіи изъ рукъ профессора Стѣббса.

Зомерлиъ, Уэльсъ.
26-го сентября 1878 г.

ЛЕКЦІЯ I.

Сравнительный методъ и его значеніе.

Установленіе сравнительнаго метода изученія было величайшимъ интеллектуальнымъ успѣхомъ нашего времени. Методъ этотъ внесъ свѣтъ и порядокъ въ цѣлыя отрасли человѣческаго знанія, которыя до того были исполнены тьмы и безпорядка. Онъ далъ такіе приемы изслѣдованія, съ помощью которыхъ можно достигнуть нравственной увѣренности тамъ, гдѣ прежде всецѣло царили однѣ догадки. Въ вопросахъ, къ которымъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть примѣнена точная внѣшняя повѣрка, этотъ методъ даетъ точную внутреннюю повѣрку, болѣе убѣдительную, болѣе безошибочную. Въ той области, гдѣ сравнительный методъ былъ примѣненъ впервые и, быть можетъ, въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ, побѣда его, можно сказать, уже обезпечена. Наука о языкѣ получила твердое основаніе, котораго она уже не можетъ быть лишена. Мы можемъ, правда, встрѣтить иногда людей, чуждыхъ выводамъ сравнительной филологіи. Они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Это, во-первыхъ, люди, которыхъ нельзя собственно назвать учеными, и еще менѣе филологами, но которые нерѣдко обладаютъ чисто литературнымъ знаніемъ нѣсколькихъ языковъ; они, повидимому, и не слышали никогда объ открытіяхъ современной науки и сохраняютъ по прежнему свои догадки и свой догматизмъ, какъ бы и не подозрѣвая о существованіи, сравнительной филологіи. Другой, менѣе многочисленный разрядъ составляется изъ людей, на мой взглядъ, болѣе безнадежныхъ

которые дѣйствительно знаютъ, въ чемъ заключается задача и результатъ научнаго метода, но отвергають ихъ какъ заблужденіе; они считаютъ твердыя истины науки грезами, а свои собственные фантазіи—реальностью. Возможно, что люди перваго рода, до которыхъ свѣтъ еще не достигъ, современемъ научатся и, по всей вѣроятности, этотъ разрядъ людей исчезнетъ. Но другіе, до которыхъ свѣтъ уже достигъ, но которые считаютъ его тьмою, никогда не научатся и, вѣроятно, никогда не исчезнутъ. Такіе люди встрѣчаются во всѣхъ отрасляхъ науки. Можно найти такихъ, что знакомы съ выводами естественныхъ наукъ и все-таки думаютъ, что земля плоская, или что луна не обращается вокругъ своей оси. Но число и значеніе такихъ людей уменьшаются съ каждымъ днемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были люди, заслуги которыхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ лингвистики имѣли большое значеніе, но которые смѣялись надъ ученіемъ о родствѣ языковъ, какъ надъ „арійской ересью“. Такіхъ людей теперь, вѣроятно, не найти ужъ больше. Отрицатели сравнительнаго метода, которыхъ мы отличаемъ отъ тѣхъ, что и не слыхали объ немъ, соприкасаются, повидимому, съ тѣмъ разрядомъ безумцевъ, которые заняты выработкой теорій „о первомъ словѣ человѣка“, или все еще вѣрятъ, что ирландскій языкъ произошелъ отъ финикійскаго. По отношенію къ сравнительной филологіи борьба уже закончена. Никто, имѣющій какое-нибудь право судить объ этомъ предметѣ, не сомнѣвается уже, что ученіе о родствѣ языковъ перешло изъ стадій контроверзь и вопросовъ и стало признанной истинной. Еще могутъ, конечно, существовать разногласія по вопросу о подробностяхъ, но не въ отношеніи главныхъ принциповъ и основнаго ихъ примѣненія.

Сравнительная филологія стало быть уже вполне установилась, какъ наука. И, что касается Англіи, мы можемъ сказать, что для установленія сравнительнаго филологическаго изученія какъ науки много было сдѣлано именно здѣсь, въ королевскомъ институтѣ. Другія примѣненія сравнительнаго метода болѣе новы и не заняли еще такого же прочнаго и твердаго положенія. Одною изъ причинъ этого служить, конечно, то, что они новѣе, что они не имѣли еще достаточно времени, чтобы пропелнуть въ умы людей. Но это не един-

ственная причина тому, что сравнительная мифология и другія примѣненія сравнительнаго метода не достигли еще такого безусловнаго признанія со стороны всѣхъ компетентныхъ судей, какъ это мы видѣли въ отношеніи сравнительной филологіи. Ни въ какой другой области—такъ по крайней мѣрѣ кажется—примѣненіе сравнительнаго метода не можетъ быть такимъ яснымъ, простымъ и несомнѣннымъ какъ въ филологіи. Тутъ выводы сравнительнаго изученія являются сами по себѣ вполне убѣдительными. Трудно предположить, чтобы ученіе о сходствѣ языковъ, ясно изложенное человѣку обыкновеннаго ума, могло быть не принято имъ сразу. Если оно не будетъ сразу принято, это можетъ произойти единственно отъ того, что все мы чувствуемъ нѣкоторое затрудненіе не только тогда, когда намъ предстоитъ чему нибудь выучиться, но и тогда, когда намъ надо разучиться. Оппозиція научному изученію языка или другаго какого-нибудь предмета является со стороны учителей, которые находятъ затруднительнымъ бросить старый методъ и принять новый. Такой оппозиціи нельзя никогда ожидать со стороны учащихся, для которыхъ все методы одинаково новы и которые находятъ научный методъ болѣе легкимъ. Что сравнительная филологія непонимается иногда даже тѣми, что причисляютъ себя къ ея приверженцамъ, можно видѣть уже изъ того, что многіе изъ нихъ думаютъ, будто величайшимъ выводомъ научнаго изученія является положеніе о происхожденіи греческаго и англійскаго языка отъ санскритскаго. Но такія явленія исчезнуть сами собой. Тотъ, кто съ самаго начала слѣдовалъ научному методу и никогда не слышалъ о какомъ-нибудь другомъ, не можетъ впасть никоимъ образомъ въ такого рода заблужденіе. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы сравнительная филологія могла не найти сразу же успѣха со стороны тѣхъ, чей умъ свободенъ отъ предубѣжденій. Многіе примутъ его не какъ нѣчто новое, а какъ болѣе полное объясненіе того, что они уже сами предчувствовали. Каждый изучившій какихъ-нибудь два сходныхъ языка, долженъ, если только онъ не попугай, самъ собой подмѣтить отдѣльныя проявленія гриммова закона. Если такому человѣку изложить выводы сравнительной филологіи, они не могутъ не показаться ему сразу же вполне убѣдительными. Мы

знаемъ какія слова общи различнымъ арійскимъ языкамъ, и какія составляютъ особое достоянія каждаго изъ нихъ. Заключение о сходствѣ между этими языками и о степени культуры арійскихъ народовъ въ различныхъ стадіи ихъ расселенія представляется съ такой очевидностью, что ему невозможно противиться. Сравнительная филологія выяснила намъ дѣйствительно, различныя стадіи до-историческаго развитія челоуѣка, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ; но данныя сравнительнаго изученія представляются болѣе надежными чѣмъ многое, что мы заимствуемъ изъ письменныхъ историческихъ памятниковъ. Мы знакомимся такимъ путемъ съ фактами, по отношенію къ которымъ не можетъ быть виѣшнихъ доказательствъ, но за то внутреннія доказательства, разъ установленныя, представляются безусловно неопровержимыми.

Въ отношеніи сравнительной мифологіи дѣло представляется иначе. Тутъ простое установленіе доктрины не представляется столь же убѣдительнымъ. Явленія, изслѣдуемая въ сравнительной филологіи, не могутъ получить другаго раціональнаго объясненія, нежели то какое имъ дается этой наукой. Вы видѣли, напримѣръ, что слово мельница, mill, или другія слова представляющія очевидно лишь видоизмѣненія того же слова, употребляются въ одномъ и томъ же значеніи въ нѣсколькихъ различныхъ языкахъ, по отношенію къ которымъ заимствование словъ другъ отъ друга представляется исторически невозможнымъ ¹⁾. Даже по отношенію къ одному отдѣльному слову трудно допустить, чтобы сходство это было результатомъ случая. Трудно повѣрить, чтобы въ силу простой случайности, нѣсколько разьединенныхъ народовъ, безъ всякой между ними связи, стали называть мельницы однимъ и тѣмъ же словомъ. Но когда мы замѣчаемъ тоже явленіе, не на одномъ или двухъ словахъ, а на множествѣ словъ, предположеніе о случайности сходствъ дѣлается невозможнымъ. Имѣя передъ собой такіе факты нельзя не сдѣлать того заключенія, что всѣ эти языки были нѣкогда однимъ языкомъ, что народы, которые ими говорятъ, были однимъ народомъ и что они разьединились другъ съ другомъ лишь достигнувъ такой степени цивилизаціи, что имъ уже было извѣстно употребленіе мельницы, и всѣхъ тѣхъ

предметовъ, названія которыхъ одинаковы во всей этой группѣ языковъ. Но когда передъ нами мифъ, или нѣсколько мифовъ, повидимому общихъ нѣсколькимъ различнымъ эпохамъ и народностямъ, общее ихъ происхожденіе отъ одного корня, не представляется еще единственно возможнымъ объясненіемъ. Оно можетъ оказаться дѣйствительно вѣрнымъ объясненіемъ каждаго отдѣльнаго случая подобнаго сходства; но это должно быть доказано относительно каждаго случая въ отдѣльности. Сходство между мифами не будетъ столь же несомнѣннымъ, для всѣхъ и каждаго, какъ тождество между сходными словами. Иные вовсе не найдутъ сходствъ; другіе замѣтятъ его, но могутъ найти, что оно можетъ быть объяснено и другимъ образомъ, помимо предположенія объ общемъ ихъ происхожденіи.

Такъ, чтобы воспользоваться уже взятымъ ранѣе примѣромъ, искусство перемола зеренъ могло быть открываемо нѣсколькими отдѣльными народами независимо другъ отъ друга, самостоятельно. Сравнительный филологъ опирается въ своей аргументаціи на невозможность представить себѣ, чтобы каждый отдѣльный народъ назвалъ этотъ процессъ перемола однимъ и тѣмъ же именемъ. Точно также и нѣкоторыя изъ простыхъ сказокъ, типичныхъ характеровъ, обычныхъ воображаемыхъ положеній, составляющихъ содержаніе легендарнаго богатства большинства народовъ, могли быть придуманы самостоятельно нѣсколько разъ, въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ. И въ такомъ объясненіи не заключается никакого очевиднаго абсурда; тутъ нѣтъ безусловной необходимости для объясненія сходства принимать ученіе объ ихъ общемъ происхожденіи изъ одного источника. Сравнительная миѳологія лишь тогда дѣлается вполне убѣдительною въ своихъ выводахъ, когда она можетъ опереться на сравнительную филологію. Если какое-нибудь имя греческой легенды не можетъ найти себѣ разумнаго объясненія въ самомъ греческомъ языкѣ, а находитъ его въ санскритскомъ, вѣроятность, что и греческая и индусская легенда происходятъ изъ одного источника, приближается тогда къ несомнѣнности. Однако же, и здѣсь имѣется мѣсто для разнорѣчій въ такомъ направленіи, въ какомъ ихъ не можетъ быть въ собственно филологическихъ вопросахъ. Мы узнали, на примѣръ, что Charitis, граціи въ греческой миѳологіи, тоже,

что Harits, лошади солнца въ санскритской. Филологическое сходство этихъ двухъ именъ внѣ всякаго сомнѣнія; и греческое, и санскритское слово, оба происходятъ очевидно отъ одного общаго корня, отъ первоначальнаго значенія котораго, конечно, оба значительно уклонились. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы между Charitis и Harits должно было существовать болѣе близкое сходство, нежели вообще это имѣеть мѣсто въ отношеніи двухъ словъ одного корня. Иные не найдутъ сходства между лошадьми солнца санскритской легенды и полными граціи женственными образами греческой легенды. Они могутъ склоняться къ тому предположенію, что единственное число Charis—Илѣдъ, а множественное Charitis—Одиссеи, могли быть самостоятельными продуктами греческой мысли и образовались уже послѣ отдѣленія грековъ съ ихъ непосредственными соплеменниками отъ общаго племенного единства. Можно объяснять Charis и Charitis какъ такое же непосредственное олицетвореніе, какъ и Até или Litai; можно производить ихъ имя отъ существительнаго χάρις, въ позднѣйшемъ и обыкновенномъ значеніи этого слова, послѣ того какъ это значеніе уже отдѣлилось отъ первоначальнаго корня. Такой взглядъ вовсе не представляется ни очевидно абсурднымъ, ни несогласимымъ съ принятіемъ общей доктрины сравнительной мифологіи²⁾. Что касается языка, то въ отдѣльной его отрасли могутъ развиваться новыя слова изъ старыхъ корней; могутъ быть приняты новыя слова изъ другихъ, чуждыхъ языковъ. Но образование въ ней новаго корня немислимо. Въ мифологіи не такъ. Мы можемъ допустить существованіе одной мифической основы, общей всей арійской семьѣ народовъ или всему человѣчеству и вмѣстѣ съ тѣмъ признавать, что многіе частныя мифы греческіе и германскіе, или другіе, обязаны своимъ происхожденіемъ самостоятельному творчеству грековъ, германцевъ или другой какой-нибудь отрасли арійской расы, развившейся въ отдѣльный народъ съ особымъ языкомъ. Что касается собственно меня, то я твердо убѣжденъ, что сравнительная мифологія дѣйствительно объяснила обширный общій мифическій циклъ, основаніе котораго найдено въ физическихъ явленіяхъ природы. Но я не могу признать, чтобы вся мифологія арійскихъ народовъ, какъ мы

ее находимъ въ греческой и германской литературѣ, имѣла именно это, а не другое, происхожденіе. Я признаю, что значительная часть греческой и германской мифологіи имѣетъ свой источникъ въ мифахъ о солнцѣ. Но я не могу признать, чтобы непременно каждый герой греческаго или германскаго мифа долженъ быть солнцемъ, за исключеніемъ небольшого числа тѣхъ, что должны представлять не солнце, а вѣтеръ ³⁾).

Различіе между сравнительной филологіей и сравнительной мифологіей сводится, такимъ образомъ, къ тому, что въ филологіи сравнительный методъ самъ по себѣ уже достаточенъ для рѣшенія вопросовъ, въ мифологіи же приходится довольствоваться тѣмъ, что его примѣненіе имѣетъ большое значеніе на ряду съ другими приѣмами. Но признать это, не значитъ еще уменьшать значеніе сравнительнаго метода въ примѣненіи къ вопросамъ мифологіи. Мифологія каждаго народа должна всегда изучаться сравнительно. Этотъ методъ обезпечиваетъ отъ ненаучнаго отношенія къ предмету, наприм., отъ обращенія къ Египту, къ Финикіи, къ Палестинѣ для объясненія греческихъ мифовъ. Первое требованіе научнаго отношенія къ предмету—это изслѣдовать, что изъ индусскихъ, греческихъ и германскихъ и другихъ арійскихъ мифовъ можетъ быть съ увѣренностью признано имѣющимъ одно общее происхожденіе. Разъ это ясно опредѣлено, мы въ состояніи тогда опредѣлить и то, какая часть мифологіи, каждаго отдѣльнаго народа, обязана своимъ происхожденіемъ его самостоятельному творчеству послѣ расселенія общей арійской семьи, и какая часть, если только найдется такая, заимствована изъ не-арійскихъ источниковъ: семитическихъ, или какихъ-нибудь другихъ.

Кромѣ сравнительной филологіи и сравнительной мифологіи, есть еще третья отрасль знанія, къ которой въ новѣйшее время былъ примѣненъ сравнительный методъ съ большимъ успѣхомъ. Дѣйствительно, какъ это было и съ самой сравнительной филологіей, королевскій институтъ значительно содѣйствовалъ тому, что теперь можно съ полнымъ основаніемъ внести еще новую науку въ общій ихъ списокъ. Я разумѣю научное изслѣдованіе нравовъ и обычаевъ и группировку ихъ удивительныхъ аналогій, которыя они представляютъ намъ въ мѣстахъ и эпохахъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга.

Это такое изучение, которое само собой и почти съ необходимостью должно слѣдовать за сравнительнымъ изучениемъ языковъ. Мы видѣли, что посредствомъ одной сравнительной филологіи безъ всякаго внѣшняго свидѣтельства можно въ значительной степени изслѣдовать общественный, политическій и религіозный бытъ различныхъ арійскихъ народовъ на различныхъ стадіяхъ ихъ разъединенія. Этимъ путемъ можно убѣдиться, что нѣкоторые изъ весьма важныхъ успѣховъ въ развитіи человѣческой культуры достигнуты были еще тогда, когда всѣ арійцы составляли одно цѣлое. Напротивъ другіе успѣхи достигнуты различными арійскими народами порознь, когда они уже отдѣлились другъ отъ друга. Иногда мы можемъ идти еще дальше и узнаемъ, что известное открытіе или изобрѣтеніе сдѣлано отдѣльною отраслю арійцевъ уже послѣ ея отдѣленія отъ первоначальнаго общенія съ другими, но до дальнѣйшаго ея распада на тѣ отдѣльные народы, о которыхъ мы узнаемъ изъ письменныхъ историческихъ памятниковъ. Такимъ образомъ одни филологическія данныя даютъ уже намъ возможность составить себѣ общее понятіе о степени развитія, достигнутаго арійцами до ихъ разъединенія. Они даютъ намъ также возможность прослѣдить успѣхи культурнаго развитія западныхъ и восточныхъ арійцевъ, послѣ отдѣленія ихъ другъ отъ друга, но до выдѣленія изъ нихъ предковъ греческой, итальянской и тевтонской народностей. Мы можемъ прослѣдить дальнѣйшіе успѣхи двухъ первыхъ народностей послѣ отдѣленія отъ нихъ тевтоновъ, но до расселенія ихъ самихъ по берегамъ Адриатическаго моря. Но въ этого рода изслѣдованіяхъ сравнительное изученіе примѣняется непосредственно лишь къ языку. Данныя, проливающія свѣтъ на ростъ человѣческой культуры, имѣютъ уже сами по себѣ большое значеніе и онѣ опираются на строгія доказательства, здѣсь же онѣ получаютъ лишь какъ случайный результатъ изслѣдованія, имѣющаго своимъ непосредственнымъ предметомъ другіе вопросы. Но въ той, третьей, отрасли сравнительнаго изученія, которую я теперь имѣю въ виду, сравнительный методъ непосредственно примѣняется къ изслѣдованію культуры. Непосредственный предметъ изслѣдованія здѣсь уже не языкъ, не мифъ сами

по себѣ; природа и происхождение обычаевъ, общественныхъ учреждений, религиозныхъ обрядовъ различныхъ народовъ — вотъ что изучаетъ здѣсь изслѣдователь. Такого рода изслѣдованія не могутъ быть произведены иначе, какъ лицомъ близко знакомымъ съ сравнительной филологіей и мифологіей. Лингвистика помогаетъ изслѣдователю на каждомъ шагѣ; еще драгоценнѣе помощь, какую онъ находитъ въ данныхъ мифологіи; но его непосредственная задача не та, что задача филолога и мифолога. Онъ изслѣдуетъ обычаи, обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ и мифы, но лишь на столько, на сколько они являются или источникомъ, или плодомъ обычаевъ и обрядовъ, между тѣмъ какъ специалистъ изслѣдуетъ и языкъ, и мифы ради ихъ самихъ, касаясь происхожденія обрядовъ, домашнего и общественнаго порядка лишь на столько, на сколько оно связано съ мифами и словами.

Онъ изслѣдуетъ происхождение религиозныхъ обрядовъ, общественнаго и семейнаго строя совершенно такъ, какъ его сотоварищи изслѣдуютъ происхождение словъ, или мифовъ. Онъ замѣтитъ, быть можетъ, какъ общественные или религиозные обычаи превращаются въ одно суевѣріе и въ предразсудки, которые кажутся на первый взглядъ совершенно произвольными и бессмысленными; совершенно такъ, какъ иное слово, иной мифъ, исторія которыхъ для научнаго изслѣдователя полна жизни и смысла, кажутся произвольными и бессмысленными для того, кто незнакомъ съ ихъ происхожденіемъ. Но сравнивая другъ съ другомъ сходные обычаи, обряды, вѣрованія различныхъ, часто весьма отдаленныхъ другъ отъ друга вѣковъ и странъ, научный изслѣдователь открываетъ ихъ корень — ту первоначальную идею, по отношенію къ которой отдѣльные обычаи, обряды, вѣрованія представляются лишь отпрысками.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ изслѣдователь можетъ идти въ своихъ изслѣдованіяхъ какъ снизу вверхъ, такъ и наоборотъ. Это приводитъ насъ къ ученію о переживаніяхъ⁴⁾. Весьма любопытно изслѣдовать, какимъ образомъ иное вѣрованіе, слово, мифъ, и мы могли бы прибавить, иная грамматическая форма, выживаютъ въ какой-нибудь фразѣ, въ какомъ-нибудь обычаѣ, происхождение которыхъ давно забыто, и которыя, при незнакомствѣ

съ ихъ источникомъ, кажутся совершенно лишенными смысла. Сравнительная филологія указываетъ, что приставки и окончанія, которыя кажутся совершенно произвольными, были нѣкогда самостоятельными и живыми словами, имѣвшими точно также смыслъ, какъ и тотъ корень, измѣненіямъ котораго они теперь служатъ; сравнительная филологія можетъ въ судьбѣ иной буквы раскрыть длинную исторію языка и даже нѣсколькихъ языковъ, выясняя, напримѣръ, что прибавочныя буквы въ *jes'g* и *jes'm* *) образовались благодаря скороговоркѣ и небрежному произношенію изъ произносившихся нѣкогда вполне титуловъ *Senior* и *mea domina*. ⁵⁾ Сравнительная мифологія группируетъ выраженія первобытной мысли о великихъ таинствахъ природы, и прослѣживаетъ ихъ судьбу въ сказаніяхъ о богахъ и герояхъ и до слабаго ихъ отголоска въ тѣхъ сказкахъ, что мы слышимъ въ дѣтскихъ или у деревенскаго очага. Но также точно и сравнительное изученіе общественнаго быта—этой третьей сравнительной науки, которая еще не имѣетъ имени, даетъ возможность изслѣдовать воплощеніе первобытной мысли въ древнихъ обрядахъ и обычаяхъ и прослѣдить ихъ судьбу до блѣдной и забытой тѣни, сохраняющей въ иныхъ поговоркахъ, въ обычныхъ тѣлодвиженіяхъ, въ подробностяхъ одежды, словомъ во многомъ, что мы ежедневно видимъ, слышимъ, носимъ, совершаемъ безъ всякой мысли о первоначальномъ его источникѣ и о томъ историческомъ прошломъ, второму оно служитъ памятникомъ. Для этой науки, которая безъ сомнѣнія обязана своимъ происхожденіемъ сравнительной мифологіи и филологіи, но которая имѣетъ полное право быть поставленной на ряду съ ними, мы нуждаемся въ имени. Позволяемъ себѣ надѣяться, что имя для нея можетъ быть составлено, если и не изъ словъ нашего родного **) языка,—что едва ли возможно,—то по крайней мѣрѣ

*) Соответствуютъ русскому «ла-съ».

Прим. перев.

**) Т. е. англійскаго, сказанное авторомъ примѣнимо также и въ отношеніи къ французскому языку. Но русскій языкъ, также какъ и нѣмецкій, не нуждается не только въ такихъ варваризмахъ какъ слово социологія, представляющееся помѣсю латинскаго съ греческимъ, но и вообще въ иностранныхъ словахъ. Общественно-государственныя дѣла съ успѣхомъ могутъ замѣнить и слишкомъ варварское слово социологія, и слишкомъ неопредѣленное—политика.

Прим. перев.

ихъ общепотребительныхъ иностранныхъ словъ. Было бы прискорбно, если бы отрасль науки, которая уже пролила такъ много свѣта и обѣщаетъ въ будущемъ еще больше, должна была обезобразить нашъ словарь еще новымъ варваризмомъ ⁶⁾.

Въ этой третъей, пока еще безымянной наукѣ, сравнительный методъ примѣняется также строго, какъ въ филологіи и мифологіи. Но въ ней однако же еще менѣе, нежели въ мифологіи, можно съ увѣренностью заключать, чтобы каждое сходство, подмѣченное въ мѣстахъ и эпохахъ, далеко отдаленныхъ другъ отъ друга, необходимо доказывало, что въ данномъ случаѣ точно имѣется общность происхожденія. Когда мы видимъ, что какой-нибудь мифъ или обычай повторяются такимъ образомъ въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена, мы можемъ быть увѣрены, что это указываетъ на извѣстную связь; но мы не должны заключать отсюда, чтобы тутъ была та непосредственная связь, о какой мы вправѣ заключить, когда видимъ, что грекъ, германецъ, индусъ употребляютъ одни и тѣ же слова и грамматическія формы. Когда мы видимъ, что одинъ и тотъ же обычай, какъ это часто бываетъ, повторяется на противоположныхъ концахъ земли или въ эпохи, далеко отстоящія другъ отъ друга, не слѣдуетъ еще заключать отсюда, чтобы этотъ обычай существовалъ еще съ того времени, когда предки этихъ двухъ народовъ составляли одинъ народъ. Быть можетъ, это и такъ; и, безсомнѣнія, это часто бываетъ такъ въ дѣйствительности. Но можетъ случиться, что данный обычай у каждаго народа является самостоятельно установившимся, что онъ является плодомъ одинаковыхъ условій, ведущихъ къ одинаковымъ результатамъ. Или, можетъ быть, и такъ, что не бывъ, строго говоря, общимъ достояніемъ двухъ народовъ, обычай этотъ является выраженіемъ какой-нибудь идеи, общей или всему человѣчеству, или извѣстной группѣ народовъ. Наконецъ, вполне возможно, что обычай просто заимствованъ однимъ народомъ отъ другаго и значеніе его могло въ то время еще сохраняться въ памяти или уже быть забытымъ. Но, не смотря на все это, методъ, примѣняемый въ этого рода изслѣдованіяхъ, какъ и въ изслѣдованіяхъ филологическихъ и мифологическихъ, есть строго, сравнительный. Обычай изслѣдуются тѣмъ же путемъ, какъ и

слова или мифы. И всё эти три отрасли сравнительнаго изученія находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Сравнительная мифологія не можетъ быть вовсе разрабатываема безъ содѣйствія сравнительной филологіи; а изслѣдованіе обычаевъ, обрядовъ и переживаній нуждается въ содѣйствіи обѣихъ этихъ наукъ на каждомъ шагѣ. Между этими тремя науками существуетъ извѣстная послѣдовательность. Сравнительная филологія есть самая чистая наука. Въ большинствѣ случаевъ она опирается на исключительно-внутреннія доказательства; она менѣе другихъ нуждается въ данныхъ, лежащихъ внѣ собственной ея сферы; ея аргументація убѣждаетъ съ наибольшей ясностью. Сравнительная мифологія представляетъ все это въ меньшей степени; сравнительное изученіе обычаевъ и обрядовъ въ еще меньшей степени. Каждая изъ этихъ двухъ болѣе нежели сравнительная филологія нуждается въ данныхъ, не относящихся къ собственной ихъ области. Но всё три связаны другъ съ другомъ; всё суть части одной области изслѣдованія; всё—примѣненія одного и того же метода, того метода, введеніе котораго придаетъ XIX столѣтію, на равнѣ съ XV значеніе одной изъ великихъ эпохъ въ развитіи человѣческаго ума.

Боюсь, что сказанное мною до сихъ поръ показалось сухимъ и отвлеченнымъ. Но я имѣлъ въ виду опредѣлить точно то соотношеніе, какое существуетъ между тѣми областями, гдѣ сравнительный методъ нашель уже себѣ примѣненіе. Это было необходимо для моихъ цѣлей, такъ какъ предметомъ моихъ лекцій является попытка примѣнить тотъ же самый методъ къ еще новой области, или, говоря точнѣе, не столько къ новой области, сколько лишь къ частной и наиболее важной отрасли той третьей сравнительной науки, о которой я уже говорилъ. Я бы хотѣлъ, чтобы то, о чемъ я буду говорить, могло быть разсматриваемо какъ попытка слѣдовать тому же пути, который указанъ двумя хорошо извѣстными изслѣдователями—Максомъ Мюллеромъ и Е. Б. Тайлоромъ. Предметъ моихъ изслѣдованій особенно тѣсно связанъ съ предметомъ изслѣдованій мистера Тайлора: онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ часть предмета его изслѣдованій. Но какъ для цѣлаго, такъ и для части, не легко найти названіе. Предметъ моихъ изслѣдованій я полагаю назвать сравни-

тельной политикой или сравнительнымъ государствѣдѣніемъ.

Я знаю, что это названіе можетъ дать много поводовъ къ недоразумѣніямъ. Но, я думаю, что все-таки можно имъ воспользоваться, объяснивъ предварительно, какой смыслъ намѣренъ я ему придавать. Говоря, сравнительная политика, я придаю слову политика тотъ же смыслъ какой оно имѣетъ въ названіи великаго произведенія Аристотеля. Подъ сравнительной политикой (или государствѣдѣніемъ) я разумѣю сравнительное изученіе государственныхъ учреждений и формъ правленія. Подъ именемъ сравнительной политики я намѣренъ представить указаніе и сопоставленіе множества аналогій, замѣчаемыхъ между государственными учреждениями значительно отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ и странъ. Въ этомъ смыслѣ предметомъ моихъ лекцій является специальное изслѣдованіе одной части той области, которая служила предметомъ изслѣдованія Тайлора, а именно тѣхъ обычаевъ, обрядовъ, формъ и т. п., которые касаются государственныхъ учреждений различныхъ временъ и народовъ. Сходство, замѣчаемое между весьма отдаленными эпохами и странами, въ ихъ формахъ правленія, въ ихъ политическомъ расчлененіи, въ распредѣленіи власти между различными сословіями и должностями, представляется болѣе значительнымъ и болѣе разительнымъ, чѣмъ могъ бы это предположить тотъ, кто не занимался специально изученіемъ этихъ вопросовъ. Въ иныхъ случаяхъ сходство обнаруживается при первомъ же взглядѣ, въ другихъ случаяхъ оно скрывается нѣсколько глубже поверхности; но достаточно обыкновенно небольшого вниманія, выработаннаго небольшою опытностью въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, чтобы легко замѣтить дѣйствительное сходство, нерѣдко скрываемое внѣшнимъ несходствомъ. Какъ въ сравнительной филологіи небольшая практика пріучаетъ изучающаго подмѣчать родство между словами, въ отношеніи которыхъ неопытный ничего бы не замѣтилъ; — такъ точно и въ сравнительномъ государствѣдѣніи. Наиболѣе вѣрныя аналогіи, наиболѣе разительные случаи прямой преемственной связи не принадлежать къ числу тѣхъ, что замѣчаются съ перваго взгляда.

Но должно сдѣлать еще и другое предостереженіе. Про-

вода какую-нибудь аналогію или параллель, слѣдуетъ также внимательно останавливаться на чертахъ различія, какъ и на чертахъ сходства, внѣшнія различія часто даютъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, лучшее доказательство внутренняго сходства. Если въ своемъ сравненіи мы останавливаемся, замѣчая въ подробностяхъ то или другое несходство, это служитъ вѣрнѣйшимъ подтвержденіемъ дѣйствительнаго сходства сравниваемыхъ предметовъ. Если мы замѣчаемъ малѣйшія различія между лицами людей, то это потому что мы признаемъ всѣ человѣческія лица сходными, потому что мы видимъ во всѣхъ нихъ существенное сходство, которое только и даетъ намъ возможность замѣчать черты несходства. Тоже самое должно сказать и относительно предмета нашего изслѣдованія. Мы отыскиваемъ черты существеннаго сходства учреждений и случайныя черты несходства не должны мѣшать намъ въ этомъ. И эта предосторожность тѣмъ болѣе необходима, что черты сходства и различія, которыя по ихъ практическимъ результатамъ, по ихъ судьбѣ въ позднѣйшей исторіи, имѣютъ первостепенное значеніе, могутъ съ нашей точки зрѣнія на предметъ, представляться совершенно случайными. Поясню свою мысль примѣромъ. Англійскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ; собранія большинства другихъ средневѣковыхъ государствъ Европы—изъ трехъ и больше. Практическое значеніе этой особенности было почти безпредѣльно по его вліянію какъ на исторію Англии, такъ и на исторію многихъ королевствъ и республикъ, заимствовавшихъ у Англии ея государственныя учрежденія; особенное соотношеніе палатъ парламента обусловлено ихъ числомъ. Все ученіе о раздвоеніи законодательныхъ собраній, или такъ наз. система двухъ палатъ, всѣ безчисленныя попытки, успѣшныя и неуспѣшныя, искусственно установить то, что у насъ сложилось само собой съ ходомъ историческихъ событій,—все это является слѣдствіемъ того принципа, что должно быть двѣ палаты, а не болѣе. Но если мы обратимся къ исторіи нашей собственной конституціи, мы увидимъ, что это ея особенность, эта ограниченіе числа палатъ нашего парламента двумя, не обязаны вовсе своимъ происхожденіемъ убѣжденію, что двѣ палаты будутъ дѣйствовать лучше, чѣмъ три или болѣе, а есть дѣло простой случайности.

Въ Англіи, какъ и въ иныхъ странахъ, сословіи было три: дворянство, духовенство, и общинники ⁷⁾. Во Франціи духовенство оставалось самостоятельнымъ членомъ генеральныхъ штатовъ во все время ихъ существованія. Въ Англіи духовенству никогда не удалось сдѣлаться постоянною составною частью парламента ⁸⁾. Причины этого различія заключаются въ особенностяхъ англійской исторіи; результатомъ же этого было то, что англійскій парламентъ остался съ двумя только палатами и что цѣлый рядъ европейскихкихъ и американскихъ конституцій послѣдовалъ англійскому образцу. По своимъ послѣдствіямъ это было однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ позднѣйшей политической исторіи; но съ нашей точки зрѣнія это чистая случайность, вовсе насъ не интересующая. Указать на то, какъ образовывались эти сословія въ каждомъ почти европейскомъ государствѣ, это дѣло сравнительнаго изслѣдованія; указать, какъ въ одномъ изъ государствъ, одному изъ этихъ сословіи не удалось сохранить самостоятельное политическое существованіе — это дѣло обыкновенной исторіи государственныхъ учрежденій. Еще менѣе интересуетъ насъ вопросъ о томъ, каково было вліяніе этой особенности организаціи англійскаго парламента, или насколько благоразумны попытки воспроизвести тоже парламентское устройство въ другихъ государствахъ. Для нашей настоящей цѣли мы должны настроить свой умъ такъ, чтобы политическія формы представлялись столь же безразличными, какъ и формы грамматическія; — чтобы переходъ отъ монархіи къ демократіи или отъ демократіи къ монархіи также мало представлялся намъ подлежащимъ нравственной оцѣнкѣ, какъ и преобразование латинскаго языка во французскій, или нижне-нѣмецкаго нарѣчія въ верхне-нѣмецкое.

Для цѣлей сравнительнаго государствовѣдѣнія политическія формы являются предметомъ, который долженъ быть изученъ, классифицированъ и опредѣленъ, точно также какъ изучаютъ, классифицируютъ и опредѣляютъ какое нибудь зданіе или животное тѣ, кому зданія или животное служатъ предметомъ изученія. Мы должны указать существующее сходство между государственными учрежденіями отдаленныхъ эпохъ и странъ, представляющіяся часто разительными и неожиданными, и

классифицировать, насколько возможно, предмет нашего изучения сообразно вероятным причинам такого сходства. Потому что, хотя и кь нашему изслѣдованію можетъ быть съ точностью примѣняемъ строгій сравнительный методъ также, какъ и кь другимъ, однако здѣсь менѣе чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ можно ограничиться однимъ этимъ методомъ. Считать каждое сходство между двумя политическими формами признакомъ общаго ихъ происхожденія было бы здѣсь еще опаснѣе, чѣмъ при сравнительномъ изученіи мифовъ. Причинъ такого сходства можетъ быть по меньшей мѣрѣ три, и мы должны соображать, кь какой изъ нихъ долженъ быть отнесенъ каждый отдѣльный случай сходства. И, какъ это всегда случается въ такихъ случаяхъ, три класса, которые мы составимъ такимъ путемъ, будутъ заходить одинъ въ другой и будутъ случаи, относительно которыхъ явится сомнѣніе, кь которому изъ этихъ классовъ слѣдуетъ ихъ отнести.

Сходство между двумя государственными учреждениями, тождество имени, тождество природы, или какая-нибудь другая черта сходства могутъ быть результатомъ прямого заимствованія, подражанія. И это заимствованіе можетъ совершиться въ различныхъ формахъ. Можетъ быть прямой переходъ отъ одного порядка вещей кь другому или же только простое подражаніе во всѣхъ тѣхъ подробностяхъ, въ которыхъ можетъ имѣть мѣсто простое подражаніе. Такъ постоянно бываетъ, что учрежденія метрополи повторяются въ ея владѣніяхъ. Они могли быть приняты подчиненными провинціями или принудительно введены въ нихъ; они могли быть воспроизведены въ силу привычки въ колоніяхъ, заселенныхъ собственными гражданами метрополи. Возьмемъ для примѣра Ирландію, бывшую такъ долго самымъ большимъ владѣніемъ Англій, представляющуюся въ отношеніи одной части населенія завоеванной провинціей, въ отношеніи другой — колонією англійскихъ поселенцевъ и остававшуюся долго отдѣльнымъ, но зависимымъ королевствомъ. Въ Ирландіи, какъ англійской колоніи, весь механизмъ англійской правительственной системы, центральной и мѣстной, былъ воспроизведенъ, какъ дѣло привычки. Законодательныя палаты, суды, судьи, церковныя установленія во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ, мѣстное управленіе лордовъ-намѣстниковъ, шериффовъ,

мировыхъ судей и т. п. все это просто въ силу привычки было воспроизведено согласно англійскимъ образцамъ. Правда, могутъ быть замѣчены нѣкоторыя особенности: такъ функція большого жюри въ Ирландіи не совсѣмъ тѣ же, что въ Англии. Но различія такого рода, — дѣло однихъ мелкихъ подробностей, — явившись въ сравнительно недавнее время, нисколько не устраняютъ фактъ общаго воспроизведенія въ колоніи учреждений метрополи. Англичане перенесли въ Ирландію всю свою правительственную систему; подобно тому, какъ это сдѣлали крестоносцы въ отношеніи своихъ завоеваній на востогѣ: самую совершенную систему феодальнаго права находимъ мы въ іерусалимскихъ ассизахъ⁹⁾. Этого рода случаи, которымъ подобныхъ безчисленное множество, служатъ примѣромъ прямого перенесенія учреждений и ихъ названій изъ одной страны въ другую. Строго говоря, это не можетъ быть названо подражаніемъ; это не столько уподобленіе одного учрежденія другому, сколько дѣйствительное перенесеніе учрежденія съ одной почвы на другую. По всей вѣроятности, это совершается не въ силу обдуманнаго намѣренія: люди, переселяющіеся въ новую страну, переносятъ съ собою учреждения своей родины, какъ такія, къ которымъ они уже привыкли. При подражаніи, въ собственномъ смыслѣ слова, дѣло происходитъ иначе. Тутъ дѣло обдумывается и обсуждается, изъ нѣсколькихъ возможныхъ образцовъ выбирается одинъ. Подражаніе, какое бы ни представляло оно близкое сходство съ оригиналомъ, не есть все-таки оригиналъ, хотя бы даже и пересаженный; это есть нѣчто имѣющее самостоятельное существованіе и самостоятельное происхожденіе. Таковы случаи, о которыхъ я говорилъ уже, случаи сознательнаго подражанія исторически сложившемуся устройству англійскаго парламента въ конституціяхъ другихъ странъ. Большинство законодательныхъ собраній Европы представляется болѣе или менѣе близкими подражаніями англійскому парламенту. Но воспроизведеніе англійскихъ формъ этимъ путемъ существенно отличается отъ воспроизведенія ихъ въ Ирландіи. Различіе между тѣмъ и другимъ можетъ быть приравнено различію между родствомъ кровнымъ и родствомъ искусственнымъ, черезъ усыновленіе. Но затѣмъ и между случаями простаго подражанія можетъ быть замѣчено

большое различіе. Позвольте мнѣ привести примѣръ подражанія въ одномъ лишь названіи. Такъ мы встрѣчаемъ капитолій въ Вашингтонѣ и въ Тулузѣ. Въ обоихъ случаяхъ имя это употреблено изъ простаго подражанія римскому капитолію. Я говорю: изъ простаго подражанія, потому что едва ли можно допустить, чтобы даже въ Тулузѣ имя капитолій и должность *ostovigī capitolini* были прямымъ наслѣдствомъ римской эпохи ¹⁰). Однако мы видимъ, что заимствованіе имени капитолія въ двухъ этихъ случаяхъ имѣетъ не одинъ и тотъ же характеръ. Весьма естественно, что при возрожденіи муниципальной свободы граждане Тулузы, связанные съ Римомъ по воспоминаніямъ, законамъ и языку, должны были дать своимъ учрежденіямъ имена, заимствованныя изъ Рима. Въ Вашингтонѣ имя капитолія было уже чистымъ подражаніемъ, оживленіемъ имени, которое нѣсколько вѣковъ не было въ употребленіи и съ которымъ тѣ, кто снова стали его употреблять, не имѣли никакой прямой связи. Въ Тулузѣ же, хотя, по моему мнѣнію это имя и было также плодомъ не прямого перенесенія, а подражанія, но такого подражанія, которое наиболѣе близко подходитъ къ перенесенію. Такъ, что бы взять другой примѣръ изъ той же области, община Альби сохранила своихъ консуловъ до великой французской революціи ¹¹), а нѣсколько лѣтъ спустя, консулы правили не только Альби, но и всею Франціей. И то, и другое было дѣломъ подражанія, но нельзя не замѣтить, что община Альби даетъ своимъ должностнымъ лицамъ имя консуловъ въ такую эпоху, когда еще живо было воспоминаніе о римскихъ консулахъ, между тѣмъ какъ Бонапартъ и его товарищи получили титулъ консуловъ, уже въ такое время, когда память о римскихъ консулахъ совершенно исчезла въ народѣ. Такимъ образомъ мы можемъ различать подражаніе отъ перенесенія и можемъ подмѣтить различія между разными случаями подражанія. Но во всѣхъ случаяхъ того рода, какой мы имѣли въ виду, имена и учрежденія одного времени или государства сознательно воспроизводятся въ другую эпоху или въ другой странѣ. То, что существовало уже прежде, переносится изъ одной страны въ другую; дѣло происходитъ явно; тутъ нѣтъ ничего скрытаго; тутъ нѣтъ надобности раскрывать процессъ заимствованія путемъ выводовъ и аналогій. Онъ

подтверждается письменными историческими памятниками. Одинъ народъ заимствуетъ учрежденія другого или сознательно подражаетъ имъ въ организаціи собственныхъ учреждений. Подобныя же случаи мы находимъ и въ области другихъ родственныхъ наукъ. Религіозныя вѣрованія и священныя преданія распространялись такимъ же путемъ. Иногда вѣрованія завоевателей дѣлаются вѣрованіемъ побѣжденныхъ и сосѣдей; иногда заимствованіе религіи другой эпохи или другой страны совершается по свободному желанію. Христіанство и исламъ распространялись обоими путями, какъ мечемъ завоевателей, такъ и проповѣдью миссіонеровъ. Такого рода явная и несомнѣнная связь религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ не имѣетъ ничего общаго съ тою болѣе точною связью, которую указываетъ намъ сравнительная мифологія. Также точно бываетъ и въ отношеніи языка: завоеванный или сосѣдній народъ принимаетъ языкъ болѣе могущественнаго народа. Такъ языки Греціи, Рима, Персіи, Аравіи, не говоря уже объ языкахъ современной Европы, распространялись на широкія области, населеніе которыхъ переняло языкъ своихъ завоевателей или цивилизаторовъ. Но народъ можетъ также безъ прямой необходимости или принужденія заимствовать у другой націи если не весь языкъ, то по крайней мѣрѣ значительную часть словаря, совершенно такъ, какъ можетъ заимствовать отдѣльныя учрежденія или весь общественный строй. Такимъ именно образомъ чистый англійскій языкъ уступилъ теперь мѣсто жаргону, включающему въ себя слова всѣхъ почти языковъ свѣта и родственной ему верхне-голландскій языкъ кажется склоненъ послѣдовать за нимъ по тому же пути вырожденія ¹²). Такого рода факты, удостовѣряемые письменными историческими памятниками, отличны отъ тѣхъ не менѣе вѣрныхъ, хотя и не записанныхъ фактовъ, о которыхъ мы узнаемъ посредствомъ сравнительнаго изслѣдованія.

Въ большинствѣ случаевъ не трудно опредѣлить когда сходство политическихъ учреждений должно быть отнесено къ этому первому роду сходствъ. По большей части связь сходныхъ учреждений между собой или прямо указана въ письменныхъ памятникахъ, или же о ней можно непосредственно заключить по имѣющимся въ нихъ даннымъ. Въ случаяхъ вто-

рого и третьяго рода дѣло не такъ ясно: мы не можемъ уже при этомъ обратиться къ свидѣтельству письменныхъ памятниковъ и часто можетъ возникать вопросъ о томъ, къ какому изъ двухъ послѣднихъ родовъ долженъ быть отнесенъ данный случай сходства. Когда мы встрѣчаемся съ такимъ сходствомъ между учрежденіями двухъ какихъ-нибудь народовъ, сходствомъ, которое не можетъ быть объяснено сознательнымъ перенесеніемъ или подражаніемъ уже въ историческое время, то тутъ возможны два другихъ объясненія. Между сходными учрежденіями можетъ не быть никакого непосредственнаго соотношенія, ни сознательнаго, ни бессознательнаго. Сходство можетъ быть дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ не имѣться основанія утверждать, что сходныя учрежденія заимствованы однимъ народомъ отъ другого, или что они составляютъ ихъ общее наслѣдіе. Причиной сходства можетъ быть просто то обстоятельство, что одинаковыя причины ведутъ, какъ бы ни было велико различіе времени и мѣста, къ одинаковымъ результатамъ. Общественныя учрежденія являются естественнымъ продуктомъ тѣхъ условій, въ которыхъ живеть народъ; если двѣ націи, какъ бы онѣ не были отдалены другъ отъ друга во времени или пространствѣ, поставлены въ сходныя условія, то ёсть шансы, что это сходство условій приведетъ къ сходству ихъ учреждений. Для устраненія однихъ и тѣхъ же бѣдствій, для удовлетворенія однимъ и тѣмъ же нуждамъ требуются одни и тѣ же средства. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что многія изъ наиболѣе важныхъ изобрѣтеній цивилизованной жизни дѣлаемы были нѣсколько разъ въ различныя эпохи и въ различныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ того какъ различныя народы достигали той ступени общественнаго развитія, когда является впервые потребность въ такихъ изобрѣтеніяхъ. Такъ книгопечатаніе было изобрѣтено дважды: въ Китаѣ и въ средневѣковой Европѣ; а хорошо извѣстно, что тѣ же по существу приемы употреблялись въ древнемъ Римѣ для различныхъ цѣлей, хотя никто не подумалъ тогда примѣнить къ воспроизведенію книгъ приемы, бывшіе въ обиходѣ для различныхъ, менѣе важныхъ цѣлей ¹³). Какъ было съ книгопечатаніемъ, такъ могло быть и съ искусствомъ письма, и мы можемъ также привести примѣръ, касающійся искусства со-

вершенно другого рода. Для того, кто сравнивалъ между собой остатки древнѣйшихъ построекъ въ Египтѣ, Греціи, Италиі, на британскихъ островахъ и развалинъ городовъ въ Центральной Америкѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весьма важныя изобрѣтенія въ строительномъ искусствѣ—изобрѣтеніе арки и купола—повторялись нѣсколько разъ въ исторіи человѣческаго искусства. И даже, какъ и въ отношеніи книгопечатанія, мы можемъ замѣтить, во многихъ мѣстахъ стремленія къ такимъ изобрѣтеніямъ и очень близкія къ успѣху, но никогда не достигающія полного успѣха ¹⁴). И мы не имѣемъ основанія сомнѣваться, что многіе изъ наиболѣе простыхъ и важныхъ успѣховъ цивилизованной жизни,—употребленіе мельницъ, лука, прирученіе лошади, выдалбливаніе челноковъ и т. п.—достигались разными народами въ разное время и независимо другъ отъ друга. Только тогда, когда передъ нами безошибочное свидѣтельство языка, или какой-нибудь другой признакъ исторической связи, мы имѣемъ право заключить, что народы, пользующіеся такими успѣхами цивилизаціи, обязаны ими одному первоначальному источнику. То же самое должно сказать и относительно государственныхъ учреждений. Одни и тѣ же учрежденія постоянно повторяются въ различныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга государствахъ просто въ силу того, что повторяются и вызывающія ихъ условія. Вся система историческихъ аналогій опирается на это основаніе. Мы видимъ, что одни и тѣ же явленія государственной жизни повторяются сами собой, не въ силу какого-либо заимствованія или подражанія, сознательнаго или бессознательнаго, но просто въ силу того, что одинаковыя обстоятельства ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Указаніе такого рода аналогій, выясненіе законовъ, которыми онѣ опредѣляются и отдѣленіе ихъ отъ чисто случайныхъ сходствъ и различій, и есть истинная философія исторіи. Кто знакомъ съ предметомъ, найдетъ много примѣровъ, въ которыхъ политическія событія и учрежденія повторяются сами собой и въ которыхъ нельзя допустить возможности какого-либо заимствованія или подражанія. Позвольте мнѣ привести весьма поразительный примѣръ изъ новѣйшей исторіи. Изъ произведеній основателей конституціи сѣверо-американскаго союза можно

ясно видѣть, что они не были знакомы съ дѣйствительнымъ устройствомъ ахейскаго союза ¹⁵). Но двѣ эти группы государствъ, разбѣдиненныя большимъ промежуткомъ времени и пространствомъ, находились обѣ въ существенно одинаковомъ положеніи. Новѣйшій союзъ вылился поэтому въ такую форму, которая въ разныхъ частяхъ своихъ представляетъ сходство съ древнимъ ахейскимъ союзомъ, сходство тѣмъ болѣе удивительное и поучительное, что оно, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣлось въ виду. Вашингтонъ и Гамильтонъ не подозрѣвали, что они установятъ такое же союзное устройство, какое было установлено за двадцать вѣковъ передъ тѣмъ Маркомъ изъ Кирены и Аратомъ изъ Сикіона; но такъ именно вышло. Съ другой стороны, союзная конституція Швейцаріи есть сознательное воспроизведеніе американской конституціи, съ тѣми измѣненіями, какія требовались по различію положенія двухъ этихъ государствъ ¹⁶). Едва ли можно найти болѣе наглядный примѣръ различія между сходствомъ, проистекающимъ изъ заимствованія или подражанія и сходствомъ, являющимся просто въ силу того закона, что одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ два рода аналогій; такія, что являются результатомъ прямого и сознательнаго воспроизведенія или подражанія, и такія, что суть просто естественное послѣдствіе схожихъ условій. Но кромѣ этихъ, есть еще аналогіи, которыя и составляютъ непосредственный предметъ нашего изслѣдованія, и въ которыхъ съ одной стороны нельзя видѣть заимствованія или подражанія, но въ которыхъ, съ другой стороны, проявляется связь болѣе тѣсная, нежели простое сходство. Это тѣ случаи, когда имѣется полное основаніе причиною схода считать общность происхожденія. Если народы въ историческое время представляются уже совершенно раздѣлившимися, и если между ними нѣтъ родства языка, которое могло бы убѣдить насъ, что они суть лишь расселившіяся отрасли одного племени, то такого рода объясненіе не должно имѣть мѣста. Но если народы, уже въ историческое время, отдѣляются другъ отъ друга и расходятся болѣе или менѣе далеко, если общность ихъ происхожденія доказывается ихъ языкомъ, и мы видимъ въ ихъ государственныхъ учрежденіяхъ

такое же сходство, какъ и въ ихъ языкѣ и мифологіи—то мы можемъ съ увѣренностью заключить отсюда, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сходство ихъ имѣетъ одну и ту же причину. Мы можемъ съ увѣренностью утверждать въ этомъ случаѣ, что было время, когда народы эти, теперь разъединенные, составляли вмѣстѣ одну націю, и что до ихъ разъединенія общіе ихъ предки уже достигли извѣстныхъ успѣховъ въ политической жизни, и имѣли уже извѣстныя политическія учрежденія, слѣды и дальнѣйшее развитіе которыхъ еще можно замѣтить въ политическихъ учрежденіяхъ уже обособившихся теперь народовъ. Во время разъединенія, каждое изъ отдѣлявшихся племенъ уносило съ собою общій всѣмъ языкъ, общую мифологію, общее культурное развитіе. Точно также оно уносило съ собою и извѣстные принципы и преданія политической жизни, принципы и преданія общіе всей семьѣ народовъ, но развившіеся у каждаго изъ расселившихся племенъ въ опредѣленныя политическія формы, представляющія и своеобразныя особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и черты сродства, достаточныя для того, чтобы признать ихъ общее происхожденіе. Прослѣдить такого рода аналогіи, разграничить эти аналогіи, являющіяся дѣйствительнымъ признакомъ общности происхожденія, отъ тѣхъ, что лучше объясняются другими причинами,— вотъ предметъ той науки, которой я придаю названіе сравнительнаго государствовѣдѣнія. Постаравшись въ настоящей лекціи доказать возможность такого изученія, его непосредственный предметъ и предѣлы, я перейду въ послѣдующихъ лекціяхъ къ разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ политическихъ учреждений, которыя общи тѣмъ народамъ, что занимаютъ первое мѣсто въ исторіи человѣчества. Мое изложеніе могло показаться пока неинтереснымъ: оно требовало конечно нѣкотораго напряженія ума и лишено было живости. Но то что мнѣ предстоитъ изложить вамъ въ послѣдующихъ лекціяхъ будетъ, я увѣренъ, болѣе интереснымъ. И я увѣренъ, что тѣ, кто выслушалъ эту первую лекцію, не откажутся прослѣдить вмѣстѣ со мной тѣ признаки природнаго сродства, которые замѣчаются въ первобытныхъ учрежденіяхъ арійскихъ народовъ и въ особенности у трехъ наиболѣе выдающихся отраслей арійской расы—римлянъ, грековъ и тевтоновъ.

ЛЕКЦІЯ II.

Греки, римляне и германцы.

Мы обратимся теперь непосредственно къ нашему предмету. Намъ предстоитъ теперь изложить все, что сравнительное изученіе даетъ намъ относительно древнѣйшаго государственнаго быта той отрасли человѣчества, къ которой мы сами принадлежимъ. Мы обратимся прямо къ нашимъ предкамъ и къ родственнымъ намъ народамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы остановимся съ должнымъ вниманіемъ и на тѣхъ отрасляхъ арійской расы, также сродныхъ намъ, но не такъ близко,—которые прежде германскаго племени занимали первое мѣсто среди народовъ земнаго шара. На страницахъ исторіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова — въ письменныхъ памятникахъ, которые сохранили память не только объ именахъ варварскихъ государей, но также и о словахъ и подвигахъ героевъ общей намъ природы, которые изображаютъ намъ не только громадные пространства восточныхъ монархій, но и нравственное величіе западныхъ республикъ,—во всей долгой исторіи цивилизованнаго человѣка, которая тянется непрерывной нитью отъ союза аттическихъ городовъ до новѣйшихъ успѣховъ прогресса въ Англии или Германіи, во всемъ этомъ длинномъ рядѣ подвиговъ, совершенныхъ задолго до насъ и все еще сохраняющихъ свое значеніе, въ этомъ длинномъ рядѣ людей, истинныя воспоминанія о которыхъ уже исчезли давно, но дѣла которыхъ все еще живутъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ о самихъ этихъ людяхъ никогда и не слышали,—словомъ во всей этой величе-

ственной драмѣ европейской и арійской исторіи три страны, три племени неизмѣнно стоятъ впереди всѣхъ другихъ. На ихъ долю выпала миссія быть, каждому въ свой чередъ, правителями и учителями міра. Имена этихъ трехъ народностей были послѣдними словами моей предъидущей лекціи, а ихъ политическія учрежденія и соотношенія этихъ учреждений между собой послужать предметомъ всѣхъ моихъ послѣдующихъ лекцій. Исторія этихъ народностей всегда была главнымъ предметомъ моихъ собственныхъ занятій; и я имѣю основаніе считать себя большимъ знатокомъ арійской исторіи, нежели большинство моихъ слушателей въ этой или въ какой либо другой аудиторіи. Какъ арійская семья народовъ, въ ихъ совокупности, стоитъ выше всѣхъ другихъ, такъ въ средѣ самихъ арійцевъ выше другихъ стоятъ греки, римляне и германцы. Каждая изъ этихъ народностей достигала въ свой чередъ высшей степени могущества и цивилизаціи, каковая только могла быть достигнута въ данное время. Припомнимъ, какъ представляются намъ эти три народа въ ту эпоху, когда достовѣрная исторія только что начинаетъ слабо просвѣчивать сквозь туманъ мифовъ. И тогда мы уже видимъ, что народы эти уже вышли изъ дикаго состоянія, уже пользуются наиболѣе существенными изобрѣтеніями цивилизованной жизни, уже усвоили себѣ первые начала семейнаго и религіознаго быта, уже сдѣлали первые шаги по пути общественнаго развитія, установленія военной дисциплины и гражданскаго правительства. Первое, что мы узнаемъ изъ исторіи, въ наиболѣе высокомъ и вѣрномъ значеніи этого слова, относится къ той странѣ, которая является вмѣстѣ и пограничной между Азіей и Европой и наиболѣе европейской изъ всѣхъ европейскихъ странъ, которая преимущественно передъ всѣми другими есть страна горъ и долинъ, острововъ и полуострововъ, заливовъ и внутреннихъ морей, которая самую природою предназначена быть отчизной тѣхъ безчисленныхъ независимыхъ государствъ, которыя были самою древнею и самою блестящею, если и не самой прочной формой политическаго быта. Здѣсь въ странѣ эллиновъ, этой родинѣ искусствъ, поэзіи, науки, и—что еще славнѣе—въ родинѣ закона и свободы, мы видимъ арійцевъ, впервые появляющимися въ европейской исторіи или европейскихъ преданіяхъ, но уже знакомыми со

всѣми необходимыми искусствами, уже соединенными въ организованныя гражданскія общества, уже привыкшихъ повиноваться голосу народныхъ старшинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже умѣющими шумомъ одобренія или еще болѣе краснорѣчивымъ молчаніемъ заставлятъ этихъ старшинъ сѣобразоваться съ народной волей. У нихъ имѣются уже государи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя собранія; у нихъ есть уже судъ, куда потерпѣвшій неправду можетъ обратиться и искать у судей защиты своему праву. Полученныя ими отъ общихъ предковъ арійцевъ языкъ и мифологію они уже успѣли усовершенствовать, придавъ имъ самыя благородныя формы; они уже говорятъ языкомъ Гомера и поклоняются воспѣтымъ у него богамъ. Уже въ древнѣйшее время они приходятъ въ столкновеніе какъ съ соплеменными государствами, такъ и съ достойными ихъ соперниками другаго происхожденія; они распространяютъ имя и искусства эллиновъ по всему протяженію эгейскаго и іонійскаго побережья²⁾; то они захватываютъ островъ за островомъ, отнимая ихъ у Тира или Сидона³⁾; то помогаютъ своимъ соплеменникамъ въ Азіи, Сициліи, Эпирѣ, которые отъ нихъ такъ далеко отстали въ развитіи, сравнятся съ собою⁴⁾. Съ теченіемъ времени они основываютъ свои колоніи по всему протяженію поморья отъ Иберійскаго до Таврическаго полуострова, и каждая колонія становится центромъ цивилизаціи и политической свободы⁵⁾. Въ ихъ собственной странѣ мы видимъ зданія, картины, изваянія, назначенныя для религіозныхъ или общественныхъ цѣлей—первыя, которыя можно признать дѣйствительно художественными⁶⁾. Трагическая и эпическая поэзія достигли у нихъ такого совершенства какъ никогда, а явившіяся у нихъ первыя изслѣдованія по вопросамъ политики останутся навсегда богатой сокровищницей политической мудрости⁷⁾. Другой актъ этой драмы показываетъ намъ, что торжество это было слишкомъ блестящимъ для того, чтобы могло долго продолжаться; мы видимъ, что политическая независимость націи какъ въ самой Греціи, такъ и въ ея колоніяхъ мало по малу падаетъ, такъ что даже исчезаетъ самое имя ея.

Но мы видимъ также, какъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, завоеванная страна побѣждаетъ своихъ завоевателей; какъ

Македонянинъ, который нанесъ первый ударъ политической свободѣ Греціи, дѣлается вооруженнымъ апостоломъ ея культуры; какъ онъ распространяетъ ея языкъ, искусство, науку въ такихъ странахъ, которыхъ колонисты свободной Греціи никогда не достигали ⁸). И даже больше: мы видимъ, что та держава, которая заступила мѣсто Греціи во всемирной исторіи, дѣлается ея ученицей въ то самое время, какъ дѣлается побѣдительницею,—что подъ римскимъ владычествомъ греческій языкъ становится болѣе чѣмъ когда-либо общимъ языкомъ цивилизованныхъ людей—что наконецъ римскій престоль былъ перенесенъ въ греческій городъ,—что грекъ и римлянинъ стали однозначущими словами ⁹),—что греческій языкъ и греческая вѣра сохранили за собой господство въ одной изъ половинокъ раздвоившейся имперіи,—и что даже подъ владычествомъ варваровъ этотъ языкъ и вѣра сохранились до нашихъ дней.

Но перейдемъ изъ Греціи въ Италію. Изъ трехъ большихъ полуострововъ южной Европы, только средній, особенно въ сравненіи съ обиліемъ острововъ и мысовъ восточнаго, представляетъ одну неразрывную территорію, какъ бы самой природой предназначенную составить одно владѣніе. И, находясь въ серединѣ того большаго Средиземнаго моря, побережье котораго составляло весь цивилизованный міръ древности, этотъ полуостровъ преимущественно передъ всѣми другими странами очевидно предназначенъ былъ послужить отчизной всемирной имперіи. Такъ дѣйствительно и случилось: одинъ изъ городовъ средней Италіи шагъ за шагомъ достигъ владычества надъ всей Италіей, а затѣмъ и надъ всѣми странами, окружающими Средиземное море. Мало по малу владычествующій городъ принимаетъ своихъ союзниковъ и подвластныхъ ему въ число собственныхъ гражданъ. И наконецъ наступаетъ время, когда Йоркъ и Антиохія не только подчиняются одному и тому же правительству, но даже образуютъ одно нераздѣльное государство, точно также какъ это было, по преданію, въ первое время римской исторіи съ селеніями Ромула и Тація ¹⁰). Греція завоевала интеллектуальное господство надъ міромъ своимъ искусствомъ и своей философіей. Римъ завоевалъ политическое владычество своимъ оружіемъ и сохранялъ свою власть надъ міромъ съ помощью

своего бессмертнаго права. Въмѣсто пѣсней Гомера и учености Аристотеля у него мечь Суллы и Цезаря и право Сервія и Юстиніана. Римскій языкъ и римское право перешли къ послѣдующимъ вѣкамъ и вмѣстѣ съ ними еще другою даръ не римскаго происхожденія, усвоенный, но ставшій не менѣе римскимъ. Старая вѣра, выросшая и развившаяся изъ тѣхъ преданій, которыя были общимъ наслѣдіемъ всего арійскаго племени, уступила мѣсто религіи, возникшей въ отдаленномъ заходустѣ владѣній Рима, среди презираемаго народа чуждой крови и съ чуждымъ языкомъ. Если европейскіе арійцы научились искуствамъ и праву отъ своихъ собственныхъ старшихъ братьевъ, то религію свою они получили отъ народа семитической крови. Но прежде чѣмъ религія семитовъ стала религіей Рима и Европы, ея догматы получили тщательную обработку съ помощью тонкаго греческаго ума, ея церковная организація получила формы, запечатлѣнные бессмертнымъ духомъ римскаго государственнаго строя. Эта семитическая религія, изгнанная изъ ея семитической родины, дѣлается признакомъ римскаго господства: владычество Христа и владычество цезарей дѣлаются однозначущими выраженіями ¹¹⁾. Если въ ту эпоху, которая для поверхностныхъ возрѣній на исторію представляется эпохой упадка Рима, но которая въ дѣйствительности была эпохой приготовленія къ новой жизни, къ новому и болѣе сильному господству надъ человѣческими умами, если въ эту эпоху ему рѣшились дать названіе вѣчнаго города, то въ этомъ выразилось, конечно, вѣрное предчувствіе предстоявшей ему судьбы ¹²⁾. Римъ дѣйствительно видитъ себя увѣковѣченнымъ въ языкѣ, правѣ и въ заимствованной имъ религіи, ставшей, какъ бы по праву усыновленія, его собственной. И онъ становится вѣчнымъ, оставаясь вѣрнымъ тому же правилу, которое послужило основаніемъ его величія съ древнѣйшаго времени. Римъ дѣлается владыкой міра, принимая тѣхъ, кого онъ завоевывалъ въ свое собственное лоно, чего никогда не дѣлали Аѳины, Спарта и Карфагенъ. И Римъ остался владыкой міра, потому что онъ умѣлъ остаться вѣрнымъ тому же правилу и въ то время, которое казалось было временемъ его упадка и порабоженія. Очарованіе, какое онъ нѣкогда проявлялъ въ отношеніи тѣхъ, кото-

рыхъ онъ завоевалъ, онъ съумѣлъ проявить теперь и въ отношеніи тѣхъ, которые его завоевали: онъ заставляетъ готовъ возстановить его матеріальную культуру¹³⁾, а франковъ его политическое господство. Мѣстный Римъ теряетъ свое величіе, но онъ остается тѣмъ не менѣе вѣчнымъ городомъ. Покуда будутъ говорить на его языкѣ, покуда будутъ уважать его право, покуда будутъ исповѣдывать религію, которую Европа и европейскія колоніи приняли отъ него, до тѣхъ поръ вліяніе его все еще будетъ сохраняться.

Мы перейдемъ теперь къ третьему племени, къ которому мы сами принадлежимъ; мы перейдемъ къ преобладанію германскихъ народовъ, какъ на берегахъ Нѣмецкаго моря, такъ и на берегахъ Атлантическаго океана. Насколько дѣло касается цѣлей нашего изслѣдованія, то мы можемъ похвалиться, что мы англичане вѣрнѣйшіе представители этого племени. Въ другихъ отношеніяхъ такая похвальба была бы неосновательна, но въ отношеніи цѣлей настоящаго изслѣдованія—это вѣрно. Въ отношеніи чистоты языка нашъ англійскій языкъ съ сильною примѣсью романскаго, которая проникла въ его словарь, дѣйствительно, вовсе не можетъ быть сравниваемъ съ родственными ему верхне-нѣмецкимъ или скандинавскимъ. И если мы хотимъ видѣть старыя германскія учрежденія, все еще сохраняющіяся въ ихъ старинной формѣ, мы должны ихъ искать не на британскихъ островахъ, а на материкѣ. Такіе, почти неизмѣнившіеся, остатки древнѣйшаго времени сохранились лишь въ немногихъ альпійскихъ долинахъ. Сельскія общины Ури и Унтервальдена болѣе всѣхъ другихъ общинъ на землѣ близки къ тому устройству, какое рисуется намъ Тацитъ у Германцевъ, и Гомеръ у Ахейцевъ; но мы не видимъ здѣсь народныхъ собраній, а только мѣстныя и даже собственно родовыя¹⁴⁾. Между великими націями современной Европы, наша англійская нація, безъ всякаго сомнѣнія, есть единственная, которая можетъ притязать на прямое преемственное происхожденіе своихъ политическихъ учреждений отъ первобытныхъ германскихъ учреждений. То самое обстоятельство, которое въ теченіи такого долгаго времени ставило Германію выше другихъ государствъ, лишило ее вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ притязаній, быть наиболѣе вѣрной представительницей древняго герман-

скаго быта. Германское государство, государь котораго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и римскимъ императоромъ, есть лучший примѣръ того смѣшенія, какое совершилось въ новомъ мѣрѣ; это лучший примѣръ вліянія какъ римлянъ на германцевъ, такъ и германцевъ на римлянъ. Но на томъ же самомъ основаніи, Германія не можетъ считаться лучшимъ примѣромъ государства, современныя учрежденія котораго развились бы сами собой, мало по малу, изъ древнѣйшихъ обще-германскихъ учреждений. Скандинавскіе народы были еще болѣе далеки отъ непосредственнаго римскаго вліянія, нежели даже англійскій; но они не могутъ похвалиться такимъ же непрерывнымъ преемственнымъ развитіемъ своихъ политическихъ учреждений. Вся честь, весь успѣхъ принадлежитъ новорожденной свободѣ трехъ благородныхъ королевствъ Великобританіи; но это еще новорожденная свобода, которая установилась на памяти живущаго поколѣнія и основаніе которой совершилось лишь благодаря устраненію посягательствъ деспотизма и олигархіи ¹⁵). Но какъ значительно не отличается наша современная конституція отъ суровыхъ преданій и обычаевъ преемниковъ Генгеста и Цердика, преемственная связь съ ними не порвана: вся наша конституція выросла на той же самой почвѣ; не было вовсе такого момента, когда бы старое было устранено и на его мѣсто установлено новое. Изъ законодательныхъ собраній важнѣйшихъ государствъ Европы одинъ только англійскій парламентъ можетъ указать свою преемственную связь съ древнѣйшими германскими учрежденіями ¹⁶). Собранія витановъ въ Уессексѣ, на которомъ были утверждены законы Альфреда ¹⁷), или еще болѣе древняго собранія, на которомъ Цердикъ изъ эльдермена сдѣланъ былъ королемъ ¹⁸), безусловно нельзя отдѣлять отъ того великаго народнаго совѣта, который черезъ нѣсколько дней долженъ собраться въ предѣлахъ родины Эдуарда Исповѣдника. Во многихъ отношеніяхъ другія страны сохранили гораздо больше остатковъ старинныхъ учреждений въ отдѣльныхъ частяхъ, нежели Англія; но ни у какого другаго народа мы не увидимъ таковой непрерывности въ развитіи народныхъ политическихъ учреждений. Въ этомъ отношеніи мы можемъ утверждать, что вѣрнѣе, нежели

какой-либо другой родственной намъ народъ, сохранили наслѣдіе нашихъ общихъ предковъ.

Мы дѣйствительно можемъ этимъ похвалиться; но тѣ же самыя причины, которыя сдѣлали это для насъ возможнымъ, лишили насъ какого бы то ни было притязанія на то, чтобы быть представителями общей роли германскаго элемента въ европейскихъ дѣлахъ. Британія, какъ и Скандинавія, составляетъ свой обособленный міръ ¹⁹⁾: она не была подобно остальнымъ частямъ западной Европы римской провинціей, наводненной германскими поселенцами, которые размножились до того, что изъ колонистовъ сдѣлались завоевателями. Она перестала быть римской провинціей прежде, чѣмъ ея германскіе завоеватели вступили въ нее. Такимъ образомъ, въ насъ нѣтъ собственно римскаго элемента; у насъ нѣтъ ничего, чтобы сохранялось непрерывно съ того времени, когда Северъ и Константинъ правили Йоркомъ, и когда Лондонъ смѣнилъ на время свое имя на Romana Augusta ²⁰⁾. Если у насъ есть кое-что римское, мы обязаны этимъ не прямому перенесенію изъ древней имперіи, но тому, что мы были обращены римскими миссіонерами, что мы были нѣкогда побѣждены воинами и законниками, говорившими на романскомъ нарѣччіи, а также духу подражанія, который придавъ дворянству Англіи титулы, заимствованные отъ цезарей континента ²¹⁾. Въ трехъ отечествахъ нашего народа, въ древнѣйшей Англіи на берегахъ Одера, въ болѣе новой Англіи, которую мы устроили для насъ самихъ на группѣ британскихъ острововъ, и въ этой новѣйшей изъ всѣхъ, которая охватываетъ острова и континентъ за океаномъ, мы имѣли дѣйствительно свое призваніе, но это призваніе было не то, что призваніе родственнаго намъ народа въ общемъ теченіи европейской исторіи. На европейскомъ континентѣ германскіе завоеватели Рима, подобно римскимъ завоевателямъ Греціи, являются въ двойной роли завоевателей и учениковъ. Правда, между обоими случаями было различіе. Римляне никогда не забыли своего имени и своего языка, и не слили своего національнаго существованія съ покоренной греческой національностью. Но германскіе завоеватели римскихъ провинцій гордились тѣмъ, что въ лицѣ своемъ продолжали римское владчество; они гордились тѣмъ, что принимали титулы своего преж-

няго владыки и мало по малу приняли его языкъ и забыли страну и племя, откуда сами они происходили.

Никогда эти три расы, игравшія первенствующую роль въ исторіи Европы не были ближе соединены другъ съ другомъ,— никогда магическая власть Рима не выражалась болѣе ясно,— никогда онъ не былъ въ большей степени историческимъ центромъ соединяющимъ предшествующую ему эпоху съ послѣдующей,—хотя въ то время, когда греки и германцы, византийцы и ахейцы оспаривали другъ у друга наслѣдство и титулъ того владычества, которое было утрачено городомъ Римомъ, но все же оставалось римскимъ въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось ²²). Современный европейскій міръ, образовался изъ соединенія римскаго и германскаго элементовъ. Другія народности Европы играли рядомъ съ ними лишь второстепенную и невидную роль. Въ восточной Европѣ славяне играли съ меньшимъ блескомъ ту же роль, какую германцы играли на западѣ: они также были на половину завоевателями на половину учениками. Болгарія, Сербія, Россія для восточной имперіи и восточной церкви были тѣмъ же, чѣмъ государства западной Европы были для западной имперіи и западной церкви. Эпоха величія славянскихъ народовъ быть можетъ еще настанетъ. Ихъ первоначальные успѣхи, ихъ развитіе было задержано на нѣсколько вѣковъ нашествіемъ сильныхъ полчищъ врага, и ихъ возрожденіе въ позднѣйшее время дало имъ возможность занять высокое мѣсто, но только между правителями, а не между просвѣтителями міра. Другая значительная народность Европы, которая пришла въ нее раньше германцевъ, хотя славяне пришли позже нихъ,—Кельты, составлявшіе авангардъ арійцевъ въ ихъ движеніи на западъ, и до сихъ поръ все еще представляются живущими, процвѣтающими, играющими видную роль въ исторіи міра, но все это подъ чужимъ проѣзжимъ именемъ. Кельты съ своимъ именемъ, со своимъ языкомъ сохранились кое-гдѣ въ захолустьяхъ и не многимъ болѣе замѣтны, чѣмъ вытѣсненные ими иберійцы. Они достигли видной роли въ исторіи Европы лишь ассимилируясь съ двумя своими завоевателями. Кельты Галліи занимаютъ блестящую страницу исторіи, но они являются тутъ съ именемъ перенятымъ отъ германскаго племени и го-

ворящими на одномъ изъ многочисленныхъ романскихъ диалектовъ.

Такимъ образомъ письменные историческіе памятники показываютъ намъ, что эти три народности играли, каждая въ свой чередъ, первенствующую роль въ европейской исторіи, что онѣ были первыми какъ въ искусствахъ мира и войны, какъ въ литературѣ и философіи, такъ и въ двоякомъ господствѣ надъ тѣломъ и духомъ людей. Но письменные памятники сами по себѣ не могутъ намъ выяснитъ то соотношеніе, въ какомъ эти три народности стояли другъ къ другу. Нельзя не замѣтить, что между населеніемъ двухъ полуострововъ, Греціи и Италіи, есть что-то общее, что они не также чужды другъ другу, какъ Египетъ съ Карфагеномъ. Но прежде не знали другого способа объяснить это несомнѣнное сходство, какъ съ помощью преданій о первобытныхъ героическихъ колонистахъ, переселившихся съ восточнаго полуострова на западный. Гераклъ, Эвандръ, Одиссей перешли изъ Греціи въ Италію и сабинянинъ Нума заимствовалъ у самосца Пифагора религиозные догматы, которыми онъ соединилъ вмѣстѣ поклоненіе богамъ Италіи и Греціи ²⁴). Но можетъ быть никому не приходило въ голову, что Греція и Италія имѣютъ что-нибудь общее съ готами, съ франками, саксонцами, если только мы не захотимъ придать какое-нибудь серьезное значеніе тѣмъ дикимъ рассказамъ, въ которыхъ рассказывается о посѣщеніи Гераклидами и Одиссеемъ береговъ Рейна и Дуная совершенно такъ же, какъ и береговъ Тибра или Арно ²⁵). Только сравнительному методу мы обязаны тѣмъ важнымъ успѣхомъ новейшей науки, что теперь опредѣлено истинное значеніе всѣхъ этихъ фактовъ и истинное ихъ соотношеніе между собой. Сравнительное изученіе научило насъ, что три первенствующія народности суть только отрасли одной большой народности, вѣтви одного общаго ствола, одинъ изъ отрядовъ обширной арміи, изъ которыхъ нѣкоторые достигли предназначенной имъ доли раньше другихъ. Мы видимъ и знаемъ то отношеніе, въ какомъ эти три народности стоятъ другъ къ другу; мы видимъ также то отношеніе, въ какомъ стоятъ они къ другимъ членамъ великой арійской семьи, роль которыхъ во всемирной исторіи была менѣе блестящей. Быть можетъ кельты

пришли слишком рано, а славяне слишком поздно для того, чтобы принять прямое участие въ дѣлѣ ихъ братьевъ; но тѣмъ не менѣе они также братья. Мы можемъ теперь изучать эту великую семью народовъ въ ея первоначальной родинѣ, и знаемъ, что она уже тамъ значительно возвысилась надъ дикимъ состояніемъ, уже обладала основными идеями и большинствомъ изобрѣтеній цивилизованной жизни. Мы видимъ тутъ человѣка уже сдѣлавшимъ первые и важнѣйшіе шаги въ развитіи семейной и общественной жизни, уже развившимъ великіе принципы правленія и религіи, уже умѣющимъ строить дома, пахать—или позвольте мнѣ лучше сказать, орать *)—землю, приручать лошадей и собакъ, дѣлая изъ нихъ помощниковъ въ борьбѣ или съ людьми чужаго племени или съ дикими оленями своихъ лѣсовъ и степей, съ буйволами, рога которыхъ служили для того, чтобы играть на нихъ пѣснь свободы, и со львами, постепенное отступленіе которыхъ отъ Мессинскихъ пещеръ къ берегамъ Стримона прослѣжено новѣйшей наукой ²⁶). Мы видимъ, что изъ общаго источника образовалось много отдѣльныхъ племенъ; одна вѣтвь переселилась на далекій востокъ и, встрѣтившись опять черезъ долгое время со своими братьями, дала изъ своей среды достойныхъ соперниковъ Мильтиаду и Александру, Юліану и Гераклию ²⁷), дала враговъ, подданныхъ, учителей и учениковъ основателямъ и устроителямъ англійскаго владычества въ далекой арійской странѣ. Иные направляются къ югу; другіе — къ западу, какъ бы съ тѣмъ, чтобы прослѣдить великое небесное свѣтило, суточное движеніе котораго произвело на ихъ умы такое глубокое впечатлѣніе, до его жилища или его могилы за Водами океана ²⁸). И въ этомъ великомъ движеніи народовъ предки Камила и Бренна, Цезаря и Верцингеторикса шли вмѣстѣ, не раздѣлившись еще на различныя народности. Тутъ шли вмѣстѣ, какъ братья по происхожденію и по языку, предки Тезея и Ахилла, предки Теодориха и Карла, предки Генгеста и Цердика. Тутъ шли люди, имѣвшія предъ собой самую блестящую въ свѣтѣ будущность, изъ среды которыхъ вышли великія бор-

*) Въ оригиналѣ приведены два древнихъ глагола to timber—строить и to eag—пахать.

Прим. перев.

цы за право и свободу, предки Клисёна сына Мегакла, предки Кая Лицинія, предки Симона Монфорта. Но позднѣе они разъединяются. Одни опередили прочихъ въ своемъ движеніи на западъ съ тѣмъ, чтобы выдержать первое столкновеніе съ первоначальными владѣльцами земли, чтобы самимъ занять ихъ мѣсто, и сохраниться въ видѣ разъединенныхъ частей единственнаго народа, столь значительно разсѣяннаго, но не утратившаго единства²⁹). Покуда кельты направляются къ океану, два другихъ отряда направляются къ побережью двухъ большихъ внутреннихъ морей, существованіе которыхъ рѣзко отличаетъ Европу отъ Африки и даже отъ Азіи. Болѣе сѣверная часть осталась нѣкоторое время позади, сберегая свои силы для того времени, когда ея разъединившіяся племена развились сами въ народы Германіи, Скандинавіи и Англіи, когда вѣтви этой части западныхъ арійцевъ образовали республики, которыя оберегаютъ какъ истоки, такъ и устье великой германской рѣки³⁰); они положили начало свободѣ даже на пустынныхъ берегахъ Исландіи и образовали могущественнѣйшую республику въ странѣ новой Англіи за океаномъ. Но наше время наступило не раньше того, какъ наши соплеменники, избирая, какъ тогда могло казаться, лучшую долю, направились къ болѣе заманчивымъ берегамъ южнаго моря и приготовили путь для насъ.

Документальная исторія арійцевъ начинается лишь съ того времени, когда, покинувъ общій центръ и общее единство, они раздѣлились у начала адриатическаго моря на двѣ части и когда предки эллиновъ и предки итальянцевъ расселились по двумъ полуостровамъ. Каждая изъ этихъ народностей по очереди сыграла свою роль въ исторіи; римляне приняли наслѣдство грековъ и, въ свое время, германцы усвоили наслѣдіе ихъ обоихъ, сдѣлавшись прямыми наслѣдниками Рима, а черезъ него и наслѣдниками Греціи.

Эти народности были тремя главными историческими народностями, которыя занимали первенствующее мѣсто среди человѣчества, и исторія которыхъ собственно и составляетъ исторію человѣчества. Но какъ ни занимательна, какъ ни поучительна исторія каждой изъ нихъ въ отдѣльности, она станетъ еще занимательнѣе и поучительнѣе, если мы будемъ раз-

сматривать эти три народности, какъ отрасли одной общей семьи, получившія общее наслѣдіе и умѣвшія его сохранить. И въ исторіи были моменты, когда не только эти три народности, но и всѣ арійскія народности Европы то соединялись другъ съ другомъ для отраженія общаго врага, то сходились у очага власти, бывшей какъ бы ихъ общимъ центромъ.

Намъ извѣстна одна случайная замѣтка, что французскій и англійскій посланники отправлялись ко двору Юстиніана, и этотъ дѣйствительно рѣдкій случай, что имя нашей націи въ это древнѣйшее время встрѣчается у греческаго писателя, не можетъ не возбудить въ насъ по крайней мѣрѣ нѣкотораго любопытства ³¹). Но если принять въ соображеніе, что эти послы представляли собою двѣ значительныя отрасли германцевъ, что они принесли съ собою если не подчиненіе, то по меньшей мѣрѣ поклоненіе и удивленіе,—если принять въ соображеніе, что тотъ государь, ко двору котораго они явились, былъ нѣкоторымъ образомъ тройнымъ Геріономъ: римскимъ цезаремъ славянскаго происхожденія, царствующимъ въ греческомъ городѣ надъ всѣмъ пространствомъ земель отъ океана до Евфрата ³²), — то дѣйствительно можно сказать, что представители всѣхъ европейскихъ арійцевъ собрались тутъ по зову человѣка, который далъ міру безсмертное право. Или вотъ другой примѣръ, на этотъ разъ относящійся не къ мирному сборищу, а къ ратному полю. На Шалонскомъ полѣ мы видимъ представителей всѣхъ европейскихъ арійцевъ, входящихъ въ составъ войска, которому предстояло отразить нашествіе туранцевъ. Представители отживающаго міра и того міра, который долженъ былъ занять его мѣсто, Римъ и готы, Аэцій и Теодорихъ, равные по могуществу и достоинству, идутъ рядомъ другъ съ другомъ. Но римляне шли отъ Иллиріи къ Дунаю; готы господствовали надъ кельтами и иберійцами по ту сторону Пиренеевъ ³³). И подъ ихъ знаменами сошлись франки и саксы, представители двухъ великихъ отраслей германскаго племени, а вмѣстѣ съ ними кельты изъ ихъ Арморики и сарматы изъ отдаленнѣйшей европейской страны арійцевъ ³⁴). Недостаетъ одного только имени; Греція и Македонія не прислали помощи противъ враговъ, при видѣ которыхъ они легко могли бы вспомнить, что Ксерксъ и Дарій ихъ соплеменники. Единственное,

что напоминало собою древнѣйшую отрасль, это было греческое имя того патриція, который велъ войска Рима къ ихъ послѣдней побѣдѣ.

Это время было дѣйствительно средними вѣвами; римскій и германскій элементы стояли тогда другъ подлѣ друга, не слившись какъ теперь въ одно цѣлое, являющееся результатомъ смѣшенія обоихъ этихъ элементовъ. И исторія этого чудеснаго времени представится намъ полной жизни, если мы вспомнимъ, что Аларихъ, ведя свои полчища отъ стѣнъ Аѳинъ до стѣнъ Рима, шель черезъ землю, населенную людьми, происхождение и первобытныя языки которыхъ были тѣже самыя, что и его собственныхъ предковъ. А что имѣютъ общаго теперь эти разъединенные члены одной семьи? И въ особенности, что имѣютъ общаго между собой три важнѣйшія народности: греки, римляне и германцы? Какъ я уже говорилъ, эти три народности и составляютъ преимущественно предметъ нашего изслѣдованія. Ихъ значеніе и само по себѣ представляется болѣшимъ, нежели значеніе другихъ народностей; для меня, какъ излагателя, они являются наиболѣе подходящимъ предметомъ, да и для васъ, которые будутъ слушать меня, легче будетъ сѣдить о томъ, что я скажу, если я преимущественно остановлюсь на тѣхъ народностяхъ, которыя занимаютъ первенствующее мѣсто въ исторіи Европы. Но, повторяю, преимущественно, а не исключительно. Сосредоточивая главное вниманіе на этихъ народностяхъ, я буду, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько представится къ тому случай и собственныя мои свѣдѣнія позволятъ это, пользоваться примѣрами изъ исторіи другихъ отраслей арійской семьи и даже исторіи народностей не-арійскихъ. Въ изслѣдованіяхъ такого рода, которыя до сихъ поръ ограничиваются однѣми попытками, весьма полезно расширять область наблюденій какъ можно шире. Черты сходства между первобытными государственными учрежденіями различныхъ арійскихъ народностей несомнѣнны, но мы находимъ также поразительныя сходства у народовъ не-арійскаго происхожденія. Этотъ фактъ указываетъ, что мы должны тщательно изслѣдовать каждый случай сходства, чтобы опредѣлить, къ какой изъ трехъ причинъ сходства, указанныхъ мною въ первой лекціи, вѣрнѣе всего можетъ быть онъ отнесенъ. Имѣя дѣло съ перво-

бытными учреждениями какого нибудь народа, одну изъ этихъ возможныхъ причинъ — прямое заимствованіе, будетъ ли оно сознательнымъ подражаніемъ или нѣтъ, — можно, весьма легко можно выдѣлать. Невѣроятно, чтобы люди, въ томъ состояніи, въ какомъ мы видимъ арійцевъ въ то время, къ которому относятся наши первыя о нихъ свѣдѣнія, могли заимствовать свои учрежденія изъ чуждаго источника, развѣ что они столкнулись съ народомъ, достигшимъ такой степени цивилизаціи, которая стояла внѣ всякаго сравненія съ ихъ собственной. Невѣроятно, чтобы кельты Галліи приняли нравы и учрежденія иберійцевъ, или чтобы иберійцы приняли нравы и учрежденія кельтовъ. Но и тѣ и другіе легко усвоили нравы и учрежденія греческихъ колонистовъ Массаліи и римскихъ колонистовъ въ *Aqua Sextia*³⁶). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первобытные греки, германцы и итальянцы ничего не заимствовали другъ отъ друга. Мы можемъ даже быть увѣрены, что различныя отрасли этихъ народностей также ничего не заимствовали другъ отъ друга, — что дорійцы не заимствовали ничего отъ іонійцевъ, латиняне отъ осковъ, или франки отъ сабсонцевъ. Но устраняя объясненіе прямымъ заимствованіемъ, мы должны старательно изслѣдовать каждый отдѣльный случай сходства, чтобы сказать, чѣмъ должно быть объяснено сходство между политическими учреждениями двухъ народностей или племенъ: общностью ли полученнаго ими отъ праотцевъ наслѣдія или дѣйствіемъ одинаковыхъ условій, не смотря на различіе мѣста и времени. Даже при сходствѣ между двумя арійскими народностями, даже при сходствѣ между двумя племенами одной и той же народности, не всегда возможно скоро и съ увѣренностью опредѣлить, къ которой изъ этихъ двухъ причинъ должно быть отнесено это сходство. Еще большая осторожность необходима тогда, когда мы встрѣчаемся со сходствомъ между арійскими народами и народами не-арійскаго происхожденія. Въ ветхомъ завѣтѣ, чтобы не ходить далѣе, мы можемъ найти нѣсколько случаевъ поразительнаго сходства между эллинскими или германскими учреждениями и учреждениями первобытныхъ семитическихъ племенъ. Является ли подобное сходство случайнымъ или необходимымъ? Является ли оно просто результатомъ одинаковыхъ условій, приводящихъ къ

одинаковымъ послѣдствіямъ? Или мы можемъ предположить, что оно есть не только общее наслѣдіе арійскихъ народовъ, но и болѣе общее наслѣдіе, которому причастны одинаково и семитическіе, и арійскіе народы³⁷⁾, или даже общее наслѣдіе всего человѣческаго рода? Я не рискну положительно рѣшать этотъ вопросъ въ пользу той или другой альтернативы. Я не думаю, чтобы для этого уже настало время. Въ наукѣ, которая находится еще только въ періодѣ первоначальнаго развитія, благоразумнѣе отложить окончательное рѣшеніе до того времени, когда наука эта достигнетъ большаго развитія. При томъ запасѣ свѣдѣній, которыми мы теперь располагаемъ, вѣрнѣйшимъ путемъ представляется собраніе отовсюду данныхъ и классифицированіе ихъ, на сколько это для насъ возможно; но не надо торопиться съ такой классификаціей и не надо отчаиваться, если окажется, что многіе факты должны быть нами оставлены не классифицированными.

Обращаясь въ нашемъ изслѣдованіи къ изученію соотношенія между первобытными учрежденіями, мы можемъ примѣнять почти тѣже самыя правила, что были мною указаны въ отношеніи сравнительной мифологіи. Неблагоразумно было бы разсматривать какой-либо случай сходства, какъ результатъ унаслѣдованія изъ одного общаго источника, если мы не имѣемъ для этого никакого другого подкрѣпляющаго доказательства, кромѣ самаго сходства. Лучшее подтверждающее доказательство мы получаемъ тогда, когда къ намъ приходитъ на помощь сравнительная филологія. Если у двухъ арійскихъ народностей—или, что тоже самое, у двухъ народностей какой нибудь другой расы,—общее имъ учрежденіе имѣетъ и общее имя, и притомъ сходство это не есть результатъ заимствованія или подражанія, то такое учрежденіе безъ всякаго сомнѣнія можетъ быть признано очевиднымъ случаемъ унаслѣдованія изъ общаго источника. Но при различіи названій, вытекающее отсюда отрицательное доказательство не можетъ быть признано столь же убѣдительнымъ. Случайности въ языкѣ такъ велики, слова исчезаютъ изъ одного языка и сохраняются въ другомъ столь своеобразнымъ путемъ, что одинъ лишь фактъ отсутствія сходства въ названіяхъ сродныхъ учрежденій не составляетъ самъ по себѣ доказательства въ пользу отсут-

ствія сходства между самими учрежденіями. Тутъ надо взвѣсить всѣ обстоятельства и всякаго рода доказательства. Изъ всѣхъ родовъ подерѣпляющихъ доказательствъ филологическія, безъ сомнѣнія, суть самыя убѣдительныя, но не единственныя. Если два народа представляются намъ по другимъ основаніямъ, и особенно по основаніямъ филологическимъ въ примѣненіи къ другимъ вопросамъ, родственными народами, сохранившими значительную долю ихъ общаго наслѣдія, — если природа ихъ политическихъ учрежденій, также какъ и ихъ языка, ихъ мифологіи, ихъ обычаевъ, естественно наводитъ на мысль объ общемъ происхожденіи — простой фактъ несходства названій ихъ учреждений недостаточенъ еще для того, чтобы опровергнуть или хотя бы сдѣлать сомнительнымъ ихъ общее происхожденіе. Во многихъ, и быть можетъ въ большинствѣ случаевъ, мы найдемъ, что сродныя учрежденія носятъ названія, не представляющія филологическаго родства, но служащія другъ другу переводомъ, иногда по истинѣ удивительнымъ образомъ. Учрежденія — одни и тѣже; названія не одинаковы; они могутъ даже не происходить отъ одного корня; но они чрезвычайно точно соответствуютъ другъ другу по своему значенію въ позднѣйшей стадіи развитія двухъ языковъ. Точность тутъ такая, какою только можно ожидать. Словарь того общаго языка, которымъ владѣли арійцы до ихъ разьединенія, и даже того языка, который былъ общимъ языкомъ европейскихъ арійцевъ послѣ ихъ отдѣленія отъ восточной вѣтви, этотъ словарь, по самой природѣ вещей, былъ самымъ простымъ, ограничиваясь преимущественно именами, обозначающими самыя обыденныя предметы, и глаголами, выражающими самыя простыя дѣйствія. Слова, обозначающія сколько-нибудь отвлеченные и сложные предметы и явленія относятся уже къ позднѣйшей стадіи. Каждая народность выработала ихъ сама для себя; она выработала ихъ изъ старыхъ, общихъ корней; но каждая выработала ихъ для себя, выработала своеобразно. Это соображеніе примѣняется въ частности и къ названіямъ политическихъ учреждений. Мы можемъ предполагать, что первобытные арійцы до ихъ разьединенія уже сдѣлали первые шаги въ развитіи политической жизни; что они уже выработали ту простую форму правленія, слѣды которой мож-

но еще найти у разсѣявшихся членовъ общей арійской семьи. Доказать, что это было такъ, или, по крайней мѣрѣ, что все вѣроятіе въ пользу этого предположенія, и составляетъ главный предметъ всего моего настоящаго изслѣдованія. Но, хотя мы и можемъ предположить, что арійцы до ихъ разъединенія уже выработали для себя нѣчто, могущее быть дѣйствительно признаннымъ ихъ общимъ политическимъ строемъ, мы не можемъ предположить, чтобы они выработали также и сколько-нибудь развитую или точную политическую номенклатуру. То, что отдѣльныя отрасли арійцевъ получили общаго, должно было состоять въ немногихъ усвоенныхъ обычаяхъ, въ немногихъ усвоенныхъ принципахъ политической организаціи; но словарь ихъ политическихъ терминовъ долженъ быть весьма скуденъ. У нихъ могли быть—и я твердо убѣжденъ, что дѣйствительно были,—зачатки монархіи, аристократіи и демократіи, но у нихъ, конечно, не было словъ для выраженія такихъ отвлеченныхъ понятій. Такія болѣе развитыя политическія формы каждая народность выработала особо, уже послѣ расселенія арійцевъ, изъ общихъ унаслѣдованныхъ принциповъ и обычаевъ, но приспособляясь къ особеннымъ условіямъ своего положенія. И этимъ формамъ были приданы названія, выбранныя каждой народностью изъ своего собственнаго словаря, какимъ онъ представлялся въ данную эпоху. Такимъ образомъ, хотя мы и вполне убѣждены, что основаніе политическаго строя арійскихъ народностей составляетъ ихъ общее наслѣдіе, но нѣтъ ничего удивительнаго, и даже скорѣе мы должны, по всѣмъ основаніямъ, ожидать, что у каждой изъ нихъ мы найдемъ для политическихъ учрежденій особыя названія. Другими словами, большинство названій особыхъ должностей и т. п. у каждой отдѣльной народности были имъ даны независимо другъ отъ друга каждою народностью на томъ особомъ языкѣ, въ какой развился у нихъ первоначально общій арійскій языкъ.

Теперь позвольте все это пояснить примѣромъ изъ политической исторіи и номенклатуры трехъ главныхъ народностей, о которыхъ мы преимущественно говорили. Въ слѣдующей лекціи я надѣюсь указать съ большею полнотою въ подробностяхъ, что, насколько намъ позволяютъ исторія и преданія углубиться въ древнѣйшіе времена, мы находимъ у элли-

новъ, итальянцевъ, германцевъ, у всѣхъ одинаково, зачатки какъ монархическихъ, аристократическихъ, такъ и демократическихъ принциповъ правленія. Это соединеніе трехъ принциповъ, о которомъ Тацитъ думалъ, что если оно и возможно, то не можетъ быть прочнымъ, повидимому было въ дѣйствительности общимъ арійскимъ наслѣдіемъ, быть можетъ—наслѣдіемъ всего человѣческаго рода ³⁸). Въ позднѣйшія времена были дѣлаемы сознательныя попытки, или, и бессознательно, люди были приводимы силою самихъ обстоятельствъ въ организаціи правленія согласно тому же плану. И при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, часто, завѣдомо или нѣтъ, были воспроизводимы самыя древнія, какія только можно найти, образцы. Это та форма правленія, которую мы находимъ по меньшей мѣрѣ у всѣхъ арійцевъ, уже въ ту эпоху, къ которой относятся наши первыя свѣдѣнія объ ихъ политической жизни. Тутъ мы видимъ государя или старшину, перваго правителя въ мирное время, перваго предводителя на войнѣ; но онъ управляетъ не по своему произволу, а при содѣйствіи совѣта старшинъ, выдающихся или по возрасту, или по происхожденію, или по личнымъ заслугамъ, и сверхъ того онъ представляетъ всѣ дѣла особой важности на окончательное утвержденіе общаго собранія всего народа. Я далекъ отъ мысли утверждать, что эта форма правленія есть особенность арійскихъ народностей; но я хочу на ней остановиться прежде всего, какъ на такомъ явленіи, которое, какъ кажется, есть общее всѣмъ арійскимъ народностямъ, и безъ сомнѣнія общее тремъ главнымъ народностямъ, которыхъ мы преимущественно имѣемъ въ виду. Это та форма, которую мы находимъ въ первой имѣющейся у насъ картинѣ европейской жизни—въ пѣсняхъ Гомера; мы находимъ ее какъ въ государствѣ царя людей въ Микенахъ, такъ и въ государствѣ царя боговъ и людей на Олимпѣ. Эта та форма правленія, которую преданіе рисуетъ намъ какъ древнѣйшую государственную организацію латинянъ, изъ которой развилась сначала римская республика, а затѣмъ имперія. Также точно мы находимъ эту форму правленія въ первомъ описаніи государственнаго быта германцевъ, сдѣланномъ рукою Тацита ³⁹), и въ нашихъ собственныхъ лѣтописяхъ о первомъ

времени поселенія англо-саксовъ на томъ островѣ, на которомъ мы живемъ. Различія въ подробностяхъ легко могутъ быть замѣчены въ различныхъ формахъ этого общаго государственнаго строя; въ какихъ онъ является у каждой изъ трехъ великихъ народностей, и даже въ различныя эпохи и въ различныхъ племенахъ у одной и той же народности. Титуль главнаго правителя, способъ его назначенія, степень его власти различны въ различныхъ случаяхъ. Я займусь этими различіями въ моей слѣдующей лекціи. Я долженъ говорить не объ одномъ только общемъ всѣмъ элементѣ. Но вездѣ мы увидимъ одну и ту же общую систему: одинаго главу государства, совѣтъ старшинъ и, какъ окончательный рѣшающій авторитетъ— общее собраніе всего народа. И если мы видимъ такое близкое сходство между тремя отраслями арійской семьи, которыя не могли заимствовать свои учрежденія другъ у друга въ позднѣйшее время, но которыя составляли еще одинъ народъ въ одну изъ позднѣйшихъ стадій разъединенія арійцевъ, то съ достаточнымъ основаніемъ можно предполагать, что политическія учрежденія, которыя такъ поразительно сходны, составляютъ дѣйствительно общее наслѣдіе, дѣйствительно первобытную форму правленія, которая существовала у предковъ грековъ, римлянъ и германцевъ, прежде нежели они раздѣлились на эти три народности. Противъ этого предположенія можетъ быть сдѣлано возраженіе, на которое я уже указывалъ, что названія различныхъ государственныхъ учреждений, какъ ни были сходны ихъ форма и власть, не представляются сродными въ этихъ трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ и германскомъ. Но если я указывалъ на возраженіе, то, полагаю, я также и устранилъ уже его. Я полагаю, что разнообразіе названій есть такое явленіе, котораго мы непременно должны были ожидать. Каждая изъ этихъ народностей унесла съ собою извѣстные общіе принципы управленія, унаслѣдованныя отъ общихъ предковъ; но подробности организаціи каждаго отдѣльнаго государства, и еще болѣе подробности политической номенклатуры, были выработаны каждою изъ этихъ народностей или, вѣрнѣе, каждымъ племенемъ каждой народности, особо, и гораздо позднѣе ихъ разъединенія. Конечно, сходства и различія въ древнѣйшей политической номенклатурѣ трехъ этихъ народ-

ностей относятся къ предмету нашего изслѣдованія, и разсмотрѣнїю ихъ я намѣренъ посвятить остатокъ настоящей лекціи. Мы найдемъ мало или даже вовсе не найдемъ такихъ случаевъ, въ которыхъ бы настоящія названія какой нибудь должности были сходны въ этихъ трехъ языкахъ; но мы увидимъ, что многія изъ нихъ могутъ быть сведены къ общимъ корнямъ и что въ отдѣльныхъ случаяхъ названія эти, не будучи сходными по происхожденію, весьма точно соотвѣтствуютъ другъ другу по своему значенію.

Позвольте мнѣ начать съ обыкновенныхъ названій главы государства на трехъ этихъ языкахъ. Ясно съ перваго взгляда, что слова βασιλεύς, rex и king не суть слова общаго происхожденія. Дѣло не измѣнится къ лучшему, если вмѣсто этихъ трехъ обыкновенныхъ названій, мы обратимся къ болѣе древнимъ и менѣе употребительнымъ названіямъ въ этихъ трехъ языкахъ, если мы возьмемъ болѣе древнее и поэтическое греческое названіе ἀναξ⁴⁰⁾ или, вмѣсто сравнительно новаго титула king, возьмемъ болѣе древній thiudans или drihten. Но самый фактъ, что названіе cuning, king, во всѣхъ его формахъ, есть сравнительно болѣе новый титулъ, имѣеть для насъ большее значеніе. Это показываетъ, что одни и тѣ же по существу своему должности носили различныя названія въ различное время или у различныхъ отраслей одной и той же народности. Готское thiudans и англійское cuning обозначаютъ одну и ту же должность, такъ какъ и латинское rex и греческое βασιλεύς одинаково служатъ переводомъ для нихъ обоихъ. Слова эти не имѣютъ ничего общаго въ своемъ происхожденіи, но близко сходятся по своему значенію; cuning происходитъ отъ cun, а thiudans отъ thiuda, каждое изъ нихъ обозначаетъ народъ, точно соотвѣтствуя другъ другу по своему значенію⁴¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что два народа, столь близкіе другъ къ другу по языку, хотя и разошедшіеся такъ далеко въ исторіи, англійскій и готскій, относительно учрежденій которыхъ едва ли можно подвергнуть сомнѣнїю общность ихъ происхожденія, даютъ главѣ народа названія, одинаково обозначающія главу народа, но не имѣющія никакого филологическаго сходства. Поэтому нечего удивляться, если у менѣе

близкихъ отраслей арійской семьи, мы не всегда найдемъ для сродныхъ учреждений и сродныя названія. Скорѣе мы должны удивляться, что еще встрѣчается такъ много сродныхъ названій. Латинскій *rex* и германскій *cyning* не имѣютъ между собой ничего общаго по своимъ названіямъ; но если мы не ограничимся титулами, придаваемыми самому правителю, мы увидимъ, что *regnus* въ одномъ изъ этихъ языковъ есть тоже самое, что *rice* въ другомъ; если въ одномъ говорятъ *rex*, въ другомъ *rixode* ⁴²⁾. Мы можемъ пойти далѣе на востокъ и на западъ и увидимъ тоже самое имя, какъ у кельтовъ Уельса и Ирландіи, такъ и въ далекомъ санскритѣ ⁴³⁾. Мы видимъ изъ этого, что какъ самая идея правительства, такъ и этотъ особый корень для ея выраженія, сложились въ умѣ арійцевъ, не только до отдѣленія латинянъ отъ германцевъ, не только до отдѣленія отъ нихъ обоихъ кельтовъ, но даже до отдѣленія Европейской отрасли арійцевъ отъ азіатской. Такимъ образомъ очевидно, что, если въ латинскомъ и англійскомъ языкахъ имѣются сродныя имена и сродные глаголы для обозначенія функціи государя, а для обозначенія самого государя только въ латинскомъ имѣется слово того же корня, то это есть дѣло простой случайности въ языкѣ. И если сравнительно новыя формы, какъ англійскаго, такъ и нѣмецкаго языка, не представляютъ намъ имени сроднаго латинскому *rex*, за то въ болѣе древнемъ готскомъ мы можемъ найти форму *reiks*, которая, если и не строго соотвѣтствуетъ по своему значенію словамъ *rex* и *cyning*, то все же довольно близко подходитъ къ нимъ по своему значенію ⁴⁴⁾. Стало быть, если мы находимъ эти слѣды общности происхожденія въ латинскомъ, германскомъ, кельтскомъ, санскритскомъ, мы можемъ быть увѣрены, что отсутствіе такихъ аналогій, или во всякомъ случаѣ столь же ясныхъ аналогій, у народностей столь близкихъ между собой, какъ греческая и латинская, должно быть результатомъ простой случайности языка, хотя конечно это и странно. Я говорю „не столь ясныхъ аналогій“ потому, что я предоставляю болѣе строгимъ, нежели я, филологамъ опредѣлить, не скрывается ли какое нибудь сродство между *ἄραξ* и *regere*. Хотя это и возможно, но это во всякомъ случаѣ не такъ очевидно, какъ то, что болѣе ясныя слова, *ἄραξ* и *ῥασιλεύς*, не имѣютъ

ничего общаго съ гех и съ сунинг. Но каково бы ни было происхождение этихъ названій, нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый народъ придавалъ своимъ собственнымъ учрежденіямъ названія, образовавшіяся въ болѣе позднюю эпоху развитія его собственнаго языка. То обстоятельство, что слова гех и βασιλεύς совершенно разнородны, представляется не болѣе удивительнымъ, какъ и то, что имена близко сходныхъ должностей у различныхъ греческихъ и итальянскихъ племенъ оказываются также совершенно несходными. Лациумъ имѣлъ своихъ преторовъ и диктаторовъ, Самніумъ — своихъ императоровъ, а Римъ и преторовъ, и диктаторовъ, и императоровъ всѣхъ вмѣстѣ. Единственное различіе — не имѣющее для насъ значенія, хотя и представляющееся весьма важнымъ со строго филологической точки зрѣнія, — есть то, что praetor, dictator, и imperator — все это такого рода слова, которыя весьма легко образуются въ латинскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ βασιλεύς имѣетъ въ греческомъ много производныхъ, но не имѣетъ, на сколько намъ извѣстно, сродныхъ словъ. Такъ народное собраніе въ древности носитъ названіе ἀγορή; въ Аѣинахъ его называли ἐκκλησία; въ Спартѣ — ἀλλια. Но спартанское названіе служить въ Аѣинахъ названіемъ, если не народнаго собранія, то народнаго суда ⁴⁵⁾, и какъ это мы замѣчаемъ во многомъ, первыя и послѣднія времена независимости удивительно сходятся между собой: ἀγορή, которое встрѣчается у Ахейцевъ Гомера, встрѣчается также и у Ахейцевъ Полибія ⁴⁶⁾. Греческое γένη и латинское gentes суть очевидно одно и то же въ сущности слово; ибо аѣинскіе ψατρίαί и ψάτορες въ ихъ политическомъ значеніи не имѣютъ сродныхъ въ латинскомъ, хотя мы находимъ соотвѣтствующія греческимъ названія родства, brother и frater ⁴⁷⁾. Такъ аѣинское βουλή соотвѣтствуетъ спартанскому γερουσία; замѣтите при этомъ, что спартанское γερουσία есть переводъ латинскаго senatus. Замѣтите также, что аристократическія сословія въ Аѣинахъ и въ Римѣ называются соотвѣтственно πτεῖς и equites и слова эти имѣютъ филологическую связь въ отдаленномъ сродствѣ ἵππος и equus, но въ ихъ настоящемъ видѣ представляются различными и сравнительно новаго образованія ⁴⁸⁾. Намъ открывается тутъ цѣлый рядъ аналогій. Герусія и сенатъ суть сходныя учрежде-

ня, имѣющія, въ чемъ трудно усомниться, общее происхождение. Но самое сходство названій есть простой результатъ того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Въ древнѣйшемъ бытѣ общества возрастъ уже предполагаетъ власть, и наоборотъ; это свидѣтельствуемъ намъ множество словъ во всѣхъ языкахъ. Начиная со старшинъ Мидянъ и *δηροῦρόντες* Иліона, мы находимъ не только спартанскихъ и римскихъ сенаторовъ, но еще *πρέσβεις*, пословъ, имя которыхъ съ возраста было перенесено на должность; мы видимъ христіанскихъ пресвитеровъ и англійскихъ *ealdormen*; мы видимъ длинный рядъ названій, образовавшихся изъ средневѣковаго *senior* ⁴⁹⁾, *monseigneur*, *monsieur*, *sire*, *sir*, и безчисленное множество другихъ. И чтобы кончить также, какъ начали, примѣромъ, взятымъ изъ не арійскаго племени, мы видимъ у арабовъ шейховъ и между ними какъ наиболѣе замѣчательнаго „Старца горы“ ⁵⁰⁾. Такъ на ряду съ *ἰππῆλαται* Гомера, съ *ἰπτάς* Аѳинъ, съ *equites* Рима, мы видимъ также *saballeros*, *cavalieri*, *chevaliers* романской Европы и *Ritterschaft* германскаго континента. Всѣ эти названія представляются просто аналогичными. Хотя, какъ это вообще бываетъ въ древнѣйшемъ общественномъ быту, это не было собственно войско по профессіи, но если военная служба отправляется у народа безвозмездно, и часть войска составляютъ всадники, то этого рода служба конечно возлагается на знатныхъ и богатыхъ: *cavalry*, конница, и *chevalry*, дворянство—одно и тоже. Въ позднѣйшее время Рима *equites* перестали быть военнымъ сословіемъ; и въ послѣдствіи, при подобномъ же положеніи вещей, новыя названія были образованы уже не изъ устарѣвшаго *equus*, а изъ заступившаго его мѣсто *saballus*. Въ Германіи по тѣмъ же причинамъ стали употреблять слово *Ritter*, а соотвѣтствующее ему англійское вошло въ употребленіе въ позднѣйшіе года нашей національной исторіи, когда король Вильгельмъ посвятилъ своего сына Генриха въ рыцари, *rider* ⁵²⁾. Такого титула нельзя встрѣтить въ Англии въ болѣе древнее время. Танъ, эльдерменъ, самъ король сражались всѣ одинаково пѣшие; быть можетъ они пріѣзжали на битву на лошадяхъ, но когда

начиналось самое сраженіе, они встрѣчали въ бою своихъ враговъ, стоя на своей родной землѣ. ⁵³).

Все это можетъ служить примѣромъ тому, съ какою осторожностью должны мы поступать, въ особенности въ столь новомъ родѣ изслѣдованія, какъ настоящее, и какъ старательно различать тѣ случаи сходства, которые есть основаніе отнести къ общему племенному наслѣдію арійцевъ, отъ тѣхъ случаевъ сходства, гдѣ имѣется простая аналогія, проистекающая изъ того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Мы видѣли, какъ много доказывается наличностью сходныхъ названій учреждений, и какъ мало—ихъ отсутствіемъ. Наша предварительная работа теперь окончена. Мы опредѣлили природу нашего метода; мы указали тѣ границы, которыя въ настоящее время должны быть положены его примѣненію. Въ слѣдующихъ лекціяхъ я постараюсь сопоставить тѣ главныя аналогіи, которыя замѣчаются въ великихъ учрежденіяхъ тѣхъ трехъ народностей, которыхъ мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду. Въ моей ближайшей лекціи я предполагаю заняться самимъ государствомъ, первобытнымъ его строемъ, какъ мы его находимъ въ нашихъ первыхъ свѣдѣніяхъ о политическомъ бытѣ грековъ, римлянъ и германцевъ. Затѣмъ я перейду къ главѣ государствъ, къ государю, и къ народному собранію. При этомъ мы встрѣтимся со многими примѣрами особеннаго сходства въ учрежденіяхъ трехъ народностей, которыя дадутъ намъ возможность, съ одной стороны, убѣдиться, какъ человѣческая природа остается всегда вѣрною самой себѣ, какъ, не смотря на различіе народностей и времени, человѣкъ выбираетъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ одинаковыя формы; а съ другой стороны, мы увидимъ, какъ значительно то общее наслѣдіе, которое отдѣльныя отрасли арійской семьи унесли съ собою изъ ихъ первоначальной родины, какъ многочисленны черты ихъ давняго братства, которыя, не смотря на различіе времени и мѣста, не смотря на ихъ взаимное отчужденіе и вражду, все же могутъ быть замѣчены между ними.

ЛЕКЦІЯ III.

Г о с у д а р с т в о .

Надѣюсь, что изъ двухъ моихъ первыхъ лекцій можно было ознакомиться съ общимъ характеромъ того общаго политическаго наслѣдія, которому причастны три важнѣйшія, а можетъ быть и всѣ арійскія народности. Наши первыя свѣдѣнія о жизни нашихъ предковъ и нашихъ соплеменниковъ представляютъ намъ ихъ уже соединившимися въ организованнаго общества, уже развившими первыя начала государственнаго управленія, и, что еще важнѣе, уже имѣющими въ своемъ государственномъ строѣ зачатки монархіи, аристократіи и демократіи. Вездѣ мы находимъ, хотя и въ грубой формѣ, государя или другаго главу государства, совѣтъ старшинъ и лучшихъ людей, и общее народное собраніе; сущность этихъ трехъ элементовъ мы находимъ повсюду. И мы не должны, въ этомъ случаѣ, быть смущаемы именами. Такъ, первый элементъ, государь или иной глава государства, можетъ сохраниться и послѣ того, какъ царская власть въ обыденномъ смыслѣ слова уже уничтожена, точно также, какъ монархическіе титулы и формы могутъ сохраниться, когда дѣйствительная власть государя уже исчезла. Также и аристократическій элементъ, совѣтъ, можетъ быть наслѣдственнымъ сословіемъ или нѣтъ. Едва ли нужно говорить о томъ, что аристократія въ собственномъ смыслѣ слова есть правленіе лучшихъ; поэтому правленіе идеально лучшихъ, — мудрѣйшихъ, храбрѣйшихъ и честнѣйшихъ, — будетъ истинной аристократіей. Другія ея виды — аристократія возраста, рожденія, богатства — суть только за-

мѣна истинной аристократіи, принимая, по той причинѣ, что въ этомъ несовершенномъ мірѣ правленіе идеально лучшихъ есть нѣчто такое, о чемъ можно помечтать, но чего никогда не найдешь въ дѣйствительности ¹⁾). Въ самомъ консервативномъ обществѣ, какое когда либо существовало, — въ Римѣ, гдѣ старыя учрежденія никогда не уничтожались вполнѣ, мы видимъ, какъ оба элемента государства, монархическій и аристократическій, въ обыденномъ значеніи этихъ словъ, исчезли, между тѣмъ какъ сущность и аристократической, и монархической власти все таки сохранилась. Цари исчезаютъ, но царская власть не исчезаетъ съ ними: осуществленіе ея было просто поручено двумъ лицамъ на одинъ годъ, вмѣсто прежняго порученія одному лицу пожизненно ²⁾). Позднѣе, когда явилась въ томъ надобность для государства, власть эта еще болѣе раздробилась между различными должностями, которыя были весьма различны по своему значенію, но всѣмъ имъ была присвоена нѣкоторая доля царской власти ³⁾). Когда, подобно тому, какъ монархія превратилась въ республику, республика снова превратилась въ монархію, это измѣненіе не было совершено посредствомъ уничтоженія старыхъ учреждений или учрежденія новыхъ, но путемъ соединенія всѣхъ государственныхъ должностей въ рукахъ одного человѣка. Какъ раздѣленіе различныхъ функцій государя привело къ созданію различныхъ республиканскихъ должностей, такъ точно соединеніе этихъ должностей во едино привело къ установленію власти императора ⁴⁾). Что касается аристократическаго элемента, то и въ отношеніи къ нему цѣлью народныхъ движеній въ Римѣ не было вовсе уничтоженіе сената или даже значительное уменьшеніе его власти ⁵⁾), но только уничтоженіе перегородки, отдѣлявшей старыхъ и новыхъ гражданъ, и превращеніе сената въ учрежденіе, доступное для каждаго гражданина. Такимъ образомъ всѣ три власти сохраняются, хотя субъекты ихъ и мѣняются. Царская власть сохраняется, хотя уже болѣе и нѣтъ царя; сохраняется и власть аристократіи, хотя она уже болѣе не составляетъ обособленнаго сословія въ государствѣ, и въ два наиболѣе блестящія столѣтія своей исторіи Римъ, болѣе чѣмъ какое либо другое государство въ свѣтѣ, приближался къ аристократіи въ истинномъ значеніи этого слова. Если правленіе

лучшихъ было когда либо достигнуто какимъ нибудь политическимъ обществомъ, то это, конечно, было въ той республикѣ, которая боролась съ Ганнибаломъ и побѣдила его. Если когда либо было время, когда идеальная картина общественной жизни, нарисованная поѣтомъ была осуществлена на землѣ, или было время, когда

Никто общественное дѣло
Не ставилъ ниже личныхъ дѣлъ
И лучшимъ отказать въ почетѣ,
А бѣднымъ въ помощи не смѣлъ *),

то это было, конечно, въ то блестящее время римской республики, когда старинное различіе патриціевъ и плебеевъ уже исчезло, а новѣйшее — бѣдныхъ и богатыхъ — еще не появилось ⁶⁾. Великая идея государства, города, республики, и вообще идея того великаго цѣлаго, въ которомъ и для котораго каждый его членъ и жилъ, и дѣйствовалъ, и боролся, и умиралъ, эта идея никогда не достигала большаго вліянія на умъ людей, какъ во время долгой борьбы между первымъ изъ городовъ и первымъ изъ людей. Борьба эта показала, что по истинѣ величайшій человекъ съ необыкновенной силой ума, съ мужественнымъ сердцемъ, съ твердой рукой былъ все-таки менѣе могуществененъ, нежели упорныя усилія соединившагося народа ⁷⁾. Для того, чтобы показать, какъ идея государства, бывшаго въ то время городомъ, господствовала надъ умами людей и управляла ихъ дѣйствіями, я могъ бы также найти примѣры и въ исторіи другихъ республикъ, демократическихъ Аѳинъ или олигархической Венеціи. Но Римъ стоитъ выше всѣхъ другихъ, потому что ни въ какой другой республикѣ три первоначальныхъ элемента управленія не сохранялись такъ долго рядомъ другъ съ другомъ, измѣняя свои формы, но не теряя своей силы. Въ эту эпоху среди собственныхъ гражданъ Рима не заключалось элементовъ слабости: всякій гражданинъ имѣлъ свое мѣсто, зналъ свое мѣсто и совершалъ свое дѣло на своемъ мѣстѣ. Элементы слабости

*) None was for a party
When all were for the state
When the rich man helped the poor
And the poor man loved the great.

находились внѣ стѣнъ вѣчнаго города: они заключались въ томъ, что онъ сталъ господствующимъ надъ другими городами ⁸⁾. Но здѣсь, какъ и во всякой исторіи, а особенно въ исторіи Рима, хорошее и худое, сила и слабость, стоятъ рука объ руку, проистекаютъ изъ одного и того же источника и не легко могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Благороднѣйшія и постыднѣйшія дѣла истиннаго гражданина идутъ рука объ руку. Для государства, для города, для цѣлаго общенія, по отношенію къ которому онъ былъ только составной единицей, онъ готовъ былъ во всякое время пожертвовать и собой самимъ, и всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣлъ; и для того же государства, для котораго онъ готовъ былъ пожертвовать самимъ собой, онъ готовъ былъ пожертвовать и всѣмъ, что мѣшало величію римской республики. Для Рима онъ готовъ былъ пожертвовать законами вѣчной справедливости, правами другихъ народовъ, святостью договоровъ, тѣмъ, что мы сочли бы вѣрностью и честью самаго Рима.

Государство, гдѣ оно достигло въ извѣстномъ отношеніи высшаго своего развитія, было городомъ и такой городъ-государство не могъ не получить господства надъ другими городами.

Представленіе о государствѣ, какъ о городѣ, не есть вовсе древнѣйшее представленіе о государствѣ, однако имѣетъ также много общаго съ древнѣйшимъ о немъ представленіемъ, какъ и противоположнаго преобладающему теперь въ Европѣ представленію о государствѣ. Въ настоящее время государство отождествляется съ народомъ, съ націей. Быть можетъ, опредѣленіе этого понятія представляетъ большія трудности; но слово это выражаетъ идею, которая хотя и не представляется вполне точной съ философской точки зрѣнія, практически по крайней мѣрѣ представляется понятной. Что бы не представляла та или другая отдѣльная нація, слово это обозначаетъ для насъ значительную, непрерывную часть земной поверхности, населенную людьми, говорящими однимъ языкомъ и соединенными подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ. Все, что противорѣчитъ этому, поражаетъ насъ какъ нѣчто исключительное. Такъ, Швейцарія и Шотландія представляютъ намъ примѣры народовъ, которыхъ мы признаемъ народами, но ко-

торые образовались, въ силу особенныхъ условій ихъ исторіи, путемъ искусственнаго соединенія изъ отдѣльныхъ частей трехъ смежныхъ народовъ, частей, отдѣлившихся отъ своихъ природныхъ братьевъ, чтобы найти себѣ пріемныхъ братьевъ среди иноплеменниковъ. Съ другой стороны, въ Сѣверной Америкѣ мы видимъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ смежныхъ съ ними Британскихъ владѣніяхъ, одну непрерывную территорію, населенную людьми, говорящими на одномъ и томъ же языкѣ; но населенія двухъ частей этой территоріи, отдѣленные другъ отъ друга силою историческихъ обстоятельствъ, не считаютъ уже себя болѣе однимъ народомъ. Въ Швейцаріи и Шотландіи совершилось нѣчто подобное римскому порядку усыновленія, въ силу котораго и чловѣкъ, не принадлежащій къ данной семьѣ по рожденію, дѣлался искусственно ея членомъ. Части нѣмецкаго, бургундскаго и итальянскаго народовъ, соединившіяся для образованія нынѣшняго швейцарскаго народа, и части ирландскаго, англійскаго и британскаго народовъ, соединившіяся въ одинъ шотландскій народъ, отказались отъ своей природной національности и образовали для себя новую ⁹). Но Публій Корнелій Сципіонъ, окончательно побѣдившій Кароагенъ, хотя и принадлежалъ по рожденію къ роду Эмилиевъ, могъ съ такимъ же правомъ назваться Сципіономъ, какъ и старый Публій, нанесшій Кароагену смертельный ударъ въ сраженіи при Замѣ. Подобно этому искусственно образовавшіяся шотландская и швейцарская народности составляютъ національности, столь же несомнѣнныя, какъ еслибы онѣ вполне соответствовали лингвистическому и этнологическому дѣленію. Что же касается Сѣверной Америки, то событія, побудившія англійскихъ поселенцевъ по сѣверную и по южную сторону большого американскаго озера раздѣлиться на два народа, имѣютъ характеръ семейнаго раздора, который, именно въ силу того, что онъ семейный, представляетъ больше трудностей для примиренія, нежели раздоръ между чужеродцами. Но мы чувствуемъ, что всѣ такого рода случаи суть случаи исключительные, обусловленные исключительными причинами; нормальнымъ типомъ народа является совокупность людей, говорящихъ однимъ языкомъ, и подчиняющихся одному правительству; такой народъ составляетъ современный идеалъ го-

сударства, будетъ ли это монархія или республика,— все равно.

Тотъ фактъ, что нормальнымъ типомъ для насъ представляется народъ, соединенный подъ однимъ правленіемъ, тотъ фактъ, что въ наше представленіе о народѣ привходитъ и представленіе о политическомъ единствѣ, показываетъ, какъ значительно измѣнились въ этомъ отношеніи наши воззрѣнія сравнительно съ политическими идеями древности. Возьмемъ, напримеръ, Грецію. Въ греческомъ умѣ было ясное, отчетливое представленіе о греческомъ народѣ, соединенномъ общимъ происхожденіемъ, языкомъ, религіей, цивилизаціей. Всѣ греки были братьями другъ другу и противопоставались сосѣднимъ варварамъ ¹⁰⁾. Но ни одному греческому философу или государственному мужу не приходило никогда въ голову, чтобы весь греческій народъ, или та часть его, которая населяетъ непрерывную или почти непрерывную территорію, могла быть соединена въ одно политическое общество. Независимость каждаго города была основнымъ принципомъ всей политической жизни Греціи. Государство, республика обозначаетъ на греческомъ языкѣ городъ, организованное общество людей, живущихъ въ селеніи, окруженномъ стѣнами; городъ служилъ центромъ политическаго общества, а прилегающія къ нему земли могли занимать лишь такое протяженіе, какое не исключало возможности для всѣхъ ихъ свободныхъ обитателей постоянно бывать внутри городскихъ стѣнъ для исполненія гражданскихъ обязанностей. Въ наиболѣе блестящую эпоху исторіи греческихъ республикъ единственной признанной политической единицей былъ городъ, а не что либо большее или меньшее. Отдѣльнаго племени, или простой деревни, окруженной стѣнами—не было достаточно; и съ другой стороны, ни одинъ грекъ того времени не согласился бы добровольно на поглощеніе его города какимъ-либо болѣшимъ союзомъ ¹¹⁾. И чѣмъ выше была цивилизація какой либо отрасли греческаго народа, чѣмъ полнѣе было и ея политическое развитіе, тѣмъ сильнѣе была привязанность ея къ полной политической независимости каждаго отдѣльнаго города. Чувства, которыя у насъ относятся къ народу, у грековъ относились къ городу ¹²⁾. Мы слышали въ новѣйшее время объ „угнетенныхъ національностяхъ“,—выраженіе, зна-

чушее, я полагаю, тоже самое, что угнетенная нація, угнетенный народъ. Это выраженіе указываетъ на то, что для такихъ народовъ оскорбительно подчиняться власти не собственнаго своего правительства. Съ совершенно тѣмъ же чувствомъ древніе греки относились къ тѣмъ случаямъ въ ихъ собственной политической исторіи, когда не народъ подчинялся народу, а городъ—городу. Когда одинъ городъ былъ сильнѣе, а другой слабѣе, то было довольно обыкновеннымъ явленіемъ, что одинъ приобрѣталъ власть надъ другимъ; но такое отношеніе считалось во всякомъ случаѣ несправедливымъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія гражданъ подвластнаго города. И въ такихъ случаяхъ господствовалъ именно городъ надъ городомъ; подвластный городъ сохранялъ свое существованіе, какъ организованное политическое общество, и потому еще сильнѣе чувствовалъ потерю своей полной политической независимости ¹³). Ученіе о независимости каждаго города, эта общая доктрина всей Греціи, была также, хотя, какъ это мы сейчасъ увидимъ, и въ измѣненной формѣ, политической доктриной древней Италиі. И это отношеніе къ городу такъ отразилось въ самомъ языкѣ, что извѣстныя обыденныя греческія и латинскія выраженія трудно передать на какомъ нибудь новомъ языкѣ. *Patria*, *country*, *patrie*, *Vaterland*; но въ дѣйствительности эти греческія и латинскія слова не обозначали отечества въ нашемъ смыслѣ, не обозначали страны; отечествомъ афинянина или римлянина не была Греція, а Аѣины, не Италиа, а Римъ ¹⁴). Сципіонъ въ Литернѣ считалъ себя въ изгнаніи, также, какъ если бы онъ былъ изгнанъ въ Испанію или Сирію. И когда Тиберій перенесъ свое пребываніе изъ Рима въ Капрею, люди удивлялись, что римскій государь можетъ такъ долго „*saegere patria*“;—фраза, которую, если перевести ее „быть въ отечества“, странно бы звучала въ примѣненіи къ лицу, просто переѣхавшему изъ Рима на островъ, лежащій у береговъ Кампаніи ¹⁵).

Но появленіе такого представленія о городѣ служить, въ дѣйствительности, признакомъ значительнаго политическаго развитія въ народѣ. Если мы обратимся къ исторіи одной лишь Греціи, мы найдемъ въ ней много указаній на то, что это по-

литическое значеніе города, которое является предъ нами въ такомъ блескѣ въ эпоху персидскихъ и пелопонезскихъ войнъ, и которое уже вполне установилось въ эпоху Гомера, далеко не было древнѣйшей формой общественнаго быта греческаго народа. Едва ли это требуетъ и доказательствъ: и безъ того ясно, что кочующее племя не можетъ строить городовъ, и что люди не могли соединиться въ политическія общества въ укрѣпленныхъ городахъ иначе, какъ послѣ долгой привычки къ земледѣлію и къ осѣдлой жизни. Какъ осѣдлая жизнь въ деревняхъ представляетъ высшую стадію сравнительно съ жизнью кочевой, такъ жизнь въ укрѣпленномъ городѣ есть высшая стадія сравнительно съ жизнью въ деревняхъ. Многіе города образовались изъ укрѣпленнаго холма, который представлялъ грубую цитадель деревни, первобытную крѣпость, въ которой люди и скотъ находили себѣ пріютъ въ случаѣ внезапнаго нападенія враговъ. Этотъ укрѣпленный холмъ могъ или самъ разростись въ городъ, какъ это было съ многими древними гальскими укрѣпленными холмами, изъ которыхъ образовались древніе римскіе и современные французскіе города ¹⁶⁾, или же, городъ могъ образоваться и вокругъ холма, какъ было съ позднѣйшими Аѣинами, которые окружили собою Акрополисъ, этотъ священный холмъ Аѣины, нѣкогда составлявшій весь городъ ¹⁷⁾. Но могло быть и такъ, что по мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось и цивилизація развивалась, укрѣпленный холмъ покидался для болѣе привлекательнаго мѣста въ долинѣ; такъ гордая Дарданія уступила мѣсто священному Иліону, этому городу ясно-рѣчивыхъ людей ¹⁸⁾.

Греческій городской бытъ не могъ существовать, повсюду предки эллиновъ медленно свершали свой путь отъ угла Адриатическаго залива къ полуострову Аттика и великому острову Пелопса ¹⁹⁾. Даже первые зачатки греческаго городского быта едва ли могли появиться иначе, какъ послѣ продолжительнаго владѣнія эллинами полуостровомъ на пространствахъ отъ горы Олимпа до мыса Малей. Поэмы Гомера содержатъ въ себѣ мѣста, въ которыхъ общественный бытъ ахейцевъ противопоставляется быту другихъ племенъ, во всякомъ случаѣ не вовсе чуждыхъ, которыя находились на болѣе низкомъ уровнѣ общественнаго развитія ²⁰⁾. Слѣдуетъ также об-

ратить вниманіе на то, что обыденное слово *δῆμος*, народъ, первоначально означало, кажется, землю, и лишь позднѣе было перенесено на обитателей или воздѣлывателей земли ²¹). Эта перемѣна въ значеніи едва ли могла совершиться уже послѣ того, какъ городской бытъ вполнѣ установился. И рядомъ съ большимъ развитіемъ позднѣйшаго значенія слова, рядомъ съ аѳинскимъ демосомъ, территориальныя дѣленія все еще сохраняютъ это названіе, которое является такимъ образомъ памятникомъ того времени, когда демосъ означало землю, а не тѣхъ, кто на ней живетъ ²²). Но и другія доказательства подтверждаютъ также, что тотъ общественный бытъ, какой изображенъ у Гомера, смѣнилъ собою, безъ всякаго сомнѣнія постепенно, другой менѣ развитой бытъ, слѣды котораго можно найти и въ историческія времена. Въ историческое время города были всѣмъ; трактаты и союзъ въ наиболѣе передовыхъ странахъ Греціи заключались только между городами. Но наиболѣе древнее изъ общихъ греческихъ учреждений, великій религиозный союзъ амфиктіоновъ, не былъ союзомъ городовъ. Аѳины и Спарта, какъ города, не были его членами. Амфиктіоническій союзъ былъ союзомъ племенъ, изъ которыхъ одни въ другихъ частяхъ Греціи достигли большаго развитія, другіе остались въ своемъ первобытномъ состояніи въ старыхъ жилищахъ своихъ у Фермопилъ. Въ собраніи амфиктіоновъ дорійцы и іонійцы имѣли такой же голосъ, какъ и незначительныя ахейскія племена. Аѳины и Спарта, какъ наибольшія изъ іонійскихъ и дорійскихъ городовъ, могли на практикѣ распоряжаться голосомъ іонійцевъ и дорійцевъ. Но какъ города, ни Аѳины, ни Спарта не имѣли сами по себѣ голоса въ этомъ собраніи. Такое устройство амфиктіоническаго союза, которое не могло быть введено въ ту эпоху греческой исторіи, о которой мы имѣемъ уже письменныя свидѣтельства, указываетъ вмѣстѣ и на большую древность этого союза, и на то, что городской бытъ, который представляется намъ въ исторіи Греціи столь распространеннымъ, развился изъ болѣе древняго племеннаго быта ²³). Точно также, даже въ историческое время мы находимъ въ Греціи обширныя области, Этолію, Акартанію, нѣкоторыя части Аркадіи, въ которыхъ городской бытъ представляется далеко еще не развившимся. Въ нихъ встрѣ-

чаются укрѣпленные города, но городской бытъ не поглотилъ собою жизни племени и деревень, въ такой степени, какъ это было въ Аѣинахъ, въ Коринѣѣ, въ Беотіи²⁴). Мы знаемъ, также въ историческое время, не одинъ примѣръ того, что греческій городъ образовывался изъ соединенія нѣсколькихъ деревень или мѣстечекъ столь незначительныхъ, что едва ли они заслуживаютъ названіе городовъ²⁵). Такъ, на примѣръ, образовался Элисъ, а позднѣе Меглополисъ. Преданіе, и притомъ преданіе на столько распространенное, что врядъ ли оно могло быть лишненнымъ основанія, приписываетъ такое же происхожденіе и Мантинѣѣ и самой Спартѣ, что должно было совершиться еще въ до-гомерическую эпоху²⁶). Тоже самое положеніе вещей, какое намъ представляется въ наименѣ развитыхъ частяхъ Греціи, мы находимъ также и у тѣхъ сосѣднихъ народовъ, которые не суть, строго говоря, греки, но все же соединены съ ними общностью происхожденія—у эфирцевъ и македонянъ. Города у нихъ не безъизвѣстны, но племя и деревня все еще остаются преобладающей формой народной жизни²⁷). Мы могли бы и помимо историческихъ доказательствъ, по самому существу дѣла, убѣдиться, что греческій городской бытъ развился изъ болѣе древняго племеннаго и деревенскаго быта, но это вполнѣ подтверждается и историческими доказательствами.

Такимъ образомъ, даже въ Греціи городской бытъ далеко не былъ первоначальной формой общественнаго устройства. Но онъ сдѣлался, какъ всѣмъ извѣстно, самой характерной чертой греческой политики, и этому особенному складу своей политической жизни Греція обязана какъ блескомъ, такъ и непродолжительностью своей исторической роли. Городъ, согласно греческимъ политическимъ идеямъ, сохранялъ въ себѣ нѣчто изъ племеннаго строя, и даже строже, чѣмъ это сохранялось въ племени. Городъ, государство, республика—были совокупностью *γέννη, gentes*, естественныхъ или искусственныхъ родовъ. Гражданство было, такимъ образомъ, дѣломъ наслѣдственной передачи; простое пребываніе въ городѣ, даже въ теченіи девяти или десяти поколѣній, никогда не могло сообщить гражданскихъ правъ²⁸). Можно найти въ исторіи города одинъ или два такихъ случая, что при сѣуженіи природныхъ гражданъ въ замкнутую олигархію допускалось широкое распространеніе правъ

гражданства на пользовавшіеся ими классы для превращенія олигархіи въ демократію ²⁹). Отъ времени до времени гражданство сообщалось спеціальными постановленіями отдѣльнымъ лицамъ, какому-нибудь мѣстному жителю или иноземному государю, оказавшему республикѣ услуги ³⁰). Но это не было обыкновеннымъ способомъ для возмѣщенія необходимаго вымирания родовъ полноправныхъ гражданъ. Греческій городъ могъ поработать себѣ другіе города, онъ могъ заключать съ ними союзы или на началахъ равенства, или на началахъ зависимости, но уничтоженіе замкнутости гражданства, допущеніе союзнаго или подвластнаго населенія къ пользованію общими гражданскими вольностями, было вовсе неизвѣстно въ историческое время. Это совершилось нѣкогда въ до историческую эпоху, когда всѣ селенія Аттики были склонены или принуждены слить свое политическое существованіе въ одно политическое цѣлое города Аѣинъ ³¹). Подобная попытка, слабая и неудачная, была однажды сдѣлана и въ историческое время, когда республики Аргосъ и Коринѣъ соединились на одно время воедино ³²). Но по общему правилу, въ теченіи всей наиболѣе блестящей эпохи греческой исторіи, каждый городъ сохранялъ отдѣльное политическое существованіе. Чѣмъ выше было политическое развитіе, чѣмъ выше были матеріальный прогрессъ и общественная цивилизація какаго-нибудь греческаго города, тѣмъ крѣпче и упорнѣе охранялъ онъ свое обособленное и независимое существованіе, какъ самостоятельная республика. Онъ могъ подчинять своей власти другіе города, но въ немъ никогда не возникала мысль о сообщеніи гражданскихъ правъ населенію подвластныхъ городовъ; онъ могъ самъ подпасть чужому игу, и быть можетъ думалъ о сверженіи власти своего слишкомъ могущественнаго сосѣда, но никогда не домогался участія въ правахъ его гражданъ.

Это привело къ двумъ результатамъ. Греческій народъ никогда не достигъ политическаго единства. И тѣ части Греціи, которыя въ послѣднее время ея независимости наиболѣе приблизились къ тому, чтобы стать націей, не были тѣми частями ея, которыя занимали первенствующее мѣсто въ болѣе раннюю и болѣе блестящую эпоху ея исторіи. Въ послѣднюю, федеративную эпоху Греціи, народная жизнь съ особенной полнотою

проявилась именно въ тѣхъ болѣе отсталыхъ частяхъ Греціи, гдѣ греческій городской бытъ никогда не достигалъ своего полнаго развитія. Этолія, Акарнанія, даже эллинизированный Эпиръ проявляютъ теперь больше народной жизни, нежели Аѳины. Но въ это позднѣйшее время былъ достигнутъ весьма важный успѣхъ. До тѣхъ поръ федеративный принципъ находилъ себѣ примѣненіе лишь въ тѣхъ частяхъ Греціи, гдѣ или вообще городской бытъ былъ едва развитъ, или же города были незначительны и имѣли ничтожное значеніе въ политикѣ Греціи. Долгое время онъ служилъ лишь соединенію дивихъ племенъ Этоліи и почтенныхъ, но незначительныхъ городовъ первоначальной Ахеи ³³). Теперь онъ становится руководящимъ началомъ греческой политики. Большая часть Греціи раздѣлилась между федеративными республиками. Но наиболѣе значительныя города прежняго времени держатся вдали отъ этой системы, такъ значительно подрывающей обособленную независимость каждаго отдѣльнаго города. Аѳины никогда не присоединялись къ Ахейскому союзу; Спарта была включена въ него противъ своего желанія ³⁴). Въ это послѣднее время греческой независимости образуется новая форма политическаго быта. Но это было лишь развитіе или видоизмѣненіе ея старой системы независимыхъ городовъ. Города отказываются отъ своего независимаго политическаго существованія и соединяются въ федераціи; нѣсколько отдѣльныхъ городовъ образуютъ, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, одно государство. Но эта федерація была лишь федерація городовъ. Внутреннее устройство городовъ осталось нетронутымъ. Каждый изъ нихъ оставался самостоятельнымъ и независимымъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Форма союзнаго государства (Bundesstaat) ³⁵) и притомъ представляющаго федерацію не племенъ или кантоновъ, а городовъ, была формой, наиболѣе близкой къ національному единству, какой только когда-либо достигали наиболѣе цивилизованныя части Эллады въ эпоху ея независимости.

И такъ, тутъ была одна идея о государствѣ, согласно которой это государство, эта республика, это общество, въ которомъ человѣкъ пользуется политическими правами и несетъ политическія обязанности, вокругъ котораго группируются всѣ

его патриотическія чувства, есть не народъ, не страна, но отдѣльный городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта система вызвала дѣйствительно высшее развитіе силъ человѣка; на свѣтѣ никогда не было другаго политическаго общества, гдѣ бы средній уровень развитія отдѣльныхъ гражданъ былъ такъ высокъ, какъ въ аѳинской демократіи въ эпоху ея процвѣтанія. Слабая сторона этой системы заключается въ томъ, что она слишкомъ блестяща для того, чтобы быть прочной. Тотъ возвышенный энтузіазмъ, который составляетъ необходимое условіе ея существованія и безъ котораго она не можетъ удержаться на томъ же уровнѣ, не можетъ быть сохраненъ въ теченіи многихъ поколѣній ³⁶). И къ тому же эта система можетъ удержаться лишь до тѣхъ поръ, пока она обнимаетъ весь цивилизованный міръ. Когда сила страны дробится между нѣсколькими совершенно независимыми городами, безразлично или даже враждебно относящимися другъ къ другу, то она не можетъ устоять противъ государства столь же сильнаго и столь же просвѣщеннаго, но представляющаго больше единства. Усугубивъ свою энергію и даже свое единство, Греція отразила нападеніе грубой силы Персовъ: но она не могла противустоять объединенной силѣ Македоніи, перенявшей у нея самой искусства и дисциплину. Этотъ урокъ оказалъ свое дѣйствіе при возрожденіи греческой независимости въ федеративный періодъ. Но даже и тогда, та степень единства, какая была достигнута, была только федеративною связью и никогда не обнимала всю страну. Греція никогда не сдѣлалась національнымъ государствомъ; народъ, политическія идеи котораго не идутъ дальше отдѣльныхъ и независимыхъ городовъ, никогда не можетъ достигнуть политическаго единства, и онъ никакъ не можетъ устоять въ борьбѣ съ другимъ народомъ, достигшимъ такого единства. Но тѣмъ не менѣе въ Греціи мы видимъ высшее развитіе способностей человѣка, каковаго они не достигали ни при какой другой политической системѣ. И, хотя система эта могла сохраняться въ полной силѣ и блескѣ лишь въ теченіи немногихъ поколѣній людей, ея исторія все-таки навсегда остается поучительнѣйшимъ урокомъ.

Отъ этого представленія о государствѣ, какъ объ отдѣльномъ независимомъ городѣ, которому лежащій на востокъ отъ

Адриатическаго моря полуостровъ обязанъ всѣмъ блескомъ своей исторіи, обратимся къ другому представленію, или, вѣрнѣе, къ тому видоизмѣненію того же самаго представленія о государствѣ, какое выразилось въ политической исторіи полуострова, находящагося по другую сторону Адриатическаго моря. Италія также, какъ и Греція, изстари распадалась на множество небольшихъ республикъ, или, вѣрнѣе, въ ней было много различныхъ селеній, родовъ, племенъ, изъ которыхъ образовались различныя республики. Идея независимости городовъ, можно сказать, была и въ древней Италіи, также какъ и въ древней Греціи, руководящей идеей политической жизни, но здѣсь она никогда не была осуществлена въ такой полнотѣ. Мы должны оставить въ сторонѣ ту часть южной Италіи, которая была въ позднѣйшее время заселена греческими колонистами. Исторія городовъ этой части Италіи есть не болѣе, какъ часть греческой исторіи. Въ той большей части Италіи, которой не коснулась греческая колонизація, настоящій городской бытъ, вполне отвѣчающій греческимъ понятіямъ, никогда не достигалъ такого же рѣшительнаго преобладанія, хотя укрѣпленный городъ повсюду представлялся идеальнымъ типомъ политической единицы. Съ самаго начала города были менѣе значительны и болѣе склонны соединяться другъ съ другомъ федеративной связью. Въ Италіи всегда было мало городовъ и притомъ на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, какъ напр. Римъ и Капуя. Поэтому Италія не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Греціей, гдѣ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга существовали такіе города, какъ Фивы, Аѣины, Коринѣъ, Сикіонъ, Аргось³⁷). Поэтому исторія древней Италіи была гораздо болѣе исторіей федерацій, нежели исторіей отдѣльныхъ городовъ, и итальянскія федераціи съ самаго начала представляли болѣе близкую связь между отдѣльными городами и большее приближеніе къ національному единству, нежели позднѣйшія и болѣе славныя федераціи Греціи. Лаціумъ, Самніумъ и другіе имѣютъ гораздо больше общаго съ Этолій и Акарнаніей, нежели съ Ахейскимъ союзомъ, представляющимъ болѣе строгій типъ союза городовъ. Основными элементами древняго быта Италіи были *gens*, или родъ, и племя. Городъ былъ скорѣе крѣ-

постью, мѣстомъ собраній и убѣжищемъ для племени или нѣсколькихъ племенъ, нежели дѣйствительнымъ мѣстомъ ихъ жительства, какъ это должно бы быть согласно греческимъ понятіямъ³⁸⁾. Въ тоже самое время, въ Италіи идея города, города-государства и притомъ владычествующаго надъ другими достигла такого развитія, какъ никогда, ни раньше, ни послѣ. Группа латинскихъ деревень образовала изъ себя какъ бы пограничный оплотъ Лаціума противъ этрусскаго движенія. Эта пограничная крѣпость мало по малу сдѣлалась главою Лаціума, главою Италіи, главою всего міра, прилегающаго къ Средиземному морю³⁹⁾. Идея города, господствующаго города, собирающаго вокругъ себя различныя классы гражданъ, союзниковъ и подданныхъ⁴⁰⁾ и служащаго для всѣхъ ихъ общимъ центромъ, въ которомъ они или могли пользоваться свободой или должны были подчиняться власти—идея подобнаго города начала свое самое полное осуществленіе въ городѣ Римѣ. Между всѣми городами Римъ одинъ заслуживаетъ названія вѣчнаго; но свое вѣчное значеніе онъ приобрѣлъ тѣмъ, что болѣе всякаго другаго города сумѣлъ отбросить тѣ сѣти, которыя сѣуживали и укорачивали жизнь другихъ господствующихъ городовъ міра. Одинъ изъ римскихъ цезарей въ своей рѣчи въ сенатѣ объяснилъ, какимъ образомъ Римъ достигъ своего владычества: онъ достигъ его, сообщая мало по малу право гражданства своимъ вѣрнымъ союзникамъ и побѣжденнымъ врагамъ. Клавдій съ совершенно вѣрнымъ пониманіемъ исторіи того государства, которымъ правилъ, доказалъ, что Аѳины и Спарта были недолговѣчны потому, что не сообщали правъ гражданства своимъ союзникамъ и подданнымъ; и что, напротивъ, господство Рима было прочно въ силу того, что его союзники и подданные легко могли дѣлаться римлянами. Плебеи, латиняне и, наконецъ, обитатели всей Италіи, всѣ, въ своей чередѣ, сдѣлались причастны правамъ и почестямъ побѣдоноснаго города. Послѣ Италіи, такъ продолжаетъ Клавдій, тоже самое было совершено относительно Галліи и Испаніи; и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, покуда право римскаго гражданства не потеряло все свое значеніе и всѣ свободные обитатели римскаго міра не сдѣлались вмѣстѣ и римскими гражданами⁴¹⁾. Но замѣтите, что это было право гражданства въ городѣ Римѣ, мѣстное

право гражданства въ отдѣльномъ городѣ, которое постепенно было распространено на весь Лаціумъ, на всю Италію, на весь извѣстный тогда міръ. Они сдѣлались участниками корпораціи совершенно такого же характера, какъ наслѣдственное гражданство древнихъ греческихъ или средневѣковыхъ итальянскихъ городовъ, такого же характера, какъ и сословіе фрименовъ въ современныхъ англійскихъ бургахъ. Можно связать поэтому, что городъ какъ бы сталъ націей, или даже больше чѣмъ націей, такъ какъ гражданами его сдѣлались обитатели всего цивилизованнаго міра. Но все же римскій гражданинъ былъ только римскимъ горожаниномъ, и права его, покуда они сохраняли дѣйствительное значеніе, могли бытъ осуществляемы только въ городѣ Римѣ ⁴²⁾. Послѣдствіемъ этого было то, что еще прежде, чѣмъ владычеству Рима подпалъ весь міръ, и даже прежде, чѣмъ подпала ему вся Италія, муниципальное управленіе Рима было испытано и оказалось неудовлетворительнымъ для такой обширной части міра. Конституція, которая для самаго города была лучшею, какою когда-либо видѣлъ міръ, конституція, которая была лучшею, потому что развивалась мало по малу по мѣрѣ того, какъ въ томъ являлась надобность, должна была погибнуть, когда ей было дано такое примѣненіе, къ какому она совершенно не была приспособлена. Граждане отдѣльнаго города Италіи не могли управлять всѣмъ міромъ; они не могли даже править всей Италіей. Они не могли управлять и дѣлами своего собственнаго города, когда вмѣсто сотенъ они стали считаться тысячами. Деспотизмъ цезарей былъ энергичнымъ средствомъ противъ неизбежнаго распаденія. Что касается самаго Рима, то, если согласиться съ Меценатомъ, что жизнь хотя бы и тревожная лучше смерти ⁴³⁾, распаденіе было бы для него меньшимъ бѣдствіемъ, нежели деспотизмъ. Но для подвластныхъ странъ замѣна многихъ правителей однимъ была прямымъ выигрышомъ. Исторія Греціи показываетъ намъ, что независимые города не могутъ противостоять объединенному государству, монархіи или республикѣ. Исторія Рима, съ своей стороны, показываетъ намъ, что если отдѣльный городъ стремится къ всемірному владычеству, онъ можетъ дѣйствительно достигнуть власти, которую можно назвать вѣчной, но онъ

можетъ этого достигнуть лишь принеся въ жертву свою собственную свободу. Различіе между гражданами и подданными могло быть уничтожено, но не возвышеніемъ подданныхъ до уровня гражданъ, а низведеніемъ гражданъ до уровня подданныхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя какъ въ Греціи, такъ и въ Италиіи руководящей политической идеей была независимость отдѣльныхъ городовъ, результаты, которые она породила въ двухъ этихъ странахъ, не были одинаковы. Болѣе раннее и болѣе полное установленіе федеративнаго принципа, болѣе широкое, болѣе легкое распространеніе гражданскихъ правъ на союзниковъ и подданныхъ — оба эти обстоятельства привели къ одному и тому же результату. И мнѣ думается, что и то, и другое было дѣйствіемъ одной и той же причины. Причина эта заключалась въ томъ, что въ Италиіи наклонности и привычки родового и племеннаго быта никогда не были вытѣснены наклонностями и привычками городского быта въ такой же степени, какъ это было въ Греціи. Дѣло въ томъ, что если мы, рассматривая исторію въ хронологическомъ порядкѣ, начинаемъ съ Греціи и переходимъ послѣдовательно къ римлянамъ, завоевателямъ Греціи, и къ германцамъ, завоевателямъ Рима, то во многихъ отношеніяхъ исторія этихъ народовъ представляетъ намъ обратную послѣдовательность. Въ Италиіи мы находимъ первоначальное представленіе о государствѣ въ болѣе древней формѣ, нежели въ Греціи, и особенно въ тѣхъ греческихъ государствахъ, о которыхъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній. У германскихъ же народовъ мы находимъ еще болѣе древнюю форму, нежели у народовъ Италиіи. Представленіе о государствѣ, какъ о городѣ, какъ мы это видѣли и какъ это должно быть по самой природѣ вещей, есть болѣе новое представленіе, нежели представленіе о государствѣ, какъ о племени. Мы видѣли, что даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи представленіе о городѣ-государствѣ — это господствующее понятіе вполне развитой политической жизни Греціи — развивалось медленно и никогда не давало тѣхъ результатовъ, какіе оно дало въ великихъ греческихъ городахъ — республикахъ. У германскихъ народовъ городъ-государство никогда не былъ существеннымъ элементомъ политической жизни. Нельз

сказать, чтобы идея совершенно независимаго города была германская идея; ни у одного германскаго народа она не была господствующей политической идеей. Греки достигли городскаго быта такъ рано и онъ достигъ у нихъ такого развитія, какого нивогда не достигало у нихъ національное единство. Германцы прямо перешли отъ племеннаго быта къ національному единству, минуя посредствующую стадію городскаго быта. Италия представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто среднее; городской бытъ въ ней существовалъ, но не достигъ въ ней такого полнаго развитія, какъ въ Греціи. Болѣе древнія идеи рода и племени долѣе сохранили въ ней свое значеніе. До самыхъ послѣднихъ временъ римской свободы эти идеи оказывали такое вліяніе, какого въ Греціи они лишились въ гораздо болѣе древнюю эпоху.

Чтобы выяснить различіе трехъ сравниваемыхъ нами народностей въ этомъ отношеніи, надо обратиться къ истинному началу политической жизни. Уже греческіе философы понимали, что зародышемъ государства, отождествлявшагося ими съ городомъ, слѣдуетъ считать семью. Но они, быть можетъ, не понимали вполнѣ значенія той переходной стадіи, которая отдѣляетъ семью, въ болѣе узкомъ значеніи этого слова, отъ политическаго общества ⁴⁴). Во всѣхъ древнихъ политическихъ обществахъ большое практическое значеніе имѣетъ семья, но не семья въ обиходномъ значеніи, какъ союзъ родителей и дѣтей, какъ домъ, но семья въ значеніи рода, клана. Родъ можетъ имѣть различныя формы: онъ можетъ долгое время сохранять первобытную независимость, хищнической образъ жизни, преданность наследственному главѣ; такую форму представляютъ роды вельтическія какъ въ Британіи, такъ и въ Ирландіи ⁴⁵). На болѣе высокой стадіи развитія они могутъ принять форму земледѣльческихъ сельскихъ общинъ, какъ мы это видимъ у арійскихъ племенъ и на востокѣ, и на западѣ ⁴⁶). Коротко говоря, кланъ и деревенская община — одно и то же, но подъ вліяніемъ различныхъ географическихъ и другихъ условій въ одномъ случаѣ родовой союзъ принимаетъ болѣе осѣдлую жизнь, въ другомъ — сохраняетъ болѣе грубый бытъ. Аѳинскій *γένος*, римскій *gens*, германская *Mark* или *Gemeinde*, сельская община востока, и, какъ я сказалъ,

ирландскій кланъ — все это въ существѣ дѣла одно и то же. Всѣ эти формы — часть общаго наслѣдія; всѣ онѣ соотвѣтствуютъ одной и той же въ сущности стадіи культуры, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи они представляютъ, повидимому, рѣзкія различія. Во всякомъ случаѣ, община такого рода есть низшая политическая единица — это общеніе, наиболѣе близко стоящее къ простому домашнему, семейному общенію. Племя, *tribus*, слѣдуетъ за нимъ не непосредственно; мы находимъ посредствующее общеніе *hundred*, сотню или *curia*. Но значеніе этого посредствующаго общенія очень невелико въ сравненіи съ преобладающимъ значеніемъ рода съ одной стороны и племени съ другой, и мы можемъ сказать поэтому, что какъ государство, будетъ ли это государство національное или государство-городъ, образуется изъ совокупности родовъ, такъ племя образуется изъ совокупности *gentes*.

Имена *γένος* и *gens* — оба указываютъ на то, что основаніемъ такого рода общенія служитъ кровное родство. Въ англійскомъ языкѣ нѣтъ имени, которое бы точно выражало то же самое понятіе ⁴⁷⁾; но наши мѣстные названія показываютъ, что и у насъ, въ Англии, низшей политической единицей былъ союзъ людей, первоначально основавшійся исключительно на кровномъ родствѣ, позднѣе — и на искусственномъ. Значительная часть англійскихъ приходовъ носить названія, прямо происходящія отъ древнихъ германскихъ родовыхъ именъ. Уффингтонъ, Гиллингамъ и множество другихъ названій, нерѣдко повторяющихся въ различныхъ частяхъ страны — происходятъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ Уффинговъ, Гиллингговъ и т. п., какъ первыхъ германскихъ поселенцевъ въ данной мѣстности ⁴⁸⁾. Эти названія совершенно соотвѣтствуютъ названіямъ, происходящимъ отъ *gentes* Рима или Аэинъ, Алмеонидовъ и Юліевъ, и отъ клановъ скотовъ, какъ на ихъ собственномъ островѣ, такъ и въ Британіи ⁴⁹⁾. Все это названія строго патронимическія; родичи носятъ имя ихъ предполагаемаго предка. Но мы не должны тутъ предполагать непременно дѣйствительное родство между членами родового союза ⁵⁰⁾. Тѣмъ не менѣе, однако, идея рода, семьи проникаетъ всѣ эти формы общенія. Основаніемъ ихъ является семья: общій патріархъ, богъ или человекъ, дѣйствительный или ми-

эическій, Алкмеонъ, Юлій, Оффа, Дональдъ и т. п., является связью, соединяющею членовъ такого союза, все равно, дѣйствительно ли они происходятъ отъ него, или нѣтъ. Приемный сынъ, вольноотпущенникъ, кліентъ, покровительствуемый иностранецъ могли быть приняты въ той или другой степени въ нѣдро семьи, такъ что кровное родство становится просто-легальной фикціей⁵¹); но все же эти лица принимались въ домъ, въ родъ, gens, т. е. въ семью, отъ которой они получали имя, и допускались къ участию въ ея правахъ, религиозныхъ обрядахъ и преданіяхъ. Въ Римѣ и Аѣинахъ gentes соединялись въ болѣе обширный curia или *φρατρία*, т. е. братчина, названіе, въ которомъ такъ удивительно сохранилось общее арійское слово, вовсе неизвѣстное греческому языку въ своемъ болѣе древнемъ и болѣе прямомъ значеніи⁵²). Совокупность курій и *φраτρій* образуетъ племя, трибу; совокупность трибъ—государство. Но какъ въ Римѣ, такъ и въ Аѣинахъ трибы, состоящія изъ курій и родовъ, утратили свое политическое значеніе и уступили мѣсто трибамъ болѣе поздняго происхожденія, опирающимся на совершенно другое начало. Въ позднѣйшія стадіи развитія этихъ государствъ, трибы, изъ которыхъ они составлялись, не были первоначальными родовыми трибами, но имѣли чисто мѣстный, территоріальный характеръ. Но меньшія группы, изъ которыхъ составлялись трибы, gentes, и посредствующія между gentes и трибами союзы, сохранились, хотя въ силу такого рода случайности, какая часто встрѣчается въ исторіи политическаго развитія; значеніе тѣхъ и другихъ было различно въ Римѣ и Аѣинахъ. Въ позднѣйшую эпоху аѣинской республики мы гораздо больше слышимъ о *φρατρία*, чѣмъ о γένος. Въ Римѣ, напротивъ, curia сравнительно раньше становится пустымъ именемъ, но gentes сохранялись, процвѣтали и оказывали постоянное вліяніе на національный характеръ и національную исторію.

Въ Римѣ, стало быть, вліяніе семейнаго общенія было гораздо значительнѣе, гораздо прочнѣе, нежели въ Аѣинахъ. Одна изъ причинъ этого различія можетъ показаться ничтожной. Едва ли можно сомнѣваться, что большая прочность и болѣе значительная историческая роль римскихъ gentes, сравнительно съ соотвѣтствующими имъ родовыми союзами въ

Греція и у германскихъ народовъ, обусловились особенностью образованія римскихъ личныхъ именъ, хотя, конечно, и эта особенность имѣетъ свои причины. Алмеонидъ Мегаалъ или Уффингъ Годрикъ помнили и гордились именемъ своихъ дѣйствительныхъ или мифическихъ праотцевъ, но они не считали это имя своимъ собственнымъ помен, по отношенію къ которому ихъ личное имя было бы только прапомен. Но такъ именно образовывались римскія имена отъ имени родоначальника, наприм. Titus Quinctius или Cajus Julius ⁵⁴).

Но, безъ сомнѣнія, были и другія причины. По всей вѣроятности, сила и долговѣчность родовыхъ союзовъ въ Римѣ обуславливались тѣмъ, что въ немъ эти союзы были въ большей степени, чѣмъ въ Аѣинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстными союзами. Ни по какому другому вопросу мы не можемъ пользоваться съ большею увѣренностью указаніями мифической исторіи, какъ по вопросу о томъ, что Римъ образовался изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ сельскихъ общинъ. Такимъ же путемъ, какъ мы видѣли, образовались и многіе греческіе города, въ томъ числѣ и Спарта ⁵⁵). Но происхожденіе $\omega\beta\alpha\iota$ —спартанскихъ курій—и трибъ нельзя относить къ древнимъ лаконскимъ мѣстнымъ дѣленіямъ; они происходятъ отъ тѣхъ дѣленій, которыя были принесены дорійскими завоевателями, и которыя были ими установлены во всѣхъ дорійскихъ городахъ Пелопоннеза. Эти трибы, общіе всѣмъ дорійцамъ, также какъ $\omega\beta\alpha\iota$, изъ которыхъ они были составлены, существовали, какъ дѣленіе господствующаго населенія Спарты на ряду съ территоріальнымъ дѣленіемъ, болѣе древнимъ, чѣмъ завоеваніе; совершенно также, какъ и въ Аѣинахъ, и въ Римѣ мы видимъ, что мѣстныя трибы или замѣняютъ или существуютъ рядомъ съ трибами, основанными на чисто родовой связи ⁵⁶). Если и Аѣины образовались изъ географическаго соединенія старыхъ деревень — чего не должно смѣшивать съ политическимъ объединеніемъ селеній Аттики — то это должно было совершиться въ такую отдаленную эпоху, что не осталось слѣдовъ ни въ мифахъ, ни въ преданіяхъ. Внимательный глазъ, быть можетъ, въ состояніи найти остатки и слѣды болѣе древнихъ обитателей этой мѣстности, нежели историческіе аѣиняне, но едва ли можно открыть слѣды со-

единенія сосѣднихъ и родственныхъ деревень ⁵⁷). Мы находимъ въ Аѳинахъ четыре іоническіе трибы, вѣроятно общіе всѣмъ іонійскимъ городамъ; но мы не находимъ здѣсь такихъ мѣстныхъ преданій, какъ тѣ, которыя соединяли имя Ramnes съ деревней Ромула и Tities съ деревней Тита Тація ⁵⁸). Къ этому надо присоединить консерватизмъ, о которомъ я буду говорить въ другой лекціи и который проникаетъ политическія революціи Рима въ гораздо большей степени, нежели революціи Аѳинъ. Это привело къ тому, что старыя іоническія трибы въ Аѳинахъ потеряли политическое значеніе, а какъ *φρατίαι*, такъ и *gentes* сохранились лишь въ качествѣ родственныхъ и религіозныхъ союзовъ, но не составныхъ элементовъ государства. Старыя генеалогическія трибы уступили мѣсто позднѣйшимъ трибамъ, установленнымъ Клизеномъ, трибамъ, которыя были совершенно искусственными дѣленіями, въ которыхъ не было дѣйствительной связи ни по происхожденію, ни по мѣстности. Десять трибъ составлялись, правда, изъ *δῆμοι*, а *δῆμοι* были, безъ сомнѣнія, деревенскими общинами въ строгомъ смыслѣ; но при составленіи трибъ нарочно позаботились о томъ, чтобы между составляющими ихъ *δῆμοι* не было географической связи ⁵⁹). Для такого измѣненія имѣлись достаточныя основанія въ политическомъ опытѣ того времени; но замѣна чисто генеалогическаго дѣленія новымъ территоріальнымъ знаменуетъ важный переворотъ въ идеяхъ тогдашнихъ людей и показываетъ насколько соображенія дѣйствительной политики получили преобладаніе надъ чисто традиционными воспоминаніями. ⁶⁰) *δῆμος* часто принимаетъ имя рода ⁶¹). На еще болѣе поздней стадіи политическаго развитія Аѳинъ родъ, *γένος*, совершенно исчезаетъ и демось сталъ уже не политической единицей, а простымъ территоріальнымъ подраздѣленіемъ новой территоріальной трибы.

Въ Римѣ, напротивъ, государство и въ древности, и позднѣе было составлено изъ трибъ существенно территоріальнаго характера. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что таковы были древнія патриціонскія трибы, которыя представляются первоначальными общинами, изъ которыхъ составилось самое государство въ его древнѣйшей формѣ. Селенія Ромула и Тація были трибами Ramnes и Tities, занимавшими два изъ семи

римскихъ холмовъ ⁶²). Еще несомнѣннѣе, что новое римское населеніе, plebs, составленъ былъ съ самаго начала изъ строго территориальныхъ трибъ; несомнѣнно также, что когда государство разрасталось, это дѣлалось черезъ присоединеніе новыхъ территориальныхъ трибъ. Когда на новое селеніе или на новый округъ распространялось право гражданственности, эта территорія образовывала новую трибу; и изъ тридцати пяти трибъ позднѣйшаго времени только четыре находились собственно въ городѣ Римѣ ⁶³). Но и территориальныя трибы, подобно аѣинскому δῆμος, часто находились въ тѣснѣйшей связи съ родомъ ⁶⁴). И хотя δῆμος, какъ элементъ государства, имѣлъ существенно территориальный характеръ, но какъ эти δῆμος первоначально образовались изъ родовъ, gentes или деревенскихъ общинъ, то возможно также, что, въ эпоху ихъ образованія, они могли почти соответствовать отдѣльнымъ родамъ. И, точно также, хотя δῆμος и новыя трибы были по своему происхожденію территориальнаго характера, со временемъ въ нихъ является и генеалогическая связь. Также было и съ территориальными трибами Рима. Ихъ имена показываютъ, что и они также часто имѣли связь съ родомъ, gens, и эта связь особенно ясно выразилась въ одномъ случаѣ; который сохранился до насъ какъ въ исторіи, такъ и въ преданіяхъ. Когда Attus Clausus и его потомство переселились въ Римъ, они образовали Клавдіеву трибу точно также, какъ и родъ Клавдіевъ. Но Клавдіева триба не сдѣлалась, подобно аѣинскому δῆμος, чисто территориальнымъ дѣленіемъ; это была составная часть римскаго государства съ своимъ отдѣльнымъ голосомъ въ собраніи римскихъ трибъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ идея, лежащая въ основѣ всякаго государства, идея племени или рода, сохранялась въ Римѣ съ большею строгостью и въ большей связи съ политической жизнью государства, чѣмъ въ Аѣинахъ. Но именно потому, что идея рода и племени была болѣе живучей, идея города-государства получила болѣе слабое развитіе. Римское государство было государствомъ-городомъ, потому что Римъ былъ единственнымъ сосредоточіемъ государственной жизни. Но въ немъ, подобно Аѣинамъ, въ отличіе отъ другихъ греческихъ городовъ, государственная жизнь не ограничивалась стѣнами города. Римъ

быль городскимъ государствомъ; но мы не можемъ его считать чистымъ образцомъ такого типа государствъ, такъ какъ собственно городу принадлежало немногимъ больше одной девятой части голосовъ въ собраніяхъ по трибамъ: всего четыре голоса изъ тридцати пяти. Въ этомъ отношеніи идея государства-города въ Римѣ, и вообще въ Италиі, была проведена менѣе послѣдовательно, нежели въ Греціи. И именно по этой причинѣ политическая система Рима была болѣе живуча, чѣмъ греческая. Римъ, строго говоря, никогда не сдѣлался націей, но онъ гораздо болѣе приблизился къ этому, нежели Греція, какъ цѣлое, или нежели какое нибудь отдѣльное греческое государство.

Мы обратимся теперь къ учрежденіямъ нашихъ праотцевъ и соплеменниковъ — къ первобытному представленію о государствѣ, какое было у германцевъ. Наша собственная древняя исторія есть ключъ къ древнѣйшей исторіи Греціи и Италиі. У древнихъ германцевъ и скандинавовъ также, какъ и у германскихъ поселенцевъ на нашемъ островѣ, мы можемъ подробно изслѣдовать многое такое, что въ исторіи Греціи или Италиі представляется намъ темнымъ; мы находимъ тутъ достоверныя данныя о многомъ такомъ, о чемъ въ исторіи Греціи и Италиі мы можемъ только догадываться; многое такое, что въ Греціи и Италиі мы можемъ замѣтить лишь по сохранившимся слѣдамъ и въ переживаніяхъ, тутъ мы находимъ еще вполне живымъ и сохраняющимъ свое значеніе. Именно, у германскихъ народовъ мы можемъ всего лучше прослѣдить, какъ семья, подобно тому, какъ это было въ Греціи и въ Италиі, развилась въ родъ или кланъ, — какъ кланъ также, подобно тому, какъ это было въ Греціи и Италиі, развился въ племя, и какъ, наконецъ, племя развилось не въ городскую общину, а въ націю, чѣмъ исторія развитія германскаго политическаго строя и отличается отъ греческой и римской. Но прежде чѣмъ я приступлю къ подробному сравненію, я уважу на два факта, въ которыхъ рѣзко выразилось различіе политическихъ и соціальныхъ идей у двухъ великихъ отраслей арійской семьи, у грековъ и италійцевъ съ одной стороны, и у нашихъ собственныхъ предковъ съ другой. Я выбралъ два факта, двѣ формулы, два оборота рѣчи, относящіеся къ той

переходной эпохѣ, когда римская и германская системы существовали рядомъ. Изъ сопоставленія ихъ мы видимъ, въ одномъ отношеніи, близкое сходство, въ другомъ—рѣзкое различіе въ политическихъ идеяхъ и выраженіяхъ романскихъ и германскихъ народовъ, сообразно съ тѣмъ, что у однихъ города были всѣмъ, у другихъ же они были или вовсе неизвѣстны, или имѣли второстепенное значеніе, а племенной бытъ прямо смѣнился національнымъ. Оба эти примѣра относятся къ древней церковной исторіи. Когда христіанство сдѣлалось постепенно религіей и римской имперіи, и ея завоевателей, усвоившихъ римскую цивилизацію, тѣхъ, которые, все еще оставались по старому язычниками, какъ на латинскомъ, такъ и на германскомъ языкѣ называли именами, обозначающими не религиозное заблужденіе, а болѣе низкій уровень общественнаго развитія. Поклонники Юпитера или Водана назывались по латини *pagani*, по германски *heathen*. Эти два имени объясняются различіемъ характера цивилизаціи у народовъ, говорившихъ на этихъ языкахъ. *Pagani* были сельскіе жители въ противоположность горожанамъ. Евангеліе проповѣдывалось сначала въ городахъ, и города сдѣлались христіанскими, когда въ окружающихъ ихъ деревняхъ все еще продолжали поклоняться старымъ богамъ. Отсюда имя *paganus*, сельчанинъ, т. е. человѣкъ, стоящій на болѣе низкой ступени развитія, нежели горожанинъ, становится именемъ человѣка, не принявшаго еще болѣе возвышенную и болѣе чистую вѣру христіанской церкви ⁶⁵). Но въ Англіи въ шестомъ столѣтіи, или въ восточной Германіи въ восьмомъ не могло быть такого различія. Если бы всѣ, кто жилъ внѣ стѣнъ городовъ, остались язычниками, христіанская церковь имѣла слишкомъ мало приверженцевъ среди независимыхъ германцевъ. Въ ихъ представленіи противоположеніе между высшимъ и низшимъ общественнымъ развитіемъ вовсе не совпадало съ противоположеніемъ сельчанина и горожанина; германцы различали въ этомъ смыслѣ обитателя занятой и обработанной страны и дикаго обитателя дикой мѣстности. Города, какія кое-гдѣ были деревни, и вообще мѣстности, занятые уже осѣвшимися населеніемъ, приняли христіанство, между тѣмъ, какъ дикій обитатель пустыни (*heath*) все еще поклонялся Водану и Тору. Ихъ поклонники стали поэтому называться *heathens*, *Heiden* ⁶⁶).

Какъ *paganus*, такъ и *heathen*, *Heide* одинаково обозначаютъ болѣе низкій сравнительно съ христіанами уровень развитія. Но характеръ принятаго мѣрила общественнаго развитія былъ различенъ въ этихъ двухъ случаяхъ. Для римлянъ городъ былъ центромъ всей общественной жизни; у германцевъ города, если и встрѣчались, были случайнымъ мѣстомъ жительства части народа, не имѣвшей никакого превосходства надъ тѣми, которые жили внѣ городовъ.

Другимъ примѣромъ послужить намъ слѣдующій фактъ, относящійся къ тому же періоду. Въ организаціи христіанской церкви церковныя дѣленія сообразовались всегда съ современнымъ гражданскимъ дѣленіемъ; эти церковныя дѣленія, провинціи и діоцезы, оказались вообще болѣе долговѣчными, чѣмъ гражданскія и потому они имѣютъ такую первостепенную важность для изученія исторической географіи. Но въ романской и въ кельтической или германской Европѣ—такъ какъ въ данномъ отношеніи кельты и германцы, скоты и англѣ могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ—церковныя дѣленія указываютъ на гражданскія дѣленія совершенно различнаго характера. Въ Италіи, Галліи или Испаніи епископы назначались по городамъ; городъ былъ его постоянной резиденціей, центромъ его церковной дѣятельности; имя города включалось въ его титулъ и территоріальныя предѣлы его власти опредѣлялись границами гражданской юрисдикціи города. Въ Германіи и Ирландіи, напротивъ, или вовсе не было городовъ, или, если и были, то не были, какъ въ романскихъ странахъ, центрами всей политической и общественной жизни. Поэтому епископъ не былъ тутъ епископомъ города, но епископомъ племени или народа: границы его діоцеза опредѣлялись границами княжества, его резиденція, его епископскій престолъ не находился непременно въ наиболѣе населенномъ мѣстѣ епархіи и титулъ епископа, также какъ и титулъ короля, образовывался обыкновенно отъ имени народа, а не отъ имени какаго нибудь мѣста подвластной территоріи ⁶⁷). Титулъ Митсъ, Оссори, Аргайль, Галловой относятся къ той эпохѣ, когда и епископы назывались епископами англовъ или южно-саксовъ ⁶⁸). Все это свидѣтельствуетъ о такомъ положеніи вещей, когда не городъ, а племя, не территорія, а народъ

служили основой и границей какъ свѣтской, такъ и церковной власти.

То обстоятельство, что наши предки и соплеменники въ изображенной у Тацита картинѣ ихъ древнѣйшаго состоянія представляются стоящими на болѣе низкомъ уровнѣ общественнаго развитія, нежели сродные имъ народы на двухъ южныхъ полуостровахъ, какъ они изображены въ поэмахъ Гомера и въ древнѣйшихъ преданіяхъ Рима—не можетъ быть предметомъ ни стыда, ни сожалѣнія. Наше политическое развитіе было медленнѣе, но за то и прочнѣе. Если въ данную эпоху мы не достигли самой высшей степени цивилизаціи, то за то въ слѣдующую мы достигли болѣе высокой степени. Мы никогда не знали исключительнаго и полнаго развитія городского быта, но за то мы оказались болѣе способными достигъ національнаго политическаго развитія. Однимъ словомъ, если мы сравнимъ исторію германцевъ съ исторіей Греціи и Италіи, мы увидимъ, что насколько мы уступаемъ античной древности въ блескѣ, настолько же мы выиграли передъ нею въ прочности. Республики Греціи—это блестящіе метеоры, свѣтъ которыхъ слишкомъ ярокъ для того, чтобы быть продолжительнымъ. Разъединенные греческіе города не соединились, да и не могли соединиться другъ съ другомъ, чтобы образовать единую націю. Римъ образовалъ, и то не единую націю, а только прочную державу, подчинивъ весь тогдашній цивилизованный міръ господству одного правящаго города. Но народы германской расы, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, и въ Скандинавіи отъ племеннаго быта перешли къ національному политическому строю, минуя греческую систему отдѣльныхъ политически-независимыхъ городовъ. Первые свѣдѣнія о германцахъ, какія мы находимъ у Тацита, рисуютъ намъ картину общественнаго быта, который значительно ниже состоянія Ахейцевъ Гомера. Ихъ состояніе скорѣе соотвѣтствуетъ тому состоянію, въ какомъ находились другія племена, на которыя Ахейцы Гомера смотрѣли, какъ на ниже ихъ стоящія по общественному развитію. Они уже вышли изъ простаго охотничьяго и рыболовческаго быта, они вышли уже и изъ пастушескаго быта; они не достигли городского быта, но живутъ уже въ деревенскихъ общинахъ.

Эти общины служат низшей единицей въ политической системѣ, являясь подъ различными именами: mark, gemeinde, commune, parish ⁶⁹). Это, какъ мы видѣли, есть одна изъ формъ рода, gens, или клана, когда онъ уже пересталъ вести хищнической и бродячей образъ жизни, но и не соединился еще съ другими въ болѣе цѣлостное политическое общеніе — города-государства. На этой стадіи родъ, gens, является земледѣльческой общиной, обрабатывающей свои общинныя земли — прототипъ римскаго *ager publicus* и англійскаго *folkland* ⁷¹). Это и есть *markgenossenschaft* — деревенская община запада. Эта низшая политическая единица составлялась изъ кровныхъ или приемныхъ сородичей, изъ семействъ, изъ которыхъ каждое живетъ подъ управленіемъ, *mund*, своего отца; это *patria potestas* сложилось въ Римѣ въ весьма замѣчательный и прочный юридическій институтъ. Какъ совокупность семействъ образуетъ родъ, gens, при чемъ въ территориальномъ отношеніи онъ является, какъ *markgenossenschaft*, такъ совокупность такихъ сельскихъ обществъ и марокъ, или поземельныхъ общинъ образуетъ слѣдующую высшую политическую единицу — *hundred*, сотня, имя которой въ той или другой формѣ встрѣчается въ большинствѣ странъ, населенныхъ ирландскими племенами. Какъ среднее между родомъ и племенемъ *hundred* соответствуетъ, кажется, римской *curia*, аѳинской *φρατρία*, лаконской *ὄβρις*. Но существовало одно римское подраздѣленіе рядомъ съ *curiae*, которое должно было соответствовать по своему значенію названію того германскаго дѣленія, о которомъ мы говоримъ. Я имѣю въ виду *centuria* и мнѣ кажется почти невозможнымъ предположить, чтобы германское *hundred* и латинское *centuria*, въ ихъ древнѣйшемъ употребленіи, не соответствовали другъ другу по своему значенію. Оба имени въ ихъ дѣйствительномъ историческомъ значеніи представляются случаями простаго переживанія. Ни *hundred*, ни *centuria*, какъ извѣстно, нисколько не соответствуетъ дѣйствительной сотнѣ; но каждое имя должно имѣть реальное значеніе въ то время, когда оно впервые дается, и первоначально *hundred* и *centuria* должны были быть дѣйствительной сотнею чего нибудь, или домовъ, или семей, или людей способныхъ носить оружіе ⁷²). За сотнею слѣдуютъ: земля, *pagus*, *gau*, датское *syssel*, англійское

shire—все это то же племя, только рассматриваемое как занимающее определенную территорию ⁷³). И каждое из этих дѣлений, какъ большее, такъ и меньшее, имѣетъ своего главу. Въ первобытномъ обществѣ, когда патриархальныя идеи еще живы, старшинство по возрасту предполагаетъ власть и власть предполагаетъ старшинство, и германскіе начальники, высшіе и низшіе, носятъ имена, указывающія на то, что въ древности преклонность лѣтъ рассматривалась, какъ естественное основаніе власти. Въ Англии, по крайней мѣрѣ, старѣйшины, какъ высшіе, такъ и низшіе, имѣли общій титулъ ealdor; въ семьѣ отецъ есть вмѣстѣ и ealdor безъ того, чтобы онъ выбрался или назначался свыше. У насъ существуетъ hundredes-ealdor, соотвѣтствующій римскому curio; но въ своемъ специальномъ значеніи это имя обозначаетъ общаго праотца, общаго начальника дѣлаго племени. Какъ правитель въ мирное время онъ носитъ долго сохраняющееся имя ealdorman; а во время войны предводитель войска называется dux, heretoga, или, въ позднѣйшее время, herzog ⁷⁴). Онъ высшій начальникъ и община, которой онъ правитъ, есть высшая политическая единица, на какую намъ указываютъ наши первыя свѣдѣнія о политическомъ строѣ германцемъ. Вся исторія нашей страны и нашей народности представится намъ въ превратномъ видѣ, если мы не обратимъ должнаго вниманія на то, что низшія политическія единицы не были у германцевъ подраздѣленіемъ высшихъ, но что высшія были совокупностью низшихъ. Hundred составлялось изъ деревень, марокъ, gemeinden, смотря потому, какъ называлась низшая политическая единица; земля, shire, gau, pagus—составлялись изъ сотенъ; и точно также не pagus было подраздѣленіемъ королевства, а королевство—совокупностью pagi.

О королевствѣ и его развитіи я буду говорить подробнѣе въ слѣдующей лекціи. Теперь я имѣю въ виду такое состояніе, когда земля, gau, какъ совокупность марокъ или сотенъ, есть высшее политическое понятіе. Въ эту эпоху племя было государствомъ, земля, gau—его территоріей. Родственная связь между различными племенами общаго происхожденія могла быть ясно сознаваема, они могли быть способны при случаѣ въ общему дѣйствию, ихъ общее происхожденіе и его значеніе могло со-

храняться и выражаться въ общемъ имени; и все же отдѣльные племена не сливались въ высшее политическое единство—націю. Каждое племя было отдѣльнымъ государствомъ; связь племенъ между собой была только временной или, по большей мѣрѣ, лишь федеративной. Каждое племя имѣло своего начальника, своего ealdorman или heretoga, власть котораго въ обыкновенное время распространялась только на собственное племя, хотя во время опасности могъ быть выбираемъ общій heretoga—зародышъ будущаго короля, для того, чтобы руководить сообща силами всѣхъ племенъ, признающихъ между собою общую связь ⁷⁵). Подобное, наиболѣе прочное соединеніе отдѣльныхъ племенъ образуетъ націю—высшее представленіе о государствѣ на политическомъ языкѣ германцевъ, ставшее теперь руководящей, господствующей политической идеей современной Европы. Gens, curia, tribus Греціи или Рима, все это имѣетъ строго соотвѣтствующія параллели въ политическомъ строѣ германцевъ; но затѣмъ линіи расходятся, параллелизмъ кончается. Въ Греціи и Италіи соединеніе трибъ образуетъ только городскую общину; а у всѣхъ отраслей германской народности соединеніе племенъ образуетъ націю.

Въ слѣдующей лекціи мы увидимъ, что какъ ealdorman или heretoga былъ главой племени, такъ король былъ главой націи. И если мы прослѣдимъ, какъ власть независимаго ealdorman постепенно уступала мѣсто власти общаго національнаго короля, то мы этимъ самымъ прослѣдимъ и процессъ соединенія отдѣльныхъ племенъ въ націю. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ старая система сохранялась дольше, чѣмъ въ другихъ. У континентальныхъ саксовъ эта система сохранялась дольше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ въ такой широкой степени. Старо-саксонцы, эти долго державшіеся враги франкской державы, столь привязанные къ своей старой свободѣ и къ своимъ старымъ богамъ, никогда не объединялись настолько, чтобы имѣть общаго короля. И можно даже сказать, что они сумѣли достигнуть національнаго единства другимъ путемъ. Они придумали такую форму національнаго единства, при которой нѣтъ надобности въ единоличномъ главѣ. Они образовали союзъ, который какъ бы онъ

не казался несовершенъ въ сравненіи съ болѣе выработанными конституціями, какъ древними, такъ и современными, съ полнымъ правомъ можетъ себѣ присвоить имя древнѣйшей германской федераціи ⁷⁶). Также и въ другихъ мѣстностяхъ, на сѣверныхъ болотахъ, или среди южныхъ горъ у устья Эльбы и Одера или у истоковъ Рейна, болѣе мелкія части германской народности или сохранили или вновь возвратили себѣ старую свободу, старую политическую систему древнѣйшаго времени. У фризозъ въ Дитмарсенѣ старая система дѣленія, *mark*, *gau*, сохранялась отъ временъ Цезаря и Тацита до пораженія Ольденбургскаго дома датскими королями ⁷⁷).

Въ трехъ нѣмецкихъ горныхъ областяхъ, въ долинахъ верхняго Рейна и верхней Роны, этотъ старый строй былъ восстановленъ и сохранился до нашихъ дней ⁷⁸). Другіе же племена достигли національнаго политическаго объединенія, и ихъ старѣйшины (*ealdormen*) сдѣлались королями, а нѣкоторыя изъ этихъ племенъ достигли еще болѣе широкаго политическаго единства, такъ что власть ихъ главы не ограничивается предѣлами націи.

Это старое германское устройство, устройство, общее всѣмъ германскимъ народамъ, но сохранившееся всего дольше у тѣхъ континентальныхъ отраслей германской народности, которыя наиболѣе близки въ намъ, англичанамъ, было принесено на британскіи острова ихъ германскими завоевателями. Наши предки, англѣ и саксы, принесли съ собою въ страну, ставшую ихъ новой отчизной, дѣленія, учрежденія, титулы ихъ прежней родины. Въ этомъ заключается одна изъ отличительныхъ особенностей англійской исторіи, и въ этомъ мы лишь въ незначительной степени причастны исторіи германскихъ странъ континента. Хотя съ того времени, къ которому относится описаніе Германіи Тацита, до выдѣленія франковъ и саксовъ, бургундцевъ и ломбардцевъ прошло менѣе ста лѣтъ, тѣмъ не менѣе за это время совершилось значительное измѣненіе. Племена соединились въ націи ⁷⁹). И эти рои, отдѣлившіеся отъ центральнаго улья, приносили съ собою свои учрежденія во вновь занимаемыя ими страны, если только римское вліяніе не было въ нихъ слишкомъ велико для этого. Вездѣ, гдѣ они находили

ненаселенную землю или сами ее опустошали, они дѣлались дѣйствительными обитателями страны, а не просто классомъ завоевателей среди своихъ римскихъ подданныхъ, и всѣ старыя дѣленія ихъ родины, всѣ старыя учрежденія устанавливались и во вновь ваятой странѣ⁸⁰). Въ особенности на нашемъ островѣ, заселявшемся постепенно небольшими группами германскихъ переселенцевъ, уничтожавшими во всѣхъ тѣхъ частяхъ острова, гдѣ они дѣйствительно поселялись, все, что было тамъ римскаго или кельтическаго, это развитіе общественнаго строя должно было начаться съ самаго начала. И все собственно англійское образовалось здѣсь совершенно съизнова; въ самой Англійи марки развились въ сотни, сотни въ графства (shires), графства въ королевства, отдѣльныя королевства въ одно соединенное королевство. Въ Британіи мы можемъ видѣть самый процессъ этого развитія, между тѣмъ какъ въ Германіи мы можемъ видѣть лишь его результаты. Безъ сомнѣнія, старая система измѣнилась подъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ которыя были поставлены германскіе поселенцы въ странѣ, гдѣ каждый дюймъ земли они должны пріобрѣтать и удерживать мечемъ. Марки и гау, являются и здѣсь, но не подъ тѣми именами. Деревенская община съ ея общинной землей, общее владѣніе родичей, признающихъ общаго предполагаемаго предка, Basingas или Wellingas — также легко замѣтить въ Англійи, какъ и въ Германіи. Но какъ въ позднѣйшее время марки почти совсѣмъ были вытѣснены церковнымъ приходомъ и феодальнымъ владѣніемъ (manor)⁸¹, такъ можно предполагать, что и сначала англійская марка представляла нѣкоторыя отличія отъ того же учрежденія на континентѣ. Можно предполагать, что родственная связь, между ея членами вездѣ до извѣстной степени искусственная, была въ Англійи болѣе искусственной, нежели на континентѣ. И можно съ увѣренностью утверждать, что небольшія селенія, находясь во враждебной странѣ, съ самаго начала должны были проявить особенную склонность соединяться въ болѣе крупныя союзы. Марки и сотни, основанныя въ Кентѣ или Суссексѣ потомками Генгеста и Элла, никогда не могли быть вполнѣ независимыми; съ самаго начала они должны были признать верховенство общаго Heratoga, подъ предводительствомъ котораго

ихъ обитатели проложили себѣ путь въ страну. Слѣдовательно, въ Англіи въ этой системѣ уже съ самаго начала заключалось нѣчто, намевающее на развившуюся послѣ королевскую власть. Но и въ Англіи были все-таки тѣ же элементы, что и въ Германіи; болѣе обширныя единицы и здѣсь образовались изъ соединенія меньшихъ. По странной случайности группа, совершенно соотвѣтствующая нѣмецкому *gau*, англійское *shire*, носить имя, выражающее понятіе, какъ разъ противоположное понятію соединенія. Это заставляетъ думать, что какъ имя, такъ и его значеніе образовались подѣ влияніемъ такихъ событий англійской исторіи, которыя совершились нѣсколькими столѣтіями позже перваго заселенія. Позднѣйшіе англійскіе *pagi*, какъ ихъ называютъ латинскіе писатели, были дѣйствительно *shires*, подраздѣленія болѣе обширнаго союза. Но они были образованы въ подражаніе древнѣйшимъ англійскимъ *pagi*, которые образовались путемъ соединенія. Древнѣйшіе *pagi* Англіи въ древности, по крайней мѣрѣ, не могли принять названіе *shire*. Они носили строго племенные (*tribal*) названія, и или подобно восточно-сакскимъ самый *pagus* дѣлался королевствомъ, или какъ было съ Сомерсетомъ и Дорсетомъ, нѣсколько *pagi* соединялись вмѣстѣ, чтобы образовать одно обширное королевство западныхъ саксовъ⁸²⁾. Такимъ образомъ, совокупность племенъ (*tribes*) способна была стать націей, въ высшемъ значеніи этого слова, чего никогда не могла достигнуть совокупность городскихъ общинъ.

Я могъ бы войти въ дальнѣйшія подробности объ этомъ все еще нѣсколько темномъ вопросѣ, о старинномъ германскомъ государственномъ строѣ въ Германіи, Скандинавіи и Британіи. Но моя главная задача заключается теперь въ томъ, чтобы указать то важное различіе между германскою и греческою политическою жизнью, что въ Греціи идея города-государства была руководящей идеей, въ Германіи же этого не было. Мы видѣли, какъ близко соотвѣтствуютъ въ нихъ первобытные элементы; это соотвѣтствіе такъ полно, что ни на минуту нельзя усомниться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ частями общаго арійскаго наслѣдія. Но мы видимъ также, какія измѣненія обусловлены были въ нихъ однимъ различіемъ деревенской и городской жизни. Греческое государство развивалось, процвѣтало

и падало, оставаясь городомъ и, быть можетъ, одинаково пора-
жая міръ какъ блескомъ въ дни своего величія, такъ и дол-
гимъ убожествомъ въ дни упадка. Между тѣмъ среди прези-
раемыхъ варваровъ, которыми гнушались соплеменники, за-
бывшіе свое родство, медленно и незамѣтно, отдѣльныя граф-
ства (shires) слились въ цѣлыя королевства и отдѣльныя пле-
мена въ цѣлыя націи. Такимъ образомъ образовались тѣ на-
ціи германскаго происхожденія, которыя жили въ континен-
тальныхъ провинціяхъ римской имперіи, и прежде всего
та нація, къ которой съ теченіемъ времени самая император-
ская власть перешла какъ часть ея наслѣдія—могуществен-
ный народъ франковъ⁸³). Такъ и на нашемъ островѣ мы мо-
жемъ прослѣдить, какъ англійская нація въ Британіи, и то
большое цѣлое, въ отношеніи къ которому англичане въ Бри-
таніи составляютъ лишь одну часть, разрослись въ безконеч-
ныя германскія поселенія по британскимъ берегамъ, и къ ко-
торымъ древнѣйшія поселенцы приплыли на лодкахъ Генгеста
и Горза. Мы можемъ прослѣдить, хотя и не съ полною яс-
ностью, какъ нѣсколько мелкихъ государствъ съ ихъ отдѣль-
ными главами, носящими имена королей и эльдерменовъ, сое-
диняются въ большія королевства Нортумберланда, Меріи и
Восточной Англій. Уже съ большею ясностію мы можемъ про-
слѣдить, какъ союзныя княжества западныхъ саксовъ сливаются
въ одно королевство, и мы можемъ также прослѣдить, какъ это
королевство срослось съ королевствомъ Англій и со всѣми
тѣми владѣніями, которыя Англій присоединила къ себѣ въ
позднѣйшее время⁸⁴). Всѣ событія нашей исторіи вели къ
слитію, къ объединенію; вмѣсто системъ отдѣльныхъ городовъ,
вмѣсто одного города, владычествующаго надъ подвластными
городами и провинціями, у насъ онѣ достигли болѣе прочной
политической организаціи, болѣе справедливой и болѣе сво-
бодной; мы стали націей, въ которой нѣтъ различія между ея
членами и въ которой обитатели каждаго уголка ея территоріи
пользуются одинаковыми правами.

Такимъ образомъ мы видимъ, что германская исторія слу-
жить въ извѣстномъ смыслѣ включемъ къ исторіи двухъ юж-
ныхъ полуострововъ Европы. Мы видимъ учрежденія герман-
скаго народа, домашнія, общественныя и собственно полити-

ческія, на болѣе низкой ступени развитія, нежели на какой мы видим ихъ въ Греціи и Италиі. Замѣчая слѣдовательно общее сходство, и очевидно общее происхожденіе всѣхъ этихъ учрежденій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ и различіе въ тѣхъ направленіяхъ, какимы слѣдовали эти двѣ большія отрасли арійской семьи въ развитіи учрежденій общаго арійскаго происхожденія. У германцевъ Тацита мы находимъ такое положеніе вещей, въ которомъ элементы общіе всѣмъ арійцамъ подверглись наименьшимъ измѣненіямъ сравнительно съ какою имѣющеюся у насъ картиной общественнаго быта какаго нибудь другаго европейскаго народа. У ахейцевъ Гомера мы находимъ бытъ арійцевъ уже болѣе развитымъ, а также болѣе измѣненнымъ, въ силу стремленія грековъ сосредоточивать всю свою политическую жизнь въ стѣнахъ города. Общественный бытъ исторической Греціи развился изъ быта, описаннаго Гомеромъ, путемъ чистой и естественной преемственности. Учрежденія современной Европы также развились изъ стариннаго быта германцевъ, но тутъ не было такого же непрерывнаго естественнаго развитія. Повсюду первобытный германскій бытъ былъ болѣе или менѣе измѣненъ примѣсю римскихъ элементовъ. Я говорю о западной Европѣ вообще, какъ о романскихъ, такъ и не-романскихъ странахъ, потому что я имѣю теперь въ виду не языки, а политическія учрежденія. Въ языкахъ южной Европы латинскій, конечно, служитъ ихъ основаніемъ; германскій элементъ, имѣющійся во всѣхъ нихъ въ большей или меньшей степени, представляется не болѣе какъ примѣсю. Въ языкахъ сѣверной Европы напротивъ германскій является основаніемъ, а болѣе или менѣе ясно выраженный романскій элементъ служитъ только примѣсю ⁸⁵). Но въ отношеніи въ политическимъ учрежденіямъ мы можемъ смотрѣть на все, что имѣетъ римское происхожденіе, какъ на примѣсъ въ германской основѣ. Одна только мѣстность западной Европы—если только она можетъ быть признана частью западной Европы—расположенное на островахъ государство Венеціи никогда не признавало надъ собой германскаго властителя и сохранило непрерыванной преемственную связь съ старинной ⁸⁶). Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ были основаны германскія королевства; и хотя ихъ учрежденія значительно ви-

доизмѣнились подъ вліяніемъ права и учрежденій ихъ подданныхъ, говорившихъ на латинскомъ языкѣ, все таки даже въ Галліи, Испаніи и Италіи мы можемъ смотрѣть на правленіе готскихъ, франскихъ, бургундскихъ, ломбардскихъ и норманскихъ королей, какъ на существенно германское правленіе, хотя и значительно измѣненное римскими традиціями отдѣльныхъ мѣстностей. А съ другой стороны, нѣтъ ни одной германской страны, не исключая и Скандинавіи, которая бы осталась совершенно свободною отъ римскаго вліянія. Во всей западной Европѣ мы можемъ признать собственно политическія учрежденія германскими, но только измѣнившимися, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ незначительно, въ другихъ сильнѣе, подъ вліяніемъ традицій римской эпохи и безсмертнаго римскаго права, которое послужило основаніемъ позднѣйшаго развитія юриспруденціи у всѣхъ народовъ Европы, кромѣ англійскаго.

На ряду съ этимъ общимъ вліяніемъ стариннаго порядка на политическія учрежденія германскихъ королевствъ современной Европы, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, прямое сохраненіе римскихъ учрежденій, поддѣвленное другимъ источникомъ сходства, а именно тѣмъ, что одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, привело къ возрожденію стараго порядка. Благодаря этому, средневѣковая Италія, съ ея городами-государствами, представляетъ живое повтореніе политической исторіи древней Греціи. Я не стану здѣсь распространяться о чертахъ сходства и несходства между ними, такъ какъ этотъ предметъ подробно изслѣдованъ мною въ другомъ мѣстѣ ⁸⁷⁾. Я скажу здѣсь только, что, хотя германская политическая система и не предполагаетъ, подобно греческой, городъ, какъ необходимое основаніе политической жизни, она все-таки допускаетъ, на ряду съ другими, и городскую общину, и даже дѣйствительно независимую, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ политическаго быта. Во всѣхъ странахъ, кромѣ Англій, римскіе города пережили нашествіе германцевъ; а въ настоящее время, какъ въ Англій, такъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ никогда не бывали римляне, явились города чисто германскаго происхожденія ⁸⁸⁾. Въ Англій сильное чувство національное, сильная центральная власть

короны, начало которой было положено великими государями западныхъ саксовъ и которая была доведена до полнаго своего развитія норманскимъ завоевателемъ, помѣшала городскимъ общинамъ сдѣлаться когда либо независимыми республиками. Однако стоитъ обратитьъ вниманіе на то, какъ близки были нѣкогда пять бурговъ датской Англии къ тому, чтобы образовать изъ себя независимую конфедерацію городовъ - республикъ, какъ былъ нѣкогда близокъ Эвзетеръ къ тому, чтобы подобно Оивамъ или Спартѣ стать городомъ, владычествующимъ надъ со-сѣдными болѣе слабыми городами ⁸⁹⁾. Тутъ, какъ и въ другихъ частяхъ западной Европы, постепенно нарастаетъ новый элементъ, неизвѣстный старымъ германскимъ учрежденіямъ—городскія общины, всегда пользующіяся извѣстною степенью самоуправленія и мѣстной независимости, которая тамъ, гдѣ центральная власть была слаба, весьма близко подходила на практикѣ къ полной независимости. Въ Италіи эта независимость достигла высшей своей степени и Флоренція въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ была совершенно такой же независимой демократіей, какъ и Аѣины. Въ собственно германскихъ земляхъ развитіе независимыхъ городовъ представляется менѣе блестящимъ; но быть можетъ лишь потому, что итальянскіе города имѣютъ свое особенное очарованіе. Они привлекаютъ насъ къ себѣ въ тройномъ отношеніи, по классическимъ и средневѣковымъ воспоминаніямъ и по современному своему значенію, и потому вызываютъ болѣе широкій кругъ симпатій, нежели города по Дунаю или по Рейну, нежели германскій Римъ на Аарѣ или германскій Кароагенъ на Травѣ ⁹⁰⁾. Однако и германскіе города имѣютъ свою исторію, художественную, общественную, торговую, религіозную также, какъ и собственно политическую. И въ собственно политическомъ отношеніи исторія Ганзейскаго союза и стараго союза верхней Германіи ⁹¹⁾ также поучительна, какъ и исторія самихъ итальянскихъ городовъ. Изъ исторіи Берна Бертольда и Эрлаховъ, въ которомъ никогда не было ни царя, ни тирана, мы болѣе получаемся, нежели изъ исторіи Берна Теодориха и Канута Великаго ⁹²⁾. Внутренняя исторія германскихъ городовъ, ихъ внутренніе раздоры и революціи, происхожденіе исключительно патриціанскаго управленія, болъшая рѣдкость демократическихъ

стремлений — все это научает нас лучше понимать и историю Рима и Афинъ. Но во всякомъ случаѣ не должно упускать изъ виду одного важнаго различія между городами древней Греціи и Италиі и городами средневѣковой Европы. Въ древней Греціи города были всѣмъ; ихъ территорія занимала всю землю, они не признавали надъ собой, даже формально, суверенитета никакой земной власти. Въ Германіи же свободные города съ ихъ владѣніями были лишь оазисами среди монархически управляемой страны; и даже въ Италиі города-республики никогда не покрывали всей страны и никогда не освобождались вполне отъ верховенства надъ собой королей Италиі или римскихъ императоровъ.

При этомъ изслѣдованіи самъ собой является вопросъ о томъ, на сколько въ этомъ сходствѣ между древними и средневѣковыми городами-государствами мы должны видѣть простое слѣдствіе того закона, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ результатамъ, и на сколько слѣдуетъ видѣть въ этомъ извѣстную традицію, извѣстное подражаніе римскимъ учрежденіямъ въ городскихъ общинахъ чисто германскихъ частей Европы. Этотъ вопросъ слишкомъ обширенъ, чтобъ мы могли изслѣдовать его здѣсь. Въ Англии, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, не могло быть мѣста непосредственному римскому вліянію. Многіе изъ англійскихъ городовъ суть просто германскія деревни, разросшіяся и разбогатѣвшія на столько, что значительно опередили своихъ сосѣдей. Но когда англійское селеніе (town) возникало — хотя послѣ долгаго запусьнія — на мѣстѣ, а часто и внутри стѣнъ павшаго римскаго города, тутъ по крайней мѣрѣ память о прошломъ могла вліять на исторію возобновленнаго селенія. Однако нѣтъ сомнѣнія, что въ организациі англійскихъ городовъ нѣтъ ничего, чему бы могло быть приписано римское происхожденіе; въ муниципальных учрежденіяхъ Бата, Честера или даже Экзетера римскаго элемента ни сколько не больше, чѣмъ въ такихъ чисто англійскихъ селеніяхъ, какъ Ридингъ или Нортгемптонъ⁹³). Въ Италиі и Южной Галиі, было ли тутъ прямое заимствованіе, или нѣтъ, но мы находимъ въ нихъ не мало того естественнаго и неизбѣжнаго подражанія, которое тѣсно граничитъ съ пря-

мымъ заимствованіемъ. Въ Германіи, съ другой стороны, мы видимъ въ такихъ явленіяхъ, какъ общее употребленіе имени патриціевъ для обозначенія господствующихъ родовъ, подражаніе другого рода. Это не есть такое же внѣшнее подражаніе, какъ въ наименованіи Бонапарта консуломъ, потому что между римскими патриціями и патриціями Берна и Нюрнберга существуетъ дѣйствительная аналогія; но это не есть также и то естественное подражаніе, примѣръ котораго мы видимъ въ консулахъ Милана или Альби. Намъ довольно будетъ сказать, что римскій элементъ ясно видѣнъ въ средневѣковыхъ городахъ-государствахъ, что даже въ Англии мы находимъ кое-что, что можетъ быть признано подражаніемъ, но что степень и характеръ этого римскаго вліянія весьма различны въ разныхъ странахъ и въ разные эпохи. Сравненіе средневѣковыхъ и античныхъ городовъ получаетъ историческій интересъ и значеніе именно въ отношеніи того сходства, которое явилось результатомъ одинаковости условій жизни тѣхъ и другихъ городовъ. Какая доля сходства между ними можетъ быть отнесена къ прямому заимствованію, опредѣлить это—есть дѣло, стоящее немногимъ выше антикварнаго изысканія въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ.

Мы намѣтили такимъ образомъ происхожденіе и исторію двухъ главныхъ государственныхъ идей: представленіе о государствѣ, какъ о городѣ, и представленіе о государствѣ, какъ о націи. Мы видѣли, какъ общіе элементы до опредѣленной точки развивались у южной и сѣверной отрасли европейскихъ арійцевъ параллельно и какъ, достигнувъ этой точки, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи—въ Греціи и Италиі съ одной стороны, и у германцевъ съ другой, они принимаютъ различное направленіе. Мы прослѣдили развитіе семьи, рода, сотни и племени (tribe) до развитія ихъ у грековъ и итальянцевъ въ городскую общину, у германцевъ въ націю. Причины различія едва ли относятся къ предмету нашего изслѣдованія. Эти причины были многочисленны и разнообразны и между ними не послѣднее значеніе имѣли тѣ географическія условія, которыя поставили побережья Средиземнаго моря во главѣ европейской цивилизаціи, и Греціи дали первенствующее значеніе среди другихъ странъ этого побережья. Въ этихъ странахъ политиче-

ское развитіе болѣе быстрое, болѣе блестящее, но вмѣстѣ и менѣе прочное, привело къ развитію городскихъ общинъ; политическое развитіе германцевъ болѣе медленное, менѣе яркое, но болѣе твердое и болѣе прочное, привело ихъ къ національному политическому единству. И въ этомъ развитіи Англія—эта великая германская колонія на нѣкогда кельтическомъ островѣ—принимала не малое участіе среди своихъ братьевъ и соплеменниковъ. Старыя германскія учрежденія, какъ я уже говорилъ, именно въ Англіи, получили наиболѣе свободное, наиболѣе непрерывное преемственное развитіе вплоть до настоящаго времени. Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ свобода и національное единство не встрѣтили такъ мало препятствій. Скандинавскія народности еще менѣе Англіи подверглись непосредственному вліянію Рима; ихъ національная жизнь была еще непрерывнѣе нашей, англійской, но за то ихъ политическая жизнь получила гораздо меньшее развитіе. Германія совершенно раздробилась и возвратила себѣ единство только въ наше время. Тоже самое было и съ Италіей. Въ обѣихъ національное раздробленіе явилось быть можетъ потому, что королевская власть сокрушилась подъ тяжестью соединеннаго съ нею императорскаго достоинства ⁹⁴). Въ Англіи этого не было: выясненіе причинъ этого различія относится къ совершенно другимъ отраслямъ историческаго изслѣдованія; но на самый фактъ слѣдовало указать и намъ. Нигдѣ развитіе одного германскаго племени, путемъ соединенія съ другими сродными племенами, въ націю современной Европы,—представляющее вмѣстѣ и параллель и противоположность тому, какъ отдѣльный городъ Италіи включилъ въ лоно своего гражданства цѣлыя государства и націи,—не можетъ быть изучено такъ хорошо, какъ именно въ исторіи нашего отечества.

ЛЕКЦІЯ IV.

Г о с у д а р ь *).

Отъ самаго государства мы обратимся теперь къ главѣ государства, въ особенности къ его наиболѣе ясно выраженной и наиболѣе полно развитой формѣ, которая обозначается титуломъ государя. Но что же такое государь? Поставить этотъ вопросъ гораздо легче, чѣмъ отвѣчать на него. Мы можемъ вообще признать государя, когда видимъ его; но совсѣмъ другое дѣло сказать сразу, въ чемъ заключается его государственное достоинство (kingship). Одни государи наследственные; другіе—избирательные. Одни правятъ съ неограниченною властью; власть другихъ тѣсно ограничена закономъ. Одни не признаютъ надъ собой другой высшей власти на землѣ; другіе признаютъ болѣе или менѣе верховенство феодальной сюзерена или союзной федеративной власти. Въ однихъ государствахъ въ санъ государя, какъ и въ другіе высшіе саны, можетъ быть облечено только лицо мужскаго пола; въ другихъ этотъ санъ доступенъ лицамъ обоюго пола. Надъ иными государями совершается церковная церемонія помазанія; другіе обходятся безъ всякаго подобнаго обряда. Но при всѣхъ этихъ различіяхъ все таки ясно, что есть общая идея о государѣ, которая сразу чувствуется, хотя съ трудомъ поддается опредѣленію. Это видно, между прочимъ, изъ того, что никогда не чув-

*) The king—авторъ употребляетъ это слово въ слишкомъ общемъ значеніи для того, чтобы его можно было передать словомъ «король». Прим. пер.

ствуется затрудненія при переводѣ слова государь и соотвѣтствующихъ ему словъ въ другихъ языкахъ. Между гех съ его производными въ романскихъ языкахъ и suning съ его производными въ языкахъ германскихъ чувствуется соотвѣтствіе. Никто не усомнится переводить другъ другомъ гех, goi и king, kōnig, во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ двухъ этихъ словъ. Если мы обратимся къ греческому языку, то мы увидимъ, что въ двухъ наиболѣе извѣстныхъ большинству изъ насъ стадіяхъ развитія этого языка, а именно въ классическомъ и въ новомъ греческомъ слово βασιλεύς также точно соотвѣтствуетъ словамъ гех и king, какъ два эти слова другъ другу. Но было время, когда βασιλεύς обозначало собственно императора; а для обозначенія болѣе низкаго ранга государя употреблялось слово ῥήξ, цѣликомъ взятое изъ латинскаго ¹⁾). Но это было измѣненіе значенія слова, явившееся въ силу опредѣленныхъ и извѣстныхъ историческихъ причинъ, и когда эти причины исчезли, первоначальное греческое словоупотребленіе снова возстановилось. Даже въ настоящее время, когда конституціи большинства европейскихъ королевствъ вроятся постоянно по одному общему образцу, существуютъ не малыя различія между королями различныхъ государствъ, а немного лѣтъ тому назадъ эти различія были еще гораздо значительнѣе. Но все же не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, чтобъ рѣшить, гдѣ имѣется король и гдѣ его нѣтъ. Или, если и является такое сомнѣніе, оно относится собственно къ праву того или другаго отдѣльнаго лица быть государемъ, а не къ праву называться государемъ, если ему удастся осуществить свои притязанія. До 1806 года санъ римскаго императора, германскаго и іерусалимскаго короля по началамъ теоріи былъ доступенъ для каждаго христіанина ²⁾). До 1795 года санъ польскаго короля не только по началамъ теоріи, но и на практикѣ былъ доступенъ каждому иноземцу, принадлежащему къ одному изъ владѣтельныхъ домовъ, и всему польскому дворянству. Польскимъ королемъ часто дѣлалось частное лицо и его дѣти также дѣлались частными лицами. Его власть внутри государства была тѣсно ограничена, и быть можетъ болѣе ограничена, чѣмъ у какого либо другаго единоличнаго правителя, носившаго титулъ государя. Но никто не усомнится въ томъ, что

польскій король былъ государь, что онъ пользовался рангомъ, титуломъ и другими преимуществами государя также, какъ еслибы его власть была неограничена и наслѣдственна. Словомъ, какъ бы ни было велико различіе между государями различныхъ эпохъ и различныхъ странъ, все же существуетъ одна общая идея, присущая всѣмъ различнымъ типамъ государей и дающая возможность подвести всѣхъ ихъ подъ одно родовое понятіе. Въ современной Европѣ, взятой отдѣльно, опредѣленіе государя быть можетъ не представило бы особенныхъ трудностей. Общимъ образомъ можно опредѣлить государя, какъ главу націи, понимая націю такъ, какъ я ее опредѣлилъ въ предшествующей лекціи. Важнѣйшимъ изъятіемъ изъ этого общаго опредѣленія представляются тѣ нѣмецкіе князья, которые въ настоящемъ столѣтіи получили королевскіе титулы. Я полагаю, что всякій долженъ признать ихъ за исключеніе. Само собой чувствуется, что король Баваріи или Саксоніи не есть, употребляя выраженіе Гомера, въ такой же степени государь³⁾, какъ король Испаніи или Швеціи.

Въ отношеніи къ Вюртембергу это сказывается особенно рѣзко; если не границамъ, то по крайней мѣрѣ названіямъ Саксоніи и Баваріи соотвѣтствуетъ такое важное и древнее дѣленіе германской народности, что они могутъ сами, пожалуй, почестся націями⁴⁾. Что касается Италіи, то хотя существованія отдѣльныхъ королевствъ Сардиніи и Обѣихъ Сицилій и представляло такое же исключеніе, но оно теперь уже исчезло⁵⁾. Въ общемъ, говоря приблизительно, а только приблизительно и можно говорить о такомъ общемъ вопросѣ, — нѣтъ сомнѣнія, что мы всегда предполагаемъ въ государѣ главу націи. Къ понятію государя относится, повидимому, и тотъ признакъ, что онъ долженъ быть въ данномъ обществѣ первымъ и по сану и по власти. Что онъ долженъ быть первымъ по рангу, это едва ли требуетъ доказательствъ, и я полагаю, мы можемъ сказать, что, какъ бы ни была тѣсно ограничена власть государя закономъ, онъ все же остается первымъ по власти. Даже когда королевская власть опускается до низшаго уровня, какъ напр., въ Польшѣ и одно время въ Швеціи, и тогда нѣтъ лица, которое стояло бы выше или наравнѣ съ государемъ, хотя власть государя и была тамъ ниже другихъ

властей въ государствѣ. Кромѣ того, идеей государя предполагается, что онъ имѣеть пожизненную власть въ отличіе отъ президента или другаго республиканскаго сановника, назначаемаго лишь на опредѣленный срокъ. И я полагаю, что въ существу государевой власти относится также и то, что она должна быть постоянной; т. е. что за однимъ государемъ долженъ слѣдовать другой, каковъ бы ни былъ самый порядокъ преемства престола, наслѣдственный, избирательный или какой-нибудь другой: Сулла и Цезарь, какъ постоянные диктаторы въ теченіе своей жизни, пользовались властью большею, чѣмъ власть государя; но такъ какъ санъ этотъ былъ специально учрежденъ для нихъ лично, то они не были государями, какъ это ясно видно уже изъ того, что Цезарь стремился сдѣлаться государемъ ⁷⁾. Къ тому же, по современнымъ понятіямъ, какова бы ни была власть государя, онъ всегда бываетъ безотвѣтственнымъ. Приказаніе государя не можетъ служить другому лицу законнымъ оправданіемъ въ его незаконныхъ дѣйствіяхъ, но нѣтъ законнаго пути для наказанія за незаконныя дѣйствія самого государя. Правда, исторія показываетъ, что это совершенно новый принципъ; но теперь это признается такимъ же существеннымъ признакомъ власти государя, какъ и другіе, указанные раньше. Говоря вообще, мы вѣроятно не уклонимся значительно отъ истины, если опредѣлимъ государя, какъ главу націи, какъ перваго по рангу и по власти, пользующагося пожизненно постоянною властью и, по современнымъ, по крайней мѣрѣ, понятіямъ неотвѣтственного лично за свои дѣйствія. Къ этому мы должны были прибавить, что онъ поставляется на царство посредствомъ извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. Быть можетъ, отсюда въ дѣйствительности и проистекаетъ особая святость и достоинство государей. Коронованный и помазанный на царство отличается рѣзко отъ всякаго другаго смертнаго, какъ бы ни былъ онъ высокъ по власти и по рангу. Онъ облеченъ такою святостью, какою не облакаются ни республиканскіе магистраты, ни наслѣдственный владѣтель низшаго ранга. Церковное помазаніе государя служить у христіанъ выраженіяхъ того же самаго чувства, которое у большинства языческихъ народовъ приводило къ требованію, чтобы государь былъ непремѣнно потомкомъ боговъ ⁸⁾. Во всякомъ случаѣ, государь пользуется

такую святостью, какою не пользуются другіе правители. Но это религиозное посвященіе государей, которое нѣсколько столѣтій назадъ имѣло самое существенное значеніе, теперь повидимому постепенно исчезаетъ въ Европѣ. Къ этому привели двѣ причины. Одною изъ этихъ причинъ было преобладающее теперь во многихъ странахъ раздѣленіе церкви и свѣтской власти, и общее во всѣхъ странахъ нерасположеніе къ допущенію церковнаго вліянія въ свѣтскихъ дѣлахъ. Другая причина совершенно другаго рода. Юристы, утверждая, что государь никогда не умираетъ, что престолъ никогда не остается пустымъ, что новый государь дѣлается государемъ въ тотъ самый моментъ, какъ старый испускаетъ послѣдній духъ, тѣмъ самымъ отняли у стараго обряда вѣнчанія государя на царство всю силу и значеніе. Теперь и тамъ, гдѣ коронація еще сохраняется, она не имѣетъ уже значенія дѣйствительнаго вступленія на престолъ. Не удивительно поэтому, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы обрядъ коронаціи и вовсе исчезъ.

Современное или юридическое ученіе о правахъ государя, по которому онъ является источникомъ всѣхъ почестей, источникомъ правосудія, первоначальнымъ источникомъ всей земельной собственности, источникомъ, изъ котораго ведетъ свое начало даже само народное собраніе—ученіе это представляется, какъ объ этомъ едва ли надо и говорить, не болѣе, какъ теоріей юристовъ. Исторія можетъ развѣ прослѣдить постепенное развитіе этого ученія, какъ это уже давно было сдѣлано съ такою силой Джономъ Алленомъ ¹⁰⁾. Первобытные государи, греческіе, латинскіе и германскіе представляются съ совершенно инымъ характеромъ. Государь былъ не собственникомъ земли, а главою народа. Происхожденіе современнаго представленія о царской власти легко можетъ быть раскрыто, какъ это было сдѣлано Джономъ Алленомъ, въ постепенномъ смѣшеніи ученій, заимствованныхъ изъ императорскаго Рима, и слѣдовательно посредственно изъ восточныхъ монархій, съ простыми политическими воззрѣніями нашихъ предковъ. А именно, у нашихъ предковъ и соплеменниковъ, какъ на нашемъ островѣ, такъ и на континентѣ, лучше всего можемъ мы прослѣдить развитіе власти государя,

какъ главы націи, изъ власти главы меньшихъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась нація. Мы видѣли, что какъ въ Греціи, такъ и въ Италиі развитіе собственно національной жизни было задержано развитіемъ городской жизни. То же обстоятельство послужило также препятствіемъ развитію власти государя, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее себѣ представляемъ. Въ Греціи и Италиі, по первымъ нашимъ о нихъ свѣдѣніямъ, власть государя представляется болѣе развитой, нежели какую рисуютъ намъ ее наши первыя свѣдѣнія о германцахъ. Но тѣ же самыя причины, которыя такъ ускорили въ Греціи и Италиі развитіе царской власти, ускорили также и ея паденіе. Въ Греціи, какъ мы видимъ это изъ картины, нарисованной Гомеромъ, каждое селеніе имѣло своего государя. Но тогда, по крайней мѣрѣ въ болѣе цивилизованныхъ частяхъ Греціи, каждое селеніе было городомъ, а царское правленіе въ отдѣльномъ городѣ не есть прочная форма правленія. Греческій царь есть государь въ самомъ полномъ значеніи этого слова; онъ гораздо больше государь, нежели государи Италиі и Германіи. Его права на престолъ могли бы удовлетворить самихъ судей Бѣлой залы при восшествіи Карла I. Онъ не есть только глава народа, только высшій сановникъ, избранный народомъ или отвѣтственный передъ нимъ: смертный земной царь есть живое подобіе безсмертнаго царя Олимпа. Онъ является вмѣстѣ и его сыномъ и представителемъ его между людей. Царь временъ Гомера былъ вмѣстѣ и потомкомъ и питомцемъ Зевса; онъ божественнаго происхожденія и править въ силу божескаго порученія. Скипетръ, которымъ онъ управляетъ, есть даръ бога, и отъ него одного онъ выводитъ свое право на управленіе. Этотъ скипетръ переходилъ отъ отца къ сыну по столь же строгому наслѣдственному порядку, какъ и скипетръ Давида или Гуго Капета ¹²⁾. Наслѣдственное преемство могло быть нарушено внѣшнимъ завоеваніемъ, или, хотя и рѣже, внутренней революціей; но нивогда ни въ одномъ греческомъ городѣ не было по закону предоставлено народному собранію рѣшать, кто долженъ быть по волѣ народа возведенъ на оустѣвшій престолъ ¹³⁾. Божественное происхожденіе и божественный авторитетъ царей героической Греціи представляетъ странный контрастъ ограниченности подвластной имъ терри-

торіи, ограниченности ихъ власти и безпритязательной простотѣ ихъ образа жизни. Потомковъ и питомецъ Зевса, греческій царь не могъ однако править по своему произволу. Законовъ и конституцій въ столь древнюю эпоху, о какой мы теперь говоримъ, не могло еще быть, но царь могъ править только согласно съ обычаями и преданіями своего народа ¹⁴). Онъ могъ править не иначе, какъ при содѣйствіи совѣта старшинъ и съ согласія общаго народнаго собранія. Ничего подобнаго пышности и обстановкѣ современныхъ имъ восточныхъ государей не окружало его. Его домъ былъ доступенъ всѣмъ; его личная жизнь шла тѣмъ же порядкомъ, также просто, также открыто, какъ и жизнь всякаго другаго гражданина. При всей его божественности, онъ не отдѣлялся рѣзко отъ другихъ начальниковъ народа. Онъ есть, быть можетъ, лишь одинъ изъ многихъ носителей царскаго титула. Даже въ тѣсныхъ предѣлахъ Итаки было, рядомъ съ божественнымъ Одиссеемъ, много другихъ царей ¹⁵). Свѣдѣнія объ этой формѣ правленія сохранились до насъ только въ мифической и поэтической формѣ; но, я по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ сомнѣнія въ дѣйствительности того порядка вещей, какой описанъ въ поэмахъ Гомера; и въ частности въ дѣйствительномъ существованіи героическихъ царей.

Отъ Греціи обратимся къ Италиі. Мы не находимъ тутъ Гомера, который бы представилъ намъ живую картину древнѣйшихъ временъ цивилизаціи въ этой странѣ, но мы находимъ здѣсь сохранявшееся во всѣ эпохи преданіе, что какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италиі были прежде цари, хотя въ историческое время ихъ не было уже ни въ Римѣ, ни въ другихъ городахъ Италиі. Но если найдется свѣтиль, который бы пошелъ такъ далеко, что сталъ бы утверждать, что существованіе царей, въ Римѣ и въ Аѳинахъ, какъ опирающееся единственно на свидѣтельство поэмъ и преданій, не можетъ послужить для серьезной аргументаціи или сравненія, то я приведу аргументъ другаго рода. Я бы слѣпкомъ уклонился отъ моего предмета, если бы сталъ здѣсь оцѣнивать достоинство источниковъ древней греческой или римской исторіи; но существованіе царей, какъ въ Греціи, такъ и въ Италиі, можетъ быть доказано аргументами, едва ли еще не болѣе убѣдитель-

ными, чѣмъ самое свидѣтельство современниковъ. Существованіе въ древности царей подтверждается соображеніями, основанными на переживаніяхъ, на тѣхъ слѣдахъ, которые остались отъ этого института въ учрежденіяхъ позднѣйшаго времени. Если бы въ Римѣ никогда не было царей, мы бы не находили среди его республиканскихъ учрежденій такихъ названій, какъ *interrex* и *interregnum*, сохранявшихся до послѣднихъ временъ республики. Никто бы не назвалъ временной промежутокъ между двумя консульствами *interregnum*, никто не назвалъ бы главнаго представителя власти во время этого случайнаго промежутка *interrex*, еслибы не было времени, когда *interregnum* обозначало время не между двумя консульствами, но между двумя царствованіями, если бы не было времени, когда *interrex*, согласно своему имени, дѣйствительно былъ лицомъ, предсѣдательствовавшимъ не при избраніи консула, а при избраніи царя ¹⁶). Этыхъ названій было бы достаточно уже самихъ по себѣ, при полномъ отсутствіи исторіи и преданій, для доказательства существованія въ древнемъ Римѣ царей. И мы можемъ прибавить, что они доказываютъ не только существованіе нѣкогда въ Римѣ царей, но также и то, что эти цари были не наследственные, а избирательные. Опять и тотъ фактъ, что титулъ царя всегда оставался въ Римѣ титуломъ одного изъ жрецовъ народной религіи, доказываетъ, что въ немъ нѣкогда были цари, съ большимъ правомъ носившіе этотъ титулъ. *Rex sacrificulus* не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ извѣстной формой переживанія дѣйствительнаго *rex* ¹⁷). Незначительное духовное лицо никакъ не могло бы получить царскій титулъ, еслибы преданіе о существованіи царей не было согласно съ дѣйствительностью. Этотъ титулъ самъ уже по себѣ доказываетъ, что нѣкогда существовали цари, которые были не только жрецами, но также и судьями, и правителями, и полководцами. Сохраненіе царскаго титула за жрецами указываетъ на то, что правительственныя и военныя функціи царей перешли въ другимъ, между тѣмъ какъ извѣстныя религіозныя соображенія требовали, чтобы за кѣмъ нибудь сохранился царскій титулъ, для того, чтобы онъ могъ должнымъ образомъ совершать тѣ религіозныя обряды, которыя могли быть совершаемы только царемъ. Мы можемъ быть увѣрены, что какъ бы ни сдѣлалось

то или другое названіе съ теченіемъ времени безмысленнымъ, оно не могло быть такимъ въ первоначальномъ своемъ употребленіи, и что такія слова, какъ *interregnum*, *interrex*, и *rex sacrificulus*, могутъ употребляться лишь въ такомъ государствѣ, которое прежде управлялось царями. Такія переживанія отъ царской эпохи въ республиканское время доказываютъ существованіе дѣйствительнаго царскаго правленія, точно также, какъ титулы консула и трибуна во время имперіи уже сами по себѣ достаточно доказываютъ, что прежде консулы и трибуны были дѣйствительными властями въ государствѣ ¹⁸⁾. Если бы до насъ не сохранилась документальная исторія всѣхъ цезарей, то уже одни *fasti* указали бы намъ, что имперія развилась изъ прежней республики. Въ Греціи, спартанскіе цари представляли нѣчто большее, чѣмъ простое переживаніе; они удержали за собой царскій санъ, утративъ многое изъ своихъ прежнихъ правъ, но сохранивъ религіозный характеръ этого сана ¹⁹⁾. Но какъ бы то ни было, все же это были только переживанія. Нельзя себѣ представить, чтобы спартанскій институтъ царской власти былъ прямо установленъ, какъ нѣчто новое въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ въ историческую эпоху; существованіе царей со столь ограниченной властью уже само собой указываетъ на то, что прежде у нихъ была большая власть. Но на ряду съ спартанскими царями существовали еще въ эпоху персидскихъ войнъ цари и въ Аргосѣ. Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о пространствѣ ихъ власти и можемъ предполагать, что они въ значительной степени представляли сколокъ съ царскаго правленія Діомеда и Темена. Но, если они спустились до одного уровня съ спартанскими царями, то кажутся сохраняли всетаки за собой функціи полководца ²⁰⁾. А въ Аѳинахъ мы имѣемъ въ архонтѣ, въ этомъ *βασιλεύς* демократической эпохи, точную параллель римскому *rex sacrificulus* ²¹⁾. Никакой народъ не дастъ царскаго титула должностному лицу, назначаемому посредствомъ жребія срокомъ на одинъ годъ, если этотъ народъ не управлялся раньше этого дѣйствительными царями, и если въ числѣ ихъ функцій не было такихъ, которыя, по общему признанію могли быть по закону

осуществляемы только одним царемъ, и для которыхъ впоследствии назначался номинальный царь.

Итакъ существованіе царей въ древней Греціи и Итали можетъ считаться стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но тѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ, представляютъ намъ царское правленіе въ Итали въ значительно другомъ видѣ, нежели царское правленіе въ героической Греціи. Это различіе, безъ сомнѣнія, обуславливается частью различіемъ характера двухъ этихъ націй, частью различіемъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ данныя о древнѣйшемъ политическомъ бытѣ Греціи и Итали. И, въ свою очередь, различіе этихъ источниковъ обусловлено, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, различіемъ національнаго характера. Въ Итали мы не находимъ Гомера; мы не находимъ здѣсь даже чего либо подобнаго Гомеру, какъ мы это находимъ у нашихъ собственныхъ предковъ и соплеменниковъ; и, безъ сомнѣнія, это обусловлено именно особенностью національнаго характера римлянъ. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, если древній ахейскій царь является передъ нами въ поэтическомъ ореолѣ, между тѣмъ какъ римскій царь представляется почти въ таковой же прозаической и обыденной обстановкѣ, какъ и замѣстившій его консуль. При непремѣнномъ желаніи переносить греческія идеи въ Лациумъ, могутъ пожалуй въ Ромулѣ видѣть сына бога, и въ Нумѣ супруга богини ²²⁾; но устроеніе государства Анкомъ и Сервіемъ есть такое же обыденное дѣло, столь же причастное истинѣ и ошибкѣ, какъ и реформы Лицинія и Суллы ²³⁾. Но въ одномъ вопросѣ преданіе не могло ошибаться и въ отношеніи къ нему мы имѣемъ къ тому же и вполне надежное подтвержденіе въ переживаніяхъ. Греческіе цари были наследственны; цари Итали и уже во всякомъ случаѣ цари Рима были избирательныя. Выборъ римскихъ царей не былъ ограниченъ какимъ нибудь родомъ божескаго происхожденія; онъ не былъ даже ограниченъ гражданами государства; римскій престолъ былъ доступенъ и иностранцамъ, плѣнникамъ, и, быть можетъ, даже рабамъ ²⁴⁾. Такая система могла на практикѣ давать Риму гораздо лучшихъ царей, но она лишала ихъ таинственнаго очарованія и религіознаго авторитета. Римскій царь могъ быть служителемъ и любимцемъ Великаго Юпитера; но онъ не былъ его потомкомъ. Анкъ и Сервій

могли быть питомцами Юпитера, подобно Агамемнону и Ахиллу, но они не происходили отъ него по крови. Быть можетъ дошедшія до насъ свѣдѣнія относятся уже къ позднѣйшей формѣ царской власти Рима, быть можетъ прежде существовало наследственное преемство престола и избирательная монархія, которую мы находимъ въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ, была лишь первымъ шагомъ въ томъ направленіи, которое въ дальнѣйшемъ ходѣ привело къ замѣнѣ избирательной монархіи консулами. Но также вѣроятно, что оба порядка преемства, какъ наследственный, такъ и избирательный, каждый въ ихъ чистой формѣ, представляются единственно первый въ Ахей, второй въ Итали, между тѣмъ какъ у древнихъ германцевъ мы находимъ смѣшеніе двухъ этихъ системъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что въ такомъ государствѣ какъ Римъ, гдѣ семейныя преданія, семейныя вліянія и семейныя особенности играли такую видную роль, ни одинъ изъ самыхъ гордыхъ патриціевъ не высказывалъ притязанія на происхожденіе отъ перваго основателя города ²⁵).

Итакъ, главное различіе между исторіей царской власти въ древней Греціи и Итали и исторіею ея у германскихъ народовъ заключается въ слѣдующемъ: у германцевъ царская власть сохранялась, преуслѣвала и развилась въ королевскую власть современной Европы, между тѣмъ какъ въ древней Греціи и Итали она большею частью исчезла и сохранились одни лишь переживанія, подобныя тѣмъ, о которыхъ я только что говорилъ. Это, какъ мнѣ кажется, было необходимою судьбой царской власти тамъ, гдѣ государство состояло изъ одного города. Тенденціи всякой городской общины по существу своему республиканскія. Они могутъ быть демократическими или аристократическими, но во всякомъ случаѣ они представляются противными единоличному правленію. Когда государь живетъ и дѣйствуетъ на глазахъ у всѣхъ его подданныхъ, какъ это необходимо въ государствѣ изъ одного города, то исчезаетъ все обаяніе и вся таинственность царской власти. Въ Римѣ, гдѣ царь имѣлъ сравнительно менѣе священный характеръ, замѣна царей консулами была простымъ измѣненіемъ государственнаго устройства; она едва ли имѣла такое же важное значеніе, какъ устраненіе исключительной патриціанской замкнутости и допущеніе плебеевъ къ замѣщенію

нію консульскихъ должностей. Когда явилось убѣжденіе, что государство будетъ лучше управляться, если во главѣ его будутъ поставлены два консула, избираемые на одинъ годъ, вмѣсто одного пожизненнаго царя,—не было никакихъ основаній къ тому, чтобы эта перемѣна не совершилась въ дѣйствительности. Въ Греціи, гдѣ царь имѣлъ болѣе священный характеръ, такая перемѣна была вѣроятно болѣе трудной, и, конечно, она была болѣе постепенной. Въ Спартѣ, въ самомъ консервативномъ изъ греческихъ государствъ, царская власть сохранилась. Правда, власть царя уменьшилась; онъ пересталъ быть дѣйствительнымъ главой государства; вмѣсто одного сдѣлано было двое царей, и они стали отвѣтственны передъ другими властями государства; но все же царская власть потомковъ Геракла была нѣчто слишкомъ священное для того, чтобы быть вовсе уничтоженной. Какъ ни была незначительна власть царя, живой или умершій онъ все же оставался предметомъ почитанія, которое не могло быть перенесено на простыхъ избираемыхъ должностныхъ лицъ; и горькая насмѣшка заключалась въ вопросѣ, обращенномъ къ низложенному царю его товарищемъ, какъ онъ чувствуетъ себя въ новой должности, послѣ того какъ былъ царемъ ²⁶). Такимъ образомъ царская власть гераклидовъ сохранилась, и сохранившись, она была въ состояніи въ послѣдніе дни Спарты возвратить себѣ свои старыя права и послѣдній Клеомень, въ глазахъ всей Эллады, былъ настоящимъ царемъ ²⁷). Даже въ менѣе консервативныхъ Аѣинахъ царская власть исчезла лишь медленно, и слѣдуетъ замѣтить, что указываемая преданіемъ причина уничтоженія царской власти въ Аѣинахъ какъ разъ противоположна тому, что выставляютъ римскія преданія какъ причину уничтоженія царской власти въ Римѣ. Аѣиняне постановили, что послѣ Кодра не должно быть больше царей, потому что онъ былъ слишкомъ хорошій царь; римляне отмѣняютъ царское достоинство потому, что Тарквиній былъ слишкомъ худой царь ²⁸). Въ основаніи, выставляемомъ греческими преданіями, согласно ли оно съ исторической истиной или нѣтъ, мы видимъ во всякомъ случаѣ выраженіе того благоговѣнія, съ какимъ въ Греціи относились къ царямъ, и какого мы не найдемъ у римлянъ. Аѣинское преданіе прибавляетъ также, что при первой пере-

мѣнѣ высшая власть была еще сохранена пожизненно за однимъ изъ членовъ царской семьи. Но архонтъ былъ уже отвѣтственъ; и санъ былъ безъ сомнѣнія избирательнымъ саномъ; архонтъ, подобно древнимъ германскимъ государямъ, избирался только изъ царскаго рода. Затѣмъ должность эта стала предоставляться всего на десять лѣтъ, но выборъ въ нее все же былъ ограниченъ членами одного рода ²⁹). Единичная власть сохранялась въ Аѣинахъ до тѣхъ поръ, когда коллегія девяти архонтовъ замѣнила одного архонта и другіе роды были допущены къ замѣщенію этихъ должностей на ряду съ родомъ Кодра. И если мы вспомнимъ, что одинъ изъ этихъ девяти избирательныхъ архонтовъ все еще сохранялъ названіе царя, какъ прибавочное, на ряду съ болѣе общимъ названіемъ *ἄρχων*, то мы увидимъ, что царскій титулъ не исчезъ и послѣ того ³⁰). Послѣдующая исторія Аѣинъ состоитъ въ рядѣ перемѣнъ, въ силу которыхъ права архонтовъ постепенно переносились на другія государственныя учрежденія, на народное собраніе, на народный судъ, на коллегію десяти полководцевъ ³¹). Архонты, этотъ остатокъ прежней царской власти, потеряли такимъ образомъ всякое дѣйствительное значеніе; но они были слишкомъ священны въ глазахъ аѣинянъ, чтобы быть вовсе уничтоженными. Они сохранялись при всѣхъ перемѣнахъ и подъ конецъ, когда власть ихъ уже была однимъ призракомъ, санъ архонта соединился на время съ властью даже болѣею, нежели власть прежнихъ царей. Адріанъ, августѣйшій императоръ Рима и всего міра, не считалъ недостойнымъ себя сдѣлаться также на одинъ годъ архонтомъ и его именемъ отмѣченъ этотъ годъ въ анналахъ аѣинской демократіи ³²).

Съ римскими царями дѣло было иначе. Революція, приведшая къ ихъ отмѣнѣ, совершила это съ гораздо болѣею полнотою. При уничтоженіи избирательныхъ царей Рима не было такой постепенности, какъ при уничтоженіи наследственныхъ царей Аѣинъ. Первоначальное назначеніе консуловъ исключительно изъ рода прежнихъ царей есть не болѣе, какъ простое предположеніе ³³). Во всякомъ случаѣ, въ Римѣ не было ничего соотвѣтствующаго пожизненнымъ или избираемымъ на десятилѣтній срокъ архонтамъ. Пожизненные цари сразу замѣняются двумя консулами, или вѣрнѣе преторами, избирае-

мыми лишь на одинъ годъ. Но главное то, что консулы заступаютъ мѣсто царей и сохраняютъ это значеніе. Гдѣ царская власть не имѣла вовсе особенно священнаго характера, гдѣ царскому правленію былъ положенъ конецъ не по причинѣ особенныхъ добродѣтелей послѣдняго царя, а по причинѣ его злодѣяній, тамъ не было надобности проявлять особую бережность въ отношеніи царскаго рода или царскаго сана. Но, съ другой стороны, въ Римѣ не было такого непремѣннаго желанія уничтожить царскую власть, какъ въ Аѣинахъ. Въ Аѣинахъ архонты сохраняются, но ихъ обязанности постепенно сводятся въ чисто формальнымъ религіознымъ обрядамъ и низшимъ судейскимъ функціямъ. Архонты не предводительствуютъ войскомъ и не предсѣдательствуютъ въ народныхъ собраніяхъ. Полемархъ, съ своимъ воинскимъ титуломъ, представляетъ такой же примѣръ переживания, какъ и βασιλεύς съ своимъ царскимъ титуломъ ³⁴). Но въ Римѣ цари исчезаютъ, царская же власть остается; она передается правда двумъ консуламъ, но она ничего не теряетъ въ своемъ авторитетѣ и очень мало въ своемъ достоинствѣ. Въ случаяхъ особой важности единоличная царская власть возстановлялась на шестимѣсячный срокъ въ лицѣ диктатора; преторы, цензоры, курульные эдилы учреждаются рядомъ съ консулами и какъ всѣ они получаютъ нѣчто изъ царской власти, такъ точно всѣмъ имъ было предоставлено нѣчто изъ знаковъ царскаго достоинства. Магистраты, которые все еще сохраняли такіе знаки своего достоинства, какъ

И колесница, и кресло курульное,
Въ лозахъ сѣяры и ярко пурпурная
Тога, лавровый вѣнокъ *),—

магистраты, которые предсѣдательствовали въ сенатѣ и народныхъ собраніяхъ ³⁵), и начальствовали надъ войскомъ государства со всѣмъ авторитетомъ древнихъ царей,—указываютъ на совершенно иныя отношенія, нежели тѣ, которыя привели въ полному уменьшенію власти аѣинскихъ архонтовъ. Въ Аѣинахъ и въ Римѣ одинаково были уничтожены санъ и титулъ

*) The purple gown
The axes and the curule chair, the car and laurel crown.

царя, но въ Аѳинахъ была вмѣстѣ съ саномъ уничтожена и царская власть; въ Римѣ же самая власть сохранилась. Она была ограничена болѣе короткимъ срокомъ и раздѣлена между нѣсколькими лицами, но никогда не была совершенно уничтожена. И обратите вниманіе на послѣдствія этого. Въ Греціи царская и даже еще болѣе большая власть возстановилась во многихъ греческихъ городахъ въ формѣ тираніи. Но тиранія всегда была незаконна; тирана опредѣляютъ, какъ лицо, осуществляющее власть царя въ такомъ государствѣ, гдѣ по закону царя нѣтъ. И какъ въ Спартѣ сохраненіе номинальнаго царскаго сана дало возможность Клеомену превратить призрачную власть въ дѣйствительную, такъ въ Римѣ обширная власть, какою были облечены республиканскіе магистраты, дала возможность возстановить единство власти въ другой формѣ. Если бы въ Аѳинахъ одно и тоже лицо было сразу и архонтомъ, и полководцемъ, и пританомъ, оно все-таки еще далеко не было бы царемъ или тираномъ; но когда въ Римѣ всѣ важнѣйшіе государственные должности соединились въ рукахъ одного человѣка, этотъ человѣкъ сдѣлался императоромъ.

Героическіе цари исчезли и въ Греціи, и въ Италиі, если только они существовали когда нибудь тамъ въ чистой героической формѣ. Но достойно вниманія, что они сохранились въ тѣхъ соплеменныхъ и сосѣднихъ странахъ, которыя имѣютъ такъ много общаго съ Греціей, но въ которыхъ никогда не установлялся вполнѣ развитый греческій городской бытъ. Македоняне, и обитатели странъ, неопредѣленно называемой Эпиромъ, молоссіяне, хаоняне, ееспротіяне могутъ быть разсматриваемы какъ неразвившіеся эллины, какъ греки, у которыхъ племенной бытъ никогда не былъ вполнѣ вытѣсненъ городскимъ бытомъ. У нихъ поэтому древніе цари сохранились и въ историческую эпоху. Но мы можемъ видѣть, что по мѣрѣ того, какъ они все болѣе и болѣе подпадали непосредственному вліянію эллиновъ, ихъ бытъ все болѣе приближался къ политическому быту эллиновъ. Это случилось бы и съ Македоніей, если бы ея великіе цари сочли достаточнымъ сдѣлаться лишь учениками Греціи, вмѣсто того, чтобы стать и учениками ея, и завоевателями. Въ Эпирѣ же такъи было. Во время

пелопоннеской войны, цари исчезают какъ въ Хаоніи, такъ и въ Теспротіи. Хаонія даже прошла черезъ ту стадію, чрезъ которую проходили Аѣины и другія греческія государства. Въ ней избирали двухъ главныхъ магистратовъ на годичный срокъ; но ихъ избирали изъ одного лишь правительствующаго рода ³⁶). У молоссіянъ цари сохранились, но они сохранились для того, чтобы въ лицѣ эпирота Александра и въ лицѣ еще болѣе славнаго Пирра дать поборниковъ Греціи противъ варваровъ Запада. Но подъ конецъ и тамъ также исчезли цари и въ послѣдніе дни греческой свободы, Эпиръ, теперь уже вполне признанный какъ греческое государство, занималъ почетное мѣсто въ федераціи эллинскихъ республикъ ³⁷). Такого національнаго повышенія вполне была достойна нація, въ которой государь и народъ стояли лицомъ въ лицу, гдѣ государь клялся повиноваться закону, а народъ сохранять за нимъ власть до тѣхъ поръ, покуда онъ остается вѣрнымъ этой клятвѣ. Въ самой Македоніи царская власть удерживалась въ границахъ если не столь хорошо уравновѣшенной конституціей, то по крайней мѣрѣ частыми военными собраніями всего народа, какъ въ назначенные сроки, такъ и при каждомъ представлявшемся къ тому случаѣ ³⁸). Но республики въ ней не было до тѣхъ поръ, пока завоеванное государство по хитрой политикѣ Рима не было раздѣлено на четыре зависимыя государства ³⁹). Но задолго до этого времени македонскіе цари въ другихъ странахъ освободились отъ существовавшихъ въ Македоніи ограниченій ихъ власти, и даже отъ большинства ограниченій европейскаго быта вообще. Въ Македонскихъ царствахъ Авіи и Египта старинная ограниченная власть царей, изъ династіи Темена, страннымъ образомъ превратилась въ совершенно восточный деспотизмъ и еще болѣе страннымъ образомъ соединялась съ интеллектуальной культурой Греціи, хотя не допускала и тѣни ея политической свободы, за исключеніемъ кое-какихъ отдаленныхъ колоній. Но еще раньше, чѣмъ образовались меньшія владѣнія Птолемеевъ и Селевкидовъ, не менѣе несовмѣстимое соединеніе функцій представилось въ лицѣ того, чьи владѣнія они рады были подѣлить на части. Страннымъ дѣйствительно представлялось смѣшеніе властей въ лицѣ Александра, когда онъ въ одно и то же время былъ и царемъ царей на пре-

столѣ Кира, и законнымъ государемъ свободнаго македонскаго народа, и главою эллинской конфедераціи, избаннымъ коринѣскимъ синодомъ ⁴¹⁾.

Другое не менѣ странное соединеніе властей возникло въ позднѣйшее время, которое приводитъ насъ, въ нашемъ изслѣдованіи института царской власти у древнихъ арійцевъ, къ другой части нашего предмета. Раздробленіе прежнихъ функцій римскихъ царей привело къ образованію различныхъ магистратовъ римской республики. Они образовали сильную и уважаемую исполнительную власть, рядомъ съ которой и сенатъ, и народное собраніе сохранили подобающее имъ мѣсто. Въ послѣдствіи, когда какъ сенатъ, такъ и народъ, оказались недостойными правительственной власти, соединеніе различныхъ государственныхъ властей въ однихъ рукахъ привело къ восстановленію монархіи, но уже не конституціонной, а деспотической. Цезарь, отецъ своего отечества, высшій жрецъ боговъ, консулъ республики, глава сената, начальникъ войска, самъ же осуществлявшій и власть трибуна, которая была предназначена служить поддержкой всякой другой власти,—былъ дѣйствительно владыкой Рима и всего міра ⁴²⁾. Рядомъ съ нимъ старыя должности сохранились, какъ призраки, и консулъ-императоръ самъ назначалъ одного изъ своихъ подданныхъ своимъ сотоварищемъ по консульской власти ⁴³⁾. Этотъ санъ сохранялся и подъ конецъ онъ опять случайно соединился съ дѣйствительною властью и почетомъ; консульство Теодориха ⁴⁴⁾, Боэція ⁴⁵⁾, Велисарія ⁴⁶⁾, имѣло, по крайней мѣрѣ, гораздо больше значенія, чѣмъ архонство въ Аѣинахъ Адріана или санъ аѣинскаго стратега у Константина. И владыка Рима и міра могъ все еще, подобно Юлію, утверждать: „я цезарь, а не царь“ ⁴⁸⁾. На языкѣ своихъ греческихъ подданныхъ онъ могъ называться βασιλεύς ⁴⁹⁾; онъ могъ украшать себя одѣянiями и діадемой восточныхъ царей ⁵⁰⁾; даже въ самомъ Римѣ его правленія могло называться *regnum* ⁵¹⁾, его домъ—*regia* ⁵²⁾, его жена—*regina*, но ни онъ самъ, ни льстецъ его никогда не придавали ему запрещенный и грозный титулъ *rex* ⁵⁴⁾. Со времени *regifugium* Тарквинія Римъ никогда не имѣлъ царей, покуда въ немъ не появился государь совершенно иного происхожденія и въ совершенной иной формѣ. Мало по малу, германскіе короли заняли въ

немъ все почетныя должности; Аларихъ былъ римскимъ полководцемъ ⁵⁵), Клодвигъ—консуломъ, Пиппинъ—патрищемъ ⁵⁶); и наконецъ дѣло дошло до того, что Карлъ сдѣлался римскимъ *caesar* и *augustus*. Санъ римскаго императора и германскаго короля были соединены въ лицѣ римскаго императора, короля франковъ и ломбарцевъ. Но въ самомъ Римѣ все еще не было царя; еще позднѣе, двѣ различныя власти были соединены въ рукахъ одного лица и явился длинный рядъ *reges romanorum* отъ Генриха Франконскаго до Иосифа Австрійскаго и быть можетъ между живущими еще найдутся такіе, что помнятъ это ⁵⁷). Императоры Рима и короли Германіи соединились съ этихъ поръ воедино; мы прослѣдили только что судьбу первыхъ; обратимся теперъ къ германскимъ королямъ и къ ихъ происхожденію.

Разсказъ Тацита и разсказы англійскихъ хроникъ самымъ яснымъ образомъ показываютъ, что государи, въ строгомъ смыслѣ, были не у всехъ германскихъ племенъ, и мы поэтому можемъ заключить, что установленіе относилось къ незапамятному времени. Источники различаютъ племена, у которыхъ существовали государи, отъ тѣхъ, у которыхъ ихъ не было, и ясно проводятъ различіе между государями и другими низшими начальниками: государи выбирались изъ среды дворянства, другіе начальники, *duces* или *principes*, изъ лицъ, отличившихся личными заслугами ⁵⁸). Въ этомъ довольно ясно видѣнъ тотъ порядокъ назначенія государей, который былъ общимъ порядкомъ у всехъ германцевъ, а также, насколько я знаю, и у славянъ, и онъ представляется самымъ естественнымъ въ древнемъ общественномъ быту. Съ одной стороны, это не есть строгое наследственное преемство; съ другой стороны, санъ короля не является открытымъ безразлично всему народу. Какъ въ Римѣ, такъ и у германцевъ народъ имѣлъ голосъ при выборѣ своихъ правителей, но подобно греческимъ царямъ, они избирались изъ одного опредѣленнаго рода божественнаго происхожденія; правитель людей долженъ былъ быть потомкомъ правителя боговъ; праотецъ, отъ котораго онъ велъ свою родословную, долженъ быть никто иной, какъ самъ Воданъ ⁵⁹). Въ этомъ древніе германцы сходились съ ахейцами временъ Гомера. Но имъ не было также чуждо сооб-

раженіе практическихъ римлянъ, что выборъ правителя людей не можетъ быть всецѣло предоставленъ случайностямъ чистаго наслѣдственнаго преемства; наслѣдетвенностьъ власти обезпечивалась тѣмъ, что государь выбирался изъ божественнаго рода, между тѣмъ какъ извѣстная степень способности отправлять обязанности государя обезпечивалась свободнымъ выборомъ между тѣми, въ чьихъ жилахъ текла кровь Водана. Государь былъ самымъ благороднымъ изъ благородныхъ; онъ былъ, какъ показываетъ его германское имя *king*, воплощеніемъ рода, *kin*; онъ былъ народнымъ главой, народнымъ избранникомъ, былъ самимъ народомъ, воплощеннымъ въ лицѣ одного человѣка. Королевская власть была должностью; она была должностью, которая, подобно всякой другой должности, учреждалась народомъ и могла быть имъ уничтожена ⁶⁰). Но въ ней заключалось и нѣчто большее, чѣмъ должность; это была привилегія избраннаго рода, распространявшаяся не только на дѣйствительнаго обладателя власти, но и на всѣхъ членовъ царскаго рода, *sup* *sup*, изъ котораго только и могли выбираться короли, и каждый членъ котораго былъ въ нѣкоторомъ родѣ королемъ ⁶¹). Казалось бы, что королевская власть, которой приписывалось такое божественное происхожденіе, должна бы существовать въ полномъ смыслѣ этого слова съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ было совершенно невозможно опредѣлить время или поводъ ея возникновенія; и однакожь, какъ я только что говорилъ, несомнѣнно, что, какъ форма правленія, институтъ королевской власти не представляется у германцевъ существующимъ съ незапамятныхъ временъ. Въ эпоху Тацита королевское правленіе представлялось еще у германскихъ племенъ исключеніемъ; вполне достоверно извѣстно, что у одной изъ значительныхъ отраслей германцевъ королевское правленіе не устанавливалось до самой потери національной независимости. У древнихъ саксовъ никогда не существовало государей, покуда они не признали своимъ королемъ короля франковъ и ломбардцевъ ⁶²). Что касается тѣхъ саксовъ, которые переплыли за море въ Британію, а также послѣдовавшихъ за нимъ англовъ и ютовъ, то у нихъ королевское правленіе было совершенно неизвѣстно до того, какъ они совершенно усѣлись на британской почвѣ ⁶³). Какъ

бы ни былъ германскій король могущественъ и уважаемъ, какъ бы ни былъ онъ облеченъ таинственной святостью, какъ потомокъ боговъ, все же онъ и его санъ были еще, въ нѣкоторомъ родѣ, новшествомъ. Было время, когда королевская власть была неизвѣстна; были племена, у которыхъ она и навсегда осталась неизвѣстной. Дѣйствительно не можетъ быть сомнѣнія, что вездѣ, гдѣ мы находимъ у германцевъ королей, они замѣнили собою болѣе древнее правленіе старѣйшинъ, носившихъ болѣе низкіе, но за то болѣе древніе титулы ealdor-men или heretogan.

Разрѣшеніе этого кажущагося противорѣчія заключается повидимому въ томъ, что король служитъ представителемъ національной стадіи развитія въ отличіе отъ племенной. Низшіе начальники, эльдормены и герцоги, были главами отдѣльных племенъ; когда изъ соединенія племенъ образовалась нація, они выбрали короля, какъ общаго своего главу. Они выбрали быть можетъ того, кто въ извѣстномъ смыслѣ уже былъ королемъ. Въ нашихъ древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о германцахъ находится нѣсколько смутныхъ указаній на то, что королевскіе роды существовали раньше, чѣмъ установилось самое королевское правленіе. Кажется, что царскій родъ, сунесун, знатнѣйшій изъ знатныхъ, родъ, который вѣрнѣйшимъ образомъ воплощалъ въ себѣ бытіе всей народности, считался, когда въ томъ чувствовалась надобность, призваннымъ занять мѣсто главы всего народа. Родъ, который уже былъ королевскимъ (kingly) по своему происхожденію, дѣлается теперь королевскимъ по своей политической власти. Это значитъ, что королевское правленіе есть правленіе родовитѣйшихъ, правленіе тѣхъ, которые происходятъ изъ сунесун, правленіе самаго сун, воплощеннаго въ лучшихъ своихъ членахъ. Такимъ образомъ можно сказать, что король сталъ королемъ потому, что онъ уже былъ королемъ. Онъ становится rex, потому что онъ былъ передъ всѣми generosus; онъ дѣлается правителемъ людей потому, что онъ уже былъ высшимъ между ними. Въ санскритѣ подобнаго же рода представленія вызвали образованіе сроднаго титула, и санскритское gапaka представляется болѣе близкимъ къ германскому king, нежели rex и βασιλεύς, словъ болѣе близкихъ къ германскому языковъ, нежели сан-

скритскій ⁶⁴). Германскій король править—rixode—своимъ ríse, своимъ regnum; но титуль его происходитъ не отъ его должности, а отъ его знатности. Онъ не былъ только rex, только правитель; онъ былъ king глава рода (kin) на землѣ, человѣкомъ, который могъ похвалиться родствомъ съ владыками небесъ.

Съ введеніемъ христіанства, притязанія королей на уваженіе въ нимъ какъ въ потомкамъ боговъ, должны были исчезнуть. Родословная королевскаго рода все еще велась отъ Водана; но какъ критяне нашли могилу Зевса, такъ и теперь стали видѣть въ Воданѣ просто смертнаго, потомка Ноя и Адама въ такомъ то колѣнѣ ⁶⁵). Но король и послѣ того долженъ былъ все же имѣть священный характеръ. Еврейскій обрядъ помазанія вошелъ въ употребленіе, какъ обрядъ вѣнчанія на царство императоровъ, и затѣмъ былъ распространенъ и на государей низшаго ранга. Санъ короля все еще остался священнымъ; но святость сообщалась ему не въ силу происхожденія отъ ложныхъ языческихъ боговъ; а въ силу совершаемаго надъ королемъ церковнаго обряда вѣнчанія высшими служителями церкви въ его государствѣ. Но на сколько отозвалась эта перемѣна на дѣйствительномъ характерѣ и объемѣ королевской власти? Одинъ видъ таинственной святости замѣнился другимъ. Можно пожалуй сказать, что святость рода исчезла, потому что увеличилась святость личности. Изъ всѣхъ ученій наиболѣе противнымъ христіанскому ученію представляется то, которое признаетъ за отдѣльными родами или семьями какое нибудь исключительное достоинство, какую нибудь исключительную привилегію. Въ христіанскомъ государствѣ законъ можетъ устанавливать наслѣдственное преемство, въ отношеніи короны или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи; но онъ устанавливаетъ наслѣдственность просто потому, что она болѣе соотвѣтствуетъ общему благу, а не потому, чтобы тотъ или другой родъ представлялъ какое либо особенное наслѣдственное преимущество предъ другими. Христіанству пришлось бороться съ такими предразсудками, точно также какъ пришлось ему бороться со всемірнымъ грѣхомъ рабства, представлявшимся лишь другимъ проявленіемъ тѣхъ же предразсудковъ. Христіанство допускало существованіе чувства родovitости, какъ чувства; оно могло

даже сохранить свое политическое значеніе, каково бы оно ни было въ нашихъ глазахъ; но эта наслѣдственная святость исчезла. Когда Этельбертъ погрузился въ купель, его пресимущества, его особая святость какъ потомка Водана были навсегда смыты водою крещенія. Святость христіанскихъ государей, какъ божьихъ помазанниковъ, была другого рода; это была святость личности, святость сана, но не святость происхожденія. На государя распространялась часть той святости, какая была присвоена сану священника и епископа; но эта святость была только святость сана: это была святость установленная и опредѣленная согласно признанному закону; она была установлена компетентною властью и ею же могла быть уничтожена. Превращеніе сына Водана въ божьяго помазанника придало государю даже больше личнаго почета, нежели какимъ онъ пользовался до этого. Но это измѣненіе выдвинуло за то съ большею силою представленіе о царской власти, какъ о должности, какъ объ обязанности, исполненіе которой поручается государю для общаго блага народа. Христіанское ученіе облегчило свободный выборъ между членами царскаго рода; оно сдѣлало болѣе легкимъ, въ случаѣ надобности, выборъ и внѣ этого рода; оно сдѣлало болѣе легкимъ, въ случаѣ надобности, низложеніе законнымъ путемъ короля, который представлялся недостойнымъ возложенной на него должности. Дальнѣйшее измѣненіе заключалось въ томъ, что государь постепенно превратился изъ главы народа въ владѣтеля земли, въ вотчинника, такъ что понятіе должности (office) мало по малу потерялось въ понятіи владѣнія, и королевство стало разсматриваться какъ личное имущество (personal estate), которое должно, подобно всякому другому имуществу, переходить отъ отца къ сыну, согласно строго опредѣленному напередъ порядку наслѣдственнаго преемства. Если строго наслѣдственное преемство престола не совмѣстимо съ народнымъ избраніемъ государя, то не менѣе того оно не совмѣстимо и съ ученіемъ о церковномъ его посвященіи. Значеніе вѣнчанія и помазанія заключается въ томъ, что оно дѣлаетъ вполне государемъ того, кто до этого былъ по большей мѣрѣ лишь выбраннымъ въ короли. Но согласно строгому принципу наслѣдственнаго права, государь уже до этого вполне признается

государемъ и его вѣнчаніе и помазаніе нисходитъ до значенія просто вѣншнаго обряда, безсмысленнаго или поучительнаго, смотря по тому, съ какою точки станемъ на него смотрѣть.

Королевская власть, прошедшая черезъ эти формы, языческія и христіанскія, явилась, какъ я уже сказалъ, не сразу. Въ нѣкоторыхъ странахъ, heretogan, или ealdormen, и соотвѣтствующіе имъ у латинскихъ писателей, duces, principes, judices, satrapae, и т. п. долго сохраняютъ за собою почву. И можетъ быть даже самое маленькое королевство образовалось изъ соединенія такихъ мелкихъ политическихъ союзовъ. Соотвѣтствующія этому явленія мы можемъ найти и далеко за предѣлами германской народности, и даже за предѣлами арійской семьи. Исторія ветхаго завѣта представляетъ намъ нѣсколькихъ царей Ханаана, царствующихъ каждый въ своемъ отдѣльномъ городѣ совершенно такъ же, какъ и цари героической Греціи. Но она представляетъ намъ также въ Гавваонѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ городъ, который хотя и не управлялся царемъ, былъ такимъ же значительнымъ городомъ, какъ города царей ⁶⁶). Мы узнаемъ изъ нее также, что въ Едомѣ прежде царей были князья ⁶⁷); и исторія самого Израиля показываетъ, быть можетъ, яснѣе, чѣмъ какая-либо другая исторія, какъ конфедерація сродныхъ племенъ можетъ стать единымъ народомъ и какъ судьбы евреевъ, подобно судьямъ вестготовъ, были замѣнены властью единаго государя надъ всѣмъ народомъ. И не только тамъ были князья, старѣйшины, судьи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ народы, которые имѣли у себя государей, снова возвратились къ болѣе древнему правленію князей, старѣйшинъ или судей. Какая доля исторической истины можетъ заключаться въ разсказѣ, передаваемомъ Геродотомъ, что единое Египетское царство было нѣкогда раздроблено между двѣнадцатю союзными государями, — я предоставляю опредѣлить это египтологамъ. Но вѣрнѣе этотъ разсказъ или нѣтъ, тотъ порядокъ вещей, который въ немъ описанъ, находитъ себѣ нѣсколько параллелей въ несомнѣнной исторіи. Ломбардцы, послѣ того, какъ испытали царское правленіе въ теченіе нѣсколькихъ царствованій, снова возвратились къ правленію отдѣльныхъ герцоговъ, и, по одному свидѣтельству, тоже

самое случилось и въ Англии у западныхъ саксовъ ⁶⁸). Это явление должно отличать отъ другаго, имѣющаго съ нимъ кое-что общее и могущее быть разсматриваемымъ какъ своего рода переходъ отъ управленія отдѣльныхъ князей и старѣйшинъ къ вполнѣ установившейся монархіи позднѣйшаго времени. При принятомъ нами воззрѣніи на происхождение и природу царской власти, ясно, что она не означаетъ еще монархіи въ буквальномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, не должно забывать, что въ такое время, когда на значеніе словъ обращалось большое вниманіе, выраженіе „монархъ“ и „монархія“ никогда не примѣнялись къ правленію обыкновенныхъ государей, но только къ всемірной власти императора ⁶⁹). Еще долго послѣ того, какъ въ данномъ союзѣ племеньъ развилось сознаніе народнаго единства, достаточно сильное для того, чтобы они приняли общее имя, и были способны къ совокупному дѣйствию, достаточно сильное для того, чтобы замѣнить правленіе отдѣльныхъ князей или судей правленіемъ государей, долго еще это чувство національнаго единства было недостаточно сильно для установленія одного государя для всей націи. Такъ какъ у германцевъ весь родъ былъ царскимъ и царственность рода служила источникомъ притязаній на престоль, то естественнымъ результатомъ этого оказалось то, что каждый членъ такого рода имѣлъ право быть государемъ по власти, такъ какъ и по происхожденію. Отсюда — постоянныя раздѣлы королевства между сыновьями короля, или по его смерти, или при жизни, наполняющіе почти всю исторію Франціи при Меровингахъ и Каролингахъ. Отсюда также устройство западно-сакскаго королевства въ англійской исторіи, представляющее конфедерацію княжествъ, управляемыхъ каждое удѣльнымъ княземъ царскаго рода, и признающихъ надъ собой верховенство государя, главы всего народа. Память о Гептархіи въ Англии уже давно исчезла, но если заговорить о Пентархіи въ Уессевсѣ — она окажется извѣстной хотя бы по имени. Такъ и на скандинавскомъ сѣверѣ, почти въ каждомъ значительномъ народѣ мы находимъ упоминаніе о нѣсколькихъ короляхъ и графахъ, earls, соотвѣтствующихъ вообще англійскимъ ealdormen и heretogan, соединившихся другъ съ другомъ, какъ предводители союзной рати. И замѣтьте, что

кота въ числѣ борцевъ, павшихъ въ великой битвѣ при Бруннбурѣ, было семь графовъ и пять королей, доставшихся въ добычу волвамъ и ворогамъ Нортумберланда; только однако о пяти короляхъ дошло до насъ извѣстіе, что они были молоды; о возрастѣ графовъ мы ничего не знаемъ. Конечно, это только другая форма различія, указаннаго задолго до этого Тацитомъ. Короли избирались въ силу своего происхожденія, поэтому они могли быть молодыми. Графы, какъ надо полагать, все еще избирались въ силу ихъ личной силы и личнаго значенія; слѣдовательно, они въ буквальный смыслъ слова могли быть *bruciores, seniores, ealdormen*, старѣйшины.

Во всемъ этомъ множествѣ королей, которые должны были уступить мѣсто большимъ королевствамъ позднѣйшаго времени, будетъ ли это первоначальный зародышъ англійской королевской власти при Идѣ въ Нортумберландѣ, или въ болѣе поздней стадіи королевской власти на сѣверѣ при свѣтловудромъ Гарольдѣ Норвежскомъ, мы видимъ живое подобіе того же порядка вещей, какой мы видѣли въ множествѣ царей маленькаго острова Итаки, или въ той толпѣ царей, съ которой Одиссей такъ бережно обошелся въ часъ суда предъ Иліономъ⁷¹). Но между тѣмъ, какъ въ самой Греціи цари исчезли, и даже въ Македоніи сохранились лишь для того, чтобы быть поглощенными владычествомъ Рима, сродные имъ германскіе вороды сохранялись и преуспѣвали до нашихъ дней. Царская власть въ Европѣ сохранялась и преуспѣвала, между тѣмъ какъ въ Греціи исчезла, главнымъ образомъ потому, что отдѣльными племена могли соединиться въ націи, а города не могли. Но судьба королевской власти въ различныхъ странахъ Европы была весьма различна. Повсюду она подверглась болѣе или менѣе тѣмъ влияніямъ, о которыхъ я уже говорилъ, какъ о причинахъ измѣненія первоначальнаго характера королевской власти у германцевъ. Повсюду подвергалась она влиянію церковныхъ идей, которыя сосредоточивались около церковнаго обряда коронаціи; повсюду подвергалась она влиянію идей, заимствованныхъ изъ римскаго гражданскаго права; повсюду она видоизмѣнялась подъ влияніемъ феодальныхъ и территориальныхъ понятій, научившихъ людей смотрѣть на королевскую власть скорѣе какъ на собственность, нежели какъ на

должность; повсюду она видоизмѣнялась благодаря развитію тѣхъ идей, которыя образовались изъ сродненія германскаго *comitatus* съ римскимъ владѣніемъ (*domus*) землями за военную службу.⁷³⁾ Священный характеръ, приданный государю новой религіей, послужилъ быть можетъ лишь замѣной той святости, какую они утратили съ паденіемъ прежней религіи. Но древній германскій государь не былъ ни дворяномъ, ни конституціонной абстракціей; онъ не былъ ни вотчинникомъ земли; ни простымъ главой восходящаго ряда феодалныхъ владѣтелей. Но въ различныхъ эпохи и въ различныхъ странахъ онъ дѣлался всею этимъ. Въ одну эпоху онъ дѣлался абсолютнымъ государемъ, присвоивая себѣ тѣ атрибуты, которые по ученію римскаго права предоставлялись императору при его избраніи.⁷⁴⁾ Въ другую эпоху отношенія вотчинника и холопа поглотили собою тѣ отношенія, въ которыхъ каждый гражданинъ стоялъ къ главѣ государства. Но вообще государь превратился изъ главы народа, гдѣ бы народъ этотъ ни находился, въ правителя извѣстной части земной поверхности, кѣмъ бы ни была она обитаема. Новые территориальныя титулы — король Англій, король Франціи, и т. п. — замѣнили собою старыя титулы, указывавшіе на народное главенство, и принадлежавшіе одинаково и царю македонцамъ и царю индійцамъ и персамъ, и императору римлянъ, и царю восточныхъ и королю англо-нормановъ.⁷⁵⁾ И по мѣрѣ того какъ царская власть изъ народного главенства превращалась въ вотчинную власть, по мѣрѣ того, какъ изъ должности она превращалась въ собственность, по мѣрѣ того, какъ государственная территория стала разсматриваться какъ обширное имѣніе, люди стали думать, что недостаточно смотрѣть на государя, какъ потомка прежнихъ государей, что недостаточно, чтобы онъ избирался изъ одного королевскаго дома; юристы и придворные вообразили, что территориальная собственность, въ которую они превратили королевскую должность, должна переходить, подобно всякой земельной собственности, согласно опредѣленному закону наследственнаго преемства. Они придумали для насъ всѣ эти юридическія тонкости, какъ первородство, представительство, и прочее, въ силу которыхъ англійская корона была предоставляема на время Эдуарду

Кернвону и Ричарду Бордосскому, но примѣненіе которыхъ
 устранило бы отъ престола Альфреда, не допустивъ его къ на-
 слѣдству дѣтей его брата. Всѣ эти различныя вліянія сказа-
 лись на царской власти въ каждомъ европейскомъ государ-
 ствѣ; но они сказались въ различныхъ странахъ въ весьма
 различной степени. И если самый характеръ царской власти
 дѣлался такимъ образомъ при различныхъ обстоятельствахъ
 весьма разнообразнымъ, степень власти присвоенной государю
 была не менѣе разнообразна. Институтъ царской власти въ
 различныхъ странахъ прошелъ черезъ тѣ разнообразныя формы,
 съ очерка которыхъ я началъ настоящую лекцію. И теперь
 есть еще въ Европѣ одна страна, въ которой, какъ и во вре-
 мена древнихъ цезарей, воля государя имѣетъ силу закона ⁽⁷⁸⁾.
 Въ другихъ, законъ предоставляетъ государю обширныя, хотя
 и строго опредѣленные права, но нѣкоторыя изъ этихъ правъ
 осуществляются не иначе, какъ при посредствѣ совѣтни-
 ковъ, избираемыхъ далеко не по личному желанію государя,
 и существуютъ также другія права, осуществленіе кото-
 рыхъ ни одинъ государь или министръ никогда не вздумаетъ
 присвоивать себѣ. Если мы обратимся къ исторіи Англіи, то
 найдемъ въ ней въ отношеніи развитія королевской власти,
 какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, болѣе строгую исто-
 рическую преемственность нежели въ какой либо иной странѣ.
 Во время всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя превратили эльдор-
 мена или геретогу одного уголка Гампшира въ короля Англіи
 и владѣтеля Британскаго острова, никогда не терялось со-
 вершенно старое представленіе о немъ, какъ о главѣ народа ⁽⁷⁹⁾.
 Всѣ перемѣны, вліянія на измѣненія первоначальнаго харак-
 тера королевской власти у германцевъ, сравнительно медленно
 достигали Англіи, и достигнувъ, оказывали въ ней меньше
 вліянія, чѣмъ гдѣ либо. Пришествіе нормановъ передало ан-
 глійскую корону иноязычнымъ королямъ; но оно не произвело
 полного перерыва въ преемственности англійскихъ политическихъ
 традицій. Скорѣе напротивъ, именно твердая рука великаго
 Вильгельма закончила дѣла Этберта и Этельстана, и сдѣлала
 Англію навсегда такимъ государствомъ, которое съ того вре-
 мени никто и не думалъ разъединять на части. И Завоеватель,
 требовавшій себѣ короны на основаніи англійскаго права, заяв-

дѣвшій, что онъ править согласно англійскому же праву, передалъ традиціи англійскаго права всѣмъ, кто слѣдовалъ за нимъ. Король былъ могущественъ, но законъ — еще могущественнѣе. Законы Эдуарда развились въ Великую Хартію; Великая Хартія въ петицію правъ; изъ петиціи правъ развилось то болѣе полное упроченіе англійскихъ вольностей, которымъ ознаменовалась та великая година, когда англичане послѣдній разъ сами выбрали себѣ короля ⁷⁸). Если мы прослѣдимъ всѣ стадіи англійской исторіи, мы, я думаю, увидимъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ мы, англичане, дольше всѣхъ сохраняли старое наслѣдіе нашихъ предковъ, и даже тогда, когда мы уклонились отъ него, мы во многихъ случаяхъ опять возстановляли старое лишь подъ другими формами. Мы никогда не устраняли вполне ни наслѣдственнаго, ни избирательнаго принципа; нашъ государь и теперь вѣнчается и помазуется на царство съ тѣми же обрядами, какъ Эдвардъ, Гарольдъ и Вильгельмъ, и теперь обдаваетъ тою же властью, въ церковныхъ также какъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, которую Вильгельмъ умѣлъ отстоять за собой противъ самаго Гильдебранда ⁷⁹). Даже въ такомъ неважномъ дѣлѣ, какъ сохраненіе престола за старымъ царскимъ родомъ, никакая другая страна не представитъ болѣе непрерывнаго преемства государей. Нигдѣ царствующій домъ не можетъ даже съ помощью женскихъ линій вывести свое происхожденіе отъ князей, которые за четырнадцать вѣковъ назадъ привели народъ въ ту страну, гдѣ онъ и теперь обитаетъ. Подъ предводительствомъ Церрика и Цинрика западные саксы заняли впервые кельтическую страну. И съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ временнаго устраненія древней династіи, дважды завоеваніемъ, и однажды народнымъ выборомъ, потомки Церрика и Цинрика постоянно правили вестъ-саксами и всѣми, которыя стали гражданами ихъ разросшагося государства. Всѣ государи Уессекса или Англии до и послѣ Кнута, Гарольда и Вильгельма, по крайней мѣрѣ по женской линіи, были потомками перваго основателя государства ⁸⁰).

У нашихъ континентальныхъ соплеменниковъ королевская власть развивалась иначе. Нигдѣ, кромѣ нашего острова, старій германскій институтъ королевской власти, какъ и другія

древнія германскія институты, не получилъ такого развитія и усовершенствованія, такого видоизмѣненія путемъ чисто естественнаго роста на такой почвѣ, которую, совершенно уничтоживъ въ ней старый порядокъ вещей, наши предки сдѣлали столь же своею, какъ и та страна, изъ которой выселились. На нашемъ островѣ, въ этомъ особомъ мѣрѣ, германское государство и германскій институтъ королевской власти могли развиваться внѣ римскихъ влiяній, пока эти влiянія не сказались уже въ позднѣйшихъ своихъ формахъ, церковной и феодальной. Въ другихъ случаяхъ, какъ только германская нація со своимъ королемъ водворялась въ завоеванной римской землѣ, она подвергалась тотчасъ же магическому влiянію Рима. Нѣкоторыя изъ германскихъ государствъ, которыя такимъ образомъ были основаны на римской территоріи, подобно государству Вандаловъ въ Африкѣ и Готовъ въ Италіи, подчинялись господству возродившейся римской власти. Даже готы въ Испаніи, задержанные на время римскимъ возрожденіемъ⁸¹), кончили тѣмъ, что подпали игу завоевателей чуждыхъ и арійскому языку и христіанской вѣрѣ. Другіе были поглощены, одни за другими, владычествомъ болѣе ихъ могущественнаго соплеменнаго народа. Мало по малу, одинъ изъ германскихъ народовъ занялъ первенствующее положеніе и соединилъ подъ франкскимъ скипетромъ и прадѣдовскую Германію и завоеванную Галію. Но при этомъ франкскіе короли потеряли власть, которую англійскіе короли все еще сохраняли, оставаясь вѣрными неискаженнымъ традиціямъ стараго германскаго быта. То обстоятельство, что держава франковъ никогда не ограничивалась одной Галіей, что германскія земли восточныхъ франковъ и зависимыхъ аллемановъ и баварцевъ составляли все же часть франкскихъ владѣній, спасло эту державу отъ того, чтобы сдѣлаться вполнѣ римской: это спасло франковъ и на гальской землѣ отъ полной утраты языка и традицій своихъ предковъ. Но все же завоеваніе франками значительной римской территоріи не могло не оказать своего дѣйствія. Когда народъ, король, знатные, свободные, поселялись въ новыхъ жилищахъ, которые они захватили себѣ среди завоеваннаго народа, цивилизація котораго была выше чѣмъ ихъ собственная, они не могли сохранить свой прежній общественный бытъ, свои прежнія простыя по-

литическія традиціи свободными отъ всякой чуждой примѣси. Уже одно увеличеніе владѣній не можетъ не увеличить власти государя ⁸²⁾, и особенно когда это увеличеніе совершается въ формѣ внѣшняго завоеванія. Государь, который управляетъ по своему произволу большимъ числомъ побѣжденныхъ, иноземцевъ, незамѣтно присвоитъ большую долю власти, чѣмъ прежде даже и надъ старыми своими подданными. Прибавьте къ этому, что въ Галіи франки нашли выработанную систему права церковнаго и гражданскаго, уже вполнѣ установившуюся; и франкскіе государи охотно слушали римскихъ священниковъ или римскихъ юристовъ, которые учили ихъ, что они не должны признавать ограниченій, которыя ставились ихъ власти народными обычаями. Владѣтель Галіи, защитникъ католической церкви, могъ и себѣ присвоить всѣ тѣ права, какими пользовались Константинъ и Θεодосій, какими еще на ихъ глазахъ пользовались Юстиніанъ и Гераклій. Наконецъ, новая и болѣе могущественная династія соединила воедино двѣ власти римскаго и германскаго характера: король франковъ сдѣлался римскимъ цезаремъ. Но, мало по малу, власть короля Германіи раздробилась на части подъ тяжестью императорскаго сана, и у владыкъ міра ⁸³⁾, какъ у таковыхъ, стало меньше дѣйствительной власти, чѣмъ у владѣтелей весьма небольшихъ частей земной поверхности. При внутренней слабости и внѣшнемъ нападеніи единое нѣкогда германское государство превратилось въ слабую федерацію, отъ которой уже на нашихъ глазахъ отдѣлилось для самостоятельнаго существованія государство Генриха Саксонскаго и Рудольфа Габсбургскаго ⁸⁴⁾. За это время западная часть старой франкской монархіи отдѣлилась отъ общаго центра и небольшое княжество на Сенѣ, населенное частью старой кельтической расы, развилось, подъ заимствованнымъ именемъ Франціи, въ одну изъ наиболѣе могущественныхъ державъ европейскаго міра. Между тѣмъ какъ въ восточной ⁸⁵⁾ германской монархіи государи сначала сдѣлались вполнѣ избирательными, а потомъ на практикѣ установилось наследственное преемство съ сохраненіемъ избирательныхъ формъ ⁸⁶⁾, на западѣ, во Франціи, установилось болѣе чистое наследственное преемство нежели въ какомъ либо другомъ королевствѣ, въ силу того, что тамъ никогда не было

недостатка для замѣненія престола въ мужского пола потомствѣ (первоначально династіи). Но, можетъ быть, на столько въ силу именно этого основанія, когда наконецъ этотъ магическій рядъ долгаго преемства прервался, въ ней оказалось труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, замѣнить это непрерывное господство одной династіи въ теченіи восьми столѣтій какою нибудь другимъ прочнымъ правительствомъ. Въ Германіи, какъ я сказала, власть императора потеряла всякое значеніе, такъ какъ монархія распалась на отдѣльныя совершенно независимыя государства. Во Франціи тоже самое произошло въ болѣе раннее время; но короли сумѣли присоединить одно за другимъ отдѣльныя владѣнія и такимъ образомъ установили, мало по малу, деспотизмъ во всей странѣ. Англія, послѣ ея окончательнаго объединенія, уже никогда не раздроблялась. Политика Вильгельма обезпечила такое положеніе вещей, что хотя бы власть короны и была слабѣе власти всего народа, все таки сила отдѣльнаго гражданина, хотя бы и самаго высшаго, была слабѣе власти короны⁸⁷⁾.

Въ современныхъ конституціонныхъ монархіяхъ государь есть глава исполнительной власти; но свобода его дѣйствій болѣе или менѣе стѣснена условленной необходимостью дѣйствовать не иначе, какъ при содѣйствіи министровъ, находящихся себѣ поддержку въ парламентскомъ большинствѣ. Короли ничего не потеряли изъ своего достоинства, и очень мало изъ своей законной власти; новая конституціонная практика приставила къ государю майоръ-дома въ лицѣ перваго министра (*major of the Palace*), который на практикѣ можетъ быть смѣненъ по желанію парламента. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, потому что весьма важно различать достоинство короля и его власть. Мы видѣли, какъ въ римской республикѣ старыя права царей были не то чтобы уничтожены, а только переданы консуламъ и другимъ магистратамъ. Ничто подобное совершилось и въ нѣкоторыхъ республикахъ позднѣйшаго времени. Достоинно замѣчанія, что республика, по общему представленію, предполагаетъ повидимому сама собою президента. Значить, признается необходимымъ, чтобы государство имѣло единичнаго главу, хотя бы избираемаго на опредѣленный срокъ и подлежащаго законной отвѣтственности въ случаѣ доказаннаго преступленія. То, что

такое представлѣніе не соотвѣтствуетъ большинству значительныхъ республикъ прежняго времени, что оно не соотвѣтствуетъ большинству преуспѣвшихъ современныхъ республикъ, не важно. У политическихъ болтуновъ общепринято, при подобныхъ разсужденіяхъ, вовсе опускать изъ виду единственную страну Европы, въ которой республиканскія учрежденія существуютъ съ незапамятныхъ временъ, единственную страну, гдѣ они были настоящимъ образомъ испытаны и оказались вполне успѣшными. Тѣ, которые считаютъ постыднымъ не знать политическаго положенія всякаго другаго европейскаго государства, считаютъ недостойнымъ себя осведомиться, управляется ли Швейцарія или какою-нибудь изъ ея кантоновъ государемъ, президентомъ или совѣтомъ. Исторія показываетъ, что республики вообще обнаруживаютъ наклонность не поручать исполнительной власти одному лицу. Въ нихъ, дѣйствительно, обыкновенно существовало главное должностное лицо съ тѣмъ или другимъ титуломъ; но это былъ только глава исполнительной власти, а не вся эта власть сосредоточивалась въ немъ. Подобно швейцарскому президенту, это былъ только предсѣдатель совѣта, а не самостоятельная власть въ государствѣ, какъ американскій президентъ. Представленіе, будто республика должна имѣть президента, какъ своего главу, есть просто отраженіе монархическаго правленія. Люди такъ привыкли къ царскому правленію, къ единоличному главѣ государства, что имъ кажется естественнымъ, даже при уничтоженіи царскаго правленія, сохранять единоличнаго главу и только сдѣлать его выборнымъ вмѣсто наслѣдственнаго, и назначаемымъ на опредѣленный срокъ вмѣсто пожизненнаго. Американскій президентъ, по первоначальному представленію объ его должности, есть король на четыре года; и прежніе президенты управляли съ гораздо большею личною властью, нежели король любого королевства, гдѣ современная теорія конституціонализма уже вполне установилась. Причина очевидна: наслѣдственное преемство власти не обезпечиваетъ личныхъ способностей короля. Слѣдовательно, его власть не только ограничена закономъ, но и въ осуществленіи своихъ законныхъ правъ онъ долженъ слѣдовать совѣту министровъ, на практикѣ назначаемыхъ и смѣняемыхъ нижней законодательной палатой. Но для президента, надо полагать, нѣтъ

надобности въ такого рода стѣсненіяхъ. Онъ избранъ на опредѣленный срокъ, и избранъ, надо предполагать, въ силу его способности къ управленію. Слѣдовательно, казалось бы, что пока продолжается его служба, личная власть президента можетъ быть больше власти конституціоннаго короля; казалось бы, поэтому, что та власть, какая предоставляется ему закономъ, могла бы быть осуществляема единственно по его личному умотрѣнію, и что его министры должны быть его слугами, а не господами. Но ясно, что существуетъ стремленіе стѣснить свободу дѣйствій президентовъ Соединенныхъ Штатовъ, почти также, на сколько это позволяетъ различіе государственнаго устройства, какъ и свободу дѣйствія конституціонныхъ королей Европы. Значить, хотя президентъ не есть государь, хотя онъ не пользуется ни положеніемъ короля, ни его святостью, хотя срокъ власти не такъ дологъ, все же его права въ существѣ тѣ же права государя, такъ что представляется ясно необходимость относиться къ нему, какъ къ государю, и дать ему, подобно государю, министровъ, которые сворѣе контролировали бы его, чѣмъ повиновались ему. Только исполнительный совѣтъ, какъ мы его находимъ въ Швейцарскомъ союзѣ, можетъ не вызывать подобныхъ стѣсненій. Въ коллегіи изъ семи лицъ, избираемой законодательнымъ собраніемъ на срокъ его собственныхъ полномочій, уже ничего не можетъ быть похожего на единоличную власть пожизненнаго и наслѣдственнаго государя.

Есть одна характеристическая черта, показывающая, что современное представленіе, не скажу, о королевской власти (kingship), а о царственности (royalty), возвратилось къ идеямъ самыхъ древнихъ временъ. Въ вполнѣ развитыхъ конституціонныхъ государствахъ, понятіе королевской власти, какъ должности или какъ владѣнія, очень близко къ полному исчезновенію. Но понятіе о царскомъ достоинствѣ, о царственности (royalty), какъ о достоинствѣ царственныхъ лицъ, какъ о такомъ, которое присвоивается не только самимъ государямъ, но и всѣмъ ихъ родственникамъ и свойственникамъ — понятіе объ этихъ родственникахъ и свойственникахъ, какъ объ особомъ классѣ или сословіи въ обществѣ — получило теперь такое сильное развитіе, какъ никогда, послѣ того, какъ цари почитались, какъ сыновья Зевса или Водена. Никогда и нигдѣ

королевская власть, какъ должность или какъ имущество, не была болѣе разединяема, какъ во время Елизаветы и ея отца. На современное представление о царственности (soalty) не могло имѣть мѣста въ то время, когда государь былъ сыномъ, матерю англичанки и вель свою, родословную отъ древнихъ государей чрезъ длинный рядъ некоронованныхъ предшественниковъ⁹⁰). Мы видѣли, что представление о царственности рода вѣроятно древнѣе королевской власти, и какъ должность, и какъ владѣнiя. Повидимому, оно также и болѣе долговѣчно. Чувство, которое связываетъ между собой всѣ царствующiе дома Кароль, какъ членовъ одного класса, едва ли было бы понятно современникамъ Томы Данкастера или Генриха Ричмонда. Но можетъ быть оно было бы болѣе понятно тѣмъ, которые, когда нѣсколько племенъ соединились вмѣстѣ въ одну націю, поставили во главѣ ея сына Водана. Оно было бы менѣе всего понятно въ ту эпоху, когда государи стояли выше, чѣмъ когда-либо, по своей действительной власти, и ниже, чѣмъ когда-либо, по своему вѣщному достоинству. Люди отправлялись въ далекую ссылку или на смерть безъ всякой мысли о сопротивленiи, по одному велѣнiю Цезаря, который по вѣшной формѣ былъ первое должностное лицо республики. Преемники этого цезаря, владыки мiра, доведѣвавшие королями и независимыми герцогами, не встрѣчали такого же повиновенiя. Понятiе сана и достоинства и понятiе действительной власти различны между собой. Были времена, когда они соединялись, но были также времена, когда достоинство и власть не только различались, но и противопоставлялись.)

Я разсмотрѣлъ теперь общiя понятiя о государствѣ въ двухъ ихъ главныхъ формахъ: какъ города, и какъ племени, развившагося въ націю. Я разсмотрѣлъ институтъ главы государства въ его разнообразныхъ формахъ: государей, превращающихся въ простыхъ должностныхъ лицъ республики, и представителей магистратовъ, превращающихся въ государей. Въ слѣдующей лекцiи я обращусь уже не къ главѣ государства, а къ самому тѣлу государства—къ народному собранiю во всѣхъ его различныхъ формахъ, отъ агоры ахейцевъ Гомера, до парламента соединеннаго королевства Великобританiи и Ирландiи.

данамъ, или только одному замкнутому сословію, такъ и верховное собраніе въ государствѣ могло быть болѣе или менѣе многочисленно. Верховное учрежденіе есть собраніе всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые имѣютъ высшія политическія права, образуютъ ли они самую тѣсную олигархію или наиболѣе широкую демократію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ каждый членъ правительственнаго класса участвуетъ въ собраніи лично, а не чрезъ представителя. Въ республикѣ-городѣ идея о представительствѣ, о выборѣ нѣсколькихъ гражданъ съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали вмѣсто всего гражданства, едва ли могла бы придти кому нибудь въ голову. Невѣроятно, чтобы тамъ, гдѣ всѣ граждане при демократіи или всѣ члены правящаго сословія при олигархіи могутъ постоянно сходиться лично, какъ это возможно въ государствѣ-городѣ, они передали бы добровольно свое высшее право нѣсколькимъ изъ своихъ согражданъ. Они могутъ предоставить большія или меньшія права болѣе тѣснымъ совѣтамъ и отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ; и обыкновенно въ олигархіи совѣты и отдѣльныя должностныя лица пользовались болѣе широкими и болѣе независимыми правами, нежели въ демократіи. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ собраніе всего народа, или всего правящаго класса оставалось высшею властью въ государствѣ. И подобно тому, какъ въ стѣнахъ самаго города собраніе горожанъ едва ли можетъ превратиться въ собраніе изъ представителей, такъ оно не можетъ быть и поглощено какъ суверенное и независимое собраніе какимъ нибудь другимъ собраніемъ внѣ стѣнъ города. Если городъ находился въ федеративной связи съ другими, онъ могъ передать общему собранію всего союза право рѣшать вопросы, касающіеся отношеній союза къ другимъ державамъ, и всѣ подобныя дѣла, рѣшеніе которыхъ естественно подлежитъ союзной власти. Но народныя собранія отдѣльныхъ городовъ не переставали при этомъ существовать; они не переставали быть верховными и независимыми въ сферѣ тѣхъ дѣлъ, вѣдѣніе которыхъ не было прямо передано союзному собранію¹⁾. И, какъ это ни странно для насъ, въ греческихъ федераціяхъ даже союзное собраніе не принимало представительнаго характера; какъ каждый гражданинъ отдѣльнаго города участвовалъ въ верховномъ собраніи

своего города, такъ каждый гражданинъ союза участвовать въ верховномъ союзномъ собраніи²⁾. Вездѣ, гдѣ руководящей политической идеей является идея независимаго города, городъ или остается совершенно независимымъ отъ какой либо вышней власти или только передаетъ часть своихъ верховныхъ правъ союзной власти,—ограничиваетъ ли онъ права гражданства своими жителями или распространяетъ ихъ на всѣхъ обитателей обширнаго округа — въ обоихъ случаяхъ одинаково каждый гражданинъ сохраняетъ за собой право личнаго участія и голосованія въ верховномъ собраніи того государства, въ которому онъ принадлежитъ. Повидимому, первоначальное народное собраніе никогда не можетъ ни развиться само въ представительное собраніе, ни быть поглощеннымъ такимъ собраніемъ.

Напротивъ тамъ, гдѣ племя, а не городъ, было руководящей политической идеей, дѣло было совершенно иначе. Мы видѣли, какъ племена (tribes) развивались въ націи, какъ будущи первоначально совершенно независимыми политическими единицами, они превращаются затѣмъ въ простые подраздѣленія націи. Въ этомъ процессѣ народныя собранія слѣдовали тому же закону, что и само государство. Племенные и городскія общины исходятъ изъ одного и того же пункта, такъ какъ городъ есть въ дѣйствительности одно или нѣсколько племенныхъ общинъ, обнесенныхъ стѣнами. Въ племенномъ собраніи, точно также какъ и въ городскомъ, каждое полноправное лице, каждый свободный членъ племени, имѣлъ право личнаго присутствія. Но какъ племя гораздо легче, нежели городъ, поглощалось большимъ политическимъ союзомъ, такъ и племенное собраніе имѣло ту же судьбу. Какъ племя перестало быть государствомъ, какъ глава племени дѣлается просто подчиненнымъ органомъ государя, главы націи³⁾,—такъ точно верховное собраніе племени поглощается верховнымъ собраніемъ націи. Племенное при этомъ или вовсе уничтожается, или дѣлается чисто мѣстнымъ учрежденіемъ; но оно уже не верховное: это только собраніе известной части государства или его территории; оно не сохраняетъ, подобно отдѣльнымъ членамъ федеративнаго союза, независимости и верховенства въ своей собственной сферѣ. Племенное вѣче

можесть влиять при исключительных обстоятельствах пережить
вот такія перемены и послѣ того, какъ оно уже сдѣлалось
мѣстными рѣчьми одного уголка обширнаго государства; снова
стать верховнымъ рѣчьми независимаго государства. Лишь въ
одномъ благословенномъ уголку міра дѣло приняло также
жизненно важное направление. Мы не можемъ видѣть воинскаго
демоса на его Цинры; мы не можемъ видѣть римскихъ ко-
мичей на форумѣ или Марсовомъ полѣ; но всѣмъ можетъ въ
первое воскресенье ближайшаго мая собственными глазами
наблюдать германцевъ (Тацитъ 1).
Но слѣдуетъ никогда не упускать изъ виду, что истинное
различіе между аристократическимъ и демократическимъ прав-
леніемъ, въ томъ смыслѣ, какъ эти слова употреблялись въ
политикѣ древней Греціи, заключается въ слѣдующемъ. Въ
демократіи всѣ граждане, всѣ, кто пользуется гражданскими
правами, пользуются также (и политическими) правами. Въ
аристократіи политическія права принадлежатъ лишь части
народа, которая пользуется гражданскими правами. (Но и въ
томъ, и въ другомъ случаѣ, верховною властью въ государ-
ствѣ было общее собраніе воиновъ, пользующихся политическими
правами, будь это дѣло о дѣлѣ о народѣ, или только часть его.
Въ новѣйшее время представляются два знаменитыхъ при-
мѣра аристократическихъ собраній. Большой советъ въ Вене-
ціи и буржуа (с о м і т і а) всею дворянства въ Польшѣ; соби-
равшіяся для выбора короля. Такой аристократическій изби-
рательный сеймъ въ гораздо болшемъ правомъ можетъ быть
названъ полною, нежели въ чѣ демократическихъ Афинъ. Но
за то можно сказать, что если польскій сеймъ былъ олигар-
хіей въ отношеніи къ другимъ классамъ народа, то и афинское
народное собраніе было также олигархіей въ отношеніи къ не-
включавшимся изъ него рабамъ и иноземникамъ. Известно,
что даже въ Афинахъ, такъ и въ другихъ демократическихъ
республикахъ, кто пользовался политической свободой, были
гораздо малочисленнѣе тѣхъ, кто былъ ея лишень. Но, со-
дѣлано греческимъ шрифтѣмъ, это нисколько не противурѣчло
демократическому характеру государства и народнаго собранія.
Исключенія рабовъ и иноземниковъ было на столько же
обычнымъ дѣломъ, сколько съ греческими понятіями, какъ

исключеніе женщинъ и дѣтей согласно съ понятіями почти
всѣхъ народовъ міра. Было ли политическое устройство го-
родской общины аристократическимъ или демократическимъ,
это во всякомъ случаѣ дѣлалось основанное на началѣ на-
следственнаго гражданства. Рабы уже сами по себѣ не имѣли
правъ, это вытекаетъ изъ (самаго по существу рабства⁵⁾); не
имѣлъ нравъ и иноземный обыватель, не признанный въ числѣ
гражданъ, хотя бы даже отъ него предъ вами нѣсколько поноздѣ-
ній жили и рождены въ данной странѣ. Отъ того на какое
либо подобное притязаніе съ его стороны было бы указание на то,
что онъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ принадлежитъ къ на-
следственному гражданству — пусть женовъ и деть гуда и Поль-
зуется тамъ своими гражданскими и политическими правами.
Рабы и иноземники, не пользовавшіеся въ Афинахъ пра-
вами, и не были согласно греческимъ понятіямъ афинянами; но
каждый афинянинъ участвовалъ въ афинскомъ народномъ со-
браніи, между тѣмъ какъ изъ коринтянъ не всякій участво-
валъ въ коринтскомъ народномъ собраніи. Но и аристократи-
ческія и демократическія республики сходились въ томъ, что
и тѣ и другія предоставляли верховную власть въ государ-
ствѣ общему собранію всѣхъ тѣхъ, которые пользуются выс-
шими правами. Изъ этого пункта исходили все политическія
собранія міра, по крайней мѣрѣ той части міра, которую
мы имѣемъ въ виду, и демократическая система есть болѣе
древняя и болѣе чистая изъ двухъ⁶⁾. Различія между отдѣль-
ными классами въ государствѣ образовались различными пу-
тями и о нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ предстоитъ говорить въ
последней лекціи. Но ясно, что оно бы мы ни приняли за исход-
ный пунктъ, племенную или городскую общину, древнѣйшимъ
и болѣе чистымъ типомъ представляется такое явленіе, въ
которомъ участвуютъ всѣ члены государства. Но, конечно, въ
это вѣче не допускаются тѣ, которые по какой нибудь при-
чинѣ не были членами государства. Мы не должны при этомъ
руководиться современными идеями, которыя всецѣло отно-
сятся къ такому положенію вещей, когда націи уже приняли
форму территориальныхъ государствъ. У насъ всякій, кто ро-
дится въ странѣ, уже потому самому дѣлается британскимъ
подданнымъ и права британскаго подданства могутъ быть безъ

большихъ затрудненій получены и тѣми; кто не родился въ странѣ. Тоже самое мы находимъ и въ большинствѣ другихъ современныхъ монархій и республикъ. Это потому, что они всѣ получили территоріальный характеръ, потому, что всѣ они научились ставить рожденіе въ странѣ наравнѣ съ происхожденіемъ отъ подданныхъ. Въ племени, пока въ немъ сохраняется племенное чувство, въ городѣ, пока въ немъ сохраняется начало наследственнаго гражданства, натурализація остается дѣломъ особенной милости. Ни продолжительность пребыванія, ни даже рожденіе въ странѣ, но не отъ гражданъ, не можетъ никогда сообщить само по себѣ гражданства.

Я увлчился нѣсколько отъ вопроса о народныхъ собраніяхъ, но для моего предмета было не лишне разъяснить нѣкоторыя затрудненія, которыя могли возникнуть въ силу повидимому двойственнаго характера нѣкоторыхъ республикъ и ихъ верховныхъ собраній. По первоначальному представленію вѣче есть собраніе цѣлаго народа, собраніе всѣхъ членовъ племени, всѣхъ гражданъ города. Къ тому же во всѣхъ первобытныхъ обществахъ различіе между военными и гражданами неизвѣстно. Воевать не есть особенная профессія какого нибудь отдѣльнаго сословія; это общая обязанность всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе. И мы можемъ прибавить, что въ извѣстномъ состояніи общества не только участіе въ войнѣ есть общая обязанность всѣхъ, когда въ томъ является надобность, но вмѣстѣ съ тѣмъ военное дѣло есть главная забота въ жизни. Отсюда слѣдуетъ, что во всѣхъ первобытныхъ обществахъ войско есть вмѣстѣ и вѣче, а вѣче—войско^{?)} Одна и таже совокупность людей, собранная для мирныхъ цѣлей, служить народнымъ собраніемъ, для военныхъ—войскомъ. Но люди въ обоихъ случаяхъ одни и тѣже, и различіе между членами народнаго собранія и войска явилось не раньше того, какъ политическое развитіе сдѣлало большіе успѣхи. Ясно, что такое различіе раньше могло явиться въ болѣе цивилизованномъ и болѣе сложномъ городскомъ быту. Пока племя остается господствующей идеей, и даже долгое время послѣ того, какъ племя развилось въ націю или само поглотилось націей, народъ все еще остается войскомъ, а войско—народомъ. На собраніе приходятъ вооруженные, такъ что въ случаѣ надоб-

ности собрание может превратиться въ войско; и войско, какъ подъ предводительствомъ Агамемнона (подъ стѣнами Иліона ⁸⁾) или Александра въ далекой Бактрии ⁹⁾, такъ и подъ предводительствомъ англійскаго Эдуарда на побережьи Кента ¹⁰⁾, могло, если въ томъ была надобность, дѣйствовать въ качествѣ народнаго собранія. Но въ государствѣ-городѣ мало по малу устанавливается такой порядокъ, что хотя каждый гражданинъ обязанъ служить въ войскѣ, когда въ томъ является надобность, но нѣтъ необходимости, чтобы всѣ граждане служили одновременно ¹¹⁾. Такъ образовалось войско, хотя только временное, но уже отличное отъ всей совокупности народа. Тѣ граждане, которые отправляютъ воинскую службу, лишаются на время своего гражданскаго полноправія; авторитетъ военачальника въ городѣ не знаетъ тѣхъ ограниченій, которыя стѣсняють власть должностныхъ лицъ въ городѣ; и граждане, образующія войско, подчиняются постановленіямъ тѣхъ, которые остались дома и могутъ составить мирное народное собраніе съ соблюденіемъ всѣхъ установившихся обычаевъ и формъ ¹²⁾. И въ государствѣ-городѣ приходится еще и другой элементъ. Въ городѣ все имѣетъ мѣстный характеръ; народное собраніе должно происходить на обычномъ мѣстѣ, быть можетъ около известнаго уважаемаго храма; если бы оно происходило въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, оно потеряло бы всякое значеніе и его постановленія могли бы вазаться неимѣющими силы. Поэтому, въ то время какъ при другомъ общественномъ бытѣ военныя собранія обыкновенны, въ отдѣльныхъ греческихъ государствахъ-городахъ они представляются рѣдкостью, а при строгой дисциплинѣ римскаго войска они и вовсе неизвѣстны. Александръ предоставилъ своихъ измѣнщиковъ собранію своихъ воиновъ, но Титъ Манлій казнилъ своего сына въ силу одной лишь власти консула и отца. Въ военной исторіи мы слышимъ о войсковыхъ собраніяхъ только въ случаѣ отчаянной необходимости, когда мидяне владѣли землею Аоинъ, а Аоины всѣ были на кораблѣ у Саламиса ¹³⁾, или когда, въ дни четырехъ сотъ, флотъ у Самоса, преданный старымъ законамъ и свободѣ, объявилъ, что городъ измѣнилъ имъ. Въ федеративномъ періодѣ мы уже чаще, хотя все же рѣдко, слышимъ о войсковыхъ собраніяхъ, о томъ, чтобы вооруженный

народъ въ роднаго города осуществлялъ, подъ стѣнами осажденнаго города, фунекци, принадлежащія при обыкновенныхъ условіяхъ федеративному собранію, собранному на общинномъ мѣстѣ¹⁵⁾. Причина различія очевидна. Граждане федеративнаго союза привыкли осуществлять свои политическія права вдали отъ своихъ домовъ; мѣсто союзнаго собранія при Мелалоподѣ или Эгіонѣ никогда не могло ассоціироваться съ такими священными и исключительными представленіями, какія группировались въ умѣ афинянина около священной скалы Паллады. Осуществленіе политическихъ правъ не на обычномъ мѣстѣ или не при обычныхъ условіяхъ представлялось мѣже затруднительнымъ для совокупности людей, собравшихся изъ различныхъ союзныхъ государствъ, нежели для тѣхъ, чьи политическія идеи всѣ сосредоточивались въ стѣнахъ одного города.

Но мы должны обратиться къ древнѣйшему времени, къ тѣмъ первымъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ о политическомъ бытѣ тѣхъ трехъ отраслей арійской семьи, съ которыми мы теперь собственно имѣемъ дѣло. Если есть чтонибудь, на что мы можемъ по истинѣ смотрѣть какъ на общее политическое наслѣдіе, какъ на нѣчто сохранившееся еще отъ того времени, когда греки, латиняне и германцы составляли еще одинъ народъ, то конечно это суть тѣ главные элементы политическаго быта, которые общи всѣмъ этимъ тремъ отраслямъ: общее народное собраніе, подъ предсѣдательствомъ государя и сворѣе подъ руководствомъ, нежели подъ контролемъ меньшаго совѣта, составленнаго или изъ наслѣдственной аристократіи, изъ пожизненныхъ старшинъ, или изъ сановниковъ-сенаторовъ, избираемыхъ самимъ собраніемъ на опредѣленный срокъ. Подробности организациі и разграниченія власти этихъ трехъ важнѣйшихъ политическихъ институтовъ, измѣняются смотря по времени и по мѣсту, но всѣ три института находятся повсюду. Быть можетъ ахейскіе цари у Гомера пользуются большимъ вліяніемъ на теченіе дѣлъ въ собраніи, чѣмъ германскіе у Тацита. Различія такого рода могутъ быть найдены вездѣ, но существенные элементы остаются тѣ же самыя при всѣхъ измѣненіяхъ въ частностяхъ. Вездѣ одинаково мы находимъ общее народное собраніе, болѣе тѣсный совѣтъ, и

государя. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ царская власть еще не сложи-
лась или уже была замѣнена періодически смѣняемыми долж-
ностными лицами, мы находимъ предшественниковъ или преемни-
ковъ царя. На каждой страницѣ поэмъ Гомера, въ каждомъ со-
браніи, которое онъ самъ описываетъ, политическомъ, войско-
вомъ, торжественномъ или религіозномъ, намъ представляются
эти три элемента съ большей или меньшей опредѣленностью,
сообразно особенностямъ каждаго случая. Потомокъ и пито-
мецъ Зевеса, каждый царь окруженъ начальниками, старѣй-
шими, меньшими царями, образующими около него ближай-
шій кругъ. А они въ свою очередь окружены болѣе широ-
кимъ кругомъ цѣлаго племени, цѣлаго города или цѣлаго вой-
ска. Мы находимъ это не только въ Элладѣ, въ мірѣ смерт-
ныхъ, но также и въ мірѣ, созданномъ игрою эллинскаго во-
ображенія, на мнѣшескомъ островѣ Феаконъ и у самихъ бо-
говъ на Олимпѣ. Въ представленіи грековъ боги, которымъ
они поклонялись, были существами, имѣвшими ту же природу
и тѣ же страсти, что и люди. Они были тѣми же людьми,
только болѣе могущественными и болѣе счастливыми, нежели
земные, смертные люди, только свободными отъ трудовъ, отъ
страданій и отъ заботъ земной жизни и отъ страха предстоя-
щей смерти ¹⁶⁾. Но при всемъ сходствѣ съ людьми они все
же были боги, боги, раздѣлявшіе и любовь, и ненависть, и на-
мѣренія своихъ поклонниковъ, имѣвшіе на землѣ свои люби-
мыя мѣста, боги, кровь которыхъ текла въ жилахъ смерт-
ныхъ царей и героевъ. Безсмертные жители Олимпа, подобно
смертнымъ жителямъ Итаки или подобно союзной рати подъ
Иліономъ, имѣли своего высшаго царя, свой совѣтъ, свое об-
щее собраніе всей божественной расы. Воля Зевеса на не-
бесахъ, подобно волѣ Агамемнона на землѣ, хотя и была во-
лей, которой опасно было, бы неповиноваться, но это не была
воля деспота, которой повинуются безъ разсужденія и спора.
Великіе боги и богини, составлявшіе меньшій совѣтъ, сенатъ,
герусію, ареопагъ небесъ, высказываютъ по крайней мѣрѣ
свободно свое мнѣніе предъ отцомъ боговъ и людей. И, когда
въ рассказѣ Гомера однажды, являлась надобность въ такомъ со-
браніи, то разсылались приглашенія, созывавшія агоре, комиции,
micklegemotъ безсмертныхъ для совѣщанія съ владыкой тройнаго

мира. На этой великой *Himmels-gemeinde*, если можно здесь употребить слово одного из новых языков, принявших наследие древней Эллады, которая собралась по совету Омиды, никто не отсутствовал; собрались и ручные боги, и птицы и звери и ручьи и сы земных полей, заставить их приготовленных для них Перестомы в домах Зевса сидевших. Одно и то же слово *собрать* употреблено у Гомера для обозначения и божеского и людского собрания, организация того и другого совершенно одинакова, разве бы кто обратил внимание на то, что влияние Перы и Авини в мифическом собрании и указанное присутствие всѣх нимф в общем собрании показывает, что политическое развитие на Олимпе (сначала большие ульи, пчелы на земле *9). Но преобладающее значение в собрании (воли Зевса, где бдиль и динит Пусейдон держать его впробить *10), и никто не возражает ему, приводит меня къ одной черте в характере народных собраний гомерової эпохи, которая послужила поводом къ большому спорамъ и по которой въ числѣ другихъ я высказал свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ *11). И говорило объ указанномъ мною чрезвычайномъ подчиненіи собрания и даже начальниковъ старшему царю, на Олимпе Зевсу, на землѣ Агамемнону. Можно, я думаю, признать за несомнѣнную истину, что первоначально народное собрание грековъ, какъ его рисуетъ намъ Гомеръ, представляетъ гораздо больше уваженія къ царю, чѣмъ первоначально германскія собрания по изображеніи Тацита. Мы видѣли, что значеніе и положеніе греческаго царя въ цѣломъ было несомнѣно выше, нежели германскихъ. Это такого рода различіе, которое мы всегда должны ожидать встрѣтить между однимъ въкомъ или народомъ и другимъ. Но мы можемъ замѣтить, что Агамемнонъ Иллады есть нечто болѣе, чѣмъ обвиненный царь! Царь Миневъ правивши многими островами и всѣмъ Аргономъ, былъ, такъ сказать, *Bretwalda* Эллады, *Wotkces*, какъ въ позднѣйшемъ, такъ и въ древнѣйшемъ смыслѣ слова. И если прибавимъ, что онъ былъ начальникомъ союзаго войска во время похода, то тотъ самый фактъ, что собрание сохраняетъ и удерживаетъ нѣкоторую независимость, при дисциплинѣ военнаго положенія, уже имѣетъ не маловажное значеніе: Это служитъ конечно еще

*9

новым доказательством тому, что власть царя была произвольна во время войны, нежели во время мира. Что касается политического строя Олимпа, то поэтом руководили два очевидно противоположные идеи. Зевс, этот человеческий бог, разделяющий чувства и страсти человека, внимающий молитве Семиди, сочувствующий людскому горю (о судьбе Сарпедона²²) этот бог мог представляться уму поэта в таком же положении, как и земные цари со всей их обстановкой. Но Зевс в более древнем представлении о нем, Зевс бог неба, власть распространяющаяся на все и правящая всем, должен говорить языком власти, которому ни люди, ни боги не могут прекословить. И если, чтобы опять обратиться к земль, лагерю под Илионом показывается нам преобладание авторитета ахейского царя по отношению к народному собранию, то Одиссея показывает нам с другой стороны, как низко опускалась у ахейцев царская власть, когда сам царь был в отсутствии, и когда его личность представлялась престарелым отцом и малолетним сыном. Но следует также заметить, что во время анархии в Илеиде, пока не было царя, не было также и народного собрания²³. По видимому царь и народное собрание были два существенных элемента законного правления, из которых один не мог действовать без другого. Но, при всем том, я полагаю, что подчинение массы свободных ахейцев Агамемнону и небольшому числу других главных начальников было, если не преувеличено, то по меньшей мере не верно принято. Это не было подчинение рабов, но подчинение детей. Это не было подчинение таких людей, которые хотя и не смели сопротивляться, это было подчинение людей, у которых даже не явилось желания сопротивляться. Свободой речи пользовались только немногие главные начальники, а оппозиционный оратор Терсит был грубо наказан. Но я позволю себе заметить, что не составляло характеристической принадлежности военных собраний ахейцев. Единственное достойное замечание, это, конечно, вообще были оппозиционные ораторы. Тут не было формального счета голосов, но я полагаю, что формальный счет голосов есть такая тонкость, которая является лишь в значительно позднейшую стадию политической жизни.

Крикъ или бряцаніе оружіемъ служили первоначальнымъ способомъ выраженія согласія ²⁴). Нѣсколько столѣтій послѣ того рѣшенія спартанскаго народнаго собранія выражалось не формальнымъ голосованіемъ, а крикомъ ²⁵); мало того, даже до нашихъ дней, въ нашихъ палатахъ парламента, въ совѣщательныхъ собраніяхъ нашихъ университетовъ, голосованіе, раздѣленіе, баллотировка являются лишь съ вспомогательнымъ значеніемъ; сначала собраніе выражаетъ свое мнѣніе, какъ и во времена Гомера, крикомъ, и затѣмъ уже любой членъ можетъ апеллировать—и это есть апелляція въ букввальномъ смыслѣ слова—отъ первоначальнаго рѣшенія крикомъ въ болѣе вѣрномъ способу провѣрки дѣйствительнаго голосованія. Ахейскій царь, какъ бы мы ни считали незначительными права народнаго собранія, не могъ править не созывая народа, не предлагая ему на обсужденіе своихъ предположеній, не освѣдомляясь по меньшей мѣрѣ о томъ, согласуется ли воля народа съ его волей. А въ этомъ и заключается сущность свободы. Собраніе такого рода со временемъ все болѣе пріобрѣтаетъ силы; тѣ, кого царь сначала постоянно и всегда склоняетъ къ своему мнѣнію, со временемъ перестаютъ его слушаться; тѣ, передъ которыми сначала говорятъ только цари да старѣйшины, со временемъ сами начинаютъ говорить и убѣждать. Собраніе, которое не побезсилію дряхлости, а по простодушію молодости, кричитъ поада на все, чтобы ни было предложено, научиться конечно кричать и *нѣтъ*, когда наступитъ для того время.

Мы бы лучше поняли характеръ греческихъ народныхъ собраній въ эпоху Гомера, если бы имѣли болѣе полныя свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ тѣхъ соплеменныхъ народовъ, у которыхъ гомерическая царская власть сохранялась еще послѣ того, какъ она перестала существовать собственно въ Элладѣ. Македонскія и Эпирскія собранія, собранія, которыя на различныхъ стадіяхъ своего развитія были сначала собраніями племенъ, а затѣмъ народовъ, но никогда не были собраніями собственно городскихъ общинъ, эти собранія должны были имѣть болѣе общаго съ древними собраніями германцевъ, нежели собранія собственно эллиновъ. Мы знаемъ о нихъ едва ли что нибудь болѣе того, что они существовали. Я говорилъ уже о торжественномъ поручительствѣ, соединившемъ въ собраніи при Пассаронѣ молоссіянъ и ихъ

царя. Македонскія собранія, о которыхъ сохранились историческія свѣдѣнія, были войсковыми собраніями, собиравшимися для выслушиванія обвиненій, представлявшихъ имъ Александромъ, или собраніями, происходившими въ революціонное время, слѣдовавшее за смертью Александра, для признанія какого нибудь успѣшнаго кандидата на престолъ или для осужденія тѣхъ, кто былъ менѣе счастливъ въ своихъ притязаніяхъ²⁶). Все что мы знаемъ сводится къ тому, что тамъ были такія собранія и что они выражали самостоятельную волю, такъ напр. тѣ, кого обвинялъ самъ Александръ, были иногда оправдываемы. Но мы должны помнить, что о внутреннемъ состояніи Македоніи и Эпира мы ровно ничего не знаемъ. До насъ дошли свѣдѣнія объ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и объ ихъ династическихъ революціяхъ, но ни слова не дошло до насъ объ обычномъ ходѣ правленія въ этихъ странахъ. Драгоцѣнныя данныя, которыя мы имѣемъ о политическомъ строѣ Хаоніи и Теспротіи, дошли до насъ единственно благодаря короткой и случайной замѣткѣ Фукидида, который вовсе бы и не сдѣлалъ ея, если бы ему не пришлось описывать одну военную экспедицію, въ которой принимали участіе эти народы. Наше невѣжество въ этомъ отношеніи особенно прискорбно. Ясно, что въ этихъ странахъ представлялась возможность болѣе широкаго развитія свободнаго правленія, политической жизни національной, а не только городской, возможность, не повторявшаяся затѣмъ въ теченіи многихъ вѣковъ. О мѣстныхъ учрежденіяхъ этихъ странъ, объ ихъ обыкновенномъ бытѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. О македонской монархіи мы знаемъ многимиъ меньше того, что мы знали бы объ франкской и старо-англійской монархіяхъ, если бы у насъ были только ихъ хроніки и не сохранилось бы ни одного слова изъ законовъ, грамотъ или литературы. А безъ этихъ послѣднихъ мы имѣли бы и о древнихъ германцахъ весьма смутное представленіе. Мы бы знали, что у нихъ были государи и народныя собранія, но мы бы не знали ничего больше. Мы бы рѣшительно ничего не знали о повседневной дѣятельности мѣстныхъ учреждений. Мы рѣшительно не можемъ поэтому сказать, какія черты сходства или несходства внутренней бытъ Македоніи или Молоссіи можетъ пред-

ставить въ отношеніи въ средневѣковыхъ или современныхъ монархіяхъ. Но уже одинъ тотъ фактъ, что тамъ были царь и національныя собранія, въ томъ или другомъ видѣ, достаточно показываетъ, что бытъ ихъ былъ гораздо ближе къ государственному быту новыхъ, или по меньшей мѣрѣ, средне-вѣковыхъ государствъ, нежели бытъ какой либо иной страны въ Греціи и Италіи. Повидимому тутъ были слѣданы первые шаги къ установленію такого строя, который дѣлать только начался, но не получалъ должнаго развитія и прогресса; водораго снова началось много вѣдоль послѣ этого (за воеваніи Филиппа и Александра, да близость въ каждую сторону оставили свое государство вавъ съ интеллектуальной культурой Греціи, и такъ и съ политическимъ господствомъ Востока) должны были значительно повредить естественному развитію національной жизни Македоніи. Въ дѣлѣмъ все это представляется безотраднѣмъ; мы видимъ, что можно было заниматься, но никогда не достигать законнаго развитія, и мы не знаемъ въ подробности, что именно занималось (и на развитіе чего могла быть при этомъ надежда. Но мы видимъ, что Македонія стоитъ одиноко среди главныхъ народностей древняго міра, какъ единственная народность, близка по духу и по своему политическому быту къ современной Евразіи, какъ единственная значительная нація, имѣвшая царей и все тѣмъ сохранившая свободу²⁸).
Слѣдовательно и тамъ, гдѣ было въ древнемъ мірѣ, наиболѣе на то надежды, развитіе конституціоннаго управленія для дѣлой націи представляется неудавшимся. Въ политической дивизіаціи двухъ великихъ полуострововъ идея города была руководящей политической идеей (и) падающее собранія Греціи и Италіи, и были собраніями городовскихъ общинъ или по большей мѣрѣ собраніями союза городовскихъ общинъ. Относительно одного изъ этихъ собраній, и даже болѣе знаменитаго, относительно (наряднаго) собранія афинской демократіи, до насъ сохранились самія подробности (завѣщанія). Намъ извѣстны законы, опредѣлявшіе это организационныя завѣсны правила, которыми слѣдовало при обсужденіи дѣлъ. До насъ сохранились изображенія хода дреній на этихъ собраніяхъ; мы знаемъ тѣ слова, которыя исходятъ изъ устъ вели-

чайшихъ ораторовъ и государственныхъ людей, возобнови собраніе Эвлевия, слушавшая рѣчи Перикла и Демостена, англичанамъ такъ знакома, знаетъ и учрежденія ихъ страны, или нашего времени. Мы научились уважать себя тутъ какъ дома, по тому что имѣемъ достаточно данныхъ для воспроизведенія политической жизни Аѳинъ во всей ея полнотѣ, и въ наше время одни изъ величайшихъ умовъ нашего и вообще всего бы то ни было вѣка посвятили всѣ свои силы на разъясненіе гуманна, онѣбоекъ и клеветы, такъ долго скрывавшаго отъ насъ отъ низкую справедливости и свободы. Для современниковъ и соотечественниковъ отъ Грета было бы стыдно не признавать въ этой великой демократіи первое государство, научившее человѣчество тому, что полость убѣжденія можетъ быть сильнѣе воли деспота — первое, научившее насъ, что разнообразіе, которое пишется странамъ, кончается только извѣстными и губительными слабѣйшей стороны, могутъ быть окончены свободнымъ обсужденіемъ и свободнымъ голосованіемъ. Аѳинская демократія первая научила миръ тому, что такое отъ полноты выраженія своей собственнаго великаго историческаго конституціоннаго нравственности. Чуждымъ въ ней либо и во время либо совершающій, что нибуду для дѣла и права и свободы, можетъ почесать наибольшей для себя властью, если его признаютъ и судимъ по тому же закону, въ которомъ до него жили Солоонъ, Клисены и Аристидъ и Периклъ. Они показали намъ дорогу, но сами не имѣли въ этомъ предшественниковъ. Аѳинское народное собраніе, состоявшее изъ двѣхъ родовъ, которое было предѣлено твердыми законодательными законами, разидеся безъ сомнѣнія, мало по малу и въ болѣе безпорядочныя собранія героической эпохи, но мы тутъ въ первый разъ встречаемъ съ широкимъ и дѣлательнымъ живыхъ людей; намъ имѣть уже тутъ надобности лишь въ общицкѣ чертахъ, указывающихъ развитіе и направление; мы стоимъ тутъ лицомъ къ лицу съ людьми, въ которые каждый въ свое время совершилъ великое и благородное дѣло и для своего собственнаго риска и для всѣхъъ послѣдующихъ совершилъ. Мы уже знаемъ, что въ разсказаннаго нами была великая великая, чтобы оно могло сохраниться. Въ жизни и нацѣмъ блеску, не жели, въ жизни города; но въ виду этого камаго нація жеретъ живя, порою Англійская національная жизнь уже продолжается.

четырнадцать вѣковъ и мы надѣмся, что она все еще далека отъ своего упадка. Настоящая политическая жизнь Аѳинъ продолжалась не болѣе двухсотъ лѣтъ³⁹⁾; и даже тутъ были моменты, когда все то, что достигается трудами цѣлаго ряда поколѣній, могло казаться нутякомъ въ сравненіи съ лишнимъ часомъ жизни Перикла.

Аѳинская демократія была дѣйствительно благороднѣйшимъ плодомъ той само-развивающей силы греческаго ума, которая все то, что составляло общее наслѣдіе арійцевъ, облекала въ новыя и блестящія формы, но которая ничего изъ того, что составляло ея дѣйствительную жизнь и дѣйствительную славу, не заимствовала отъ чуждыхъ варваровъ. Намъ скажутъ, что Греція переняла то или другое техническое изобрѣтеніе отъ Финикія, или Египта, или Ассиріи. Положимъ, что такъ; но подите на Пниксъ; послушайте состязаніе ораторовъ; послушайте пословъ далекихъ городовъ; посмотрите, какъ каждая сторона добросовѣстно выслушивается и какъ обсужденное дѣло рѣшается мирнымъ голосованіемъ тысячей гражданъ, и вы признаете, что этому по крайней Аѳины не могли научиться отъ ассирійскаго деспота или отъ египетскаго жреца. И мы, потомки общаго происхожденія, участники общаго наслѣдія, мы можемъ, при видѣ арійца въ полномъ развитіи его благороднѣйшаго тина, почувствовать трепеть, когда подумаемъ, что Клеоменъ и Периклъ были, все таки, людьми нашей врови, — когда подумаемъ, что учрежденія, развившіяся подъ ихъ вліяніемъ, и тѣ учрежденія, которыя существуютъ у англичанъ, суть одинаково вѣтви общаго ствола, части наслѣдія, на которое Аѳины и Англія имѣютъ равное право. Въ Аѳинской демократіи народная конституція приняла такую форму, къ такой естественно должно было привести ея самородное развитіе въ государствѣ, состоявшемъ изъ одного только горда. Покуда народное собраніе остается на дѣлѣ такъ же, какъ и по имени, непосредственнымъ собраніемъ всего народа, оно должно быть по самой природѣ своей сувереннымъ. Въ порядкѣ вещей, что оно передаетъ болѣе или менѣе обширныя полномочія магистратамъ и военачальникамъ; но это будетъ только делегированная власть. Ихъ авторитетъ опирается лишь на уполномочіе со стороны сувереннаго собранія и они отвѣтственны

предъ нимъ за свои дѣйствія. Это значитъ, что одинъ изъ основныхъ элементовъ государства, государь или глава, представляется лишь выборной магистратурой; лишается своей независимой власти и превращается въ учреждение, которое призвано лишь выполнять волю сувереннаго народнаго собранія. Тоже самое происходитъ и съ другимъ изъ трехъ основныхъ элементовъ — ордѣтомъ. Онъ теряетъ свое независимое существованіе; онъ не имѣетъ болѣе власти направлять или задерживать; онъ становится просто комитетомъ народнаго собранія, избираемымъ или назначаемымъ по жребию, для подготовки предлагаемыхъ на обсужденіе собраніемъ вопросовъ. По мѣрѣ того, какъ общественный бытъ развивается и усложняется, судебная власть уже не можетъ быть болѣе осуществляема самимъ народнымъ собраніемъ, но вмѣстѣ было бы противно демократическому духу поручить отправление правосудія единоличнымъ магистратамъ. Другіе комитеты собранія, жюри въ гигантскихъ размѣрахъ, съ руководящимъ магистратомъ, скорѣе въ качествѣ предѣдателя, нежели къ качествѣ судьи, отдѣлились потому отъ собранія для разбора тяжбъ и для суда надъ преступниками. Такова чистая демократія, правленіе всего народа, а не одной только его части³⁰⁾; какъ оно достигло своего полного развитія въ отдѣльномъ городѣ-государствѣ. Это такая форма правленія, которая развиваетъ способности людей въ болѣе высокой степени, нежели какая либо другая; это такая форма правленія, которая даетъ всего болѣе свободы предпріимчивости всего общества и каждому его члену³¹⁾. Ея слабая сторона заключается въ томъ, что она развиваетъ способности человека до такой высокой степени, что едва ли можетъ быть прочной; что она требуетъ такого высокаго энтузіазма, такой преданности общему дѣлу, какихъ невозможно сохранить на много повольнѣй. Афинны въ родину ихъ славы, Афинны Перикла по истинѣ „были верхомъ и вѣнцомъ вещей“; ихъ демократическое правленіе способствовало поднятію большаго числа людей и до болѣе высокаго уровня, нежели какое либо другое правленіе до или послѣ этого. Оно давало больше, чѣмъ какое либо другое правленіе, свободы личнымъ дарованіямъ лучшихъ людей. Но немногимъ людямъ афинской славы мы должны противопоставить длинный рядъ въ-

ковъ упадка. Городу, въ которомъ Перикльъ былъ предводителемъ, мы должны противопоставить городъ, въ которомъ Адрианъ былъ архонтомъ, т. е. вѣдѣвшимъ всеобщими правами. На народныхъ собраніяхъ другихъ греческихъ городовъ едвали нужно останавливаться. Наши свѣдѣнія объ ихъ практической дѣятельности скудны. Мы имѣемъ изображение дебатовъ въ народномъ собраніи Спарты, собраніи, которое по своей внутренней организаціи было не менѣе народнымъ въ силу того, что оно было собраніемъ сословія, которое въ отношеніи къ остальному населенію являлось строжайшей олигархіей. Мы видимъ, что тамъ, какъ это и можно было ожидать, лица, стоявшія во главѣ государства, цари и въ особенности эфоры, говорили съ извѣстнымъ, отличнымъ отъ личнаго, официальнымъ авторитетомъ, каковымъ никто не пользовался въ народномъ собраніи Афинъ³²). Перикльъ, управлявшій городомъ, не потому, что былъ однимъ изъ десяти военачальниковъ, а потому, что былъ Перикломъ. По причинѣ другаго рода магистраты федеративной демократіи Ахей были надѣлены большою властью, имѣвъ какая-нибудь когда-либо предоставлялась магистратамъ городской демократіи Афинъ. Созывы союзнаго собранія были гораздо рѣже, нежели созывы общаго народнаго собранія; поэтому необходимо было предоставить сенату и должностнымъ лицамъ, въ особенности главному должностному лицу, военачальнику, гораздо большую власть, нежели какая была предоставлена въ Афинѣхъ сенаторамъ, архонтамъ и даже военачальникамъ³³). И тутъ является другое различіе, которое ставитъ воздвигнутую федеративную форму греческой демократіи въ ближайшее соотношеніе съ политическимъ развитіемъ новаго времени. Федеративная демократія была также чужда представительной системѣ, какъ и городская демократія. Каждый гражданинъ имѣлъ право являться въ общее собраніе союза, точно также, какъ и въ мѣстное народное собраніе своего города. Но ясно, что подобное право въ приложеніи къ союзу, обнимавшему собою весь Пеллопоннезъ и къ которымъ города въ Пеллопоннезѣ, осуществлялось лишь рѣдко или и вовсе не осуществлялось большинствомъ тѣхъ, кому оно принадлежало. Союзное собраніе, какъ кажется, посвящалось вообще преимущественно тѣмъ, кто имѣлъ достаточно средствъ и досуга для такихъ далекихъ поѣздокъ; да еще жи-

телями того города, въ которомъ происходило собраніе. Иногда сенатъ дѣйствовать въ качествѣ собранія; могло случиться такъ, что собраніе было созвано, но никто кромѣ сенаторовъ не явился. Тѣ, кому знакомо устройство ексфордскаго университета, хорошо знаютъ, какъ часто случается, что конвокація, т. е. собраніе всѣхъ докторовъ и магистровъ (doctors and masters) составляется изъ однихъ членовъ конгрегацій— болѣе тѣсной, постоянной и служебной коллегии ⁴⁶⁾. Въ случаѣхъ этого рода члены большаго собранія не теряютъ своихъ правъ до тѣхъ поръ, пока они при случаѣ осуществляютъ свои права; но права эти легко могутъ быть утрачены, если они не осуществляютъ даже при случаѣ и члены меньшаго совѣта могутъ быть склонны смотрѣть на осуществленіе этихъ правъ съ чувствомъ ревности. Такъ мы находимъ, что въ необыкновенно многочисленномъ собраніи ахейскаго союза говорится съ некоторымъ удивленіемъ, или неудовольствіемъ ⁴⁷⁾; нѣрѣдко также выражается неудовольство при появленіи въ академической конвокаціи лицъ не принадлежащихъ къ составу конгрегаціи. Никакія претензіи подобнаго рода не могли бы дѣлаться со стороны совѣта въ народномъ собраніи кайтона Ури или Аѳинъ.

Дѣйствительно, федеративный періодъ греческой исторіи болѣе чѣмъ какой либо другой богатъ прямыми аналогіями съ развитіемъ нашей конституціи. Мы видимъ тутъ, что безъ представительства, первоначально демократическое устройство, въ примѣненіи къ обширной территоріи, никакъ не можетъ сохранить своего истинно демократическаго характера. Граждане не могутъ собираться такъ часто и правильно, чтобы вести самимъ управленіе, подобно тому какъ въ Аѳинахъ. Народное собраніе можетъ сдѣлаться беспорядочной толпой, неспособной къ разсужденіямъ, какъ это было подвѣ конецъ въ Римѣ, гдѣ народныя собранія сопровождалась постоянно актами насилія и наконецъ были уничтожены, если не въ интересахъ свободы, то въ интересахъ моралки. Или же демократія можетъ слѣзуться, не скажу въ олигархію, а въ аристократію, просто въ силу невозможности для всей массы номинальныхъ членовъ собранія дѣйствительно присутствовать на немъ. Ахейскій союзъ, представляющійся по формѣ такой

же чистой демократией, какъ и Афины или Ури, на практикѣ сдѣлался лучшимъ образцомъ либеральной аристократіи, правящей съ умѣренностью. И совершенно тоже самое произошло и съ древними народными собраніями Англіи и другихъ германскихъ странъ. По мѣрѣ того, какъ марки разрастаются въ графства, а графства въ королевства, вся совокупность свободныхъ людей, посѣщавшихъ обыкновенно собранія меньшаго размѣра, не лишаются формально права участвовать и въ собраніяхъ большаго размѣра. Но по мѣрѣ того, какъ племена разрослись въ націи и старѣйшины стали государями, народныя собранія ихъ государствъ сдѣлались собраніями такого обширнаго размѣра, что членамъ ихъ посѣщать эти собранія стало еще труднѣе, чѣмъ всѣмъ свободнымъ гражданамъ городовъ Пелопоннеза—союзное собраніе. Я нигдѣ не могъ найти указанія на то, чтобы право всѣхъ свободныхъ людей присутствовать на общихъ народныхъ собраніяхъ было въ Англіи когда либо формально уничтожено. Но можно видѣть, какъ, въ силу самаго хода вещей, оно постепенно исчезаетъ. Подобно тому, какъ въ Ахей союзное собраніе ограничивается обыкновенно собраніемъ сенаторовъ и немногихъ другихъ вліятельныхъ лицъ, такъ въ Англіи народное собраніе, *gemot* цѣлаго народа, ограничивается собраніемъ лишь немногихъ сверхъ тановъ короля³⁶). Но мы видимъ также въ обоихъ этихъ случаяхъ, что при извѣстныхъ условіяхъ составъ этого собранія значительно увеличивается. Граждане Лондона или Коринфа, Винчестера или Эгіона заявляли и осуществляли свое старое право, когда народное собраніе происходило въ стѣнахъ этихъ городовъ. А въ рѣдкіе, наиболее важные моменты, когда духъ народа возмущался до самой глубины вооруженныхъ толпы, которыхъ не могло вмѣстить никакое зданіе, никакой городъ, собирались, какъ въ старину, чтобы принять участіе въ выборѣ государей, въ изгнаніи общественныхъ враговъ, въ объявленіи войны или заключеніи мира³⁷). Что у насъ въ Англіи право это осуществлялось лишь въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ, это можно заключить уже по отсутствію определенности и формальности въ нашихъ древнихъ укрѣпленіяхъ вообще. Но самое право сохранилось; оно не исчезло еще вполне и тогда, когда народъ вриномъ: Да! Да! врики-

малъ участіе въ посвященіи своихъ государей, хотя бы его криву: Нѣтъ! Нѣтъ! и не придавалось никакого значенія. Не слѣдуетъ забывать, что Генрихъ VIII былъ провозглашенъ королемъ народнымъ собраніемъ также точно, какъ и Генгестъ или Кердикъ ³⁸).

Какъ было у насъ въ Англии, также было и у соплеменныхъ народовъ по ту сторону моря. У франковъ, какъ это выяснено лучшими историками Германіи, изучавшими развитіе государственнаго устройства, древнія собранія, общенародныя и мѣстныя, сохранились и послѣ того, какъ франки водворились въ завоеванной ими Галіи. И изъ тѣхъ выраженій, которыя постоянно употреблялись при каролингскихъ императорахъ и короляхъ, видно, что право и обязанность всѣхъ свободныхъ людей присутствовать на общемъ и народномъ собраніи никогда не были формально отмѣнены, и что великія собранія *mārgfeld* и *maifeld* были по теоріи все еще собраніями всего народа франковъ, рѣшавшими народныя дѣла волею самаго народа. Но мы видимъ также, что общее народное собраніе всего франкскаго государства теряло мало по малу и жизненное значеніе, и реальную власть, и дѣйствительный контроль надъ волею короля, принадлежавшіе военнымъ собраніямъ франковъ при непосредственныхъ преемникахъ Клодвига. Право собранія отвѣчать *да* и *нѣтъ* не отнято у него формальнымъ постановленіемъ, но оно вырождается во вѣдшее, формальное одобреніе всего, что ни предлагаетъ король и его ближайшій совѣтъ ³⁹). Въ этомъ какъ и во многомъ другомъ, мы находимъ въ судьбѣ членовѣчества настоящій кругъ. Въ соответствіе древней эпохѣ, первоначальной стадіи развитія, когда въ народномъ собраніи еще не образовался духъ оппозиціи, мы находимъ позднѣйшую стадію, когда собраніе уже снова утрачиваетъ этотъ духъ и конечно утрачиваетъ и энергію и власть. Такъ въ меньшихъ собраніяхъ округовъ (*gau*) или сотенъ, судебныя функціи, принадлежавшія нѣкогда цѣлому собранію, отошли мало по малу къ особому учрежденію, которое образовалось благодаря прямому нерасположенію общей массы свободныхъ людей лично осуществлять свои права ⁴⁰).

Говоря коротко, опытъ показываетъ, что чистая демокра-

тическая система, которая имѣла такое важное значеніе въ кочующемъ племени, отдельной городской общинѣ или въ небольшомъ округѣ. Установится неуменьшеніе въ примѣненіи во всему населенію обширной области. Безъ счастливаго изобрѣтенія представительства первобытная демократія должна, именно въ силу своего демократическаго характера, выродиться въ деспотию или олигархію. Первичное народное собраніе есть естественная форма свободнаго управленія для всего племени, для группы домохозяевъ, живущихъ въ одной маркѣ, для племени, живущаго внутри стѣнъ одного города. Паденіе этой формы правленія начинается уже при примѣненіи ея въ округу (gau) или автону, большихъ размѣровъ; она совершенно разрушается, если будетъ примѣнена въ цѣлой націи. Представительное собраніе есть, столь же естественная форма для свободнаго управленія болѣешихъ союзовъ, какъ первичное народное собраніе для меньшихъ. У хитинъ въ вѣдо-
Обиле аналогій, представившееся мнѣ въ теченіи настоящей лекціи, помѣшало мнѣ соблюдать хронологическую последовательность съ такою же строгостію, съ какою я это дѣлалъ въ другихъ лекціяхъ. Главнѣйшія говорили о нѣко-трекахъ и нѣко-германцахъ. Но указавъ сходство между ними, моя главная забота. А именно въ какомъ другомъ случаѣ сходство это не представляется столь разительнымъ, какъ въ отношеніи того вопроса, который насъ теперь занимаетъ. Развитие политическаго строя во всехъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго основанія — племеннаго вѣча. Тамъ, гдѣ народная жизнь приняла форму городского вѣча, это вѣче представляется намъ какъ собраніе городской общины. Конституція, развивающаяся при этихъ условіяхъ изъ первобытныхъ элементовъ, можетъ быть аристократическою или демократическою, но монархія не можетъ въ государствѣ-городѣ долго сохраняться послѣ того, какъ политическіе инстинкты народа уже вполне пробудились и развились. Большіе города соединяются другъ съ другомъ въ союзъ, союзное собраніе организуется совершенно аналогично съ организаціей народныхъ собраній въ отдельныхъ городахъ, съ тѣми измѣненіями, которые обусловливаются болѣе-большимъ разстояніемъ мѣста собранія отъ вѣдущаго большинства гражданъ. У тѣхъ народовъ, которые не знаютъ городского

быта, или гдѣ этотъ бытъ не является по крайней мѣрѣ господствующимъ, старый порядокъ вещей сохраняется до тѣхъ поръ, повуда племя, марка, сотня, графство, все еще сохраняютъ обособленное политическое существованіе. По мѣрѣ того, какъ племена развиваются въ націю, народное собраніе, если не по другимъ причинамъ, то уже въ силу одного увеличенія разстояній, перерождается въ собраніе немногихъ важнѣйшихъ личностей, а собранія меньшихъ размѣровъ превращаются въ простыя подчиненныя мѣстныя учрежденія, а иногда съ теченіемъ времени и вовсе исчезаютъ. Но при городскомъ бытѣ имѣлось средство сохранить большую жизненность старымъ учрежденіямъ, чѣмъ при племенномъ или національномъ бытѣ. Въ общемъ собраніи ахейскаго союза каждый городъ имѣлъ одинъ и одинаковый со всѣми голосъ ⁴¹⁾. Въ позднѣйшемъ ликійскомъ союзѣ, въ силу большей утонченности, напоминающей современныя политическія контроверзы, голоса отдѣльныхъ родовъ, сообразно ихъ величинѣ, считались за одинъ, за два или за три голоса ⁴²⁾. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ голосъ каждаго города имѣлъ свое опредѣленное значеніе, которое нисколько не зависѣло отъ числа его гражданъ, явившихся въ то или другое собраніе. Въ союзномъ собраніи Коринѣвъ имѣлъ одинъ голосъ, независимо отъ того, присутствовалъ ли въ собраніи лишь одинъ коринѣянинъ или тысяча. Это начало какъ кажется никогда не примѣнялось въ германскихъ собраніяхъ; оно представляется дѣйствительно слишкомъ утонченнымъ для той стадіи общественнаго развитія, какого они достигли. Но ясно, что такой способъ голосованія настолько приближалъ собраніе къ представительному учрежденію, насколько лишь это было возможно для собранія, не бывшаго въ дѣйствительности представительнымъ. Если Коринѣвъ имѣлъ одинъ голосъ независимо отъ того, мало или много коринѣявъ было въ собраніи, то легко можно было устроить, чтобы тѣ граждане Коринѣва, которые являлись въ собраніе, на практикѣ являлись представителями большинства ихъ согражданъ, оставшихся дома. Отсутствіе настоящей представительной системы едва ли могло чувствоваться: если было какое неудобство, то такое, которое какъ показываетъ опытъ не устраняется само собой при представительной системѣ, но устраняется при той

системѣ, какая была принята при организаціи ликійскаго союза, — это именно то неудобство, что Коринѣъ напр. имѣлъ въ собраніи такой же голосъ, какъ и самый ничтожный городъ союза ⁴³). Такимъ образомъ, хотя собраніе могло свестись къ собранію небольшого числа важнѣйшихъ лицъ, эти лица могли на практикѣ быть делегатами мѣстныхъ собраній ихъ отдѣльныхъ городовъ ⁴⁴). Но нѣтъ никакого указанія на то, чтобы въ народныхъ собраніяхъ германцевъ имѣлась когда въ виду такая утонченность въ системѣ голосованія, которая была бы подобна предоставленію отдѣльныхъ голосовъ отдѣльнымъ городамъ союза. Подобный порядокъ гораздо легче могъ возникнуть въ политической системѣ городскихъ общинъ, при рѣзко опредѣленномъ самостоятельномъ существованіи каждой изъ нихъ, нежели въ болѣе обширной системѣ племенъ или земель. Поэтому когда народное собраніе германцевъ превращалось въ собраніе королевскихъ тановъ и другихъ начальниковъ, то тутъ не могло быть такого смягченія олигархіи, къ какому вела ахейская система. Но по той же самой причинѣ истинная представительная система была тутъ еще необходимѣе, и какъ это всегда бываетъ при дѣйствительно здоровомъ и жизненномъ государственномъ строѣ, она дѣйствительно развивалась, когда въ ней была необходимость.

Я говорилъ о предоставленіи отдѣльныхъ голосовъ отдѣльнымъ городамъ ахейскаго и ликійскаго союзовъ, какъ объ одной изъ характеристическихъ чертъ федеративнаго періода въ Греціи. Федеративная демократія Ахеи отличалась этимъ конечно отъ городской демократіи Аѳинъ. Но эта система вотированія представляется также во всей своей полнотѣ и въ собраніяхъ римской республики. Въ собраніи (комиціи) по центуріямъ, въ этомъ военномъ собраніи, куда народъ сходилъ въ военномъ порядкѣ, гдѣ значеніе голоса каждаго опредѣлялось его воинской службой, а воинская служба — размѣромъ его собственности, голосованіе было не индивидуальное, а по искусственнымъ единицамъ, по центуріямъ. Также точно въ трибутскихъ комиціяхъ, гдѣ люди распредѣлялись не по ихъ мѣсту въ войскѣ, но по территориальному дѣленію государства, голосованіе производилось по трибамъ. Наконецъ въ той позднѣйшей формѣ комицій, въ которой трибы и центурія были перемѣшаны, го-

лосованіе точно также—и это единственно интересуеть насъ теперъ—было не индивидуальное, а по трибамъ и центуріямъ ⁴⁵). Стало быть въ Римѣ, какъ и въ Ахей, было вполне возможно, что тѣ члены извѣстной трибы, которые являлись въ данное собраніе, были на практикѣ представителями своихъ отсутствовавшихъ сосѣдей, подававшими за нихъ голоса. Это одна изъ тѣхъ чертъ, которыя сближаютъ римскую республику скорѣе съ федеративными, нежели съ отдѣльными государствами Греціи. Другая черта, въ которой Римъ съ своими городскими вольностями распространенными на обширную территорію обнаруживаетъ большее сходство съ Ахеей, нежели съ Аѣинами, заключается въ сохраненіи сенатомъ и отдѣльными магистратами независимой власти. Нигдѣ, дѣйствительно, три элемента: царская власть, осуществляемая коллегіей курульныхъ магистратовъ, власть сената и власть народа не представляются яснѣе разграниченными, какъ это было въ Римѣ до послѣднихъ дней республики. Формы, какія приняли въ Римѣ политическія партіи, свидѣтельствуютъ объ жизненности этихъ элементовъ. Въ Римѣ мы встрѣчаемъ народную и сенаторскую партію. Въ Аѣинахъ такія названія были бы бессмысленны. Въ Аѣинахъ безъ сомнѣнія существовала аристократическая, или вѣрнѣе олигархическая партія, которая весьма охотно устранила бы вовсе народное правленіе. Но такая партія никоимъ образомъ не могла ни считать себя поборницей стараго сената пяти сотъ, ни сама прикрыться его авторитетомъ ⁴⁶). Большее сходство съ римскимъ сенатомъ представляетъ сенатъ ареопага, члены котораго назначались пожизненно, и который составлялся почти также, какъ это практиковалось и въ Римѣ, изъ гражданъ, занимавшихъ должности высшей магистратуры. Но, по той же самой причинѣ, рядъ послѣдовательныхъ переменъ привелъ въ Аѣинахъ этотъ древній сенатъ къ тому, что онъ сталъ немногимъ больше, какъ одна лишь почетная тѣнь ⁴⁷). Два факта ясно показываютъ, какъ строго сохранялись въ Римѣ традиціи и царской и сенатской власти во все время республики. Явилась надобность въ ограниченіи произвольной власти консуловъ и Римъ нашель для этого средство не въ уменьшеніи ихъ власти, но въ учрежденіи оппозиціоннаго магистрата, олицетворявшаго права плебея, въ учрежденіи народныхъ трибуновъ

также властных въ запретѣ, какъ консулы—въ повелѣніи. И еще болѣе удивительно, что сенатъ, составленный изъ людей, выбранныхъ предварительно на должность голосомъ народа ⁴⁸), могъ всегда сохранять значеніе власти антагоничной народу. Въ позднѣйшее время республики, если сенатъ былъ аристократическимъ сословіемъ, то это было такъ исключительно по волѣ народа. Тѣ, кому принадлежалъ выборъ консуловъ, преторовъ, цензоровъ и верховныхъ жрецовъ могли бы это измѣнить. Но исключительность сената могла сохраниться только какъ переживаніе отъ отдаленнаго времени, когда сенатъ былъ чисто патриціанскимъ учрежденіемъ. Но я думаю также, что главнѣйшей причиной различія въ этомъ отношеніи между Римомъ и Аѣинами было то, что, какъ я уже говорилъ, Римъ не былъ въ такомъ же строгомъ смыслѣ городомъ-республикой, и что онъ заключалъ въ себѣ нѣчто федеративное. Покуда сохранялась въ Римѣ республика, народное собраніе оставалось высшимъ избирательнымъ и законодательнымъ учрежденіемъ, высшей и рѣшающей властью въ государствѣ. Но оно никогда не сосредоточивало въ себѣ, подобно аѣинскому народному собранію, всѣхъ функцій государственной власти; оно никогда не превращало сенатъ просто въ свой комитетъ, а консуловъ и цензоровъ въ простыхъ исполнителей своей воли. Это было не въ порядкѣ вещей. Даже помимо различія въ національномъ характерѣ римлянъ и аѣинянъ, римское народное собраніе не могло сдѣлаться тѣмъ же, что и аѣинское. Свободные обитатели такой обширной области, даже и въ древнѣйшую эпоху, составили бы собраніе слишкомъ обширное, какъ для того, чтобы собираться также часто, какъ собиралось аѣинское народное собраніе, такъ и для того, чтобы также какъ и оно выполнять свои функціи. Оно не могло имѣть такой свободы въ обсужденіи и въ измѣненіи предлагавшихся мѣръ. Оно могло только отвѣчать да или нѣтъ на предложеніе того магистрата, который его собиралъ. Оно не было въ состояніи постоянно заботиться о всѣхъ частяхъ государства. Оно не могло входить само въ такія же подробности, какъ аѣинское собраніе. Однимъ словомъ, аѣинское собраніе было правительствомъ. Демось былъ суверененъ; онъ былъ, и болѣе любилъ когда его такъ называли, — царемъ или тираномъ ⁴⁹). Архонты были ограниче-

ны одними формальными функциями, такъ что утратили едва ли не всякое политическое значеніе. Полководцы были слугами сувереннаго собранія; пританы были только его предсѣдателями; сенатъ—только комитетомъ. Дѣйствительной правящей властью было само собраніе. Но въ Римѣ, какъ и въ Ахей, собраніе осуществляло только законодательныя и избирательныя функціи, когда въ томъ была надобность. Сенатъ былъ правительствомъ, былъ учрежденіемъ, которое вѣдало обыденный ходъ управленія государствомъ, вмѣстѣ съ консулами и другими главными магистратами, какъ его министрами. Въ Римѣ, какъ и въ Афинахъ, власть мира и войны сохранялась за собраніемъ. Но его власть въ этомъ, какъ и въ другихъ дѣлахъ, не шла дальше права давать рѣшительный отвѣтъ, да или нѣтъ, на дѣлаемые ему окончательно выработанныя предложенія. Вся предварительная подготовка дѣла, приемъ и выслушиваніе иностранныхъ пословъ, выслушиваніе доводовъ частныхъ гражданъ за или противъ, все то, что въ Афинахъ составляло такую важную часть обязанностей народнаго собранія, въ Римѣ лежало на обязанности сената. При римскихъ порядкахъ величественныя рѣчи Перикла и Демосѣена, подобно рѣчамъ Цицерона, могли бы все таки быть обращены въ народу. Но пренія Клеона и Діодота ⁵⁰⁾, Никія и Алкивіада ⁵¹⁾, Евриптолема и обвинителей полководцевъ ⁵²⁾, которыя въ Афинахъ велись предъ народомъ, собравшимся не подъ кровлей, а подъ открытымъ небомъ, въ Римѣ должны были, подобно преніямъ Катона съ Цезаремъ, вестись въ стѣнахъ сенатскаго зданія ⁵³⁾.

Римское народное собраніе погибло отъ той болѣзни, отъ которой каждое непосредственное собраніе всего народа должно погибнуть въ обширной странѣ. Оно сдѣлалось слишкомъ многочисленнымъ для своихъ функцій; оно превратилось въ толпу, которая не способна къ преніямъ и въ которой самыя худшіе ея элементы берутъ перевѣсъ. Но смертельный ударъ былъ нанесенъ ему тѣми честолюбивыми народными предводителями, которые воспользовались взаимнымъ соревнованіемъ сената и народа для того, чтобы и народъ и сенатъ задавить у себя подъ пятой. Однако къ чести какъ римскаго сената, такъ и народнаго собранія слѣдуетъ отнести то, что цезари боялись и сената и народа. И въ особенную честь должно по-

ставить римскому народному собранію то, что цезари, сохраняя сенатъ, въ надеждѣ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, находятъ необходимымъ вовсе уничтожить народныя собранія ⁵⁴). Будетъ ли это аристократическій сенатъ или демократическое собраніе, но если его боится деспотъ, то это, должно быть, нѣчто хорошее. Съ другой стороны народныя собранія германцевъ погибли сами собой. Тутъ не было Юліевъ или Клавдіевъ, которые бы ихъ задавили. Почти въ каждомъ западномъ государствѣ старинныя непосредственныя собранія всего народа уступили мѣсто представительнымъ собраніямъ земскихъ чиновъ. Этихъ чиновъ въ большинствѣ государствъ было три: духовенство, дворянство и общинники, коммонеры, бывшіе по большей части гражданами привилегированныхъ городовъ, надѣленныхъ жалованными грамотами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ существовало многочисленное и независимое крестьянство (уеопангу), оно также имѣло участіе въ представительствѣ. Такъ въ Швеціи, четыре палаты, изъ которыхъ одна была палатою крестьянъ, сохранялись до тѣхъ поръ, пока чисто-національная конституція оставалась въ силѣ, и исчезли лишь немного лѣтъ тому назадъ. Какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, организація земскихъ чиновъ представляется въ разныхъ странахъ различной; можетъ быть нельзя найти и двухъ странъ, въ которыхъ организація земскихъ чиновъ была бы совершенно одна и та же во всѣхъ подробностяхъ; но одинъ общій принципъ пронизываетъ всѣ эти учрежденія, это именно то, что собраніе должно состоять изъ представителей всѣхъ тѣхъ чиновъ или сословій, которые сохранились какъ политическое учрежденіе. Въ Англіи, съ другой стороны, ходъ вещей былъ нѣсколько иной; непосредственное собраніе всего народа никогда не вымирало; оно никогда не было подавлено; оно просто, въ силу естественнаго дѣйствія причинъ, о которыхъ я уже говорилъ, превратилось въ болѣе тѣсное собраніе. Въ силу этого закона сокращенія, старое демократическое собраніе, сохраняясь, становится въ новомъ государственномъ строѣ аристократическимъ элементомъ. Я хочу этимъ сказать, что по моему мнѣнію прямымъ наслѣдникомъ стараго демократическаго собранія явилось витена-гемотъ, а наслѣдникомъ витена-гемота—палата лордовъ. Я не стану здѣсь распростра-

няться объ этомъ кажущемся парадоксѣ, о которомъ я говорилъ съ нѣкоторою подробностью въ другомъ мѣстѣ ⁵⁵); но я думаю, что если мы примемъ эту теорію, то лучше поймемъ нѣкоторыя особенности англійской исторіи сравнительно съ исторіей большинства другихъ государствъ Европы. Теорія эта состоитъ въ томъ, что между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ старыя народныя собранія дѣйствительно исчезаютъ и учрежденіе земскихъ чиновъ возникаетъ взамѣнъ ихъ какъ нѣчто новое, въ Англии народное собраніе въ его сокращенной формѣ сохраняется съ тѣмъ, чтобы стать однимъ изъ чиновъ. Это значить, что лорды суть просто тѣ изъ числа членовъ стараго собранія—тѣ изъ всего свободнаго населенія Англии, которые никогда не лишались права личной явки въ собраніе. Это были епископы, парламентскіе аббаты, графы и другія лица, которыхъ король выбиралъ для личнаго призыва. Это свободное право призыва, принадлежавшее королю, было подавлено строгой доктриной юристовъ, что если кто былъ призванъ однажды, то его потомки должны быть также всегда призываемы. На ряду съ сложившимся такимъ образомъ учрежденіемъ постепенно образовалось другое учрежденіе, въ которомъ тѣ, которые утратили право личной явки, сохранили право участія чрезъ представителя ⁵⁶). Отсюда ясно, почему въ Англии нѣтъ дворянства, noblessé или adel, въ томъ смыслѣ какъ въ другихъ государствахъ. Мѣсто въ палатѣ лордовъ или соединено съ должностью или наследственно; но въ Англии нѣтъ такого сословія дворянства, какое существуетъ или существовало въ другихъ государствахъ. Теперь мы можемъ лучше понять, какъ случилось, что истинная система трехъ земскихъ чиновъ никогда не устанавливалась въ Англии. На ряду съ другими причинами, помѣшавшими образованію изъ духовенства особаго чина, особой палаты, дѣйствовала очевидно и та причина, что высшіе члены духовенства уже имѣли по своей должности мѣсто въ верхней палатѣ парламента. Въ силу этого обстоятельства, какъ я говорилъ въ первую лекцію, явилась двухпалатная организація англійскаго парламента; этимъ обусловленъ тотъ фактъ, что парламентъ имѣетъ двѣ палаты, а не одну, не три или четыре. То, что въ Англии явилось въ силу особенныхъ обстоятельствъ ея исторіи, было воспроизведе-

дено въ другихъ странахъ въ силу прямого подражанія. Годность или негодность такой организаціи—это вопросъ, относящійся не къ сравнительному государствовѣдѣнію, а къ современной практической политикѣ. Но здѣсь умѣстно будетъ указать, что мы имѣемъ предъ другими большое преимущество въ томъ, что двухпалатная организація нашего парламента есть естественный продуктъ нашей исторіи, а не выдумка какого-нибудь искуснаго дѣлателя конституцій. Никто, можетъ быть, не придумалъ бы совершенно такого учрежденія, какъ наша палата лордовъ, если бы ему пришлось составлять пѣликомъ новую конституцію. Но тотъ фактъ, что наша палата лордовъ существовала, даетъ ей большое преимущество надъ верхними палатами, организація которыхъ теоретически можетъ быть и лучше, но которая была искусственно вызвана къ своему существованію. И при разсужденіи объ этомъ часто, какъ мнѣ кажется, забываютъ одно обстоятельство, которое слѣдовало бы всегда имѣть въ виду. Въ простомъ королевствѣ или республикѣ вопросъ объ одной или двухъ палатахъ есть просто вопросъ о томъ, при какой организаціи законодательное учрежденіе будетъ лучше функціонировать. Въ союзномъ же государствѣ двѣ палаты безусловно необходимы. Тамъ, гдѣ имѣются двѣ суверенныя власти, власть союза и власть отдѣльныхъ штатовъ или кантоновъ, изъ которыхъ онъ слагается, тамъ каждая изъ этихъ суверенныхъ властей должна имѣть свое представительство въ законодательномъ учрежденіи. Должна быть палата представителей, Nationalrath, представляющая націю и по числу своихъ членовъ соотвѣтствующая численности націи, и кромѣ того сенатъ или Ständerath, представляющій отдѣльные государства, и въ которомъ каждое отдѣльное государство, большое или малое, должно имѣть одинаковый голосъ. Уничтоженіе или измѣненіе англійской или прусской верхней палаты можетъ быть мудрымъ или безумнымъ дѣломъ; но это не будетъ совершеннымъ уничтоженіемъ существующей политической системы. Не смотря на такое измѣненіе, конституціонная монархія Англии или Пруссіи можетъ остаться непривосновенной. Но уничтожить или существенно измѣнить американскій сенатъ или швейцарскій Ständerath значило бы совершенно устранить существующую

политическую систему американскаго или швейцарскаго союза. Палата представителей или Nationalrath въ отдѣльности представляли бы только соединенную націю, но отдѣльныя государства остались бы безъ всякаго представительства. Счастливое изобрѣтеніе двухъ союзныхъ палатъ устранило всѣ затрудненія, которыя являлись во всѣхъ древнихъ союзахъ и въ самихъ американскомъ и швейцарскомъ союзахъ въ ихъ прежнихъ формахъ. Ахейская система рѣшительно жертвовала большими городами въ интересъ меньшихъ. Ливійская система, хотя уже и представляетъ замѣчательный шагъ впередъ, имѣетъ тенденцію жертвовать интересами меньшихъ городовъ для большихъ. Но при двухъ союзныхъ палатахъ, изъ которыхъ одна представляетъ суверенететъ націи, другая—суверенететъ государства, ни число населенія не приносится въ жертву кантональнымъ правамъ, ни кантональныя права—числу населенія. Каждый элементъ въ союзномъ государствѣ служитъ ограниченіемъ, сдержкой другому; каждый можетъ отвергнуть мѣру, идущую вразрѣзъ съ его интересами; ни одинъ не можетъ провести мѣру, идущую вразрѣзъ съ интересами другихъ. Американскій сенатъ, съ его исполнительными функціями, которыхъ онъ не раздѣляетъ съ палатою представителей, имѣетъ свои особыя власть и достоинство, независимо отъ того положенія, какое онъ занимаетъ, какъ одна изъ законодательныхъ палатъ и представитель одного изъ элементовъ государства. Швейцарскій Ständerath не имѣетъ такихъ особыхъ правъ; онъ является только какъ необходимый элементъ федеративной системы. Такимъ образомъ уничтоженіе этого учрежденія было бы вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіемъ равновѣсія между двумя элементами государства. Словомъ, федеративная система была бы тогда разрушена.

Въ большинствѣ случаевъ непосредственныя собранія, демократическія или аристократическія, теперь уже исчезли. Съ тѣхъ поръ, какъ королевства и республики Европы стали принимать форму сколько нибудь подобную современному строю, старыя непосредственныя собранія постепенно исчезаютъ или сохраняются лишь въ формѣ переживаній. Въ такой формѣ мы еще можемъ замѣтить это непосредственное собраніе у насъ, въ Англии. Можно утверждать, что Scirgemot исчезъ въ

силу билля, устранившаго старую систему голосованія посредствомъ поднятія рукъ, по отношенію къ которой позднѣе введенный счетъ голосовъ имѣлъ значеніе лишь повѣрки. Старинный выборъ короля крикомъ народа при его голосованіи съ шестнадцатаго столѣтія превращается просто въ форму признанія. Но, покуда собираются еще приходскія собранія (parish vestry), до тѣхъ поръ собраніе марки еще не исчезло совершенно. Болѣе древнее, чѣмъ собраніе графства и королевства, оно въ своей первоначальной формѣ пережило ихъ обоихъ. Въ другихъ странахъ можно найти болѣе важные слѣды стариннаго порядка вещей. Но слѣдуетъ замѣтить, что у германцевъ даже въ свободныхъ городскихъ общинахъ, хотя непосредственное собраніе и было извѣстно (парламентъ Флоренціи—одинъ извѣстный примѣръ среди многихъ), однако никогда не играло такой же важной роли, какъ въ республикахъ Греціи. Насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ средневѣковой городъ не былъ такъ всецѣло управляемъ демократическимъ собраніемъ, какъ это было въ Аѣинахъ. Форма, которую демократическій элементъ принималъ въ большинствѣ итальянскихъ городовъ, заключалась скорѣе въ томъ, что всѣ граждане признавались способными быть избранными въ должности, быть можетъ въ томъ, что всѣмъ гражданамъ по очереди предоставлялось участіе въ высшихъ должностяхъ, нежели въ томъ, чтобы, какъ въ Аѣинахъ, общее управленіе дѣлами республики предоставлялось цѣлому народу, какъ учрежденію. Если только должности замѣщались людьми свободно избираемыми или назначаемыми по жребію, людьми, которымъ народъ считалъ безопаснымъ поручить его дѣла, то нечего было бояться надѣлать ихъ очень широкой законной властью и даже допускать энергичныя и произвольныя дѣйствія, выходяція за предѣлы указаннаго буквы закона. Самъ народъ собирался лишь отъ времени до времени, когда это нужно было тѣмъ, которые имѣли право его сзывать. И когда онъ собирался, его первое и единственное дѣло состояло по большей части въ предоставленіи чрезвычайныхъ полномочій какому-нибудь коллективному Питтаку или Суллѣ⁵⁷). Гдѣ старый порядокъ вещей сохранялся всего дольше, гдѣ онъ еще сохраняется и теперь, такъ это не внутри стѣнъ городовъ, а въ

тѣхъ волыбеляхъ свободы, на окраинахъ великаго германскаго государства, гдѣ люди никогда не уклонялись отъ древнѣйшихъ учрежденій своихъ предковъ. Въ низменностяхъ Фрисландіи и въ степяхъ Дитмарсена, старинная свобода и ея воплощеніе—старое непосредственное собраніе всего народа—сохранялось до пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія. Въ горныхъ долинахъ Ури и горныхъ откосахъ Аппенцеля они сохраняются и до сихъ поръ. Не заподозрите меня въ сочувствіи тѣмъ опровергнутымъ мечтаніямъ, которыя видѣли въ первоначальной Швейцаріи страну, населенную особой расой, пользующуюся особой свободой и во всемъ отличную отъ своихъ сродныхъ сосѣдей. Ури, Швицъ и Унтервальденъ суть только три небольшіе общины—они едва ли составятъ отдѣльныя племена—аллеманновъ, въ которыхъ въ силу странной и счастливой комбинаціи обстоятельствъ древняя свобода никогда не исчезала. Эти три земли были частями Римской имперіи, германскаго королевства, швабскаго герцогства. Части этихъ земель находились даже, временно, въ подчиненіи меньшихъ владѣтелей. Въ теченіи вѣковъ ихъ высшимъ честолюбіемъ было стремленіе приобрести Reichsfreiheit, освободиться отъ всякихъ подобныхъ посредствующихъ владѣтелей, и быть въ состояніи похвастаться, что они знаютъ надъ собой только цезаря, а не короля. Но подчиненіе низшимъ владѣтелямъ, и еще меньше подчиненіе имперіи, ни въ чемъ не измѣняло народную конституцію этихъ трехъ земель въ ихъ внутренней жизни. Въ силу нѣсколькихъ благопріятныхъ обстоятельствъ чисто мѣстная свобода марки или сотни развилась въ безусловную свободу независимой республики. И въ этомъ видѣ она все еще сохраняется, измѣненная лишь обязательствами налагаемыми федеративной связью. Объ этихъ первобытныхъ собраніяхъ, личное ознакомленіе съ которыми я считаю однимъ изъ важныхъ преимуществъ моей жизни, я уже много разъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь я хотѣлъ только сказать, какъ это важно, чтобы то, о чемъ мы читаемъ и думаемъ, предстало предъ нами какъ живое, какъ важно услышать подъ открытымъ небомъ могущественный голосъ собравшагося народа, налагающаго на себя въ торжественной формѣ обязанность повиноваться самимъ имъ изданнымъ законамъ ⁵⁶).

Такииъ образомъ демократическое собраніе сохранилось еще до настоящаго времени во всей своей полнотѣ. Непосредственно-го аристократическаго собранія Европа не представляетъ теперь ни одного примѣра; но мы должны помнить, что еще въ послѣднее столѣтіе оно также существовало во всей полнотѣ. Польша и Венеція, не меньше Спарты и Коринѳа, все еще сохраняли ту форму собранія, въ которомъ не каждый членъ народа, но каждый членъ привилегированнаго сословія имѣлъ право лично присутствовать. Большой сеймъ всего польскаго дворянства, который собирался для избранія польскаго короля, при всемъ его олигархическомъ характерѣ въ отношеніи къ исключеннымъ классамъ, все таки болѣе чѣмъ какое-либо другое собраніе приближался къ непосредственному собранію всего народа. Это было собраніе сословія гораздо болѣе многочисленнаго, нежели общая совокупность гражданъ въ тѣхъ мелкихъ республикахъ, гдѣ еще сохранились демократическія непосредственныя собранія всего народа. Военный характеръ польскихъ сеймовъ, приписываемая имъ горячность и безпорядочность, ихъ собранія на открытомъ воздухѣ, все это составляетъ рѣзкую противоположность въ иныхъ отношеніяхъ сроднымъ собраніямъ, составлявшимъ высшую власть островной республики. Городская аристократія, если и была замѣнена и неразборчива на средства, то по крайней мѣрѣ была болѣе спокойной, умѣренной и болѣе уважала порядокъ. Но ни въ Венеціи, ни въ Польшѣ эти непосредственныя аристократическія собранія не могли бы похвалиться тѣмъ, чтобы ихъ происхожденіе относилось къ глубокой старинѣ. Оба эти собранія были сравнительно новыми; но оба были естественнымъ развитіемъ того политическаго порядка, каковой постепенно слагался въ этихъ двухъ республикахъ⁵⁹). Эти собранія показываютъ, что какъ демократическое собраніе можетъ быть представительнымъ, такъ и аристократическое—непосредственнымъ. Дѣйствительно, какъ я уже говорилъ объ этомъ, различіе между аристократіей и демократіей есть различіе касающееся единственно тѣхъ классовъ, которые лишены политическихъ правъ. Въ обоихъ случаяхъ правящій классъ, состоитъ ли онъ изъ всѣхъ гражданъ или только изъ части гражданъ,

можетъ самъ въ себѣ пройти чрезъ всѣ различныя формы политическаго строя.

Непосредственное собраніе, какого бы то ни было рода, по самой природѣ своей суверенно. Оно есть собраніе всего народа, или всей правящей части народа. Вся власть народа переносится поэтому на такое собраніе. Только постепенно и мало по малу появляется то различіе между законодательной, исполнительной и судебной властью, которому придается такое значеніе въ утонченныхъ политическихъ теоріяхъ новаго времени. И быть можетъ ни въ одной странѣ это различіе не проведено вполне. Оно безъ сомнѣнія не проведено вполне и у насъ. Непосредственныя народныя собранія, описанныя Тацитомъ, были какъ законодательными, такъ и судебными учреждениями. И такъ было со всѣми собраніями этого рода, большими и малыми. Въ собраніи франковъ мы видимъ, что общая масса свободныхъ людей лишь мало по малу начинаетъ пренебрегать личнымъ присутствіемъ и смотрѣть на свои обязанности какъ на тягость, и лишь мало по малу образуется особый классъ судей для того, чтобы всегда можно было найти, кто бы сталъ отправлять правосудіе ⁶⁰). Но важные преступники, по обычаю, должны были отвѣчать за свои преступленія предъ собраніемъ цѣлаго королевства. Такъ и у насъ, въ Англии, наши старинныя витена-гемотъ не только издавали законы, не только избирали и смѣщали королей, эльдерменовъ и епископовъ, но и судили государственныхъ преступниковъ и постановляли приговоры о лишеніи всѣхъ правъ состоянія (outlawry) или конфискаціи. И та отрасль нашего законодательнаго учрежденія, которая является прямымъ наслѣдникомъ стариннаго *gémot*, все еще сохраняетъ свою судебную власть какъ въ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ ⁶¹). Болѣе новая, болѣе популярная отрасль законодательной власти причастна судебной власти лишь косвеннымъ путемъ. Она причастна ей въ силу своего участія въ изданіи такихъ актовъ, которые по существу своему представляются судебными, по формѣ—законодательными, т. е. въ изданіи биллей of attainder и of pains and penalties *). Она осуществляетъ судебную

*) Термины, непереводимые на русскій языкъ. Такъ называются постановленія парламента, относящіяся до отдѣльныхъ лицъ и подвергающія ихъ уголовному

власть также въ формѣ той аномальной юрисдикціи, которую каждая палата охраняетъ свои привилегіи. Въ меньшихъ мѣстныхъ собраніяхъ, послѣ того какъ они перестали быть суверенными, судебныя дѣла повсюду составили главнѣйшую функцію. Мы не должны забывать, что если теперь мы старательно раздѣляемъ функціи законодателя, судьи, присяжнаго и свидѣтеля, то различіе ихъ установилось лишь мало по по малу. Всѣ они развились изъ разнообразныхъ функцій собранія, которое, будучи самимъ народомъ, осуществляло всѣ отрасли той власти, какая принадлежитъ народу въ разное время и въ различныхъ формахъ, и это совершалось въ силу предоставленія этихъ функцій различнымъ учрежденіямъ, авторитетъ которыхъ прямо или косвенно основанъ на авторитетѣ народнаго собранія. Гдѣ бы и когда бы это ни было, власть можетъ имѣть только одно вполне законное основаніе: уполномочіе со стороны народа. Въ этомъ и заключается различіе между благоустроеннымъ и неблагоустроеннымъ государствомъ. Имѣетъ ли народъ достаточно мудрости и самообладанія для того, чтобы понять, что уважая и повинуюсь всѣмъ законнымъ распоряженіямъ государственныхъ властей, онъ тѣмъ самымъ и воздастъ имъ должное и представляетъ лучшее доказательство своей способности пользоваться высшимъ правомъ людей и гражданъ или нѣтъ?

наказанію. При этомъ парламентъ не стѣсняетъ дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ. Отъ этихъ биллей слѣдуетъ отличать такъ называемое impeachment — обвиненіе министровъ нижнею палатою предъ верхней. При impeachment примѣняются формы состязательнаго процесса. *Прим. перев.*

ГЛАВА VI.

Различныя аналогіи.

Я прослѣдилъ теперь многочисленныя аналогіи, которыя поражаютъ насъ въ главнѣйшихъ политическихъ установленіяхъ тѣхъ трехъ отраслей арійской семьи, къ которымъ главнымъ образомъ относилось наше изслѣдованіе. Я разсмотрѣлъ общее понятіе государства, власть государя или главы государства, и власть народнаго собранія. Въ отношеніи всѣхъ этихъ установленій я, надѣюсь, доказалъ по крайней мѣрѣ вѣроятность того, что у всѣхъ трехъ отраслей арійцевъ они представляютъ черты, свидѣтельствующія объ ихъ общемъ происхожденіи, остатки ихъ общаго первоначальнаго наслѣдія, принявшія подъ вліяніемъ различія времени, мѣста и обстоятельствъ разнообразныя формы. Въ этой послѣдней лекціи я намѣренъ поискать аналогіи въ томъ, что относится къ политикѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ, но не относится собственно къ политическимъ учрежденіямъ. Я остановлюсь теперь главнымъ образомъ на различіи сословій или классовъ населенія, что стоитъ въ тѣсной связи съ различіями, замѣчаемыми въ формахъ правленія, но въ идеѣ все-таки представляетъ нѣчто отличное отъ нихъ. Идея тѣснѣйшаго совѣта въ первобытныя эпохи, идея второй или верхней палаты въ болѣе утонченныхъ конституціяхъ позднѣйшаго времени—объ эти идеи легко смѣшиваются съ идеей наслѣдственнаго различія родовъ, но по своему существу представляютъ двѣ разныя вещи. Какъ при древнемъ, такъ и при позднѣйшемъ порядкѣ вещей исполнѣ возможно,

что известныя роды будутъ признаны благородными и имъ будутъ присвоены известныя почетныя отличія и привилегіи, которыя по обычаямъ данной страны обусловлены благородствомъ происхожденія, безъ того, чтобы эти преимущества и почетныя отличія имѣли форму какаго-нибудь особеннаго участія въ правленіи. Люди могутъ пользоваться особымъ почетомъ по своему происхожденію; ихъ происхожденіе можетъ даже обусловливать законныя привилегіи; и въ то же время совѣтъ или верхняя палата можетъ состояться изъ людей, отличающихся не происхожденіемъ, а возрастомъ, личными заслугами или чѣмъ-нибудь другимъ, не исключая и слѣпаго дѣйствія жребія. Но хотя двѣ эти идеи представляются такимъ образомъ совершенно различными, на практикѣ онѣ имѣютъ сильное стремленіе сливаться одна съ другой. Тамъ, гдѣ образуется сословіе благородныхъ, каково бы ни было его происхожденіе, оно всегда стремится, если не по закону, то по меньшей мѣрѣ на практикѣ, получить преимущество въ занятіи высшихъ должностей. Дѣйствительно, это добровольное предпочтеніе известныхъ родовъ при распредѣленіи выборныхъ должностей есть одинъ изъ тѣхъ путей, которыми развивается дворянство. И это есть наиболѣе обычный путь образованія того, что мы можемъ назвать вторичнымъ дворянствомъ, послѣ того какъ древнѣйшее, существующее съ незапамятныхъ временъ дворянство лишается своихъ привилегій. Родовая знать, о возникновеніи которой ничего не известно, но существованіе которой должно быть признано однимъ изъ первоначальныхъ фактовъ политической исторіи, замѣняется знатію служебною, которая въ свою очередь также превращается въ знать родовую. Исторія представляетъ много случаевъ подобнаго рода, и это правило одинаково приложимо какъ къ тѣмъ случаямъ, когда должности, послужившія источникомъ образованія родовой знати, замѣщаются по назначенію государя, такъ и тогда, когда они замѣщаются по выбору народа. Наиболѣе замѣчательный примѣръ послѣдняго рода есть образованіе въ Римѣ, послѣ того какъ законныя преимущества патриціевъ уже исчезли, новой знати, состоявшей какъ изъ патриціевъ, такъ и изъ плебеевъ. То же самое мы видимъ и у насъ въ Англіи въ замѣнѣ существовавшей съ незапамятнаго времени

знати — eorls, графовъ, новою служебною знатью — thegns, тановъ и въ замѣнѣ тановъ другою формою служебной знати — современными пѣрами. Оба эти случая сходны въ томъ, что представляютъ замѣну одной болѣе древней знати другою, болѣе новой. Но совершенно тоже самое могло происходить и при первоначальномъ образованіи знати. И именно такимъ путемъ не малое число республикъ, и во главѣ ихъ Венеція, превратились изъ демократій въ олигархіи ¹⁾.

Примѣры образованія знати въ различныхъ націяхъ и городахъ уже въ историческое время могутъ помочь намъ составить болѣе или менѣе важныя догадки объ образованіи знати и въ тѣхъ случаяхъ, когда она существуетъ съ незапамятнаго времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Но мы не можемъ идти тутъ дальше однихъ только вѣроятныхъ догадокъ. Въ большемъ числѣ случаевъ знать представляется существующей въ полномъ смыслѣ слова съ незапамятнаго времени. Въ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о политическомъ строѣ государствъ мы уже находимъ различія между свободными гражданами, различія, выдѣляющія извѣстныя роды, какъ занимающіе болѣе высокое положеніе сравнительно съ другими. Мы встрѣчаемъ это у всѣхъ трехъ отраслей арійцевъ, составляющихъ главный предметъ нашего изслѣдованія. Мы не можемъ сказать, каково было происхожденіе тѣхъ особенныхъ привилегій, которыя принадлежали аѣинскому эвпатриду, римскому патрицію или англійскому графу, eorl. Мы можемъ предполагать, мы можемъ выводить, мы можемъ заключать даже съ высокой степенью вѣроятности, но мы не можемъ утверждать это догматически ²⁾. Все, что мы можемъ сказать, это то, что въ нашихъ первыхъ свѣдѣніяхъ изъ исторіи грековъ, итальянцевъ и германцевъ, мы находимъ среди свободныхъ различія по крайней мѣрѣ столь же рѣзкія, какъ и различіе между свободными и низшими классами. Я выражаюсь такъ неопредѣленно потому, что въ виду нашей настоящей цѣли мы можемъ соединить вмѣстѣ всѣ тѣ различные классы, которые занимаютъ среднее положеніе между полной свободой и личнымъ рабствомъ. Едва ли надо указывать на то, что при всѣхъ этихъ учрежденіяхъ слѣдуетъ предполагать существованіе рабства. Рабство было общимъ учрежденіемъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ

странъ до тѣхъ поръ, пока немного столѣтій тому назадъ у большинства народовъ, принадлежащихъ къ западной отрасли арийцевъ, оно или вымерло, или формально было отмѣнено ³⁾. И мы не должны также забывать того, какова была въ дѣйствительности древнѣйшая форма рабства, прежде чѣмъ рабство было усугублено введеніемъ торговли рабами. Военноплѣнному, который, согласно военнымъ обычаямъ грубой эпохи, могъ быть по праву преданъ смерти,—уголовному преступнику, который по законамъ своего государства долженъ былъ лишиться жизни, дозволялось изъ милости или по корысти сохранить жизнь цѣною свободы. А затѣмъ родовое чувство, столь сильное въ вѣрнѣи одного рода, выступаетъ съ неменьшею силою для униженія другаго, и человѣкъ, потерявшій свою собственную свободу, вмѣстѣ съ тѣмъ отнималъ свободу и у своихъ дѣтей. Такимъ образомъ возникъ классъ личныхъ рабовъ, составлявшихъ просто движимое имущество государствъ или частнаго хозяина. И не трудно понять, какъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, въ различныхъ племенахъ и городахъ, образовались и другіе классы, положеніе которыхъ лучше положенія полныхъ рабовъ, но все же не можетъ быть приравнено къ положенію наиболѣе привилегированнаго класса вполнѣ свободныхъ. Конечно, я говорю о личной, а не о политической свободѣ. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю теперь выраженіе „вполнѣ свободный“, венеціанскій *cittadino*, спартанскій *періохос*, представляются также свободными, какъ если бы они имѣли голосъ въ управленіи государствомъ. Они были подчинены законамъ, въ составленіи которыхъ они не имѣли голоса; они должны были повиноваться магистратамъ, въ выборѣ которыхъ они не участвовали; но личность ихъ не была подчинена ни республикѣ, ни частнымъ лицамъ. Я хочу теперь говорить о различныхъ степеняхъ личной зависимости, о вольноотпущенныхъ, *liti*, вилланахъ и тому подобныхъ лицахъ, занимающихъ среднее мѣсто между простыми рабами и низшимъ классомъ вполнѣ свободныхъ ⁴⁾. Такіе классы могли образоваться различнымъ образомъ: возвышеніемъ рабовъ, подавленіемъ низшихъ свободныхъ классовъ; допущеніемъ иностранцевъ и побѣжденныхъ враговъ къ положенію среднему между полнымъ рабствомъ и полной свободой. Такіе классы слага-

лись этими различными путями уже въ историческое время и мы можемъ съ полнымъ основаніемъ предположить, что подобнымъ же образомъ могли они возникать и въ доисторическое время. Но мы должны тутъ ограничиться одними предположеніями. Тройкое дѣленіе на знатныхъ, простыхъ свободныхъ и ниже ихъ стоящій классъ (полу-свободныхъ), есть одинъ изъ первоначальныхъ фактовъ, съ которыми мы встрѣчаемся и въ Греціи, и въ Италіи, и у нашихъ собственныхъ предковъ⁵⁾. Самый фактъ есть предметъ исторіи; его причины мы можемъ выяснитъ только путемъ заключеній отъ аналогій и переживаній.

Существованіе класса знатныхъ ясно предполагается въ описаніи германскихъ народовъ у Тацита: хотя бы даже относить слова *principes* къ избраннымъ начальникамъ⁶⁾, то все же они по правилу должны были избираться изъ членовъ дворянскаго сословія. И тройкое дѣленіе на знатныхъ, свободныхъ и несвободныхъ иногда прямо указывается въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего племени. Въ наиболѣе рѣзко выраженной формѣ мы находимъ это дѣленіе въ скандинавскихъ легендахъ, которыя приписываютъ происхожденіе мифическихъ предковъ трехъ классовъ Ярла, Карла и Тралля (*Jarl, Karl, Trall*) различнымъ актмъ творенія со стороны боговъ⁷⁾. У насъ еамыхъ мы находимъ съ самаго начала *eorl* и *seorl*, знатныхъ и простыхъ, какъ неизгладимое различіе свободного населенія. Ясно, что это различіе было весьма рѣзко выражено и повсемѣстно распространено. И, однако, совершенно невозможно сказать, въ чемъ заключались преимущества *eorlas*. Нѣтъ ничего, что бы заставляло насъ думать, что они имѣли стѣснительный характеръ; они легко могли быть только почетными. Но всѣ аналогіи и вся вѣроятность за то, что *eorlas* пользовались на практикѣ предпочтеніемъ, которое могло быть даже исключительнымъ предпочтеніемъ при выборѣ предводителей въ мирѣ и войнѣ, совершенно такъ, какъ знатнѣйшій изъ знатныхъ, королевскій родъ пользовался исключительнымъ предпочтеніемъ при замѣщеніи должности высшаго изъ всѣхъ предводителей. Тоже самое выдѣленіе класса знатныхъ мы встрѣчаемъ также и въ дошедшихъ до насъ изображеніяхъ древнѣйшаго греческаго общества, и тоже самое мы находимъ еще

сохраняющимся уже въ историческое время. Въ наиболѣе извѣстномъ намъ греческомъ государствѣ, въ Аѣинахъ, наши древнѣйшія историческія свѣдѣнія представляютъ намъ правленіе знатныхъ, эвпатридовъ, какъ исключительной и притѣснительной олигархіи. Суровость ихъ управленія была впервые измѣнена реформами Солона, а позднѣйшая реформа Аристиды уничтожила всякіе слѣды прежняго сословнаго различія. Мы не имѣемъ историческихъ данныхъ о происхожденіи того сословнаго различія, которое выдѣлило эвпатридскіе роды Аѣинъ изъ массы плебейскихъ родовъ, лишенныхъ участія въ правленіи. Но совокупность подробностей этого разсказа можетъ заставитьъ насъ думать, что въ этомъ случаѣ патриціатъ былъ совокупность первоначальныхъ гражданъ въ противоположность новымъ, мало по малу поселявшимся около нихъ. Въ исторіи города, если только историческія данныя или легенды восходятъ до его первоначальнаго возникновенія, мы обыкновенно находимъ такую стадію, когда новые пришельцы свободно допускаются къ участію во всѣхъ правахъ гражданства, а за этой стадіей слѣдуетъ другая, когда права эти дѣлаются слишкомъ драгоценными для того, чтобы ихъ раздавать зря. Первая стадія изображается въ исторіи Рима легендой объ убійствѣ Ромула. Вторая стадія съ большею достовѣрностію представляется намъ въ исключительномъ господствѣ аѣинскихъ эвпатридовъ и римскихъ патриціевъ. Первоначальные граждане сохраняютъ за собой всѣ преимущества и такимъ образомъ дѣлаются аристократическимъ сословіемъ среди непривилегированнаго сословія плебеевъ, которые постепенно собрались вокругъ нихъ. Постепенное уничтоженіе всѣхъ слѣдовъ этого первоначальнаго неравенства было дѣломъ основателей демократіи. Но тутъ опять мы можемъ замѣтить характеристическое различіе между Аѣинами и Римомъ. Въ Аѣинахъ всѣ различія этого рода были совершенно уничтожены; всякій слѣдъ неравенства былъ стертъ; всякая государственная должность безъ исключенія стала доступна каждому гражданину. Эвпатридскіе роды сохранились какъ религіозные и общественные союзы, хранящіе священныя преданія, связывавшія ихъ съ ихъ легендарными праотцами. Нѣкоторые особенныя жреческія должности все еще оставались наслѣдственными въ

отдѣльныхъ родахъ. Но каждая должность сколько нибудь причастная политической власти была доступна каждому гражданину безъ различія происхожденія и богатства. Но также вѣрно и то, что долго еще послѣ установленія чистой и полной демократіи народное собраніе, располагавшее каждою должностью по своей суверенной волѣ, обыкновенно выбирало членовъ старинныхъ родовъ прямо въ совѣтники и военачальники республики. Нельзя найти болѣе убѣдительнаго доказательства этого вліянія, присущаго происхожденію и богатству, переживающаго уничтоженіе всѣхъ юридическихъ различій, которое законъ не можетъ ни установить, ни уничтожить. Народъ, по своей собственной волѣ, ставилъ во главѣ у себя людей того же самаго класса, который при прежнемъ порядкѣ правилъ народомъ противъ его воли. Перивъль, Нивій, Алквивіадъ были люди весьма различные по ихъ характеру, весьма различные по ихъ отношенію къ народному правленію. Но всѣ одинаково были люди стариннаго происхожденія, которые, какъ люди родовитые, достигали, почти какъ по правилу, тѣхъ высшихъ государственныхъ должностей, до которыхъ Клеопъ достигъ только по особенной игрѣ судьбы.

Совершенно другое мы видимъ въ Римѣ. Здѣсь, также какъ и въ Аѣинахъ, нравственное вліяніе знати пережило ея законныя преимущества; но мало этого, и законныя привилегіи старинной знати никогда не были вовсе уничтожены, а присущее римлянамъ уваженіе къ знатному происхожденію повело къ образованію новой молодой знати. Въ Аѣинахъ первая стадія реформы замѣнила родовую знать знатію богачей; другая стадія уничтожила и различіе по богатству. Но реформа, въ каждой своей стадіи, была общаю; она касалась одинаково всѣхъ должностей, за исключеніемъ тѣхъ священныхъ сановъ, которые все еще оставались наслѣдственнымъ достояніемъ извѣстныхъ почтенныхъ родовъ. Въ Римѣ перемѣна совершалась мало по малу. Ни одинъ законъ не дѣлалъ всѣхъ должностей доступными плебеямъ. Одна за другой, то та, то другая должность дѣлались имъ доступны; но въ отношеніи нѣкоторыхъ должностей никогда не было издано такого спеціальнаго постановленія; эти должности разсматривались поэтому, какъ исключительное достояніе патриціевъ. Между

жреческими должностями, понтификать, должность пожизненная и косвенно имѣвшая большое политическое значеніе, была доступна плебеймъ и замѣщалась, подобно древнѣйшимъ магистратамъ, по выбору народа. Такъ и авгурумъ, какъ это знаетъ весь міръ, былъ плебей Цицеронъ. Но фламинги, религиозная святость которыхъ была велика, а политическое значеніе не велико, оставались до конца исключительно патриціанскою должностью. А между свѣтскими должностями, курульные эдилы, преторы, цензоры и диктаторы всѣ свободно могли быть замѣщаемы плебеями; но та временная должность, въ которой на рѣдкіе и небольшіе промежутки времени вновь дѣлалась видимой царская власть, никогда не была открыта плебеймъ. *Interrex* не только до конца оставался исключительно патриціанскою должностью, но и въ выборѣ его принимали участіе только одни патриціи. Въ вполне развитомъ государствѣ *interregnum*, междуцарствіе наступало такъ рѣдко, что можетъ быть ни одному реформатору и въ голову не приходило издать специальное узаконеніе о допущеніи плебеевъ въ занятію должности *интеррекса* ⁸⁾. А, при отсутствіи такого спеціальнаго постановленія, при замѣщеніи должности необходимо было ограничиваться одними патриціями, совершенно такъ же, какъ это было и въ отношеніи консуловъ до законовъ Лицинія. Этотъ способъ преобразованія по частямъ, и необходимо вытекающія отсюда случайныя аномалии составляютъ особенную характеристическую черту римскаго государственнаго строя, такъ же какъ и нашего, англійскаго. И это составляетъ рѣшительную ротивуположность симметрической демократіи Аѳинъ.

Въ Римѣ мы можемъ также замѣтить образованіе новой служебной знати послѣ того, какъ исключительныя привилегіи стараго патриціата уже исчезли; ничего подобнаго не было въ Аѳинахъ, но полнѣйшую параллель этому явленію мы находимъ въ нашей собственной исторіи. Римскій плебсъ, состоявшій въ такой значительной степени изъ жителей союзныхъ и завоеванныхъ городовъ, жителей, которые были въ массѣ допущены къ пользованію плебейскою свободою, естественно заключалъ въ себѣ много родовъ, которые по богатству и по знатности были равны чистѣйшимъ патриціямъ. Та-

кой классъ едва ли могъ существовать въ такой же по крайней мѣрѣ степени въ демократической республикѣ Аѳинъ. Послѣ соединенія аттическихъ селеній, гражданская территория Аѳинъ никогда больше не увеличивалась и простые свободные, коммонеры, плебеи, должны были тамъ главнымъ образомъ состоять изъ поселенцевъ въ самомъ городѣ. Слѣдовательно мы не находимъ въ Аѳинахъ ничего соответствующаго плебейскимъ родамъ Лутация, Помпея и Октавія, Порція изъ Тускула и Туллія изъ Арпина. Когда высшія должности стали доступны плебеямъ, они замѣщались главнымъ образомъ лицами, принадлежащими къ этой плебейской знати, и въ силу этого, вмѣстѣ съ старыми патриціями, образуется новая знать. Каждый потомокъ лица, занимавшаго курульную должность, патриція или плебея—все равно быть *pobilis*; онъ имѣлъ *jus imaginum*, право выставлять изображенія своихъ предковъ, занимавшихъ высшія должности, и число ихъ опредѣляло степень знатности. Такимъ образомъ образовался новый знатный классъ, не надѣленный никакими законными привилегіями, мало по малу также рѣзко обозначившійся на практикѣ, какъ прежде патриціи, и смотрѣвшій, какъ и они, на занятіе высшихъ должностей какъ на свое исключительное право. Въ послѣднее время республики консульство новаго человѣка, человѣка, предки котораго никогда не занимали курульныхъ должностей, хотя и не было запрещено никакимъ закономъ и хотя такимъ новымъ человѣкомъ могъ быть самъ Кай Марій, всетаки представлялось такимъ же необыкновеннымъ дѣломъ, какъ нѣкогда консульство Лутация или Лицинія⁹⁾. Родовая знать замѣнилась знатью служебной, и эта служебная знать сама превратилась въ родовую.

Параллель этой переменѣ въ нашей собственной исторіи можетъ быть найдена въ замѣнѣ старинной, существовавшей съ незапамятныхъ временъ знати ирловъ, *eorlas*, происхождение и характеръ которой одинаково скрыты туманомъ глубочайшей древности, новою служебною знатью тановъ, *thegnas*. Ирлы, патриціанская знать въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, замѣнились въ Англіи классомъ, наполнявшимся новыми родами по выбору короля, такъ точно какъ въ Римѣ патриціи замѣнились новою знатью, пополнявшеюся по выбору народа.

Но происхождение самих тановъ представляетъ одну изъ ближайшихъ аналогій английской исторіи, если не съ римской, то съ ахейской древностью. Объ этой аналогіи я уже такъ много говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что здѣсь могу ограничиться немногими словами. Comitatus представляется у Тацита какъ одно изъ первобытныхъ учреждений германской расы и *gesidhas*, въ позднѣйшей формѣ *thegnas* германской древности, личная дружина короля, старѣйшины или начальника, составляютъ полную параллель *ἑταῖροι* и *Θεράποντες* ахейцевъ Гомера¹⁰⁾. Параллель тутъ такъ близка, какъ только она могла быть; только не слѣдуетъ думать, чтобы институтъ *comitatus* достигъ когда въ Греціи такого же политическаго значенія, какового онъ достигъ въ Англій. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эти сподвижники начальниковъ, такъ выдѣляющіеся въ разсказѣ Гомера, послужили зерномъ той позднѣйшей знати, каковую мы находимъ въ греческихъ городахъ. Ничто не даетъ намъ основанія думать, чтобы *ἑταῖροι* и *Θεράποντες* Тезея или Менестея. Дѣйствительно *comitatus* это такое учрежденіе, которое плохо приспособлено къ атмосферѣ городского быта. Оно предполагаетъ установленіе личнаго главенства; для него необходимо существованіе личнаго главы, вокругъ котораго оно могло бы сложиться. Но духъ гражданской аристократіи стремится къ равенству своихъ собственныхъ членовъ; она окружаетъ цѣлое правящее сословіе зависимымъ классомъ, но она не склонна окружать отдѣльныхъ лицъ лично зависимыми отъ нихъ людьми. Тѣ же самыя причины, которыя такъ рано привели къ исчезновенію въ греческихъ государствахъ царской власти, воспрепятствовали и *comitatus*, этой естественной принадлежности царской власти, занять сколько нибудь значительное мѣсто въ позднѣйшей греческой исторіи. У германскихъ народовъ дѣло было совершенно иначе. Какъ царская власть крѣпла и развивалась, такъ крѣпла и развивалась вмѣстѣ съ нею и *comitatus*, до тѣхъ поръ, пока въ нѣкоторыхъ странахъ король на нѣкоторое время не замѣнился его собственными дружинниками. Comitatus, дружина, въ той или другой формѣ, сдѣлалась основаніемъ всѣхъ формъ знати въ западной Европѣ, если не относить къ западно-европейской знати одно изъ

самыхъ гордыхъ сословій — городской патриціатъ островнаго Рима на лагунахъ Венеціи. У насъ въ Англіи королевскіе таны дѣлаются дѣйствительно правящимъ сословіемъ, такъ что старая знать eorlas забывается и названіе это присваивается лицамъ, занимающимъ ближайшее къ королю положеніе, высшимъ сановникамъ, которые прежде носили болѣе древній титулъ элдерменовъ ¹¹⁾. Изъ того, что самое названіе тановъ, thegn, по первоначальному своему значенію обозначающее просто служащаго, слугу позднѣе означаетъ знатнаго или благороднаго, — изъ этого уже можно видѣть, насколько эта новая знать проникнута идеей службы ¹²⁾. Какъ было у насъ, такъ было и у сродныхъ намъ народовъ за моремъ. Дружинники, антрустіоны франкскихъ королей, превратились мало по малу въ позднѣйшую знать феодальныхъ вассаловъ. Подъ строгой рукой первыхъ Карловинговъ королевская власть сохранилась, но когда королевства отдѣлились другъ отъ друга, когда должности превратились въ лены, когда государство превратилось въ союзъ вотчинниковъ и вассаловъ различныхъ сановъ, суверенъ сдѣлался просто высшимъ вотчинникомъ между ними; новая знать не только вытѣснила старую, но сокрушила и самое государство и его главу; она поработила себѣ какъ народъ, такъ и короля ¹³⁾. И достойно замѣчанія, что какъ разъ въ это переходное время, когда старая знать уже падала, а новая только что возникла, происхожденіе представляется имѣющимъ меньше чѣмъ когда либо значенія, и съ наибольшею легкостью выдвигались люди незнатнаго происхожденія ¹⁴⁾. Но когда пришло время образованію новой знати, она развилась скорѣе и полнѣе поглотила всѣ болѣе древніе и болѣе здоровые элементы, нежели какъ это было въ Англіи. Въ Англіи, при нашихъ природныхъ короляхъ, проявлялось стремленіе къ болѣе тѣсному единству, между тѣмъ какъ въ Галіи проявлялось стремленіе къ разьединенію. А если и были какія стремленія въ противоположномъ направленіи, то твердая рука завоевателя, даже расширяя феодальныя понятія и феодальныя отношенія, озаботилась о томъ, чтобы они никогда не могли угрожать ни власти короля, ни безопасности королевства.

Если обратиться къ Риму, мы найдемъ тамъ лишь сла-

бые слѣды *comitatus* въ его ахейскомъ или тевтонскомъ видѣ. Можетъ быть преданность римлянъ государству и одному только государству помѣшала развитію учрежденія, основаннаго исключительно на личной связи людей во всякомъ случаѣ равныхъ или почти равныхъ по достоинству, какъ Ахиллъ и Патрокль, какъ Бритнотъ (*Brihtnoth*) и таны, павшіе вмѣстѣ съ нимъ при Мальдонѣ. Однако мы можемъ видѣть нѣчто подобное въ особыхъ тѣлохранителяхъ изъ знатныхъ юношей, которые по преданію окружали древнихъ царей и диктаторовъ, Ромула на томъ мѣстѣ, которое стало мѣстомъ римскихъ комедій и Авла Постумія во время сраженія при Региллѣ¹⁵). Кліентскія отношенія также происходятъ отъ такой же личной связи, какъ и *comitatus*; но только тутъ то существенное различіе, что кліенты отдѣлялись непереходимой пропастью отъ своихъ патроновъ. Въ греческой и германской дружинѣ съ увеличеніемъ возраста и заслугъ дружинники могъ сравняться съ своимъ предводителемъ; но ничто не могло поднять кліента на одинъ уровень съ его патрономъ. Патрицій никогда не могъ унизиться до положенія кліента; и сомнительно, чтобы въ древнѣйшее время республики это могло быть и вообще съ полноправнымъ гражданиномъ. Однако униженное кліентство римскихъ патриціевъ и благородная дружина эллинскихъ или германскихъ предводителей могли дѣйствительно происходить изъ одного и того же источника и быть оба частями общаго первоначальнаго наслѣдія. Если это было такъ, то это показываетъ, какъ легко учрежденія, бывшія въ своемъ возникновеніи однимъ и тѣмъ же, могутъ при различныхъ обстоятельствахъ развиваться въ различныхъ направленіяхъ. Есть что то романтическое, рыцарственное, сантиментальное—ни одно изъ этихъ словъ не выражаетъ хорошо идеи, но—я не знаю болѣе подходящихъ какъ въ древнемъ эллинскомъ, такъ и въ древнемъ германскомъ быту. Ничего подобнаго нѣтъ въ чисто-политическомъ обществѣ Рима. Это тоже самое различіе, какъ и то, которое я уже указывалъ между римскимъ царемъ и его эллинскими или германскими собратьями. Различіе это безъ сомнѣнія отчасти происходитъ отъ того, что наши первыя свѣдѣнія какъ объ эллинскомъ, такъ и о германскомъ бытѣ относятся къ болѣе древней эпохѣ, не-

жели наши первыя свѣдѣнія о бытѣ римскомъ. Но этимъ не исчерпывается все. Учрежденія эти подвергаются совершенно различной судьбѣ у трехъ этихъ народовъ сообразно особеннымъ обстоятельствамъ каждаго изъ нихъ. Въ германской Европѣ учрежденіе это развивается и процвѣтаетъ; оно дѣлается основой знати; оно дѣлается главнымъ элементомъ въ установленіи того, что, за недостаткомъ лучшаго слова, мы можемъ назвать феодалнымъ обществомъ. Оно развивалось и процвѣтало потому, что личное предводительство, которое оно предполагаетъ, также развивалось и процвѣтало. Оно достигло высшей степени своего вѣшняго блеска, хотя его дѣйствительный духъ уже исчезалъ, при коронаціи средневѣковаго императора, когда короли и избиратели (electors) обязывались своей личной службой помазанному владыкѣ міра. Въ Греціи, съ другой стороны, дружина вымираетъ также, какъ вымираетъ и царская власть. Ахиллесъ и Менелай имѣютъ thegnas и gesidhas; ничего подобнаго мы не видимъ вкругъ Мильтіада или Эпаминонда; но опять находимъ дружину въ свитѣ, окружавшей Александра Македонскаго ¹⁶). Въ силу суроваго, практическаго, политическаго духа Рима, учрежденіе это приняло здѣсь другую и худшую форму. Общая идея, составляющая основаніе всего этого учрежденія, сохранилась. И тутъ было отношеніе вѣрной службы съ одной стороны и вѣрнаго поврительства съ другой; но это отношеніе является здѣсь въ такой формѣ, въ которой совершенно исчезло все то, что дѣлаетъ дружину, comitatus, основаніемъ современнаго общества. Клиентъ это истинный танъ; патронъ—это истинный hlaford; но его таны буквально служители, и такое низкое положеніе пригодно только вольноотпущеннику, иностранцу, и по бѣльшей мѣрѣ гражданину самаго низшаго класса.

Изъ этого учрежденія comitatus развилось дворянство новой Европы, и въ особенности древне-англійское сословіе тановъ, которое замѣнило собою болѣе древнюю знать ирловъ. Въ Англии, какъ и въ Римѣ, служебная знать замѣстила знать родовую: только въ римской республикѣ это была служебная знать, назначавшаяся народомъ, между тѣмъ какъ въ англійскомъ королевствѣ это была служебная знать, назначавшаяся королемъ. Король не могъ, строго говоря; сдѣлать кого-

нибудь ирломъ, потому что онъ не могъ измѣнить предковѣ челоуѣка, но онъ могъ сдѣлать таномъ, какъ теперъ можетъ сдѣлать герцогомъ. Но что помѣшало такимъ образомъ сложившейся знати сдѣлаться настоящей, сословной знатью? Что спасло насъ отъ дворянства, noblesse или Adel въ иностранномъ смыслѣ? Потому что, повторяю, въ Англіи нѣтъ дворянства въ собственномъ смыслѣ слова; у насъ нѣтъ класса, который сохранялъ бы изъ поколѣнія въ поколѣніе исключительныя привиллегіи, политическія или соціальныя. Наше пэрство не составляетъ дворянства въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ другихъ странахъ. Пэрство это такое достоинство, котораго можно достигнуть, но вмѣстѣ и такое, что потомки наслѣдственныхъ его обладателей могутъ потерять его. Политическая привиллегія можетъ принадлежать сразу лишь одному члену фамиліи; почетныя преимущества не распространяются далѣе одного или двухъ поколѣній. Поэтому пэрство не составляетъ дворянства въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ всѣ потомки дворянина навсегда сохраняютъ дворянство. Почему же англійское танство (thegnhood) не развилось въ такое дворянство, какое въ другихъ странахъ развилось изъ тѣхъ же элементовъ? Объясненіемъ этому безъ сомнѣнія служить то, что норманское завоеваніе отодвинуло туземное танство, развивавшееся дворянство Англіи, на второстепенное мѣсто въ политической и общественной іерархіи. Это дало намъ средній классъ, распространенный по всей странѣ. Между тѣмъ какъ въ большинствѣ континентальныхъ странъ только въ привилегированныхъ городахъ существовалъ классъ населенія, средній между благородными и крестьянами, часто даже не между благородными и мужиками; въ Англіи прежніе вотчинники земли отгѣснились такимъ образомъ на второе мѣсто, образовали значительное сословіе свободныхъ землевладѣльцевъ, фригольдеровъ, мужественное джентри и крестьянство (yeomanry) Англіи, составлявшее въ теченіи столь многихъ вѣковъ силу страны. Но отчего не образовалось дворянство континентальнаго типа изъ самихъ норманскихъ завоевателей? Великій законъ Вильгельма, который дѣлалъ каждаго подданнаго въ государствѣ поданнымъ короля, есть главная этому причина; и какъ ни важется это парадоксально, я думаю,

что дѣйствительная власть и достоинство пэрства теперь значительно содѣйствовало этому. Въ другихъ странахъ дворянство первоначально имѣло значеніе особаго достоинства, особыхъ преимуществъ, съ которыми политическое могло соединяться или нѣтъ. Но въ англійскомъ пэрствѣ первоначальной идеей является политическая власть; санъ и преимущества — только придатки. Пэръ обладаетъ не простымъ саномъ, который онъ могъ бы раздѣлить съ своими нисходящими; онъ занимаетъ должность, которая послѣ его смерти переходитъ къ его ближайшему наслѣднику, но которой онъ не можетъ раздѣлить при жизни съ кѣмъ либо другимъ. Слѣдовательно пэръ не просто знатный сановникъ, но законодатель, совѣтникъ, судья, онъ занимаетъ въ государствѣ особенное мѣсто, которое его дѣти, также какъ и всякій другой, не могутъ съ нимъ раздѣлить. Поэтому въ Англіи мы имѣемъ только два класса, пэры и коммонеры, имѣющие и неимѣющие сана и авторитета пэра. Дѣти пэра принадлежатъ къ послѣднему разряду, точно также какъ и другіе люди; поэтому и они коммонеры. Истинное существованіе самого пэрства мѣшаетъ существованію дворянства въ собственномъ смыслѣ слова.

Еслибы слѣдовательно норманскаго завоеванія не было, то очень вѣроятно, что природное танство Англіи развилось бы въ дворянство того же типа, какъ и на континентѣ. Если бы мудрость норманскаго завоевателя не сохранила наши древнія учрежденія, если бы палата лордовъ нашей повдвѣйшей конституціи не могла развиться изъ витена-гемотъ нашей прежней конституціи, то весьма вѣроятно, что изъ самихъ норманскихъ завоевателей развилось бы дворянство континентальнаго типа. Но такъ какъ этого не случилось, то мы имѣемъ не дворянство, а пэрство; я могъ бы почти сказать, что мы имѣемъ аристократію. Я говорю почти, а не совершенно, потому что Англія королевство, а не республика. Я какъ-то слышалъ, какъ говорили, будто въ республикѣ не можетъ быть иной аристократіи, какъ только „аристократіи богатства“. Я считаю это мнѣніе самымъ неосновательнымъ. Его можно поставить наряду съ другимъ мнѣніемъ, будто древній Бернъ долженъ былъ быть демократіей, потому что былъ республикой. Скорѣе можно сказать, что только въ республикѣ и мо-

жетъ существовать настоящая аристократія. Коринѣ и Римъ, Венеція и Генуя, Бернъ и Нюренбергъ подтверждаютъ это. Дворяне, которые пресмыкались при дворѣ великаго короля въ Парижѣ или при дворѣ мелкихъ его подражателей въ маленькихъ деспотіяхъ Германіи и Италіи, не имѣютъ права называться аристократіей. Аристократія есть правленіе лучшихъ; но тѣ не были лучшими, и не имѣли власти. Но въ аристократическихъ республикахъ, въ горделивомъ городѣ, что возвышался на волнахъ Адриатики, въ едва-ли менѣе гордомъ городѣ, что смотритъ со своего полуострова на снѣжныя вершины нѣкогда вассальныхъ ей горъ, въ византійской Венеціи и въ германскомъ Бернѣ, существовалъ такой порядокъ, который безъ большой натяжки можетъ быть названъ правленіемъ лучшихъ. Я не скажу, правда, чтобы это было правленіе нравственно лучшихъ, но лучшихъ въ томъ смыслѣ, что какъ ни было сѣужено правленіе этихъ государствъ и власть сосредоточена въ замкнутыхъ родахъ, эти роды по крайней мѣрѣ умѣли править и сохранять это умѣнье изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ихъ правленіе было само по себѣ несправедливо, такъ какъ оно было правленіемъ исключительнымъ, правленіемъ меньшинства, правленіемъ эгоистическимъ. Оно было часто притѣснительнымъ; но въ немъ никогда не было того неистоваго и безцѣльнаго угнетенія народа, которое такъ часто встрѣчается со стороны единоличнаго деспота. Оно было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе оскорбительнымъ, нежели господство деспота, но это было такъ просто потому, что господство одного уже само по себѣ менѣе оскорбительно, нежели господство многихъ. Но въ отношеніи къ членамъ правящаго сословія, никакая другая форма правленія не способна такъ воспитывать правителей, какъ эта. Патрицій былъ рожденнымъ правителемъ; но онъ долженъ былъ править не по собственному капризу, а согласно законамъ правящаго сословія, въ которомъ онъ былъ лишь однимъ членомъ изъ многихъ ¹⁸). Такая система ограничиваетъ власть особенно выдающихся людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возвышаетъ и устанавливаетъ власть всѣхъ другихъ людей. Она препятствуетъ развитію героевъ и исключительно великихъ людей, но она обезпечиваетъ развитіе дѣлаго преемственнаго ряда людей, достаточно великихъ для ихъ

собственнаго положенія, но не слишкомъ великихъ. Въ аристократической республикѣ нѣтъ мѣста Периклу; въ ней нѣтъ мѣста народу, который бы слушалъ Перикла, но нѣтъ формы правленія болѣе плодотворной людьми средней руки, искусными консервативными администраторами, людьми способными поддерживать тотъ порядокъ, какой они находятъ уже установившимся. Но когда право поддерживать правящій классъ свѣжей кровью или вовсе не существуетъ или осуществляется лишь изрѣдка, то такая республика обыкновенно вырождается наконецъ, хотя причины вырожденія тутъ не совсѣмъ тѣ же, что приводятъ къ вырожденію демократическія республики. Эпоха процвѣтанія аристократической республики можетъ быть дольше нежели въ демократіи, но ея паденіе еще болѣе безнадежно. Когда ея правящіе роды вымираютъ, когда остающіеся лишаются своей силы — два процесса, которые раньше или позже постигаютъ всякое замѣнутое сословіе — осадокъ олигархіи дѣлается еще хуже чѣмъ осадокъ демократіи. По крайней мѣрѣ есть нѣкоторое различіе по достоинству и мужеству между паденіемъ Венеціи и паденіемъ Унтервальдена.

Я настаиваю слѣдовательно, что аристократія въ ея истинномъ смыслѣ, есть нѣчто существенно республиканское, нѣчто такое, по отношенію къ чему монархическое государство можетъ представить лишь слабое приближеніе. Если монархическое государство становится аристократическимъ, какъ напр. Англія въ нѣкоторыя эпохи, то это совершается лишь по мѣрѣ того, какъ съ уменьшеніемъ власти и короны и народа, оно приближается къ республиканской формѣ въ рукахъ извѣстныхъ правящихъ родовъ. Правленіе подобное старой французской монархіи, гдѣ дворянство пользуются ненавистными народу общественными и гражданскими привилегіями, но гдѣ эти привилегіи не даютъ никакой политической власти, не есть аристократическое правленіе въ политическомъ смыслѣ. Гдѣ сторонняя власть, какъ власть короля, можетъ возводить въ дворянское достоинство, и гдѣ эта сторонняя власть есть политически высшая, тамъ нѣтъ аристократіи въ томъ смыслѣ, какое это слово имѣло въ устахъ греческихъ мыслителей. Польша и Швеція въ нѣкоторыя эпохи своей исторіи ближе подходили къ аристократическому правленію, нежели

какое либо другое государство, признававшее королевскую власть. Но венеціанскій аристократъ едва ли бы призналъ ихъ государственное устройство родственнымъ со своимъ собственнымъ. Истинная аристократія, аристократія республиканская, можетъ, какъ мы видѣли, возникнуть различнымъ образомъ. Сословіе древнѣйшихъ гражданъ, подобное первоначальному патриціату Рима, можетъ сохранить—на время или навсегда—всю политическую власть республики въ своихъ собственныхъ рукахъ, исключая отъ участія въ ней простыхъ гражданъ свопляющихся вокругъ него. Въ городѣ позднѣйшаго происхожденія, какъ Бернъ, гдѣ элементъ знати имѣется въ населеніи съ самаго начала, можетъ развиваться патриціатъ, который постепенно сосредоточиваетъ всю власть въ свои руки. Или, безъ всякаго отношенія въ древнѣйшей знати, патриціатъ можетъ, какъ въ Венеціи, образоваться изъ среды самихъ гражданъ просто посредствомъ присвоенія по закону или только на практикѣ извѣстной должности потомкамъ опредѣленныхъ родовъ, которые добились исключительнаго обладанія ею. Но, разъ патриціатъ возникъ однимъ изъ этихъ способовъ, то уже по самому его существу ни одинъ новый членъ не можетъ быть принятъ въ сословіе иначе, какъ самимъ этимъ сословіемъ. Немногія аристократіи были на столько исключительны, чтобы никогда не допускать къ участію въ ихъ привилегіяхъ новые роды или отдѣльныхъ лицъ. Родъ Клавдѣвъ въ Римѣ, родъ Морлотъ въ Бернѣ были иностранцами принятыми не только въ граждане, но и въ патриціи. А въ Венеціи и Нюрнбергѣ новые роды, до послѣднихъ дней республики, принимались отъ времени до времени въ среду правящаго сословія¹⁹⁾. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ аристократія расширялась въ силу своего собственнаго желанія и дѣйствія, осуществляя свою верховную власть. Когда дворянское сословіе можетъ быть расширено по сторонней волѣ единоличнаго суверена, тогда дворянство не есть исключительно и самостоятельно правящее сословіе въ государствѣ. Въ государствѣ, которое имѣетъ своимъ главой короля можетъ существовать пэрство; можетъ существовать дворянство; но въ немъ, если, употреблять слова въ ихъ истинномъ значеніи, не можетъ быть аристократіи.

Эта послѣдняя лекція по необходимости будетъ отрывочна.

Я имѣю теперь въ виду лишь отмѣтить нѣкоторыя аналогіи, которыя мы находимъ между особенными учрежденіями тѣхъ народовъ, что составляютъ предметъ нашихъ изслѣдованій. Позвольте взять для примѣра установленіе виры, платы за кровь. Это одно изъ тѣхъ установленій, которое мы имѣемъ полное основаніе разсматривать какъ общее всей арійской семьѣ. Уголовное правосудіе, которое въ высоко-цивилизированныхъ обществахъ принимаетъ такой утонченный видъ, развилось изъ того чувства частной мести, предупрежденіе и даже наказаніе котораго составляетъ при полномъ его развитіи одну изъ главныхъ его задачъ. Совершенно убійство; чувство мести возбуждено; право—и даже обязанность по ихъ воззрѣнію — отомстить за убитаго естественно падаетъ на тѣхъ, кто больше всего теряетъ съ его смертию, на его ближайшихъ родственниковъ, членовъ его семьи или хозяйства. По мѣрѣ того, какъ политическій и общественный союзъ расширяется, это право и обязанность переходятъ отъ семьи къ роду, общинѣ, народу. И съ каждой новой стадіей, по мѣрѣ того какъ право и обязанность мести переходить такимъ образомъ къ людямъ, все менѣе и менѣе побуждаемымъ простою страстью, самая мечь все болѣе и болѣе теряетъ характеръ мести, и все болѣе и болѣе принимаетъ тотъ характеръ, какой имѣетъ наказаніе во исполнѣ цивилизованныхъ обществахъ, характеръ предупредительнаго и исправительнаго вмѣшательства общественной власти ради общаго блага. Такъ и по отношенію къ другимъ преступленіямъ; въ естественномъ состояніи каждый обиженный долженъ разсчитываться съ обидчикомъ собственной силой; каждый лично пользуется правомъ мира и войны. И точно такъ же по мѣрѣ того, какъ общественный и политическій союзъ расширяется, обида каждаго отдѣльнаго человѣка касается уже не одного его, но касается также рода, общины, народа. Такимъ образомъ, мало по малу, право каждаго отдѣльнаго человѣка защищать себя противъ обидчика развивается въ право государства защищать себя противъ преступленій, совершаемыхъ его собственными членами, законнымъ наказаніемъ, а противъ обидъ со стороны другихъ государствъ — правильной войной. Но только въ высоко развитыхъ обществахъ право частной мести исчезаетъ совершенно, а право самозащиты т. е. право част-

ной войны—сохраняется въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ крайней необходимости. Наме законодательство, законодательство всякой страны постановляетъ, что только въ крайнихъ случаяхъ убійство совершенное для самообороны не составляетъ преступленія. Это значитъ, что гражданинъ всегда обязанъ представлять государству дѣло защиты, когда только государство можетъ оказать ему защиту: но въ томъ случаѣ, когда государство не можетъ оказать ему защиты, естественное право оживаетъ и гражданинъ можетъ самъ защищать себя. Но только на высшей стадіи цивилизаціи естественныя права частной мести и частной войны могутъ быть ограничены этими крайне тѣсными предѣлами. Долгое время государство вступается не съ тѣмъ, чтобы запрещать, а съ тѣмъ лишь, чтобы регулировать и смягчать признаваемое имъ естественное право. Моисеевъ законъ безусловно допускаетъ право кровной мести: онъ ограничивается лишь указаніемъ опредѣленныхъ городовъ, служащихъ убѣжищемъ, куда убійца можетъ бѣжать и тамъ укрыться отъ опасности. Если онъ будетъ настигнутъ раньше, чѣмъ достигнетъ убѣжища, законъ не ставитъ никакихъ препятствій рукѣ мстителя ²⁰). Наши собственные древніе законы, и древніе законы большинства народовъ, не запрещаютъ безусловно примѣненія частнаго насилія, они только ограничиваютъ это право извѣстными крайними случаями, извѣстными неискуемыми преступленіями, извѣстными случаями, когда законныя средства были испытаны, но не привели къ желанной цѣли. По закону какъ Аѳинъ, Рима, такъ и Англіи, человекъ могъ безнаказанно убить того, кто осквернить чистоту его очага ²¹). По закону какъ Аѳинъ, такъ и Рима каждый гражданинъ могъ убить тирана, который подчинить республику своему игу и сдѣлаетъ законъ безсильнымъ въ защитѣ и въ мести ²²). Въ случаяхъ преступленій между гражданами государство вступается какъ посредникъ, прежде нежели оно вступается какъ судья. Оно пытается убѣдить обиженного умѣрить нѣсколько свой гнѣвъ на обидчика; оно старается склонить его удовлетвориться чѣмъ-нибудь меньшимъ, нежели полное удовлетвореніе его мести; оно постепенно опредѣляетъ размѣръ той компенсаціи, того вознагражденія, какимъ обиженный долженъ удовольствоваться. Но только

тогда, когда цивилизація достигаетъ дѣйствительно высокой степени, мсть обиженнаго вполне уступаетъ мѣсто посредническому вмѣшательству государства и каждое преступленіе разсматривается какъ преступленіе противъ государства, почему и наказаніе становится уже дѣломъ государства и одного только государства.

Судебный поединокъ представляетъ лишь регулированный видъ частной войны; хотя и вышедшій давно изъ употребленія, но формально отмѣненный статутомъ лишь въ этомъ столѣтіи. Это было не болѣе какъ признанное право мести, хотя и признанное въ такой формѣ, которая придавала ему нѣкоторый характеръ законнаго суда. Обвиненіе при этомъ предъявлялось обиженнымъ лицомъ отъ собственнаго имени; онъ искалъ удовлетворенія за частную обиду и, какъ потерпѣвшій, онъ имѣлъ право простить обидчика. И эта форма суда сохраняется на ряду съ такой, какая одна только и прилична намъ, въ которой преступленія считаются обидой королю, какъ главѣ государства, въ которой преслѣдованіе преступника совершается отъ имени короля и одинъ только король имѣетъ право помиловать ²³). Въ греческой и римской древности мы не находимъ вовсе или лишь немногіе слѣды такого ограниченія частной войны, принявшаго форму судебного поединка, а потомъ выродившагося въ болѣе низкую форму частной дуэли. Это есть, вѣроятно, одинъ изъ результатовъ сравнительно болѣе быстрого хода развитія въ городскихъ республикахъ Греціи и Италиі, нежели въ племенномъ быту германцевъ. Но древнее римское право признаетъ принципъ возмездія, *talio*, Моисеево ученіе: око за око, зубъ за зубъ; оно признаетъ за обиженнымъ право или осуществить мсть, или пойти на какую нибудь сдѣлку ²⁴). Это приводитъ насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ институту виры, институту общему и Греціи Гомера и Германіи Тацита, и составляющему, безъ сомнѣнія, часть первичнаго арійскаго наслѣдія. Вира есть замѣна чувства мести менѣе свирѣпнымъ, хотя и болѣе низкимъ чувствомъ, корыстолюбіемъ. Человѣкъ, подвергшій свою жизнь опасности мести со стороны обиженнаго родственника, могъ, быть можетъ, умѣрить его мсть, предлагая въ выкупъ дары; онъ могъ искупить за извѣстную цѣну свою

жизнь. Въ эпоху Гомера, человекъ, сынъ или отецъ котораго былъ убитъ, могъ—а можетъ быть и былъ обязанъ—принять предлагаемый убійцей выкупъ, и убійца, уплатившій пеню, могъ мирно прожить среди народа²⁵). Повидимому это надо понимать такъ, что по крайней мѣрѣ обычай требовалъ, чтобы предложенное вознагражденіе было принято. Это былъ уже шагъ впередъ, сравнительно съ сходнымъ правомъ войны той же эпохи, по которому побѣдитель могъ принять отъ побѣжденнаго дань взаменъ его крови, но могъ также и убить его, не вызывая упрековъ²⁶).

Дальнѣйшее вмѣшательство государства выражается въ томъ, чтобы закономъ обязать къ принятію вознагражденія, и быть можетъ такъ же въ томъ, чтобы опредѣлить размѣръ вознагражденія, дабы обиженный не вымогалъ отъ обидчика все, что только можетъ. Въ нашихъ древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о германскомъ правѣ мы находимъ, какъ кажется, еще дальнѣйшее развитіе; преступленіе признается обидой государству, также какъ и отдѣльной личности, и король или другой глава государства получаетъ свою долю вознагражденія такъ же, какъ и родственникъ убитаго²⁷). Въ нашихъ собственныхъ древнихъ законахъ этотъ предметъ опредѣленъ съ чрезвычайной подробностью. Древнее *talio* уступило мѣсто выработанный системѣ пеней, по которой каждый видъ тѣлесной обиды, малой или большой, можетъ быть искупленъ уплатой опредѣленной суммы денегъ²⁸). И пеня, которая должна быть уплачена за убійство, тщательно сообразована съ личнымъ достоинствомъ убитаго и съ его предполагаемымъ будущимъ значеніемъ. Жизнь cadaго человека, также какъ и клятва, имѣла какую-нибудь цѣну; но жизнь и клятва человека высшаго ранга имѣли больше цѣны, нежели жизнь и клятва человека низшаго ранга²⁹). Цѣна тана равнялась цѣнѣ нѣсколькихъ простолудиновъ и такъ по восходящей лѣстницѣ до высшей пени, какая платилась за жизнь короля. Замѣьте также, что племенные различія также принимаются въ соображеніе, какъ и различія по рангу; въ мѣстностяхъ, гдѣ англѣ и бриты жили рядомъ, кровь англовъ цѣнилась выше, нежели кровь бритовъ того же самого общественнаго положенія³⁰). Замѣйте также, что имѣлось въ виду, чтобы пеня платилась

тому, кто считался пострадавшимъ въ глазахъ закона; за раба платили его хозяину; за свободнаго человѣка его родичамъ; но пеня за королевскую кровь была не только выше, чѣмъ за кровь другихъ людей, но еще и платилась вдвойнѣ: и родичамъ короля, которые лишились своего сородича, и государству, которое лишилось своего главы. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплата виры могла получить значеніе международной виры. Война между независимыми государствами есть просто естественное право самообороны, которое все еще сохраняется въ виду такого положенія вещей, что заинтересованныя стороны не знаютъ надъ собой общей высшей власти, которая могла бы рѣшать ихъ споры. Но отъ мести государства, подобно мести отдѣльнаго лица, можно откупиться, и мы имѣемъ по крайней мѣрѣ въ древней англійской исторіи два случая, что непріятельскій предводитель, шедшій мстить за кровь царственнаго сородича, останавливалъ свое нашествіе по уплатѣ опредѣленной виры, какую обычай установилъ за пролитіе царской крови ³¹). Ни одинъ изъ древнихъ институтовъ не игралъ въ нашихъ старыхъ законахъ болѣе важной роли; и ни одинъ не исчезъ такъ безслѣдно въ современномъ законодательствѣ. Когда государство, и государь какъ его глава, замѣнили самага пострадавшаго и его родичей, когда въ уголовномъ процессѣ—въ отличіе отъ процесса гражданскаго—идея вознагражденія, компенсаціи уступила мѣсто идеѣ наказанія исправительнаго или карательнаго, тогда идея искупленія мести пеней совершенно исчезла. Но не слѣдуетъ забывать, что еще въ пятнадцатомъ столѣтіи частные споры между англійскими дворянами рѣшались открытой схваткой на боевомъ полѣ въ Глочестерширѣ и вдова убитаго получала съ убійцы ея мужа вознагражденіе, которое прежде имѣло бы значеніе виры ³²).

Въ этомъ случаѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ институтъ, который есть вмѣстѣ и греческій и германскій, и притомъ не въ силу подражанія или заимствованія, не въ силу того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ, но въ силу того что греки и германцы одинаково унаслѣдовали его, какъ часть общаго наслѣдія, наслѣдія, которое повидимому не было особенностью одной арійской семьи. Мы можемъ закончить наше обозрѣніе, обратившись къ нѣкото-

рымъ вопросамъ, имѣющимъ болѣе близкое отношеніе въ тому предмету, о которомъ мы говорили въ началѣ этой лекціи. Мы можемъ закончить обзоромъ нѣкоторыхъ поразительныхъ аналогій, замѣчаемыхъ въ политическихъ отношеніяхъ государствъ весьма различныхъ эпохъ и которыя безъ сомнѣнія должны быть объяснены не общимъ ихъ унаслѣдованіемъ изъ извѣстнаго быта, а тѣмъ, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Мы видимъ, что имѣется полное основаніе думать, что различіе внутри государствъ между знатнымъ, свободнымъ и рабомъ,—а можетъ быть и нѣкоторыхъ изъ состояній среднихъ между рабомъ и вполнѣ свободнымъ—есть дѣйствительно часть общаго арійскаго наслѣдія. По крайней мѣрѣ ни исторія, ни легенды не указываютъ на такую эпоху историческаго развитія Греціи, Германіи или Италіи, когда бы не существовало этихъ различій. Но тѣ отношенія, которыя возникали у государства съ другими, непринадлежащими къ нему, отдѣльными лицами или государствами, хотя и представляютъ рядъ весьма поразительныхъ аналогій, суть по необходимости результатъ тѣхъ условій, въ каковыхъ находилось каждое отдѣльное государство, и не могутъ быть разсматриваемы, какъ часть общаго наслѣдія. Мы уже видѣли, что въ то время, какъ въ германскихъ странахъ начали возникать города и въ силу паденія королевской власти стали принимать характеръ независимыхъ республикъ, многія явленія древняго городского быта Греціи снова повторились. Многія изъ этихъ аналогій еще живы въ памяти современниковъ; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и до нашего времени. Въ исторіи города - государства бываетъ обыкновенно эпоха, соответствующая въ римскихъ легендахъ разсказу о томъ какъ, Ромуль открылъ въ Римѣ убѣжище для всѣхъ пришельцевъ, когда новорожденный городъ свободно принимаетъ въ свою среду иностранцевъ, готовыхъ связать свою судьбу съ новой общиной и такимъ образомъ увеличить ея силу. Затѣмъ наступаетъ періодъ, когда право гражданства начинаетъ слишкомъ высоко цѣниться для того, чтобы быть предоставляемымъ каждому желающему, когда первоначальное гражданство преобразуется въ олигархическую корпорацію, окруженную массой населенія, пользующагося

лишь ограниченными правами или вовсе не пользующагося правами гражданства. Постепенно, какъ въ Римѣ, или внезапно какъ въ Афинахъ, неспособные или полу-способные классы достигаютъ равенства въ правахъ со старыми гражданами—и дѣло Клизеена или Лицинія совершается. Или можетъ быть и такъ, что такой революціи не совершается, перемѣна можетъ произойти и другимъ путемъ: масса гражданъ постепенно теряетъ тѣ права, которыми она нѣкогда пользовалась. Это значитъ, что государство можетъ развиваться или въ олигархическомъ, или въ демократическомъ направленіи, но въ обоихъ случаяхъ наступаетъ такое время, когда это развитіе останавливается, когда идея общаго распространенія права гражданства дѣлается неслыханной вещью, когда право гражданства аристократическое или демократическое становится наследственной привилегіей, которая теперь предоставляется развѣ въ видѣ особой милости, въ видѣ награды за особые заслуги. Такимъ образомъ возникаетъ классъ исключенныхъ отъ пользованія гражданскими правами, какъ иностранцевъ, хотя быть можетъ и сами они родились въ странѣ и даже ихъ предки жили въ ней въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Такой классъ мы можемъ видѣть въ *метохо*: древне-греческихъ городовъ, а также, хотя лишь въ видѣ слабого переживанія, въ томъ классѣ, который во многихъ англійскихъ бургахъ носитъ въ отличіе отъ наследственныхъ *фрименовъ* названіе *foreigners* ³³). Оба эти класса были въ сущности одно и то же, различаясь лишь по значенію тѣхъ правъ, отъ пользованія которыми они были исключены. И это въ свою очередь зависѣло отъ различія между такой общиной, которая была совершенной республикой, и такой общиной, которая, каково бы ни было ея внутреннее устройство, была въ отношеніи всѣхъ обще-національныхъ дѣлъ лишь частью бѣдшаго цѣлаго. Афинскіе *метохо* не участвовали въ правахъ суверенной общины, и между тѣмъ несли повинности, которыхъ потомственные граждане не раздѣляли съ ними. Они не имѣли и не могли получить голоса въ дѣлахъ того политическаго союза, въ которомъ они жили. Но *foreigners* англійскихъ бурговъ были лишены правъ, которые—были ли они незначительны или важны—имѣли лишь мѣстное значеніе. Они не подвергались ограниченіямъ какъ граждане цѣлаго государ-

ства; если они не участвовали въ выборахъ представителей ихъ собственнаго города, то они могли все же, сдѣлавшись 40 шиллинговыми фригольдерами, быть избирателями въ любомъ графствѣ Англїи. И въ силу позднѣйшихъ узаконеній, другія права, особенно участіе въ политическихъ выборахъ, обусловленное мѣстомъ жительства и нисколько не зависящее отъ происхожденія, развились на ряду со старинными правами наслѣдственныхъ фримэновъ. И эти новыя права своимъ значеніемъ совершенно заслонили старыя привиллегїи горожанъ. Фримэны англійскаго бурга въ большинствѣ случаевъ считались низшимъ классомъ; и однако они то и соотвѣтствуютъ аѳинскимъ эпатридамъ и римскимъ патриціямъ; остальное населеніе представляло собою лишь плебеевъ или метековъ. Принципъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; простое пребываніе не даетъ права на принятіе въ составъ городской общины, будетъ ли она независимой республикой или ничтожнѣйшимъ муниципалитетомъ. Въ обоихъ случаяхъ права гражданства, какъ бы они ни были цѣнны и что бы ни соединялось съ ними, могли быть получены только опредѣленнымъ способомъ, въ большинствѣ случаевъ болѣе легкимъ въ Англїи, нежели въ подобныхъ же случаяхъ въ Греціи. Однако ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ права гражданства не предоставлялись каждому, кто только рѣшался водвориться въ предѣлахъ городской общины. Права эти могли не всегда исключительно обуславливаться рожденіемъ; но они всегда оставались внѣ зависимости отъ простой воли иностранца. Тутъ всегда требовались особенныя условія опредѣлявшіяся обычаями городской общины, будетъ ли это рожденіе, бракъ, служба, покупка, или специальное пожалованіе.

Всѣ различія такого рода съ дальнѣйшимъ развитіемъ англійскаго законодательства потеряли всякое практическое значеніе и сдѣлались лишь предметомъ изслѣдованій подобныхъ тому, какимъ мы теперь заняты. Но въ другой части Европы, въ государствѣ, которое изъ всѣхъ современныхъ государствъ сохранило до нашего времени и наиболѣе драгоцѣнные остатки древняго германскаго міра и наиболѣе строгое сходство съ эллинскимъ и италійскимъ міромъ, до сихъ поръ сохранилась въ этомъ какъ и во многихъ другихъ подробностяхъ вполнѣ

строгая аналогія съ политическимъ бытомъ древней Греціи. Естественно, что въ тѣхъ городахъ и округахъ, изъ которыхъ образовался Швейцарскій союзъ, мы находимъ наиболѣе почетельные примѣры значенія городскихъ—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣрнѣе будетъ сказать деревенскихъ—общинъ, какіе только можетъ намъ представить современный политическій бытъ. Такъ называемые въ Швейцаріи *Niedergelassenen*, т. е. тѣ швейцарскіе граждане, которые водворились въ общинахъ, *Gemeinde*, *Communes*,—въ приходахъ или *Markgenossenschaften*—въ которыхъ они не имѣютъ наследственнаго права гражданства, вполне соотвѣтствуютъ греческимъ метэкамъ. И въ послѣднихъ преніяхъ о реформѣ союзной конституціи много предложеній было направлено въ тому, чтобы измѣнить такой порядокъ вещей, при которомъ безъ малаго половина швейцарскаго народа, во многихъ важныхъ отношеніяхъ, является иностранцами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и они сами живутъ и быть можетъ и ихъ предки жили въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній³⁴). Но этотъ порядокъ вещей совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ явленіямъ, что мы отмѣтили въ Греціи и Англіи. По самому существу городской или деревенской общины, *Gemeinde*, *Commune*, владѣющей иногда весьма значительной общинной землей, *Volkland* или *ager publicus*, иностранецъ можетъ быть допущенъ въ нее не иначе, какъ съ соблюденіемъ самой общиной установленныхъ условій. Въ независимой общинѣ установленіе этихъ условій зависитъ исключительно отъ ея собственной воли и усмотрѣнія; въ общинѣ, составляющей часть большаго политическаго цѣлаго, эти условія могутъ быть измѣнены или устранены актомъ высшей законодательной власти.

Прежде, въ ту эпоху, когда Швейцарія была только союзомъ государствъ (*Staatenbund*), когда не было въ ней ни общей союзной законодательной, ни исполнительной власти, когда суверенитетъ кантоновъ ни въ чемъ не былъ ограниченъ центральной властью, гражданинъ одного кантона, поселявшійся въ другомъ кантонѣ, былъ такимъ же гостемъ, такимъ же метэкомъ, какъ и коринфянинъ, поселявшійся въ Афинахъ. Онъ не имѣлъ голоса ни въ кантональныхъ, ни въ общественныхъ дѣлахъ той мѣстности, гдѣ проживалъ, точно также какъ если-бы онъ поселился въ какомъ нибудь мѣстѣ внѣ предѣловъ Союза. Дѣй-

ствующая теперь союзная конституція предоставляет каждому швейцарцу одинаковыя федеральныя и кантональныя права, въ какой бы части Союза онъ ни поселился. Но общинныя дѣла и теперь опредѣляются законодательствомъ кантона или самой общины; союзная конституція ограничивается въ этомъ отношеніи лишь тѣмъ, что запрещаетъ облагать метавовъ, какъ это было въ Афинахъ, особымъ *метоикомъ*, особымъ налогомъ установленнымъ для *метоиковъ*, и не васававшихся гражданъ. Законы различныхъ кантоновъ, обычаи различныхъ общинъ весьма различны; нѣкоторыя общины болѣе скупы въ пожалованіи или продажѣ правъ гражданства, нежели другія; но вездѣ еще т. н. *Niedergelassene* въ отношеніи общинныхъ дѣлъ остается *метоикомъ*; одинъ фактъ пребыванія и участія въ платежѣ мѣстныхъ налоговъ также не даетъ ему еще участія въ правахъ мѣстнаго гражданства, какъ не сдѣлало бы его и фримэномъ англійскаго бурга. Двѣ высшія группы правъ, права федеральныя и кантональныя, онъ получаетъ въ такой же полнотѣ, какъ и природный туземецъ: низшія общинныя права онъ получаетъ лишь въ силу спеціальнаго пожалованія или спеціальной покупки.

Подобнымъ же образомъ, пока сохранялась старая конфедерация, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ замѣчалось полное сходство съ стариннымъ политическимъ бытомъ Греціи и Италіи. Если и до сихъ поръ въ Швейцаріи существуютъ *метоикомъ*, то до 1798 года въ ней были и *періоикомъ*. Отношенія, подобныя тѣмъ, въ какихъ находились *періоики*, мы можемъ видѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь государство, будетъ ли это Венеція или Англія, имѣть владѣнія, жители которыхъ не имѣютъ голоса въ общемъ управленіи, и особенно если они и не могутъ получить въ немъ голоса, даже переселясь изъ колоній въ господствующую страну. Но разстояніе произвело большое различіе какъ во внѣшней формѣ, такъ и въ существѣ дѣла. Мы можемъ поставить вопросъ о томъ правѣ, на основаніи котораго Венеція господствовала надъ Кипромъ или Англія надъ Индіей. Но разъ, что господство существуетъ, нельзя ожидать, чтобы жители Кипра или Индіи имѣли право голоса въ дѣлахъ Венеціи или Англіи. Положеніе *періоиковъ* можетъ вполнѣ повториться только

при такомъ положеніи вещей, когда это имя можетъ быть примѣнено въ географическомъ смыслѣ также, какъ и въ политическомъ, т. е. въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда подчиненный классъ дѣйствительно живетъ вокругъ или вблизи жилищъ правящаго класса населенія. Владѣнія Венеціи на полуостровѣ Италіи представляютъ нѣкоторое приближеніе къ старинному положенію періэковъ. Однако островной городъ все таки оставался отдѣленнымъ отъ континента. Городъ Венеція никогда не сдѣлался частью континентальной области Венеціи въ томъ смыслѣ, какъ Флоренція была частью Тосканіи или Бернъ частью Малой Бургундіи. Подобіе отношенія періэковъ, какъ они существовали въ Лаконіи, мы находимъ въ средневѣковой Италіи, въ Швейцаріи до 1798 года, и до нѣкоторой степени также въ вольныхъ городахъ Германіи. Какъ Спарта господствовала надъ Амисеяями и Эпидавромъ Лимерой, такъ Флоренція господствовала надъ Пизой, а Бернъ надъ Лозаной. И даже еще совсѣмъ недавно, до послѣднихъ измѣненій въ Германіи, вольные города Любекъ и Гамбургъ имѣли небольшой округъ Фирландъ въ общемъ владѣніи ³⁶). Они владѣли имъ совмѣстно какъ общимъ владѣніемъ, управление которымъ могло осуществляться по желанію владѣльцевъ или сообща, или альтернативно. Точно также и прежде въ Швейцаріи различные округа находились во владѣніи не только того или другаго отдѣльнаго кантона, но и во владѣніи двухъ или нѣсколькихъ кантоновъ, или даже въ общемъ владѣніи всѣхъ кантоновъ Швейцаріи. И замѣьте также, что во всѣхъ этихъ случаяхъ внутренняя организація господствующаго государства не производила различія. Какъ Аѣицы имѣли своихъ подвластныхъ—хотя и не періэковъ въ строгомъ смыслѣ слова—такъ точно и Спарта, и демократическій Ури имѣлъ своихъ подвластныхъ и участвовалъ въ общемъ владѣніи надъ подвластными всего союза, также какъ и аристократическій Бернъ. Во всемъ этомъ мы имѣемъ живое подобіе того порядка вещей, какой существовалъ въ древней Греціи, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что я не могу припомнить, чтобы такое общее владѣніе, такое *condominium* имѣло себѣ параллель въ греческомъ быту. Это обстоятельство слѣдуетъ поставить въ связь съ другимъ обстоятельствомъ, на которое обратилъ вниманіе Гротъ, а именно,

что приобретѣніе владѣній покупкой, столь обычное въ средніе вѣка, рѣдко встрѣчается въ греческой исторіи ³⁷). Я полагаю, причина этого заключается въ томъ, что понятія собственности и власти правительственной не были такъ смѣшаны другъ съ другомъ въ древней Греціи и Италіи, какъ это было въ средніе вѣка. Римскій народъ или самъ дѣлался собственникомъ земли завоеваннаго государства, или онъ присоединялъ его *folkland* къ своему собственному или же раздѣлялъ его какъ *bookland* между своими гражданами; но право управленія оставалось всегда отдѣльнымъ отъ права собственности. Оно не могло быть какъ въ средніе вѣка жалуемо, отдаваемо въ наймы или въ ленъ вмѣстѣ съ землей. Но мы видѣли, что въ средніе вѣка по мѣрѣ того какъ феодализмъ пускалъ корни и развивался, право управленія стало разсматриваться какъ своего рода собственность, а владѣніе земельной собственностью влекло за собой и право управленія. Если власть управленія считалась такимъ образомъ какъ бы имуществомъ, не было основанія, почему бы богатое государство не могло скупить права и власть суверенитета у расточительнаго князя, точно также какъ оно могло купить у него и его земельныя владѣнія и феодальныя права. Такимъ путемъ Бернъ и другіе города въ значительныхъ размѣрахъ скупали владѣнія частныхъ феодаловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ иногда приобретаая ихъ и силою оружія. Новый корпоративный вотчиникъ—республика вступала на мѣсто прежняго единоличнаго вотчиника и конечно заботилась о томъ, чтобы перешедшая къ ней власть не уменьшалась, а увеличивалась въ ея рукахъ. Такимъ образомъ когда это понятіе о собственности на суверенитетъ вполне установилось, не было никакого препятствія къ тому, чтобы двѣ или больше республики могли владѣть совмѣстно суверенною властью надъ извѣстнымъ городомъ или округомъ, совершенно такъ, какъ нѣсколько частныхъ лицъ могли сообща владѣть полемъ или домомъ. Такая покупка территоріи и съ нею суверенитета и общее владѣніе суверенитетомъ, если и не вовсе неизвѣстное встарину, было потомъ болѣе обыкновенно и болѣе значительно. А въ силу чрезвычайной запутанности и сложности средневѣковой юриспруденціи, сложности, главнымъ образомъ обусловленной именно этимъ смѣше-

ніемъ понятій собственности и суверенитета — возникло безконечное разнообразіе отношеній между князьями, городами, независимыми и подвластными округами, которому нельзя найти никакой параллели въ болѣе простомъ быту древней Греціи и Италіи ³⁸). Однако, гдѣ только возникала система отдѣльныхъ городовъ и округовъ, независимыхъ или находящихся лишь подъ слабымъ контролемъ центральной императорской власти, мы находимъ тамъ, въ средневѣковой Европѣ, живое подобіе тѣхъ отношеній, какія существовали между греческимъ или итальянскимъ городомъ и подвластными ему мѣстностями, подобіе отношеній между Спартой и ея лаконскими періэвами или отношеній Рима и его итальянскихъ союзниковъ ³⁹). Въ Швейцаріи и сосѣднихъ странахъ эта система сохранилась во всей ея полнотѣ, пока французское нашествіе не уничтожило старый порядокъ вещей, и притомъ худья его стороны навсегда, хорошія — только на время. Самъ Союзъ, его отдѣльные кантоны, союзные города и конфедераціи, всѣ имѣли своихъ подвластныхъ, своихъ *Unterthanen*, своихъ *περίοικοι*, по греческому выраженію. Не одинъ только аристократическій Бернъ или Базель господствовалъ такимъ образомъ иногда надъ людьми одного съ нимъ происхожденія и языка, и во всѣхъ случаяхъ надъ людьми, которые не были ни дикарями, ни язычниками, а были причастны общей религіи и общей цивилизаціи Европы. Если бернскій медвѣдь сохранялъ прочную власть надъ страной отъ Ааргау до Женевского озера, если одно время онъ владѣлъ — и Европа можетъ сожалѣть теперь, что онъ не удержалъ своего господства — надъ берегомъ, который такъ горделиво возвышается противъ Лозанны и Шильона ⁴⁰), бытъ Ури водрузилъ не менѣе прочно и утвердилъ свое господство надъ Левантской долиной. Точно также союзъ деревенскихъ общинъ Верхняго Валлиса господствовалъ надъ своими валлисскими сосѣдами внизъ по рѣкѣ и три союза Рэтинъ господствовали, можетъ быть, суровѣе всѣхъ надъ итальянской долиной въ югу отъ нихъ. Только Валтелинѣ удалось, освободившись отъ чуждаго ига, достигнуть большей свободы, чѣмъ всѣ другіе; но соединеніе съ конституціонной Италіей, и даже подчиненіе Франціи и Австріи, было выгодной замѣной господства ихъ прежнихъ правителей. Во всѣхъ этихъ странахъ, ху-

до ли или хорошо они управлялись, принципъ управленія былъ одинъ и тотъ же. Внутреннее состояніе подвластнаго округа могло равнообразиться отъ настоящаго рабства до широкой степени мѣстнаго самоуправленія; но населеніе всѣхъ ихъ одинаково было терпимымъ, по скольку верховная власть не принадлежала ни самой общинѣ, ни государю, который могъ бы считаться ихъ собственнымъ государемъ. Вездѣ одинаково сувереномъ была республика, находящаяся внѣ ихъ предѣловъ, коллективный вотчинникъ, который, управлялъ ли онъ худо или хорошо, управлялъ все же въ своемъ собственномъ интересѣ, а не въ интересѣ подвластныхъ. Такое управленіе можетъ и не быть притѣснительнымъ, хотя въ немъ всегда заключается стремленіе стать такимъ. Но оно во всякомъ случаѣ тягостно и унижительно; тутъ мы видимъ тоже, что и въ исторіи Рима: правленіе одного деспота, когда имѣется по крайней мѣрѣ надежда на личныя достоинства благосклоннаго деспота, лучше нежели систематическое эгоистическое управленіе чуждаго государства. Управленіе одного, стоящаго на столько выше другихъ, что онъ представляется существомъ иного рода, менѣ тягостно нежели управленіе дѣлаго сословія людей, которыя представляются ничѣмъ не отличающимися отъ имъ подвластныхъ. Но въ одномъ отношеніи опытъ древняго и новаго времени оказался противоположнымъ. Демократическія Аѣины были все же лучшимъ правителемъ своихъ владѣній, нежели олигархическая Спарта ⁴¹). Но общіе округа Швейцаріи управлялись во всякомъ случаѣ лучше тогда, когда балы, Vogt, harnost, который посылался управлять ими, былъ посылаемъ изъ аристократическаго Берна или Цюриха, нежели тогда, когда онъ посылался изъ демократическаго Ури или Унтервальдена. Бернскій патрицій былъ все же человѣкомъ, знавшимъ и людей, и дѣла; онъ принадлежалъ къ такому классу, гдѣ въ искусствѣ правленія приучаются съ самаго рожденія. Деревенскій балы изъ демократическаго кантона слишкомъ часто покупалъ свою должность у своихъ согражданъ и вознаграждалъ себя и обогащалъ на счетъ своихъ временныхъ подданныхъ. Въ Греціи было не такъ, Аѣины благоразумно воздерживались отъ посылки управителей въ свои владѣнія, а относительно Спарты то немногое, что мы знаемъ, заставляетъ скорѣе предполагать,

что ея управленіе своими владѣніями было суровѣе, чѣмъ въ другихъ дорійскихъ и аристократическихъ городахъ ⁴²). Но вездѣ мы встрѣчаемъ одно и то-же указаніе на несомѣстимость свободы республики съ возвышеніемъ ея на счетъ свободы другихъ.

Я исчерпалъ такимъ образомъ мой предметъ съ такою, надѣюсь, полнотою, съ какою только это позволили сдѣлать характеръ и границы моихъ чтеній. Но такого рода чтенія не допускаятъ совершенства изслѣдованія. Въ подобномъ курсѣ лекцій никакой предметъ не можетъ быть исчерпанъ вполне; никакой предметъ не можетъ быть представленъ во всѣхъ его отношеніяхъ; ничего нельзя прослѣдить въ подробности отъ начала до конца. Задача лектора заключается скорѣе въ томъ, чтобы возбудить любопытство, нежели въ томъ, чтобы его удовлетворить; скорѣе показать, что надо изучить, нежели дѣйствительно вполне научить этому. Все, на что можно при этомъ надѣяться, это то, чтобы выбрать нѣсколько сторонъ предмета и позаботиться, чтобы изслѣдованіе, хотя и неполное по необходимости, было по крайней мѣрѣ въ своихъ предѣлахъ вполне точное. Надѣюсь, что это я выполнилъ; по нѣкоторымъ вопросамъ я установилъ новыя точки зрѣнія; по другимъ я далъ новыя примѣры въ подтвержденіе уже установленныхъ взглядовъ. Я буду удовлетворенъ, если мнѣ удастся выставленной аргументаціей убѣдить каждаго въ той великой истинѣ, установить которую различными аргументами составляло главную задачу всего того, что я говорилъ и писалъ, а именно, въ той истинѣ, что исторія едина и что каждая часть ея имѣетъ соотношеніе съ каждою другой ея частью. Полагаю, никто, слѣдившій за моимъ изложеніемъ, не подумаетъ, чтобы учрежденія древней Греціи и Италіи унижались въ своемъ достоинствѣ тѣмъ, что было указано сходство ихъ по происхожденію и по многимъ подробностямъ ихъ организаціи съ учрежденіями нашихъ предковъ. Мы не унижаемъ того, что составляетъ основаніе всего нашего изученія, если указываемъ его настоящее мѣсто, а также если рассматриваемъ его какъ отрасль одной великой науки, памятникомъ одного великаго наслѣдія, въ которомъ Англія и Германія участвуютъ на ряду съ Римомъ и Аѳинами. Я не исключаю и другія отрасли арій-

своей семьи, тѣ, что пришли раньше, и тѣ, которымъ можетъ выпало на долю придти послѣ насъ и съ которыми послѣ долгаго разъединенія мы снова сошлись на далекомъ востоѣ. Я не могу не видѣть, что по всей вѣроятности многое, общеразличнымъ отраслямъ арийской семьи, вытекаетъ изъ основаній общихъ арийцамъ вмѣстѣ съ другими отраслями человечества. Но я оставляю такого рода изслѣдованія изслѣдователямъ съ болѣе обширными свѣдѣнiями, нежели мои. Я ограничилъ мою задачу, чтобы остаться на той почвѣ, гдѣ я могу идти съ увѣренностью и обрисовать въ формѣ, хотя бы и не отдѣланнаго, но надѣюсь поучительнаго эскиза главнѣйшія черты политическаго быта, взятыя изъ исторiи тѣхъ трехъ отраслей арийской расы, которыя, каждая въ свой чередъ, занимала первенствующее мѣсто среди цивилизованнаго міра. Съ меня довольно, если я научу смотрѣть на древнѣйшія формы общихъ учреждений сродныхъ намъ народностей не какъ на нѣчто давно прошедшее и исчезнувшее, не какъ на нѣчто отдѣленное отъ насъ непреодолимымъ барьеромъ времени и пространства, но какъ на нѣчто все еще живущее, чему мы сами еще причастны, плодами чего мы пользуемся и теперь, какъ на наслѣдіе дошедшее до насъ отъ доисторическихъ временъ, какъ на все еще сохраняющееся созданіе нашихъ кровныхъ предковъ и старшихъ братьевъ.

ГЛАВА VII.

Единство исторiи.

Возрожденiе наукъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтiяхъ знаменуетъ собою, какъ всѣми признается, одну изъ великихъ эпохъ въ исторiи человѣческаго разума. Легко преувеличить объемъ самаго возрожденiя; легко слишкомъ исключительно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ его результатовъ; но и то, что стоитъ внѣ сомнѣнiя, достаточно важно. Это было то время, когда умъ человѣка освободился отъ долго стѣснявшихъ его сѣтей; это было время, когда люди открыли глаза на свѣтъ, для котораго они были слѣпы въ теченiи цѣлыхъ вѣковъ. Новый мiръ былъ открытъ; или вѣрнѣе, мiръ, который люди никогда не забывали, но который сталъ для нихъ мiромъ басень, вдругъ предсталъ предъ ними въ своей истинной и живой дѣйствительности. Баснословные образы *Виргилiя*, *Аристотеля*, *Александра* уступили мѣсто истинному *Виргилiю*, истинному *Аристотелю*, истинному *Александру*, вызваннымъ снова къ жизни въ ихъ произведенiяхъ и дѣлахъ. Мы, правда, склонны слишкомъ преувеличивать невѣжество прежняго времени; но въ одномъ отношенiи едвали еще возможно преувеличить важность совершившейся перемѣны. Это было нѣчто подобное открытiю новаго чувства, нѣчто подобное открытiю новаго мiра, когда сокровища подлинной греческой литературы впервые предстали предъ взорами западнаго христiанства. Въ двѣнадцатомъ столѣтiи, также какъ и въ пятнадцатомъ имѣло мѣсто возрожденiе классическаго изученiя; но возрожденiе двѣнадцатомъ столѣтiа

цатаго столѣтія едва ли шло когда дальше болѣе точнаго изученія, болѣе вѣрнаго подражанія древнимъ образцамъ латинскаго языка, который все еще оставался языкомъ религіи, правительства и науки. Для Вильяма Мэльмсбюри и Джона Селлсбюри Гомеръ былъ непонятенъ, а Аристотель былъ доступенъ лишь изъ третьихъ рукъ испанскихъ сарациновъ и ихъ переводчиковъ. Такое знаніе греческаго языка, какое выпало на долю Роберта Гроссетеста и Роджера Бэкона, считалось уже роскошью; и какъ бы велико ни было это знаніе, оно конечно не доходило до близкаго знакомства съ образцовыми произведениями эллинской поэзіи, исторіи и краснорѣчія ¹⁾. То возрожденіе наукъ, что поставило людей нашего сѣвернаго міра лицомъ къ лицу съ лагеремъ подъ Иліономъ и съ аѳинскимъ агоре, было дѣйствительно революціей, едва ли не имѣвшей значенія вторичнаго рожденія человѣческаго разума.

Однако возрожденіе наукъ, какъ бы ни были значительны и многочисленны его плоды, имѣетъ свою темную сторону. Я уже не говорю объ его непосредственныхъ послѣдствіяхъ, политическихъ и церковныхъ, для Италіи, этой колыбели возрожденія. Дѣйствительно, честное варварство темнаго времени было гораздо лучше, чѣмъ порочный блескъ Лоренцо или Льва, когда весь блескъ искусства, поэзіи и образованія не могъ прикрыть паденія свободы, и нечестиваго злоупотребленія святыней. Но я остановлюсь на томъ вліяніи, какое имѣло классическое возрожденіе того времени непосредственно на развитіе наукъ, на изученіе греческихъ и римскихъ литературы и искусства, которое составляло всю интеллигенцію того времени. Это вмѣстѣ и расширило и сѣздило область человѣческаго изученія. Оно побудило людей сосредоточить все свои силы на исключительномъ изученіи письменности двухъ этихъ языковъ и преимущественно на извѣстныхъ произвольно избранныхъ періодахъ этихъ двухъ языковъ. Въ первое время все посвящалось исключительно одной литературѣ этихъ двухъ языковъ и пренебрегалось поучительной политической исторіей Греціи и Рима. Но во всѣхъ своихъ формахъ и стадіяхъ возрожденіе поддерживало ту мысль, что языки, искусство, исторія Греціи и Рима въ извѣстныя эпохи ихъ существованія суть единственныя формы языка, искусства и исторіи, которыя до-

стойны быть предметомъ изученія цивилизованныхъ людей. Оно приводило въ убѣжденію, быть можетъ не выражавшемуся вполне на словахъ, но тѣмъ не менѣе осуществлявшемуся на практикѣ, что эти два языка и все къ нимъ относящееся имѣютъ какое-то особое преимущество надъ всѣмъ другимъ— что изученіе обозначавшееся двусмысленнымъ именемъ „классическое“ отдѣляется отъ всѣхъ другихъ отраслей знанія какой-то таинственной гранью—что изученіе это образуетъ священную область, въ которую допускались лишь посвященные, а отъ профановъ оно ревниво оберегалось. Такой складъ возрѣній, и до сихъ поръ еще далеко не исчезнувшій, не могъ не привести къ полному презрѣнію и, благодаря этому, къ круглому невѣжеству во всемъ, что лежало внѣ этой святыни. И, мало того, онъ препятствовалъ даже познанію истинной природы того, чему было отведено мѣсто въ этой области. Этотъ складъ мыслей привелъ къ подчиненію этому, такъ называемому, классическому изученію всѣхъ обыкновенныхъ человѣческихъ стремленій и человѣческихъ интересовъ. И мы до сихъ поръ еще ощущаемъ вредныя послѣдствія этого подчиненія. Люди убѣдили самихъ себя, что „классическіе“ образцы литературы и искусства суть не только одни изъ благороднѣйшихъ и наиболѣе драгоценныхъ произведеній человѣческаго гениа, но и единственно возможный типъ совершенства. Все, что не соответствовало этимъ образцамъ, было для нихъ варварскимъ и не имѣющимъ цѣны; преданные сторонники классическаго искусства и литературы думали, что называя это готическимъ они клеймятъ его самымъ позорнымъ именемъ. Такимъ образомъ они сами закрывали для себя обширныя и полныя жизни страницы всемірной исторіи; они сами отвернулись отъ формъ искусства и языка, не менѣе достойныхъ ихъ уваженія какъ и тѣ, которыхъ однихъ только они считали достойными его. Они научились смотрѣть съ презрѣніемъ на произведенія людей одной съ ними родины, одной крови, одной религіи. Они стѣсняли искусство и литературу произвольными правилами, взятыми съ образцевъ, совершенныхъ, правда, для своего времени и мѣста, но ставшихъ вовсе непригодными, когда вѣрованія, языкъ и возрѣнія совершенно измѣнились. Кто хочетъ убѣдиться, какъ низко опустился вкусъ англичанъ подъ

господствомъ исключительнаго классицизма, пусть обратится къ тѣмъ страницамъ журнала Spectator, гдѣ Аддисонъ говоритъ объ исторіи, нравахъ, искусствѣ, религіозныхъ убѣжденіяхъ англичанъ въ древнѣйшее время. Затѣмъ пусть онъ посмотритъ, какъ даже тогда природа заявляла свои права противъ умерщвляющаго ига односторонности, на тѣхъ страницахъ, на которыхъ тотъ же самый Аддисонъ указалъ своимъ удивленнымъ современникамъ, что въ англійской пѣснѣ Chery Chase нельзя не видѣть и не признать истинно гомеровскаго духа.

Но сверхъ всего этого исключительное изученіе однихъ лишь „классическихъ“ образцовъ препятствовало людямъ получить живое пониманіе и самихъ этихъ классическихъ образцовъ. Мѣтко было замѣчено, что тогда думали, будто „всѣ древніе“ жили въ одно время. Дѣйствительно, привычка постоянно сопоставлять Грецію и Римъ,—т. е. Грецію и Римъ за немногія произвольно избранныя столѣтія ихъ исторіи,—въ противоположность всѣмъ другимъ эпохамъ и странамъ, привела къ совершенному забвенію того разстоянія во времени, которое отдѣляло другъ отъ друга Грецію и Римъ. Забывали то различіе, какое существовало между іонійскимъ пѣвцомъ и лавреатомъ Августа; Гомера и Виргилія представляли себѣ поэтами одного и того же рода, достоинства и недостатки которыхъ могутъ съ успѣхомъ быть сравниваемы между собой. Они были бы, конечно, поражены, если бы имъ сказали, что истинною параллелью разсказу о гнѣвѣ Ахилла должна быть признана пѣснь о Нибелунгахъ или полныя жизни боевыя пѣсни Саулькурта и Мальдона. Они сочли бы униженіемъ утверждать, что народные языки Англїи и Германїи сходны, одного происхожденія и имѣютъ право на одинаковый почетъ, какъ и языки Лаціума и Атики. Они сочли бы даже не униженіемъ, а просто безуміемъ, если бы услышали, что эти священные языки суть лишь діалекты одного общаго пра-языка, что его древнѣйшія отрасли представляются намъ въ языкахъ тѣхъ странъ, которыхъ едва достигъ македонскій завоеватель, и, что еще удивительнѣе, въ почти исчезнувшемъ непонятномъ языкѣ немногочисленнаго населенія восточнаго побережья Балтійскаго моря ³⁾.

Для насъ дѣло освѣтилось съ новой стороны. Я скажу, ни-

сколько не колеблясь, что примѣненіе сравнительнаго метода къ филологіи, міеологіи—и позволю себѣ прибавить къ политикѣ и ко всей области человѣческой мысли—знаменуетъ собою въ развитіи человѣческаго ума, по меньшей мѣрѣ, столь же великую и памятную эпоху, какъ и возрожденіе классическаго изученія. Великая заслуга девятнадцатаго столѣтія въ развитіи человѣческаго вѣдѣнія можетъ смѣло занять свое мѣсто на ряду съ великой заслугой пятнадцатаго вѣка. Подобно возрожденію наукъ, примѣненіе сравнительнаго метода открыло его сторонникамъ новый міръ, но міръ не изолированный и замкнутый въ самомъ себѣ, а такой, въ которомъ эпохи, языки и народности, разсматривавшіяся до сихъ поръ совершенно отдѣльно, находятъ каждая свое мѣсто въ опредѣленномъ соотношеніи ко всѣмъ другимъ, какъ членамъ общаго первоначальнаго братства. И одна изъ немаловажныхъ заслугъ сравнительнаго изученія заключается въ томъ, что оно указало языкамъ и исторіи такъ называемаго „классическаго“ міра ихъ истинное положеніе въ общей исторіи міра. Въ силу этого „классическое“ перестало быть предметомъ исключительнаго поклоненія, но за то стало предметомъ болѣе рациональнаго и потому болѣе достойнаго почитанія. Сравнительное изученіе устранило разединеніе между сродными народностями и сродными науками, оно устранило перегородки отдѣлявшія извѣстныя эпохи и языки, какъ „мертвые“ и „древніе“; оно указало намъ, что нѣтъ „мертвыхъ“ и „живыхъ“ языковъ, „древней“ и „новой“ исторіи; оно убѣдило насъ, что изученіе языка составляетъ одну науку также какъ и изученіе исторіи; оно убѣдило насъ, что нѣтъ языковъ болѣе живыхъ, чѣмъ тѣ, что произвольно выдѣлялись какъ „мертвые“;—что никакая часть исторіи не можетъ быть признана болѣе современной—если только подъ современностью мы разумѣемъ живой интересъ и поучительность для нашего времени—чѣмъ именно та часть исторіи, которую обманчивое названіе „древняя“ отмѣчало, какъ нѣчто давно прошедшее, какъ нѣчто такое, что въ видахъ практическихъ вопросовъ новѣйшаго времени можетъ быть забыто безъ всякаго вреда.

Я утверждаю, что во всемъ нашемъ изученіи исторіи и языка—и изученіе языка помимо его важности въ другихъ отношеніяхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей исторіи—мы должны во-

все отбросить всякія различія „древняго“ и „новаго“, „мертваго“ и „живаго“, и смѣло признать великій фактъ единства исторіи. Какъ человѣкъ одинъ и тотъ же во всѣ вѣка, такъ и исторія его едина во всѣ эпохи. Ученый изслѣдователь языка или первобытной культуры не знаетъ своимъ изслѣдованіямъ границъ, которыя бы закрывали для него какую-либо часть земной поверхности или какой-нибудь моментъ изъ исторіи человѣка, съ того времени, какъ онъ впервые появляется на ея аренѣ. Въ его глазахъ языки и нравы Греціи и Рима не имѣютъ особеннаго преимущества сравнительно съ языками и нравами другихъ народовъ. Они должны только занять свое мѣсто на ряду съ другими, какъ объясненіе общихъ законовъ человѣческой природы и человѣческой рѣчи. Но обратимся къ исторіи въ тѣсномъ значеніи этого слова, къ исторіи человѣка, какъ политическаго существа, къ исторіи нашей части земнаго шара и нашей семьи народовъ. Исторія арійскихъ народовъ Европы, ихъ языковъ, ихъ учрежденій, ихъ отношеній между собой, все это образуетъ одинъ длинный рядъ причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ ни одна часть не можетъ быть должнымъ образомъ понята, если ее разсматривать какъ нѣчто совершенно отдѣльное и чуждое другимъ частямъ. Въ извѣстныхъ произвольно избранныхъ столбтіяхъ изъ исторіи Греціи и Италіи нѣтъ въ дѣйствительности ничего, что отличало бы ихъ въ худую, или въ хорошую сторону отъ всякой другой эпохи изъ исторіи сродныхъ народовъ. Нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ такъ называемой „древней“ исторіи науку отдѣльную отъ исторіи такъ называемаго „новаго“ времени. Полное пониманіе „древней“ исторіи не требуетъ никакихъ особенныхъ способностей; ея изученіе не предполагаетъ никакого особеннаго метода. Для пониманія древней исторіи требуются тѣ же самыя способности, какъ и для пониманія исторіи новой. Методъ, способъ разсужденія, приемы изслѣдованія и критики необходимы для одной, также необходимы и для другой. Знаніе въ обоихъ случаяхъ получается въ силу примѣненія однихъ и тѣхъ же способностей и въ силу употребленія тѣхъ же приемовъ изученія. Тоже самое и въ отношеніи языковъ. Нѣтъ ничего, какъ это обыкновенно думаютъ, особеннаго и таинственнаго въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, или въ тѣхъ

стадіяхъ ихъ развитія, которыя отличаются названіемъ классическихкихъ. Основательное знаніе какаго бы то ни было языка приобрѣтается однимъ и тѣмъ же путемъ. Не два разныхъ рода способностей, а одни и тѣ же способности требуются какъ для усвоенія формъ языка Гомера, такъ и для усвоенія сродныхъ формъ сроднаго языка Ульфила.

Никакой языкъ, никакой періодъ исторіи не можетъ быть вполне понятъ, изученіе ни одного изъ нихъ не можетъ представить полнаго интереса и дать всѣхъ возможныхъ результатовъ, если ихъ разсматривать совершенно отдѣльно, не обращая вниманія на ихъ отношенія къ другимъ языкамъ, къ другимъ періодамъ исторіи, которыя вмѣстѣ съ ними образуютъ великое цѣлое человѣческой или по крайней мѣрѣ арійской и европейской исторіи. Связь, которая соединяетъ греческій и латинскій языки, безъ сомнѣнія ближе, нежели связь каждаго изъ этихъ языковъ съ какимъ нибудь другимъ арійскимъ языкомъ. Но это только различіе въ степени; въ существѣ нѣтъ никакого различія. Мы наконецъ поняли, что наше научное знаніе языка Греціи не можетъ быть совершенно, если мы не присоединимъ къ нему и научнаго знанія языка Англій, и что наше знаніе языка Англій будетъ не совершенно, если мы не соединимъ его съ научнымъ знаніемъ языка Греціи. Мы поняли теперь, что греческая и римская исторія не стоятъ отдѣльно; тѣсно связанныя между собой, но обособленныя отъ остальной исторіи міра, и даже отъ исторіи сродныхъ народностей. Мы поняли теперь, что европейская исторія, съ ея первыхъ проблесковъ до нашего времени, есть одна непрерывная драма, ни одна часть которой не можетъ быть должнымъ образомъ понята внѣ ея отношенія къ другимъ частямъ, предшествующимъ ей и слѣдующимъ за нею. Мы поняли, что въ этой великой драмѣ Римъ есть центръ, къ которому ведутъ всѣ дороги и отъ котораго точно также и начинаются всѣ дороги. Римъ—это обширное озеро, въ которое сами собой изливаются всѣ струи древней исторіи и изъ котораго берутъ свое начало всѣ струи исторіи новой. Міръ независимой Греціи стоитъ по одну сторону; міръ новой Европы—по другую. Но исторія какъ этого великаго центра, такъ и его спутниковъ по одну какую либо его сторону не можетъ быть никакъ вполне по-

нята, иначе, какъ съ точки зрѣнія достаточно широкой для того, чтобы объять всю группу и замѣтить отношенія каждаго изъ ея членовъ къ центру и другъ къ другу. Какъ съ языкомъ, такъ и съ исторіей. Наше знаніе исторіи Греціи будетъ не совершенно безъ знанія сродной исторіи Англии, и наше знаніе исторіи Англии будетъ не совершенно безъ знакомства со сродной исторіей Греціи. Римъ есть центръ; Римъ есть общая все соединяющая между собой связь; но понявъ это, понявъ правдивѣе и полнѣе мѣсто и значеніе Рима въ исторіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаемся отъ того предразсудка, въ силу котораго въ его языкѣ видѣли путь и ключъ ко всѣмъ другимъ языкамъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ. Мы поняли, что всѣ члены великой арійской семьи одинаково сродны между собой и имѣютъ право стоять наравнѣ другъ съ другомъ. Мы поняли, что Англъ и его братъ Данъ ⁴⁾ могутъ идти смѣло и имѣютъ право стать лицомъ къ лицу съ ихъ двоюроднымъ братомъ Эллиномъ, и не имѣютъ надобности идти обходомъ, тайно прикрываясь милостью другого двоюроднаго брата Латина.

Я останоюсь здѣсь на возраженіи, которое мнѣ можетъ быть при этомъ сдѣлано. Неужели, могутъ меня спросить, для изучающаго исторію или языкъ необходимо быть знаткомъ всей исторіи и всѣхъ языковъ? Неужели онъ долженъ быть одинаково близко знакомъ съ языкомъ, литературой, политическимъ устройствомъ, гражданскими и военными событіями всѣхъ временъ и всѣхъ странъ? Такой объемъ свѣдѣній, скажутъ мнѣ, не доступенъ для человѣка. И пожалуй иной придетъ къ тому заключенію, что доктрина, приводящая къ такимъ выводамъ, сама совершенно бесплодна. Быть одинаково знакомымъ со всей исторіей и со всѣми языками, конечно, совершенно не по силамъ человѣку. Но тѣмъ не менѣе, изучающій исторію или языкъ,—а изучающій одинъ изъ этихъ предметовъ долженъ быть также достаточно знакомъ и съ другимъ,—долженъ включать всю исторію и всѣ языки въ область своего изученія. Степень его знанія различныхъ языковъ, различныхъ отраслей исторіи можетъ быть безконечно разнообразна. Въ нѣкоторыхъ онъ долженъ знать все; но кое-что онъ долженъ знать во всѣхъ. Каждый изслѣдователь долженъ имѣть свою

собственную специальность, долженъ выбрать известныя эпохи и страны для спеціальнаго и подробнаго изученія. Въ этой области онъ долженъ знать все; онъ долженъ быть знатомомъ всѣхъ мелочей ихъ исторіи подробнѣйшимъ образомъ и изъ первыхъ источниковъ. Выборъ такихъ эпохъ и странъ для спеціальнаго изученія будетъ зависѣть отъ вкуса и обстоятельствъ даннаго изслѣдователя; одинъ можетъ выбрать болѣе древнюю, другой — болѣе новую эпоху; одинъ — Востокъ, другой — Западъ; одинъ — языческій періодъ, другой — христіанскій, но всѣ они — изслѣдуютъ сообща, вмѣстѣ, помогая другъ-другу, если только они не забываютъ, что то, что они знаютъ вполнѣ, необходимо связано съ другимъ, доступнымъ ихъ знанію лишь въ общихъ чертахъ. Никто не можетъ изучить исторію всѣхъ временъ и странъ по первымъ источникамъ. Для самаго глубокаго ученаго историка, все же будетъ много періодовъ, въ отношеніи къ которымъ его знанія будутъ не тверды, не полны и получены изъ вторыхъ рукъ. При чрезвычайной обширности предмета иначе и не можетъ быть. Нѣкоторыя отрасли, во всякомъ случаѣ, должны быть знакомы преимущественно, другія меньше; какія знакомы лучше, какія хуже, это, конечно, различно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Достаточно, если каждый, будучи полнымъ знатомомъ избранныхъ имъ отраслей, по крайней мѣрѣ на столько знакомъ съ другими отраслями, что можетъ имѣть ясное и живое представленіе объ ихъ соотношеніи къ его собственной специальности и другъ къ другу. Совершенное знаніе одного періода, привычка къ точному изслѣдованію и критикѣ по отношенію къ источникамъ исторіи одного какаго нибудь періода несомнѣнно дѣлаетъ человѣка способнымъ лучше ориентироваться въ тѣхъ періодахъ, которыми онъ занимался лишь какъ второстепеннымъ предметомъ, и почувствовать въ силу своего рода инстинкта, въ чемъ можно положиться на изслѣдованія объ этихъ періодахъ вполнѣ и въ чемъ имъ можно слѣдовать лишь съ должною осторожностью. Тотъ, кто является полнымъ знатомомъ періодовъ, составляющихъ его специальность, тотъ легко схватываетъ главныя черты и истинное значеніе и другихъ періодовъ. Но онъ не можетъ игнорировать ни одного періода исторіи, достойнаго этого имени, ни одну область памятни-

ковъ политической жизни человѣчества. Я сказалъ, что знаніе греческой исторіи не можетъ быть полно безъ знанія исторіи англійской, и знаніе англійской исторіи не можетъ быть полно безъ знанія исторіи греческой. Но я не говорю, что знаніе обѣихъ должно быть одинаково по объему или даже только однородно. Для большинства одна изъ нихъ будетъ главнымъ предметомъ, другая—второстепеннымъ, одна будетъ предметомъ самаго подробнѣйшаго и внимательнѣйшаго изученія, между тѣмъ какъ въ отношеніи другой удовольствуются тѣмъ, чтобы усвоить ея главныя очертанія и истинное ея соотношеніе къ другимъ отраслямъ исторіи. И это одинаково примѣняется какъ къ исторіи, такъ и къ языку. Филологъ дѣлаетъ извѣстныя языки своею спеціальною, вполне изучаетъ ихъ литературу и можетъ въ нихъ различать самыя тонкія особенности діалектовъ, періодовъ и отдѣльныхъ авторовъ. Другіе языки онъ не будетъ знать такъ основательно; онъ быть можетъ не будетъ въ состояніи составить или даже передать на нихъ фразу, но все же онъ можетъ имѣть достаточно основательное и практическое знакомство съ ними для своей цѣли. Эта цѣль будетъ достигнута, если онъ вполне усвоилъ себѣ ихъ отношеніе къ другимъ языкамъ, главныя особенности ихъ отличающія, и положеніе, какое они занимаютъ въ общей исторіи человѣческой рѣчи.

Разсматривая такимъ образомъ исторію человѣка, и по крайней мѣрѣ исторію арійцевъ въ Европѣ, какъ одно неразрывное цѣлое, ни одна часть котораго не можетъ быть должнымъ образомъ разсмотрѣна внѣ ея отношенія къ другимъ частямъ, мы тотчасъ же замѣтимъ, что тѣ отрасли исторіи, что слишкомъ часто разсматривались, какъ нѣчто отличное и отдѣльное отъ всѣхъ другихъ, не теряютъ, а напротивъ выигрываютъ въ значеніи и достоинствѣ, когда ихъ поставить въ ихъ естественное соотношеніе съ другими отраслями единой великой науки, часть которой они составляютъ. Взглянемъ на исторію греческаго народа и греческаго языка. Одни заканчиваютъ исторію Греціи битвой при Хероней; другіе, снисходительнѣе, допускаютъ, что жизнь Греціи продолжалась и послѣ того, пока не погибла въ пламени Коринѣа. Послушать иныхъ, такъ жизнь греческаго языка ограничивается

тѣми немногими столѣтіями, которыя, въ силу произвольнаго различенія, обозначаются именемъ „классическихъ“. Другіе ставятъ даже еще болѣе узкія грани. Среди греческихъ историковъ есть одинъ, которому исторія міра представлялась такъ наглядно, какъ никому другому ни прежде, ни послѣ. Это былъ человѣкъ, который въ теченіи одной жизни былъ какъ бы обитателемъ двухъ міровъ, современникомъ двухъ совершенно различныхъ стадій жизни человѣчества. Древній бытъ независимой Греціи, пограничныя войны и внутренняя политика республикъ для Полибія были воспоминаніями первыхъ дней его жизни. Его дѣтство прошло среди традицій Ахейскаго союза, среди людей, которыя были сподвижниками Марка и Арата. Его рожденіе относится почти къ тому времени, когда Мегалополисъ, подъ управленіемъ Лидіада, былъ еще независимой единицей независимаго міра Эллады. Сынъ Ливорта, воспитанный Филопомена, могъ сидѣть ребенкомъ на колѣняхъ освободителей Сикіона и Коринѳа. Онъ могъ помнить то время, когда разсказъ о самоотверженіи ихъ славныхъ тирановъ, еще живо звучалъ въ ушахъ жителей Великаго города ⁵). Онъ самъ несъ на могилу урну послѣдняго героя его родины,—это могъ. быть напр. Анаксандръ или Архидамъ, убитый въ пограничной войнѣ съ мятежниками Мессены ⁶). Онъ могъ помнить то время, когда Македонія, и быть можетъ даже Карфагенъ, были еще независимыми и могущественными державами, способными вести равную борьбу съ преуспѣвавшимъ, но еще не подавлявшимъ ихъ могуществомъ Рима. И онъ дожился до того, какъ все это исчезло. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Африка, Македонія и сама Греція были или присоединены къ Риму или сохраняли лишь призракъ свободы, находясь въ унижительной зависимости отъ народа-побѣдителя. Онъ видѣлъ какъ власть потомковъ Селевка, этихъ вѣрнѣйшихъ наслѣдниковъ побѣды Александра, изъ обширной имперіи западной Азіи превратилась въ мѣстный суверенитетъ сирійскаго царства. Онъ видѣлъ, какъ Пергамъ достигъ своего минутнаго величія и какъ Египетъ началъ клониться къ упадку. Онъ видѣлъ, какъ цвѣтъ азіатской исторіи, мудрый Ликійскій союзъ сталъ потомъ образцомъ того государства, въ которомъ протекла его собственная юность. Онъ

дожилъ до того, что присутствовалъ съ Сципіономъ младшимъ при пожарѣ Кароагена, и, если онъ не видѣлъ самъ разрушенія Коринѳа, то все же ему пришлось участвовать въ законодательствѣ для безпомощной данницы Рима, въ какую превратился Эллинскій союзъ его юности ⁷⁾. Человѣкъ, видѣвшій все это, былъ, конечно, свидѣтелемъ болѣе крупныхъ измѣненій, нежели тотъ, кто жилъ въ эпоху Теодориха и Юстиніана, или въ эпоху перваго Бонапарта. И однако нашли словесники, поклонники „античнаго“ и „классическаго“ ученія, которые нашли нужнымъ исключить изъ этого ученія сочиненія человѣка, видѣшаго все это, потому, что они были въ самомъ дѣлѣ написаны на „плохомъ“ греческомъ языкѣ, потому что они не вполне соответствовали характеру произвольно избранной стади въ исторіи языка, существовавшаго почти три тысячи лѣтъ. Какъ будто форма важнѣе, нежели содержаніе; какъ будто измѣненія въ языкѣ не составляютъ наиболѣе поучительной стороны его исторіи; какъ будто признавать языкъ Полибія плохимъ греческимъ языкомъ лишь потому, что это не былъ языкъ Фукидида, не столь же бессмысленно, какъ если бы кто призналъ плохимъ языкъ Фукидида, потому что это не языкъ Гомера. Но встанемъ выше подобныхъ разгоровъ; примемъ болѣе широкій и болѣе плодотворный взглядъ на долгую исторію самой блестящей формы человѣческой рѣчи. Будемъ помнить, что презираемый греческій языкъ Полибія есть проявленіе одного закона, дѣйствующаго съ того времени до нашего. Фукидидъ, Ксенофонтъ, Демосѳенъ писали и говорили такъ, какъ это было для нихъ всего естественнѣе, на живомъ нарѣчій ихъ эпохи. Языкъ исторіи Полибія есть также мало его разговорный языкъ, какъ и языкъ исторіи Трикуписа. Языкъ аркадской надписи есть нѣчто совершенно отличное отъ языка современной ей исторіи ⁸⁾. Это потому, что аѳинское нарѣчіе уже сдѣлалось общимъ прозаическимъ литературнымъ языкомъ Греціи, чѣмъ и осталось съ тѣхъ поръ навсегда. Классикъ-пуристъ быть можетъ засмѣется, если я придамъ названіе аттическихъ длинному ряду писателей македонской, римской и византійской эпохъ. Но на дѣлѣ это такъ; стиль и духъ могли измѣниться; классическій составъ могъ быть испорченъ чужими и варварскими прибавками; но самыя

формы языка все же оставались аттическими. Позднѣйшій византійскій писатель въ дѣйствительности менѣе отличается отъ Ксенофонта, нежели Ксенофонтъ отъ Геродота. Даже языкъ современныхъ греческихъ газетъ, съ его тщетными попытками возстановить исчезнувшія формы языка, есть аттическій въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ. Его цѣль есть воспроизведение языка Платона и Ксенофонта, а не языка Геродота или Пиндара. Какой еще большій успѣхъ мыслимъ для писателей эпохи кратковременнаго сіянія аѳинской славы, если нарѣчіе одного ихъ города сдѣлалось такимъ образомъ на двѣ тысячи лѣтъ образцомъ греческой прозаической литературы, если оно стало идеаломъ эллинской чистоты среди многихъ и разнообразныхъ природныхъ нарѣчій грековъ? Но истинное значеніе, истинный размѣръ этого успѣха никогда не могутъ быть поняты тѣмъ, кто съ презрѣніемъ устраняетъ прочь все, что не вполне соотвѣтствуетъ тому идеалу, полное осуществленіе котораго было возможно только въ томъ мѣстѣ и въ ту эпоху, когда онъ образовался. Кто хочетъ получить полное представленіе о вліяніи греческаго языка и греческой мысли на исторію міра, тотъ никакъ не можетъ ограничить свое поле зрѣнія тѣми тѣсными рамками пространства и времени, какія отмежевываютъ себѣ пуристы-классики. Нѣтъ, онъ долженъ прослѣдить, какъ въ древнѣйшую эпоху греческой колонизаціи греческій языкъ и греческое искусство распространяются и водворяются по всему поморью, отъ острова Кипра до полуострова Испаніи. Онъ долженъ обратиться къ великому острову Сициліи, дважды послужившему ареной столкновенія между востокомъ и западомъ, между Африкой и Европой, между семитомъ и арійцемъ⁹⁾. Пусть онъ посмотритъ, какъ туземныя племена постепенно поглощались соплеменными завоевателями и сосѣдями, такъ что исчезло различіе между сиколомъ и сициліотомъ, такъ что весь островъ сталъ частью эллинскаго міра, частью, въ которой эллинскій бытъ сохранялся подъ управленіемъ и карфагенянъ, и римлянъ, и сарацинъ, и нормановъ, въ которой тотъ языкъ, на которомъ побѣды Герона были воспѣты лирою Пиндара, сохранился такъ долго, что на немъ сдѣланы надписи о подвигахъ Отвиллей на стѣнахъ сарацинскихъ храмовъ въ Палермо¹⁰⁾. Затѣмъ пусть обратится къ

фивейскимъ поселеніямъ въ Галліи; пусть посмотритъ, какъ среди населенія болѣе чуждаго, чѣмъ соплеменные сивулы, греческое искусство и письменность сохранялись въ теченіи вѣковъ, и какъ выходцы изъ Массиліи сносились, если не съ нашими предками, то по крайней мѣрѣ съ нашими предшественниками на нашемъ островѣ. Пусть онъ прослѣдитъ долгую исторію самой республики Массиліи; пусть онъ прослѣдитъ, какъ духъ людей, бѣжавшихъ отъ персидскаго ига, сохранился въ ихъ потомкахъ, сопротивлявшихся могуществу цезаря, и снова возродился въ позднѣйшее время въ сопротивленіи болѣе суровому могуществу Карла Анжуйскаго ¹¹⁾. Отъ западной окраины греческой колонизаціи обратимся къ восточной; перенесемъ нашъ взоръ съ сѣвернаго побережья Средиземнаго моря къ сѣверному побережью Негостепримнаго моря. Греческое царство на Босфорѣ и греческая республика въ Херсонесѣ уже такъ забыты всѣми, что можно усомниться, чтобы восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда эти имена были у всѣхъ на языкѣ, между военными, туристами и писателями того времени нашелся хотя бы одинъ, кто бы зналъ, что находясь въ Севастополѣ, онъ ступаетъ по развалинамъ послѣдней изъ греческихъ республикъ. И однако не слѣдуетъ забывать, что еще нѣсколько вѣковъ послѣ того, какъ Аѣины, и Спарта, и Фивы были поглощены могуществомъ Рима, нѣсколько вѣковъ послѣ того, какъ ихъ граждане смѣнили имя эллиновъ на имя римлянъ, огонь нѣкогда свѣтившій въ пританѣѣ Мегары все еще поддерживался, что одна республика все еще существовала, греческая и по крови, и по языку, и по духу, союзная, но не подвластная властителямъ древняго и новаго Рима ¹²⁾. Мы прослѣдили, какъ греки расселялись по далекимъ побережьямъ, унося съ собою съ родины свою свободу. Теперь мы обратимся къ другимъ эпохамъ и къ другимъ мѣстностямъ, гдѣ греческій языкъ и греческое искусство распространялись, не принося съ собой греческой свободы. И однако было что то такое, что заставило македонскаго властителя Греціи, прежде чѣмъ она ему предалась, самому стать грекомъ, быть принятымъ въ религиозное братство Греціи и быть избраннымъ, хотя бы и съ наружнаго лишь согласія греческихъ республикъ, ихъ общимъ предводителемъ въ войнѣ противъ варваровъ ¹³⁾. Тотъ, кто

подавить старую политическую свободу Греціи, распространилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея языкъ и ея культуру въ государствахъ Востока. Центръ греческой интеллектуальной жизни перемѣстился съ береговъ Иллісса и Еврота къ берегамъ Оронта и Нила. Даже варварскій галль, потомокъ разрушителей Дельфійскаго храма, подпалъ въ своей новой родинѣ этому магическому вліянію и его азіатская страна даже стала называться галльской Греціей ¹⁴). Такимъ образомъ возникла искусственная греческая народность, отчасти греческая по происхожденію и вполнѣ греческая по языку и культурѣ, такъ долго раздѣлявшая господство надъ міромъ и, послѣ нѣсколькихъ вѣбовъ рабства, снова возродившаяся въ наше время. Стоитъ также обратить вниманіе на то, какъ Греція подчиняетъ своему вліянію не только своего македонскаго, но и своего римскаго завоевателя; не надо забывать, что первые римскіе историки записали римскія преданія на греческомъ языкѣ, и что почти каждый римскій поэтъ обращался къ Греціи, какъ къ источнику своего вдохновенія. Мы не должны останавливаться на вѣкѣ Августа или Флавія. Если мы хотимъ вполнѣ увидѣть силу подчиненія Рима греческому вліянію, намъ надо взглянуть на двухъ императоровъ, святыхъ язычества, на Марка въ его лагерь при Дунаѣ, и на Юліана въ его лагерь при Рейнѣ, избирающихъ греческій, а не латинскій языкъ, чтобы получить свидѣтельство о томъ времени, когда молитва мудраго находила себѣ отвѣтъ и философы господствовали надъ міромъ. Но затѣмъ мы должны обратиться къ исторіи той религіи, въ отношеніи къ которой одинъ изъ этихъ императоровъ былъ преслѣдователемъ, другой вѣроотступникомъ. Завоеванія Александра, сдѣлавшіе греческій языкъ литературнымъ языкомъ цивилизованной Азіи, были причиной того, что ученіе Христа было повѣдано міру на греческомъ языкѣ и что языкъ этотъ былъ языкомъ первыхъ и самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ христіанства. Преданія Греціи и Рима, завоеванія македонскихъ воиновъ и христіанскихъ апостоловъ, все это соединилось, когда престолъ и имя Рима были перенесены къ другому восточному городу съ населеніемъ, говорящимъ по гречески, и нѣкогда языческая колонія Мегары была сдѣлана христіанской столицей Константина. Тутъ сохранялось господ-

ство римскаго права, но языкъ, наука, искусство были греческія, и такимъ образомъ сохранилось господство города, признаннаго своимъ интеллектуальной владыкой тѣми, кто погрѣлъ и ниспровергъ его политическое могущество. Мы не прослѣдимъ всей исторіи Греціи, если не прочтемъ сказаній, вырѣзанныхъ на ея языкѣ на монументахъ Равенны и блистающихъ во всей своей славѣ на аркахъ Венеціи и Торчелло ¹⁵⁾ Мы не можемъ вполне понять вліянія Греціи на весь міръ, если не прочтемъ, какъ панегиристъ норманскаго завоевателя повѣтствуетъ намъ, что добыча его въ Англии была такъ богата, что она пригодилась бы и императорскому городу, и что даже греческій взоръ остановился бы на ней съ удивленіемъ ¹⁶⁾. Имперія греческая исчезла, но сохранилась неизмѣнившаяся греческая церковь, которая все еще говоритъ языкомъ Павла и Златоуста, которая все еще молится тѣми же самыми словами, какія произносились въ богослуженіи древнѣйшей эпохи, которая все еще сохраняетъ свой символъ свободнымъ отъ вставокъ позднѣйшаго времени ¹⁷⁾, и одна изъ всѣхъ христіанскихъ церквей можетъ дать своимъ вѣрнымъ подлинный Новый Заветъ, а не человѣческія его истолкованія. И вотъ теперь эллины, въ теченіи вѣковъ срывавшіеся подъ именемъ римлянъ, снова явились предъ нами, какъ особая народность; народность, составленная правда искусственно, что васаается ея происхожденія, но вполне опредѣляющаяся своимъ греческимъ языкомъ и своей греческой вѣрой. И если возрожденіе Эллады въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не удалось, то что было причиной этому? Главнымъ образомъ то, что возрожденная Эллада въ пылу возрожденія забыла свое длинное, непрерывное существованіе. Больше всего мѣшало развитію освобожденнаго народа именно мечта о невозвратномъ прошломъ, воспоминаніе исключительно объ одной классической эпохѣ своей исторіи. Если бы Греція могла совершенно забыть Аѳины и Спарту, если бы она могла смотрѣть на себя просто какъ на одно изъ христіанскихъ племенъ, освобожденныхъ или имѣющихъ быть освобожденными отъ ига невѣрныхъ—если бы Греція могла сама смотрѣть на себя и согласиться, чтобы другіе смотрѣли на нее также, какъ на Сербію или Болгарію—ей бы гораздо легче было занять твердое положеніе между народами

Европы, нежели теперь, когда она все еще мечтает о Фермопилах и Мараонѣ; несмотря на тотъ тяжелый урокъ, когда ея борьба за свободу снова оросила кровью побѣдоносныхъ варваровъ ту же самую почву Фермопилъ и Мараона.

Конечно, при такомъ взглядѣ на исторію мы поймемъ, что она дѣйствительно едина; такой взглядъ показываетъ намъ, какъ тѣсно связаны между собой всѣ части великой драмы, какъ мало можемъ мы довольствоваться отдѣльнымъ разсмотрѣніемъ ея сценъ, какъ изолированныхъ отрывковъ, помимо ихъ отношенія къ предыдущимъ и послѣдующимъ сценамъ. И конечно мы отдаемъ „античной“ или „классической“ эпохѣ, народу, который представляется первымъ учителемъ человѣчества, и языку, который послужилъ для этого орудіемъ, высшую дань уваженія не тогда, когда ограничиваемъ ихъ изученіе немногими столѣтіями, а тогда, когда изслѣдуемъ ихъ вліяніе на всю послѣдующую исторію, когда признаемъ, какъ велико вліяніе этого „античнаго“ міра на современный намъ міръ, когда признаемъ, что языкъ, который мы ошибочно называемъ „мертвымъ“, въ дѣйствительности никогда не умиралъ, но все еще живъ, какъ и всегда оставался живымъ въ теченіи столь многихъ вѣковъ. Но еще яснѣе представится намъ единство исторіи, если отъ Греціи и ея вліянія на человѣчество мы обратимся къ другому „античному“ и „классическому“ народу, къ долгой, вѣковѣчной жизни другаго языка, въ отношеніи къ которому эпитетъ „мертвый“ звучитъ еще болѣе странно. Обратимся же къ Риму, не къ одному лишь „классическому“ Риму одного или двухъ поколѣній подражательныхъ поэтовъ, но къ дѣйствительно Вѣчному Городу, къ Риму всемірной исторіи. И мы также получимъ новое важное доказательство истиннаго единства исторіи въ томъ, что многое, что было нами разсматриваемо какъ греческое, съ другой стороны представляется римскимъ. Вліяніе Греціи на позднѣйшую исторію, какъ оно ни было глубоко и прочно, было всетаки вліяніемъ преимущественно косвеннымъ, вліяніемъ примѣра и аналогіи. Ни одинъ современный народъ не управляется законами Ликурга или Солона; ни одно изъ современныхъ государствъ не ведетъ начало своего политическаго существованія непосредственно отъ афинской демократіи или македонской монархіи. Но Римъ все еще жи-

веть во внутреннемъ быту каждаго современнаго европейскаго государства. Два вѣковѣчныхъ признака его господства представляются намъ при первомъ взглядѣ на современный мѣръ, и нѣтъ надобности ни размышлять, ни рыться въ памятникахъ для того, чтобы сдѣлать ихъ видимыми каждому. Трое изъ главнѣйшихъ народовъ Европы все еще говорятъ языкомъ Рима, въ такой формѣ, правда, что ихъ языки сдѣлались уже самостоятельными языками, но тѣмъ не менѣе они являются живыми свидѣтелями вѣковѣчнаго вліянія Рима, не только какъ завоевателя, но и какъ цивилизатора западныхъ странъ. И у всѣхъ народовъ, говорящихъ его языкомъ, какъ и у многихъ иноязычныхъ народовъ, городъ кесарей и папъ все еще считается столицей религіозной, хотя уже и не считается болѣе столицей политической. Взглянемъ на исторію Рима и его языка. О Римѣ можно сказать еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ о Греціи, что вѣщанія его пропли во всѣ страны и его языкъ во всѣ концы земли. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи одно или два столѣтія „классической“ чистоты латинскаго языка представляются лишь однимъ моментомъ въ длинной лѣтописи его исторіи. У насъ можетъ даже явиться мысль, не опустить ли вовсе эпоху его „классической“, или—что тоже—подражательной литературы, какъ простой лишь эпизодъ въ исторіи безсмертнаго языка Рима. У насъ можетъ явиться мысль, что оригинальная литература Италиі впала въ *katabothra* въ то время, когда Камени плакали на могилѣ Невія, и что она снова возродилась, когда прошло господство чуждыхъ музъ, и Пруденцій и Амвросіей черпали вдохновеніе изъ источника, по крайней мѣрѣ не болѣе чуждаго, чѣмъ ключъ Геливона ¹⁸⁾. Древнія сатурнійскія пѣсни, въ которыхъ воспѣвалась печальная судьба Рима, давшая ему въ консулы Метелловъ, вновь слышутся въ новыхъ сатурнійскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣвалась хвала императору Фридриху и реформаторская политика графа Симона ¹⁹⁾.

Истинный отличительный характеръ латинскаго языка выразился не въ его поѣтахъ, даже не въ его историкахъ и ораторахъ. Особеннымъ призваніемъ Рима было, какъ говоритъ одинъ изъ его поѣтовъ, править народами; не только завоевать

ихъ своимъ оружіемъ, но распространять на нихъ свое безсмертное право. Наиболѣе полное выраженіе его продолжительной жизни слѣдуетъ видѣть не въ триумфахъ его диктаторовъ, а въ эдиктахъ его преторовъ. Наиболѣе оригинальная отрасль римской литературы заключается въ томъ, что мы, пожалуй, вовсе не отнесемъ къ литературѣ, въ непосредственныхъ памятникахъ римскаго правленія, въ книгахъ римскихъ законовъ, въ итинераріяхъ римскихъ провинцій, въ ноціяхъ правительствъ и должностныхъ лицъ. Истинная слава латинскаго языка въ томъ, что онъ сталъ языкомъ права и власти. Онъ сталъ языкомъ двоякаго суверенитета Рима и его двоякаго законодательства, языкомъ церкви и языкомъ имперіи, языкомъ преемниковъ Августа и преемниковъ св. Петра. Онъ былъ излюбленнымъ языкомъ церковнаго и свѣтскаго правленія, языкомъ каждаго государя и священника, облакавшася въ обрывокъ императорской или папской мантии Рима. Въ гимнѣ жрецовъ *Fratres Arvales*, въ „*Lex horrendi carminis*“ древнѣйшей сохранившейся римской формулы ²⁰⁾ мы находимъ начало длиннаго ряда указаній на его двоякое владычество, какъ свѣтскаго и религіознаго главы западнаго міра. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи истинное торжество латинскаго языка слѣдуетъ искать въ странахъ, далеко отстоящихъ отъ семи холмовъ, и даже отъ береговъ Аппенинскаго полуострова. Языкъ Рима, этотъ языкъ скорѣе Ульпіана и Гая, нежели Вергилія и Горация, сдѣлался языкомъ Кодекса и Капитулярій, языкомъ ложныхъ Декреталій и истинныхъ Дѣяній Соборовъ, языкомъ *Domesday-book* и Великой Хартіи, языкомъ служебника и часослова, языкомъ, который въ теченіи вѣковъ былъ въ глазахъ западнаго міра подлиннымъ языкомъ самаго св. писанія, языкомъ, на которомъ всѣ западные народы писали свои законы и лѣтописи, языкомъ, на который всѣ народы, подпавшіе его непосредственному господству, готовы были промѣнять свой родной языкъ. Этотъ вѣковѣчный и повелительный характеръ латинскаго языка гораздо болѣе, чѣмъ даже величайшія произведенія одного или двухъ короткихъ періодовъ его долгой жизни, даютъ ему во всемірной исторіи такое положеніе, какового не можетъ раздѣлить съ нимъ никакой другой языкъ Европы. Но его положеніе во всемірной исторіи можетъ быть понято только тѣми, кто смотритъ на

исторію міра, какъ на одно непрерывное цѣлое. Оно непонятно будетъ для тѣхъ, кто нарушаетъ единство исторіи искусственнымъ раздѣленіемъ „древняго“ и „новаго“ міра. Многое, что для поверхностнаго взгляда представляется простымъ подражаніемъ, простымъ искусственнымъ возрожденіемъ, было въ дѣйствительности непрерывнымъ сохранявшимся преданіемъ. Изъ всѣхъ языковъ земнаго шара латинскій наименѣе можетъ быть названъ мертвымъ. Еще вчера онъ былъ общимъ языкомъ науки и просвѣщенія; онъ все еще остается церковнымъ языкомъ цѣлой половины Европы; онъ все еще составляетъ ключъ къ европейской исторіи и европейскому праву; и если на немъ не говорятъ теперь въ его древней формѣ, то все же онъ еще живетъ подъ новыми формами, развившимися въ провинціяхъ, покоренныхъ и цивилизованныхъ Римомъ. Основательно говорятъ, что истинный словесникъ долженъ знать не только изъ чего образуются слова, но и во что они преобразуются ²¹). Исторія латинскаго языка была бы не полна безъ исторіи тѣхъ измѣненій, въ силу которыхъ онъ превратился въ языкъ Данта и Виллани, въ языки провансальскихъ трубадуровъ и кастильскихъ компедоровъ, и въ тотъ позднѣйшій, но нѣкогда мощный языкъ, на которомъ явились стихи Васа и проза Жуан-вилля, и все еще сохраняется въ столь многихъ статутахъ и памятникахъ и юридическихъ формулахъ нашей собственной страны.

Дѣйствительно, какъ полное значеніе и величіе римской исторіи не можетъ быть понято безъ полнаго пониманія всей исторіи, такъ и сама по себѣ исторія Рима представляетъ одинъ изъ величайшихъ примѣровъ единства исторіи. Исторія Рима есть исторія всего европейскаго міра. Весь древній европейскій міръ заканчивается Римомъ, и отъ Рима же ведетъ свое начало позднѣйшій европейскій міръ. Истинное значеніе римской исторіи, какъ отрасли всемірной исторіи, или лучше абсолютное тожество римской исторіи со всеобщей, можетъ быть понятно вполнѣ только тогда, если обратить особенное вниманіе на тѣ вѣка европейской исторіи, которыми большинство пренебрегаетъ. Обыкновенно изучаютъ то, что называютъ греческой и римской исторіей; потомъ изучаютъ исторію новыхъ государствъ Англии и Франціи. Но рим-

ская исторія заканчивается самое большее изложеніемъ Августула; иногда не идутъ дальше Фарсаліи и Филиппа. Изученіе англійской исторіи начинаютъ съ того момента, когда Англія на время перестала быть Англіей; исторію Франціи съ той эпохи, которая указываетъ намъ, что величайшимъ германцемъ былъ французъ. Во всякомъ случаѣ дѣло становится такъ, что между „древней“ или „классической“ исторіей и исторіей „новой“ остается совершенный пробѣлъ. Для того, чтобы понять исторію какъ одно цѣлое, для того, чтобы понять, что исторія Рима дѣйствительно сливается съ исторіей Европы, нужно изслѣдовать положеніе вещей не только, какъ онѣ представляются намъ изъ Рима и Аѳинъ, изъ Парижа и Лондона, но также и изъ Константинополя, Аахена, Равенны. Въ Равеннѣ, въ этомъ удивительномъ городѣ, мы стоимъ какъ бы на перешейкѣ, соединяющемъ собою два міра, и тутъ среди римскихъ, готическихъ и византійскихъ памятниковъ, мы чувствуемъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ дѣйствительности была исторія римской имперіи. Именно въ эпоху упадка могущества Рима, въ эту эпоху, которая на дѣлѣ была эпохой его величайшихъ завоеваній, мы лучше видимъ, какъ велико, какъ вѣковѣчно было могущество Рима. Когда мы видимъ, какъ побѣжденный Римъ подчиняетъ своему вліянію своего тевтонскаго побѣдителя, мы понимаемъ тогда, какъ прочно было то, что совершено Суллой, Августомъ, Діоклетіаномъ и Константиномъ. Мы видимъ это также тогда, когда Одоакръ и Теодорихъ боялись присвоить себѣ титулы и знаки императорской власти, и когда императорская корона возлагалась на голову франкскаго Карла. Въ наши дни намъ указываетъ на это то, что прозвище, *agnomen*, одного изъ римскихъ родовъ, страннымъ образомъ превращенное въ оффиціальныи титулъ римскихъ государей, все еще остается высшимъ и наиболѣе вожделѣннымъ изъ земныхъ титуловъ. Для того, чтобы понять, чѣмъ былъ Римъ, чѣмъ онъ представлялся въ глазахъ другихъ народовъ, недостаточно прочесть, какъ Горацій посылаетъ еще живаго консула и трибуна вкушать съ богами нектаръ, или какъ Виргилій и Луканъ предлагаютъ ему выбрать для себя какую угодно часть вселенной²²). Нѣтъ, нужно еще посмотрѣть на то, какимъ представлялся Римъ, въ эпоху своей предполагаемой смерти, тѣмъ, кто его

побѣдилъ. Послушаемъ гота Атанариха, когда, пораженный блескомъ новаго Рима, онъ свидѣтельствуеть, что императоръ есть земной Богъ, и что на голову того, кто осмѣлится ему сопротивляться, падеть его кровь ²³). Послушаемъ Атольфа въ минуту его торжества, какъ онъ рассказываетъ, что нѣкогда мечталъ уничтожить и самое имя Рима, поставивъ готовъ на мѣсто римлянъ, и Атольфа на мѣсто Августа, но потомъ понялъ, что мѣръ не можетъ быть управляемъ иначе, какъ законами Рима, и что высшая слава, о какой онъ теперь думаетъ, заключается въ томъ, чтобы употребить силу готовъ на защиту римскаго государства ²⁴). Итакъ, имя и власть Рима все еще живутъ, выражаясь въ императорскомъ титулѣ государей отъ Винчестера до Трапезунда, считающихъ высшей славой для себя покрыться обрывками его пурпурной мантии; имя Рима перешло не только къ его подданнымъ, союзникамъ и ученикамъ, но и къ разрушителямъ его могущества и вѣры: Тимуръ, пришедши изъ своей невѣдомой монгольской страны, въ своемъ вызовѣ къ Оттоману Баязету, называетъ его цезаремъ Рима ²⁵). Но не въ однихъ только именахъ и титулахъ выражается вліяніе Рима. Повсюду законодательство почти всѣхъ европейскихъ народовъ, кромѣ нашего, основывается на законодательствѣ Сервія и Юстиніана, — пока преемники Львовъ и Иннокентіевъ, лишеныя всякой мѣрской власти, все еще считаются миллионами людей надѣленными властью не отъ міра сего — до тѣхъ поръ никто не вправѣ сказать, чтобы могущество Рима было дѣломъ давно минувшихъ дней или чтобы исторія его двойкаго господства была исторіей господства уже совершенно прекратившагося.

Слѣдя долгу ю исторію среднихъ вѣковъ въ истинномъ значеніи этого слова, тѣхъ вѣковъ, когда римскій и германскій элементы стояли еще рядомъ, не слившись въ одно соединенное цѣлое, изучая тѣ мѣстности, которыя ознаменовались подвигами римскихъ цезарей и германскимъ королей — мы находимъ много сценъ, которыя наглядно показываютъ намъ, что европейская исторія есть дѣйствительно одно непрерывное цѣлое. Тутъ были моменты, когда соперничавшіе элементы встречались самымъ удивительнымъ образомъ, когда перемѣшанные самымъ страннымъ образомъ языки, племена, понятія, различ-

ныхъ эпохъ и странъ сходились вмѣстѣ. Но я выберу одну такую сцену изъ многихъ. Представимъ себѣ, что мы находимся въ аѳинскомъ акрополисѣ въ началѣ одинадцатаго столѣтія нашей эры. Тутъ многое измѣнилось со временъ Перикла и даже со временъ Алариха. Умоляе голосъ оратора на Пниксѣ, умоляе голосъ философа въ академіи. Аѳина-Защитница не оберегаетъ болѣе своего города своимъ подъятымъ копьемъ, и нѣтъ болѣе людей, которые бы думали, что въ случаѣ нападенія готовъ, ея изображение отгонить ихъ отъ стѣнъ ²⁶). Но ея храмъ стоитъ, еще нетронутый ни кононадой туровъ и венеціанцевъ, ни рувою шотландскаго грабителя. И онъ является въ глазахъ людей болѣе священнымъ, чѣмъ когда либо; онъ посвященъ такому культу, о которомъ Иктинъ и Калликратъ никогда не слыхали; и даже въ одномъ отношеніи его назначеніе и его имя тѣ же, что и прежде: домъ Дѣвы и остался домомъ Дѣвы. Старые алтари, старые идолы уничтожены; но взамѣнъ ихъ явились алтари безкровныхъ жертвъ, на стѣнахъ капища, подобно стѣнамъ св. Софіи и св. Виталія, красуются изображенія еврейскихъ патриарховъ, христіанскихъ мучениковъ и римскихъ цезарей. И тутъ совершается торжество, но не по поводу встрѣчи возвращающагося олимпійскаго побѣдителя, не по поводу встрѣчи освобожденными тысячами побѣдителей при Мараонѣ, не по поводу принесенія ихъ раболѣнными потомками нечестиваго поклоненія обоготворенному ими Димитрію ²⁷). Это пришелъ побѣдитель принести благодареніе небу въ этихъ древнихъ стѣнахъ; императоръ римлянъ благодаритъ Господа въ церкви св. Маріи Аѳинской за избавленіе своей имперіи. Римлянинъ по титулу, грекъ по языку—хвалящійся происхожденіемъ отъ македонянина Александра и парва Арсака, но въ дѣйствительности, какъ говоритъ молва, происходящій изъ того же славянскаго племени, которое уже дало имперіи Юстиніана и Велисарія—только что побѣдившій народъ, туранскій по крови, славянскій по языку и дающій своимъ царямъ имена еврейскихъ пророковъ ²⁸), Василій Второй, побѣдитель Болгаръ, возстановитель византійскаго могущества, воздаетъ благодарственную жертву Богу и Панагіи въ старомъ языческомъ храмѣ демократическихъ Аѳинъ, какъ бы собравъ вокругъ себя всѣ эпохи и народности міра для того, чтобы показать этимъ

сопоставленіемъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, что исторія ни одной эпохи, ни одной народности не можетъ быть отдѣляема отъ исторіи другихъ ²⁹). Можно бы было собрать и другія сцены въ этомъ же родѣ, но и этой одной, быть можетъ, самой поразительной, вполне довольно. Я не знаю болѣе достойнаго сюжета для картины или для поѣмы.

Мы можемъ провѣрить это начало единства исторіи и во многихъ другихъ и разнообразныхъ примѣненіяхъ. До сихъ поръ я говорилъ о такихъ отрасляхъ исторіи, единство которыхъ выражается въ формѣ непосредственной связи ихъ между собой, въ видѣ длиннаго ряда событій, связанныхъ между собой соотношеніемъ причины и слѣдствія. Но есть и другія отрасли исторіи, единство которыхъ сказывается едва ли менѣе разительно, но въ другомъ видѣ, а именно въ ихъ сходствѣ. Человѣкъ остается въ дѣйствительности всегда одинъ и тотъ же; даже тогда, когда непосредственная связь причины и слѣдствія не имѣетъ мѣста, мы все же видимъ, что въ эпохи и въ мѣстностяхъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, одинаковыя причины влекутъ за собой одинаковыя послѣдствія. Европейская исторія образуетъ одно цѣлое въ самомъ точномъ смыслѣ, но между европейской и азіатской исторіей имѣется лишь случайная и частная связь. Судьба Римской имперіи не имѣла вліянія на перевороты въ исторіи мусульманскаго калифата и еще меньше вліянія имѣла она на кратковременное господство династіи Чингисхана или имперіи Могола въ Индіи. Но распаденіе европейской имперіи и составлявшихъ ее государствъ на части находятъ себѣ точную параллель въ судьбѣ этихъ далекихъ восточныхъ монархій. Послѣ того, какъ Новый Римъ уже лишился всякой дѣйствительной власти на Западѣ, готскіе и франкскіе короли все еще называли себя намѣстниками отсутствующаго императора. Атольфъ завоевалъ Испанію, Теодорихъ—Италію по порученію императора, а Одоакръ, Хлодвигъ и самъ Теодорихъ принимали даже титулы консула и патриція, также какъ Боэцій и Велисарій. Такъ въ позднѣйшее время мы видимъ французскихъ герцоговъ въ Парижѣ воздающихъ внѣшнія почести королю франковъ въ Лионѣ и въ то же время нападающихъ на него, изгоняющихъ его; возящихъ его съ собою какъ плѣнника, но все же не держащихъ

лишить его королевскаго титула ³⁰⁾. Мы видимъ аввитанскихъ и тулузскихъ принцевъ, признающихъ себя на столько вассалами этого короля, что они датируютъ свои грамоты годами его царствованія, но не заботящихся сказать ни слова ни за, ни противъ своего сюзерена въ его борьбѣ съ мятежными вассалами. Въ времена гораздо болѣе близкія къ нашему времени мы видимъ, что къ императору и королю германскому обращаются въ выраженіяхъ самаго глубокаго почтенія и прислуживаютъ ему, какъ придворные, государи, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо могущественнѣе его и никогда не затруднялись поднять мечъ противъ этого владыки міра, не имѣвшаго, какъ таковой, ни пяди земли. Параллель этому мы находимъ, когда владѣнія Чингисхана распадаются на безчисленныя части, сохраняющія все таки память о своемъ законномъ суверенѣ. Это представляется намъ во всей полнотѣ, когда эмиръ Тимуръ, не присвоивая себѣ высшаго титула, все еще признаетъ такимъ образомъ наслѣдственныя права Великаго хана, находящагося простымъ наемникомъ въ его войскѣ ³¹⁾. Тотъ же смыслъ имѣетъ и то, что каждый изъ мусульманскихъ государей, захватившихъ часть прежнихъ владѣній имперіи Сарациновъ, почтительно искалъ инвеституры у калифа своей секты, что Баязеть Громоносецъ унизился до полученія патента на султанское достоинство отъ жалкаго раба египетскихъ мамелюковъ, и что Селимъ Непреклонный получилъ отъ послѣдняго Абассида формальную уступку ранга и титула повелителя вѣрныхъ ³²⁾. Мы находимъ тоже самое и въ событіяхъ болѣе близко касающихся насъ самихъ. Мы находимъ тоже самое въ исторіи нашихъ отношеній къ странѣ, которую мы отняли, провинцію за провинціею, отъ государей, зависимыхъ по формѣ отъ наслѣдниковъ Тимура. Мы видимъ это и въ тѣхъ отношеніяхъ, какихъ мы сами держались съ наслѣдникомъ Тимура, сначала относясь къ нему какъ къ ласкаемому пансіонеру, господину только въ стѣнахъ своего дворца, а потомъ какъ къ преступнику и плѣннику, въ болѣе суровой сепляѣ, нежели какую испыталь Гливерій въ своемъ епископствѣ, или послѣдній мервингъ въ своемъ монастырѣ.

Въ заключеніе еще одно слово. Теперь, въ силу какой то неестественной реакціи, стало по видимому въ модѣ возста-

вать противъ „античнаго“ и „классическаго“ изученія вообще. Какой, спрашиваютъ насъ, толкъ въ изученіи языковъ уже „мертвыхъ“? Какой толкъ въ изученіи памятниковъ временъ навсегда прошедшихъ? Люди, считающіе себя государственными людьми и историками, не стыдятся разъѣзжать по странѣ, распространяя вездѣ, гдѣ только это можетъ имъ снискать одобреніе, смѣлую ложь, будто одни лишь эти и нивакіе другіе предметы составляютъ единственное занятіе нашихъ древнихъ университетовъ. Въ своей жалкой поверхностности, они спрашиваютъ, какая польза отъ изученія исторіи „мелкихъ государствъ“? Какую пользу можетъ принести изученіе исторіи сраженій, въ которыхъ было такъ мало убитыхъ, какъ при Марафонѣ? ³³). Я могъ бы вовсе не останавливаться здѣсь на опроверженіи такихъ прозрачныхъ софизмовъ. Однако и эти ложныя заключенія и софизмы составляютъ признаки времени, которыми мы не можемъ пренебречь. Отвѣтъ у насъ подъ руками. Пока мы относимся къ исторіи Греціи и Рима, какъ къ чему то особенному и таинственному, къ чему то такому, что должно быть поставлено отдѣльно, что должно изучать и изслѣдовать по особой методѣ, до тѣхъ поръ мы сами даемъ оружіе въ руки врага. Пока у насъ существуютъ „классическія“ школы вмѣсто общихъ словесныхъ школъ, пока существуютъ особыя школы „новой“ исторіи, вмѣсто общихъ историческихъ школъ ³⁴), пока, въ какомъ бы то ни было отношеніи, мы признаемъ то различіе, которае предполагается выраженіями „классическій“ и „античный“, до тѣхъ поръ мы сами поддерживаемъ направленное противъ насъ нападеніе. Мы сами вѣдь признаемъ тогда, что если не все, то главное наше вниманіе обращено на такіе предметы, которые стоятъ совершенно особнякомъ, и чужды всякаго вліянія на интеллигенцію и жизнь современной эпохи. Для того, чтобы отразить такого рода нападеніе, слѣдуетъ устранить эти разгородки, и забыть, если возможно, всё тѣ воззрѣнія, которыя предполагаются этимъ различіемъ „античнаго“, „классическаго“, и „новаго“, смѣло признать, что никакіе другіе языки не могутъ быть признаны болѣе живыми, какъ эти языки, ошибочно называемые мертвыми, что никакая другая часть исторіи не имѣетъ болѣе современнаго значенія, въ смыслѣ богатой практической поучительности ея для нашей

политической и общественной жизни,—как исторія той эпохи, которую, съ чисто хронологической точки зрѣнія, мы называемъ „древней“. Если кто спроситъ, развѣ французскій и нѣмецкій не болѣе полезные языки, чѣмъ греческій и латинскій, мы отвѣтимъ ему, что, въ силу ихъ сродства по происхожденію, нельзя знать въ совершенствѣ французскій языкъ, не зная того, какъ онъ развился изъ латинскаго. Мы отвѣтимъ ему также, что уже не въ силу преемства происхождения, но въ силу сродства и сходства, нельзя знать въ совершенствѣ нѣмецкій языкъ, не изучивъ сродныхъ формъ греческаго языка. Если спросятъ, какая польза въ изученіи исторіи мелкихъ государствъ, мы отвѣтимъ, что нравственное и интеллектуальное величіе не опредѣляется физическимъ пространствомъ; что малый объемъ государства уже самъ по себѣ возвышаетъ и возбуждаетъ силу его гражданъ, и дѣлаетъ исторію небольшой республики болѣе поучительной для политики, нежели исторія огромной имперіи. Если намъ скажутъ, какая польза въ изученіи событій и учреждений столь отдаленной отъ насъ эпохи, мы отвѣтимъ, что разстоянія тутъ нельзя измѣрить просто количествомъ прошедшаго времени, и что эта эпоха, бывшая колыбелью литературы, искусства и политической свободы, частью въ силу аналогіи и непрямаго вліянія, частью въ силу прямого соотношенія причинности, не отдалена, а напротивъ очень близка намъ. Стведемъ исторіи и литературѣ Греціи и Рима, въ ихъ избранныхъ періодахъ, достойное мѣсто въ исторіи чловѣчества, но не болѣе. Будемъ смотрѣть на „древнихъ“, на людей Плутарха, на людей Гомера, не какъ на существа иной расы, но какъ на людей съ такими же страстями, какъ и мы, какъ на старшихъ братьевъ въ общей арійской семьѣ. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ отвѣтить противникамъ; съ этой точки зрѣнія мы можемъ убѣдить неученыхъ и недумавшихъ, что наше изученіе не есть тщетное разыскиваніе того, что уже умерло и прошло. Станемъ же распространять этотъ взглядъ, по которому языкъ, которымъ мы теперь говоримъ, есть тотъ же, что и языкъ Гомера; по которому еkkлeзія Аѳинъ, комиціи Рима и парламентъ Англіи—представляются всѣ лишь частными проявленіями одного общаго настѣдія; по которому Клісеень, Лициній и Симонъ Монфорть представляются ра-

ботавшими надъ однимъ общимъ дѣломъ. Пусть эта идея руководить нами въ изученіи памятниковъ какъ древности, такъ и новаго времени—и мы найдемъ, что занятія нашей юности все еще сохраняютъ почетное мѣсто среди занятій позднѣйшей жизни, что герои древнихъ преданій, что дѣятели древней исторіи не теряютъ, а скорѣе выигрываютъ въ достоинствѣ, когда исключительный предрасудокъ замѣнился разумнымъ къ нимъ уваженіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ЛЕКЦІЯ I.

1) (стр. 4). *Max Müller*, Oxford Essays, 1856, p. 27. „Англійское названіе мельницы „mill“ есть также весьма древнее, такъ какъ оно существуетъ не только въ древне-верхне-германскомъ, *mulī*, но и въ литовскомъ *malūnas*, въ чешскомъ *mlýn*, въ гальскомъ *melin*, въ латинскомъ *mola* и въ греческомъ *μύλη*“. Предполагая даже, что слово это встрѣчается только въ языкахъ западной отрасли арійцовъ, все же невозможно допустить, чтобы оно явилось во всѣхъ этихъ языкахъ иначе, а не въ силу первоначального сходства. Можно было бы найти примѣры, касающіеся болѣе широкаго круга языковъ; но приведенный примѣръ отличается особенною ясностью и не требуетъ филологическаго навыка для того, чтобы замѣтить сходство различныхъ родныхъ словъ.

2) (стр. 6). О сродствѣ греческихъ *charis* и *charites* съ санскритскимъ *harits* смотри *Müller*, Science of Language, II, 369—376, 381—383; *Cox*, Aryan Mythology, I, 48, 210; II, 2. Кожъ, по обыкновенію, идетъ въ своихъ заключеніяхъ нѣсколько дальше, чѣмъ проф. Мюллеръ. Я не вижу никакого затрудненія считать греческое слово *χαρίς* и его греческіе производные происходящими отъ того же первоначальнаго корня *ghar*, какъ и санскритское *harits* и сходные съ нимъ санскритскія слова, и въ то же время признавать, что миеологическіе *Charis* и *Charites* появились уже послѣ того, какъ нарицательное *χαρίς* получило свое особенное греческое значеніе. *Charis* и *Charites* являются въ такомъ случаѣ дѣйствительными олицетвореніями, подобными другимъ олицетвореніямъ, съ которыми они сравниваются въ текстѣ. *Charits* и *Cha-*

rites имѣють такимъ образомъ между собою сходство, общее сходство, какое существуетъ между двумя любыми словами, происходящими отъ одного и того же корня. Я не могу согласиться съ Ковсомъ (I, 210), чтобы мы должны были видѣть между ними такую же связь, какая существуетъ между *Dyaus* и *Zeus*.

3) (стр. 7). Солнечной теоріей въ объясненіи мифовъ несомнѣнно злоупотребляли; съ другой стороны, она сдѣлалась предметомъ многихъ шутокъ, гораздо болѣе глупыхъ, нежели какая либо изъ странностей самой теоріи. Настоящее правило представляется такимъ: нельзя считать мифомъ о солнцѣ каждую легенду, которая при нѣкоторомъ остроуміи можетъ быть истолкована, какъ мифъ о солнцѣ. Я думаю, что такое толкованіе безъ большого затрудненія можетъ быть примѣнено въ любой легендѣ или сказкѣ. Я самъ (смотри *Fortnightly Review*, November, 1870) рассматривалъ въ этомъ смыслѣ преданіе, какъ о Гарольдѣ Гардрада, такъ и о Гарольдѣ, сынѣ Годвина. Можно, пожалуй, доказывать, что Августъ Сильный былъ героемъ солнечнаго мифа на томъ основаніи, что онъ, какъ говорятъ, оставилъ послѣ себя 360 дѣтей. Они легко могли почесться днями года, тѣмъ болѣе, что самый знаменитый изъ нихъ былъ несомнѣнно сыномъ Эоса или Утра, въ лицѣ Авроры Кенигсмаркъ. Многія изъ солнечныхъ объясненій, выставленныя серьезно, представляются такими же какъ эти шуточные. Другое дѣло если филологія приходитъ на помощь мифологіи и когда имена и эпитеты героя и его сподвижниковъ несомнѣнно указываютъ на то, что данный рассказъ есть солнечный мифъ. Такого различія, которое не разъ было проводимо профессоромъ Максомъ Мюллеромъ. Такъ напр. солнечный характеръ Феба-Аполлона выражается въ каждой частности. Но я не могу признать той же доказательности за тѣмъ предположеніемъ, будто и Ахиллъ или Одиссей также олицетворенія солнца.

4) (стр. 9). Удачнымъ названіемъ „переживания“ (*survival*) мы мистеру Тайлору. Нѣтъ аргументаціи болѣе убѣдительною, и въ послѣдующихъ лекціяхъ я въ широкихъ размѣрахъ пользовался ею для своихъ цѣлей.

5) (стр. 10). *Müller*, *Science of Language*, I, 223—226.

6) (стр. 11). Наукѣ лучше остаться безъименной, нежели носить такое имя, какъ есоціологія.

7) (стр. 15). Смотри *Freeman, Growth of the English Constitution*, 92, ed. 2. Едва ли нужно еще въ тысячныйъ разъ указывать на то представленіе, будто тремя сословіями были король, лорды и коммонеры, или на глупую шутку считать газеты четвертымъ сословіемъ.

8) (стр. 15). См. *Growth of the English Constitution*, 96, 98.

9) (стр. 17). Я долженъ признаться, что передаю это съ чужихъ словъ, такъ какъ самъ я не изучалъ законодательства крестоносцевъ. Но ясно, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ и ни въ какое другое время не было такого удобства установить систему феодальнаго права, или если кому лучше нравится,—ввести феодальную систему, какое представилось при французскомъ завоеваніи Палестины. Въ другихъ мѣстахъ феодальныя понятія развивались постепенно и постепенно распространялись изъ одной страны въ другую. Такъ въ Англіи феодальныя идеи, уже развившіяся въ ней до норманскаго завоеванія, были значительно усилены и оформлены въ силу норманскаго завоеванія. Но тутъ не было ничего подобнаго перенесенію цѣлой новой правовой системы однимъ приемомъ. Напротивъ, въ Палестинѣ, гдѣ мусульманскіе законы и обычаи потеряли конечно силу, крестоносцы имѣли возможность установить весь юридическій строй вновь, и естественнымъ результатомъ этого явился самый совершенный изъ феодальныхъ кодексовъ. Земли, завоеванныя у Восточной имперіи крестоносцами и другими западными искателями приключеній, отъ Апуліи до Кипра представляли для феодальнаго законодательства лишь нѣсколько менѣе свободное поле, нежели земли, завоеванныя у магометанъ. Іерусалимскіе Ассизы сдѣлались также закономъ Кипрскаго королевства, котораго короли изъ дома Лузиньяновъ продолжали номинально преемство іерусалимскихъ королей. Смотри *Gibbon*, с. 1. VIII, vol. XI, p. 9, ed. Milmon.

10) (стр. 18). Магистраты назывались по-романски *capitouls*. Имя *capitolium* начертано большими буквами на фронтонѣ самаго зданія, зданія не особенно древняго. Я не изучалъ специально мѣстную исторію Тулузы, но я не могу допустить, чтобы эти *capitouls*, какъ бы не думали о самомъ *capitolium*, были непосредственно унаслѣдованы отъ римской эпохи. Дѣйствительно, по свидѣтельству Тьерри (*Tiers Etat*, II, 1 въ англ. перев.), консулы въ Тулузѣ

были учреждены только въ 1188 году. Капитолій былъ также въ Кельнѣ, воспоминаше о чемъ сохранилось въ названіи церкви св. Маріи Капитолинской.

11) (стр. 18). Я узналъ это изъ одной надписи въ церкви св. Салви въ Альби. Титулъ тутъ— „major et consules“. О консульскомъ управленіи въ городахъ южной Галліи смотри у Тьерри въ только-что названномъ сочиненіи. Онъ говоритъ о мэрѣ, какъ объ дополненіи къ первоначальному консульскому управленію, которое явилось впервые въ Аквитанскихъ городахъ во время норманскаго или англійскаго управленія.

12) (стр. 19). О современной порчѣ нѣмецкаго языка я говорю во второй серіи моихъ Historical Essays, p. 269.

13) (стр. 20). Смотри *Forsyth*, History of Ancient Manuscripts, p. 25.

14) (стр. 21). Этотъ вопросъ я рассмотрѣлъ много лѣтъ тому назадъ въ двухъ первыхъ главахъ первой книги моей History of Architecture; но я не говорилъ бы теперь о „Пелазгахъ“.

15) (стр. 22). См. мою History of Federal Government I, 319.

16) (стр. 22). См. Historical Essays, First Series, 401—405.

ЛЕКЦІЯ II.

1) (стр. 25). См. замѣчанія Грота (II, 289—302) о вліяніи географическаго характера Греціи на ея исторію. Смотри также первую главу Курціуса, особенно замѣчательное мѣсто на стр. 13:

„Евфратъ и Ниль представляютъ своимъ обитателямъ изъ года въ годъ одни и тѣ же выгоды и нормируютъ такимъ образомъ ихъ занятія, постоянное однообразіе которыхъ дѣлаетъ возможнымъ, что вѣка проходятъ надъ страной, ничего существеннаго не измѣняя въ установившемся складѣ житейскихъ отношеній. Совершаются перемѣны, но нѣтъ развитія, и культура египтянъ въ долинѣ Нила какъ бы сама обратилась въ мумію; они считаютъ проходящее время, но время не имѣетъ содержанія; у нихъ есть хронологія, но нѣтъ исторіи въ полномъ значеніи слова. Прибой волкъ эгейскаго моря не терпитъ такого состоянія оцѣненія; если разъ на немъ пробудились сношенія и духовная жизнь, онъ влечетъ ихъ все впередъ къ развитію“.

2) (стр. 26). Стоитъ прочесть вторую главу Курціуса (Греческая исторія) и приложение въ первомъ тому. Но я не вижу основанія сомнѣваться въ принятомъ взглядѣ, по которому европейская Эллада есть отчизна азиатскихъ эллиновъ.

3) (стр. 26). Въ занятіи эгейскихъ острововъ финикіянами нѣтъ, кажется, сомнѣнія. См. Фукидида, I, 8; Геродота, IV, 147. Относительно Фазоса, съ его золотыми рудниками, имѣются положительные свѣдѣнія; свидѣтельства источниковъ собраны подъ словомъ Фазосъ въ Dictionary of Geography. Я думаю, что перечисленіе Гомера можетъ дать намъ указанія на то, какіе острова уже

вышли тогда изъ подъ власти финикiянъ или другихъ до-эллинскихъ обладателей. Изъ ст. ст. 645 — 680 явствуетъ, что Критъ, Родосъ, Косъ и нѣкоторые другiе изъ южныхъ острововъ уже были заняты элинами, хотя языкъ, употреблявшiйся на Родосѣ, повидимому заставляеть предположить, что водворенiе на островѣ грековъ совершилось не задолго до этого. Хиосъ и Самосъ очевидно еще не были заняты греками, а Лесбосъ былъ завоеванъ самимъ Ахиллесомъ (Илиада, IX, 271).

Элины совершили на этихъ островахъ въ до-историческое время то же, что позднѣе они совершили въ Сицици и на Кипрѣ. Они вели борьбу арийцевъ съ семитами, и это тѣмъ болѣе, что финикiяне безъ сомнѣнiя сами водворились на этихъ островахъ, за исключенiемъ быть можетъ Кипра, вытѣснивъ Сикюловъ, Карiевъ и другихъ народовъ болѣе или менѣе соплеменныхъ грекамъ.

4) (стр. 26). См. *Historical Essays, Second Series.* p. 90.

5) (стр. 26). Слѣдовало бы опредѣлить точныя границы греческой колонизаци. Она распространялась постепенно по всему побережью Средиземнаго моря и его большихъ заливовъ, за исключенiемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она встрѣчала прямое препятствiе. Такимъ образомъ по восточному и южному побережью Средиземнаго моря греческой колонизаци препятствовало присутствiе тамъ финикiянъ и египтянъ за исключенiемъ пространства между египетскими и кареагенскими владѣнiями, гдѣ греческiя колонiи явились въ видѣ киренайскаго Пентаполиса. вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что тогда какъ никакая часть Средиземнаго побережья не была такъ густо усѣяна греческими колонiями, какъ южная Италия, сѣверная Италия не имѣла ихъ вовсе или лишь мало. Греческое происхожденiе Пизы на одномъ берегу и Спины на другомъ болѣе всего несомнѣнно, и никогда они не играли, какъ греческiе города, такой роли, которую можно бы было сравнить съ знаменитыми городами, получившими названiе Великой Греци. Это ясно указываетъ на то, что въ эпоху греческой колонизаци, обитатели сѣверной Италии—Этруски, Галы, Умбры или Латины—были болѣе могущественны, нежели тѣ, которыхъ греческiе колонисты нашли на югѣ. Кроме того слѣдуетъ замѣтить, что греческая колонизаци была болѣе успѣшна въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежнее населенiе было болѣе близко къ ней по происхожденiю.

Такъ, Сицилія и Эгейское поморье сдѣлались настоящими греческими странами, между тѣмъ какъ въ Ливіи и на побережьѣ Эвксинскаго Понта греческія колоніи всегда оставались лишь разсѣянными поселками въ варварской странѣ.

7) (стр. 26). Такимъ, конечно, представляется и κτῆρα ἐς αἰεῖсамаго Фукидида (I, 22). Тотъ фактъ, что такая исторія, какъ исторія Фукидида, могла быть написана на такой древней стадіи развитія прозаической литературы, есть уже самъ по себѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ фактовъ греческой или человѣческой исторіи. Самъ Фукидидъ конечно былъ выше своихъ современниковъ; но ни въ какомъ другомъ современномъ ему обществѣ не могла бы явиться такая личность. Я сошлюсь здѣсь на третій этюдъ второй серіи моихъ Historical Essays.

8) (стр. 27). Кое-что можно найти объ этомъ у меня въ пятомъ и шестомъ этюдѣ той же серіи. Но нагляднымъ свидѣтельствомъ прочности результатовъ похода Александра служатъ историческіе труды мистера Финлея (Finlay). Житель современныхъ Аѳинъ, онъ задался цѣлью изслѣдовать причины того положенія вещей, какое нашель вокругъ себя, и тѣхъ событій, въ которыхъ самъ принималъ участіе, и онъ долженъ былъ начать съ того, что обратился къ завоеваніямъ Александра.

9) (стр. 27). Никакъ не должно забывать, что до-современнаго эллинскаго возрожденія, имя Ελλην совершенно не употреблялось какъ имя греческой націи. Въ теченіе всей византійской, франкской и оттоманской эпохи ея единственнымъ именемъ было Ῥωμαῖοι—римляне, въ силу неотмѣннаго узаконенія Автонина Карагаллы.

10) (стр. 27). Я принимаю это преданіе на столько, на сколько оно выражаетъ, въ легендарной формѣ, ту политику, какой Римъ слѣдовалъ въ своемъ развитіи съ первоначалу — политику присоединенія.

11) (стр. 28). „Царство Цезаря и Христа было возстановлено“, говоритъ Гиббонъ, (с. 52, vol. X, 86, Milman) рассказывая о возвращеніи себѣ Антиохіи Никифоромъ Фокою. Это совершенно точно выражаетъ дѣйствительное положеніе.

12) (стр. 28). Выраженіе „urbs aeterna“ — „вѣчный городъ“ очень

обычно у Аммиана. См. XIV, 6 и примѣчаніе Линденбрѳга о другихъ примѣрахъ.

13) (стр. 29). Я думаю, что только невѣжды, быть можетъ говорящіе о „готахъ, гуннахъ, и вандалахъ“, какъ объ одномъ и томъ же, могутъ воображать, что готы были разрушителями. Пусть они прочтутъ знаменитое мѣсто у Кассіодора (VII, 15); но только не слѣдуетъ думать, что описаніе, которое тамъ дается, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ готической архитектурѣ въ техническомъ смыслѣ.

14) (стр. 29). См. *Growth of the English Constitution*, p. 9.

15) (стр. 30). Не слѣдуетъ никакъ забывать, что три скандинавскихъ королевства, какъ и два нидерландскихъ королевства Бельгія и Голландія, были одни изъ немногихъ европейскихъ государствъ, которыхъ не коснулась буря сорокъ восьмага года. Съ 1660 по 1848 годъ Данія была единственной страной, гдѣ деспотизмъ былъ дѣйствительно законенъ, а въ 1848 году Фридрихъ Седьмой первымъ актомъ своего царствованія даровалъ своему народу конституцію, по своей доброй волѣ, прежде чѣмъ гдѣ либо началась революція. Война и перевороты, которые имѣли мѣсто съ сорокъ восьмага года, не имѣли никакого отношенія къ самой Даніи, и всецѣло относились къ ея отношеніямъ къ двумъ пограничнымъ герцогствамъ. И кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что недовольство въ этихъ герцогствахъ достигло своего апогея именно въ моментъ объявленія о свободныхъ учрежденіяхъ въ Даніи. Причина этого ясна. При деспотическомъ правленіи королевство и герцогства находились въ одинаковомъ положеніи, и были даже эпохи, когда германскій элементъ повидимому предпочитался датскому. Въ парламентѣ, служащемъ представительствомъ и королевствъ и герцогствъ, германскій элементъ оказался бы во всякомъ случаѣ въ меньшинствѣ. Тоже самое имѣлось бы и по отношенію къ романскимъ кантонамъ Швейцаріи, если бы они не имѣли за себя равенства независимыхъ кантоновъ. Отсюда сильная оппозиція этихъ кантоновъ предположеннымъ измѣненіямъ союзной конституціи.

16) (стр. 30). Я не привожу здѣсь доказательствъ; болѣе полно этотъ вопросъ рассмотрѣнъ мною въ *Growth of the English Constitution*, гдѣ это положеніе составляетъ главный аргументъ.

17) (стр. 30) Объ описаніи Альфредомъ того скромнаго по-

рядка, въ какомъ онъ издавалъ законы на народномъ собраніи (witan) см. Norman Conquest, I. 51.

18) (стр. 30). См. Growth of the English Constitution, 34.

19) (стр. 31). Я собралъ въ другомъ мѣстѣ нѣсколько примѣровъ того, что о Британіи говорили какъ объ особомъ мѣрѣ. (Norman Conquest, I, 556). Можно привести нѣсколько болѣе примѣровъ изъ древнихъ писателей. Выраженіе это ведетъ свое начало съ Виргилія. „Почти цѣлымъ міромъ раздѣленные Британцы“ (Ecl., I, 67). Такъ и Веллей говоритъ, что Цезарь направился въ Британію, „отыскивая для нашего и своего господства почти новый мѣръ“ (II, 46). Луканъ хотѣлъ быть можетъ выразить, хотя и не такъ прямо, ту же самую мысль когда говоритъ о „царяхъ, унесенныхъ волнами подъ иное небо“ (II, 294). У Флора (III, 10): „Онъ думалъ о другомъ мѣрѣ, какъ будто этотъ римскій мѣръ былъ недостаточенъ“. (Мы находимъ также выраженія „римскій мѣръ“ и даже „императоръ римскаго міра“ у Vopiscus, Aurelianus, 26, 28). Юрнандъ также говоритъ о Цезарѣ (11). „Почти весь мѣръ подчинилъ своему господству, покорилъ всѣ царства, такъ что даже занялъ внѣ нашего міра на водахъ океана расположенныя острова“. Въ другомъ мѣстѣ (5) онъ противопоставляетъ „Британію“ „нашему мѣру“. Мы находимъ тотъ же способъ выраженія также и у греческихъ авторовъ. Иосифъ Флавій (Bell. Jud. II, 16, 4) заставляетъ Агриппу, распространяющагося о римскомъ могуществѣ, между прочимъ говорить: „посмотрите на стѣну вы, полагающіеся на стѣны іерусалимскія: и ихъ поработили римляне, хотя они окружены океаномъ и населяли островъ не меньшій того, который населяютъ въ наше время“. У Плутарха (Caesar, 23), читаемъ „онъ распространилъ римское владычество за предѣлы обитаемой земли“. Съ другой стороны Діонъ вкладываетъ такія же выраженія въ уста Боадичея. „Обитая на столь великомъ островѣ или скорѣе матеріей, омываемомъ водою, они имѣютъ свою особую землю и отдѣлены океаномъ отъ всѣхъ прочихъ людей такъ, что и впрямь живутъ словно на другой землѣ и подъ другимъ небомъ“. Въ позднѣйшее время мы видимъ, что Ордерихъ (723 с.) говоритъ, что проповѣдь крестовыхъ походовъ „не миновала даже Англій и другихъ морскихъ острововъ, хотя они отдѣлены отъ міра глубокимъ моремъ“. (Монахъ монастыря св. Эвула, родившійся въ Шроп-

ширѣ и посѣтившій потомъ Кроуландъ, быть можетъ описываетъ тутъ свои собственные впечатлѣнія въ своихъ различныхъ поѣздкахъ по морю). И такъ какъ архіепископъ Кентерберійскій иногда назывался „папою другаго міра“ или „апостолическимъ“, то въ одномъ мѣстѣ у Eadmer, Hist. Nov. I, II, 422, Migne, убѣжденіе Вильяма Руфа о томъ, что юрисдикція римскаго папы не распространяется на англійское королевство, выражено въ такой формѣ: „Ибо онъ не полагалъ, чтобы апостолическій (епископъ) міра (apostolicus orbis) могъ имѣть какія либо права въ его царствѣ, безъ его соизволенія“. Британія была внѣ міра и слѣдовательно „папа міра“ не имѣлъ къ ней никакого отношенія.

Все это не пустая риторика; тутъ выражается даже больше, чѣмъ простое національное или территоріальное чувство. Островная природа была однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нашей исторіи; она послужила причиной противоположности между нами, островитянами, и нашими сосѣдями на континентѣ, независимо отъ всѣхъ различій по племени, по языку, по религіи, противоположности, часто представляющейя вопреки всему этому. Мы сознаемъ, что есть нѣкоторыя черты, важныя и мелкія, въ которыхъ мы являемся противоположностью континенту, именно какъ островитяне. Этотъ фактъ слѣдуетъ старательно удерживать въ умѣ, такъ какъ нѣкоторыя черты различія между нами и нашими соплеменниками на континентѣ, въ дѣйствительности обусловленныя единственно нашимъ географическимъ положеніемъ, были представляемы какъ доказательства воображаемаго римскаго или британскаго вліянія въ Англіи.

20) (стр. 31). См. Norman Conquest, I, 279.

21) (стр. 31). Объ этомъ предметѣ смотри примѣчаніе 13 въ приложеніи къ первому тому Norman Conquest. Особенные титулы, которые англійскіе короли принимали обыкновенно для того, чтобы отмѣтить свою независимость отъ континентальной имперіи, были безъ сомнѣнія заимствованы отъ этой имперіи. Но общее представленіе о Британіи, какъ объ отдѣльной имперіи, было естественнымъ результатомъ ея островнаго положенія.

22) (стр. 32). Припомнимъ, что высшимъ торжествомъ въ жизни Карла Великаго было то, когда послы восточнаго императора Михаила обратились къ нему съ полнымъ императорскимъ титуломъ (*Egin-*

hard, Annals, 812): „Въ Аквисгранѣ (Аахенѣ), куда пришли къ императору... по своему обычаю, т. е. на греческомъ языкѣ воздали ему хвалы, называя его императоромъ и „базилевсомъ“. Карль былъ могущественъ, а Михаилъ безсиленъ. Три поколѣнія спустя, когда соотношеніе между Василиемъ Македоняниномъ и Людвигомъ Вторымъ, царствовавшимъ надъ одной Италіей, было скорѣе обратное, императорскіе титулы сдѣлались предметомъ долгаго спора. Эти пререканія подробно изложены въ Салернской хроникѣ (Pertz, III, 521). Василий оскорбился тѣмъ, что Людвиग्ъ назвалъ себя въ одномъ письмѣ „imperator Augustus“. Каролингскій императоръ въ своемъ отвѣтѣ обращается къ самому корню вопроса. Онъ такъ начинаетъ его: „Людвиग्ъ, божію милостію, августѣйшій императоръ римлянъ, любезнѣйшему и умнѣйшему отцу нашему Василию, славнѣйшему и благочестивѣйшему императору новаго Рима“. Онъ говоритъ, что вопросъ не въ томъ, какъ кто называется, а въ томъ, чѣмъ кто является въ дѣйствительности. Какъ и Василий („такъ какъ много писалъ намъ объ императорскомъ титулѣ“) онъ подробно разбираетъ вопросъ объ титулѣ императора. Византійское положеніе заключалось въ томъ, что „никого не должно называть базилевсомъ кромѣ того, въ чьихъ рукахъ находится правленіе константинопольской имперіи“. Западнй императоръ отвѣчаетъ на это, что изученіе греческихъ книгъ показываетъ, что всякаго рода цари, худые и хорошіе, отъ Мельхисидека до готскихъ и вандальскихъ королей всѣ назвались базилевсъ; онъ возражаетъ противъ того, чтобы его просто называть гіх—форма, которая бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на различіе звуковъ, которое должно было уже возникнуть между латинскимъ Rex и греческими ρήξ—и затѣмъ подробно аргументируетъ: „Наконецъ знай, что если кто кого называетъ Riga—самъ не знаетъ, что говорить. Даже если бы по примѣру апостоловъ и самихъ ангеловъ говорилъ на всѣхъ языкахъ, и тогда бы не могъ объяснить, на какомъ это языкѣ гіх или какому значенію соответствуетъ этотъ варварскій звукъ гіх, ибо это ничего не означаетъ, развѣ случайно обратившись къ рѣченію собственнаго языка объяснить, что riga обозначаетъ цари (гех). Если это такъ, что есть уже не варварское, а латинское слово, то слѣдуетъ, что бы въ вашихъ рукахъ оно было точно передано на вашъ языкъ. Но какъ его перевести

иначе, если не *базилевсомъ* (*βασιλευς*)? Это подтверждаютъ толковники не только Ветхаго, но и Новаго Заветъа. Поэтому если въ отношеніи къ другимъ лицамъ тебѣ представляется сомнительнымъ это слово, то постарайся уничтожить во всѣхъ какъ латинскихъ, такъ и греческихъ книгахъ или слово *rigis* или *βασιλευς*, ибо гех ничего иного не означаетъ на латинскомъ языкѣ какъ тоже самое, что на греческомъ называютъ *βασιλευς*“ (правописание *βασιλευς* чрезъ *υ* есть другое объясненіе греческаго произношенія. Въ ново-греческомъ оба звука одинаковы).

Едва ли надо говорить о томъ, что тотъ же споръ въ той или другой формѣ снова поднимался въ различныя эпохи. Такъ, Іоаннъ Кинаммосъ (*lib. IV pp. 247, 248 A. D. 1652*) называетъ Фридриха Барбароссу просто „царь германцевъ“, но говорить, что онъ желалъ считаться императоромъ. („Думая присвоить себѣ значеніе римскаго императора... давно добиваясь императорской власти“). Онъ говорить затѣмъ, что только императоръ имѣетъ право поставлять папу; но въ силу униженія, въ какое впала имперія византийская, это вышло изъ обычая. Одну изъ наиболѣе странныхъ формъ, въ какихъ выражался этотъ споръ, представляетъ обращеніе Базельскаго собора 1437 года къ императору Іоанну Палеологу, какъ къ „*imperator romaeorum*“. (*Letters of Thomas Beckington, 11, 19, et al.*). Я полагаю, что греческая форма употреблена здѣсь для того, чтобы не назвать его „*imperator romaeorum*“; это напоминаетъ мнѣ тѣхъ строгихъ англиканскихъ теологовъ, которые не назовутъ ни за что церковныя установленія Шотландіи церковью въ саксонской формѣ „*church*“, но не находятъ никакого препятствія называть въ датской или англской формѣ „*kirke*“. Въ одномъ болѣе раннемъ письмѣ въ томъ же сборникѣ (I, 285) Ричардъ Второй обращается къ Эмануилу Палеологу, какъ къ „императору константинопольскому“.

23) (стр. 32). На ряду съ важною ролью, какую Сербія и Болгарія—такъ какъ Болгарія можетъ быть практически разсматриваема какъ славянская страна—играли въ дѣлахъ восточной имперіи, новѣйшая исторія Россіи, также и исторія ея въ девятомъ и десятomъ столѣтїи также имѣла большое вліяніе. Тогда, какъ и въ позднѣйшее время, русскій флотъ покрывалъ Эвфисинскій портъ и угрожалъ Константинополю. Различныя обстоятельства, завер-

шпившіяся монгольскимъ нашествіемъ въ тринадцатомъ столѣтіи, сломили русское могущество и направили главную энергію Россіи въ другую сторону. Борьба Россіи съ татарами и окончательное возвращеніе ею черноморскаго поморья составляетъ параллель успѣхамъ христіанъ въ Испаніи и возвращенію Гранады. И на ряду съ Россіей мы должны припомнить ту значительную роль, какую Польша играла въ правленіе Ягеллоновъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіи.

24) (стр. 33). Эти рассказы общеизвѣстны, благодаря легендарной исторіи Рима въ первой книгѣ Тита Ливія и другихъ мѣстахъ. Трудно сказать, насколько это были собственно туземныя итальянскія легенды и насколько онѣ сложились уже послѣ того, какъ римляне познакомились съ греческой литературой. Легенда о томъ, что Нума былъ ученикомъ Пифагора есть, конечно, не болѣе какъ несообразная выдумка, хронологическое безсмысліе которой указано самимъ Ливіемъ.

25) (стр. 33). Тацитъ, Германія, 3: „Помнѣть, что у нихъ былъ и Геркулесъ и, намѣреваясь идти на битву, воспѣваютъ его перваго изъ всѣхъ храбрыхъ мужей... Полагаютъ также, что Улиссъ въ своемъ долгомъ и баснословномъ блужданіи по океану достигъ земель Германіи, и что Асцибургіумъ, расположенный на берегу Рейна и теперь обитаемый, имъ основанъ и по его имени названъ; и что до сихъ поръ существуютъ воздвигнутый нѣкогда на томъ же мѣстѣ алтарь, посвященный Улиссу, съ именемъ отца Лаарга, нѣкіе памятники и курганы съ греческими подписями на границѣ Германіи и Рѣтін; все это я не намѣренъ ни подкрѣплять доказательствами, ни отрицать: каждый по своему разумѣнію пусть вѣритъ, или нѣтъ“.

26) (стр. 34). Я хотѣлъ здѣсь сопоставить нѣсколько наиболѣе ясныхъ словъ, общихъ всѣмъ или многимъ арійскимъ языкамъ. Относительно timber и ear смотри Müller, Oxford Essays, 1856, 25—27. Первое изъ нихъ въ формѣ timbrian обыкновенно употребляется въ древне-англійскомъ языкѣ въ смыслѣ строенія, какой бы матеріалъ ни былъ при этомъ употребляемъ. Такъ, Кнутъ „ferde to Assandune and let timbrian dhar an mynster of stane and lime“, также и Эдуардъ „getimbrode“ Вестминстеръ. (Изъ этимологическаго родства этого слова съ timber, лѣсъ, иные неосновательно

заключали, что всё зданія, выстроенныя въ Англіи до вечера св. Каликста 1066 года, были сдѣланы изъ дерева). Тамъ е (прирученный), hound (собака), deer (олень), изъ которыхъ два послѣднія получили теперь болѣе специальное значеніе, нежели имѣли прежде, могутъ служить хорошими примѣрами общихъ арійскихъ словъ. Bull, быкъ—я имѣлъ его въ виду въ его благороднѣйшемъ назначеніи, какъ дающаго гербъ и военный рогъ Ури—не является подъ этимъ именемъ ни въ латинскомъ, ни въ греческомъ, но я полагаю, что его можно найти въ первобытномъ языкѣ Литвы. Можно сомнѣваться также, можно ли считать названіе lion, левъ, прямо заимствованнымъ съ юга; само животное есть несомнѣнно природное европейское, „удаленіе“ котораго прослѣжено съ помощью удачнаго соединенія историческихъ и естественно-научныхъ доказательствъ мистеромъ Даукинсъ (Dawkins).

27) (стр. 34). Имѣя предъ глазами слова Геродота (IX, 62), что „въ отвагѣ и силѣ персы не уступали“, и принявъ въ соображеніе, какъ ясно онъ тутъ же говоритъ о природныхъ персахъ, какъ объ единственной надежной части варварскаго войска, мы могли бы заключить, что борьба между греками и персами, какъ между арійцами, не была столь неравной, и что войско великаго царя было скорѣе ослаблено, а не усилено нестрой толпой, лишь мѣшавшей настоящимъ иранцамъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Во время Александра персидская пѣхота, какъ справедливо замѣчаетъ Гротъ, представляется уже утратившей прежнюю личную храбрость, но кавалерія все-еще представляла достойныхъ соперниковъ всадникамъ Александра. Возрожденная Персія временъ Ассанидовъ—болѣе сильная, такъ какъ ихъ владѣнія были меньше, а слѣдовательно и болѣе національная, нежели Персія Ахеменидовъ—была, какъ это нѣтъ нужды подробно доказывать, единственнымъ достойнымъ врагомъ Рима.

28) (стр. 34). Смерть солнца есть наглядная форма „дневной трагедіи“. О домѣ солнца на западѣ упоминается въ извѣстныхъ стихахъ Стезихора (Mure, III, 251); „Гелій, сынъ Гиперіона, сошелъ въ золотую чашу, чтобы, проникнувъ чрезъ океанъ, достигнуть глубины священной темной ночи и придти къ матери, законной супругѣ и милымъ дѣтямъ“.

29) (стр. 35). Если оставить въ сторонѣ соотношеніе языковъ и обратиться только къ политическому и географическому положенію Европы, то положеніе арійцевъ кельтовъ и не-арійцевъ иберійцевъ представится совершенно одинаковымъ. И тѣ и другіе являются составнымъ элементомъ одной изъ великихъ націй Европы: Франція есть страна существенно кельтическая, Испанія— иберійская. Но кельтическій и иберійскій элементы въ обѣихъ странахъ покрыты какъ бы лакомъ, въ которомъ главный элементъ—римскій и только отчасти приводитъ и элементъ германскій. Настоящіе кельты, не смѣшанные и не переродившіеся, сохраняющіе свой собственный языкъ и непрерывное національное бытіе, находятся лишь въ извѣстныхъ уголкахъ Галіи и Британіи точно также, какъ и не романизированные и не германизированные иберійцы встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ закоулкахъ Галіи и Испаніи. Положеніе финновъ нѣсколько иное. Одна изъ независимыхъ націй Европы, Венгерская, финскаго происхожденія, но другіе финны живутъ лишь въ закоулкахъ, подобно кельтамъ и иберійцамъ. Но венгры не пришли въ Европу, какъ романизированные кельты и иберійцы Франціи и Испаніи, въ эпоху историческихъ переселеній, и не перемѣнили своего языка на языкъ завоевателей историческаго времени. Это было племя не-арійскихъ завоевателей, пришедшихъ въ Европу въ сравнительно недавнее время и все еще сохраняющихъ свой не-арійскій языкъ.

30) (стр. 35). По верхнему теченію Рейна мы находимъ швейцарскіе кантоны и ихъ союзниковъ, и въ особенности Ретійскую конфедерацію трехъ союзовъ, вошедшую теперь въ составъ швейцарскаго союза, какъ кантонъ Граубюнденъ. На другомъ концѣ рѣки мы находимъ конфедерацію семи соединенныхъ провинцій, превратившуюся теперь въ королевство Нидерландовъ. Каждая изъ этихъ федерацій была лишь отдѣлившеюся частью Германской имперіи и королевствъ, которымъ обстоятельства помогли добиться и сохранить большую степень независимости, нежели какой достигли другія части имперіи. Независимость обѣихъ отъ имперіи была формально признана въ одно и то же время, а именно на Вестфальскомъ конгрессѣ. Находясь по двумъ окраинамъ имперіи, эти двѣ федераціи представляютъ собою двѣ отрасли нѣмецкой народности, верхне и нижне-нѣмецкую. Но слѣдуетъ помнить

что ни Швейцарія, ни Нидерланды не были независимыми государствами съ самаго начала. Но вотъ въ чемъ различіе между ними: соединенныя провинціи стали независимыми отъ имперіи въ силу виднаго и независимаго положенія, вакого достигли ихъ государи—герцоги Бургундскіе; поэтому довольно естественно, что ихъ республиканское устройство снова смѣнилось монархическимъ. Но независимость Стараго союза Верхней Германіи возникло въ силу устраниенія всякаго непосредственнаго управленія князей и въ силу признанія одного лишь цезаря своимъ государемъ до того времени, когда они высвободились изъ-подъ власти и самого цезаря. Потому и республиканская свобода этихъ городовъ и селеній на границахъ Германіи, Италіи и Бургундіи сохранилась, въ различныхъ формахъ, и до нашихъ дней.

31) (стр. 36). Я привелъ это мѣсто изъ Прокопія, въ которомъ говорится объ этомъ древнемъ англійскомъ — всего вѣроятнѣе кентскомъ — посольствѣ въ Константинополь въ моемъ *Norman Conquest*, I, 30.

32) (стр. 36). На положеніи и пространствѣ имперіи при Юстиніанѣ и его непосредственныхъ преемникахъ слѣдуетъ какъ можно чаще останавливаться. Обыкновенно у людей существуютъ такіа смутныя понятія относительно „грековъ нижней имперіи“, что имъ трудно понять тотъ фактъ, что въ шестомъ столѣтіи римскій императоръ—императоръ цезарь Флавій Юстиніанъ Августъ—хотя и правилъ въ Новомъ, а не въ Старомъ Римѣ, былъ въ дѣйствительности также, какъ и по имени, властелиномъ всего европейскаго, азіатскаго и африканскаго побережья Средиземнаго моря, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Галліи и Испанці, Кадиксъ, Каррагенъ и Антиохія снова повиновались одному властелину. Въ старомъ изданіи Шпрунероваго атласа (*Spruner's Hand Atlas*) былъ весьма важный пробѣлъ: не было общей карты имперіи этой эпохи. Этотъ пробѣлъ дополненъ въ новомъ изданіи этого атласа.

33) (стр. 36). Вотъ что говоритъ Юрнандъ объ Аэціѣ, къ которому были обращены стenanія бритовъ (34): „Итакъ, надъ воинами начальствовалъ Аэцій, патрицій, происходящій отъ рода храбрѣйшихъ мѣсіевъ, въ Доростинскомъ государствѣ, отъ отца Гауденціа, переносящій воинскія труды, какъ бы нарочно для республики римской родившійся, чтобы варварскую надменность

свововъ и франковъ несмѣтнымъ ихъ избіеніемъ поработить римской власти“. У Прокопія также находимъ ему панегирикъ (Bell. Vard. I, 3) вмѣстѣ съ его современникомъ Бонифаціемъ: „Было два римскихъ военачальника, Аэцій и Бонифацій, не уступавшихъ никому изъ современниковъ въ храбрости и опытности въ военномъ дѣлѣ. Оба эти мужа, будучи извѣстными политическими дѣятелями, такъ отличались великодушіемъ и другими добродѣтелями, что еслибъ кто называлъ ихъ послѣдними римлянами, тотъ не ошибился бы. Такимъ образомъ вся римская доблесть оказалась въ этихъ двухъ мужахъ“.

Мы склонны смотрѣть на государство Вестъ-Готовъ, какъ на нѣчто собственно испанское. Но до завоеванія Аквитаніи Хлодвигомъ, оно было по меньшей мѣрѣ столько же гальскимъ, сколько и испанскимъ. Столицей готовъ была Тулуза; и тогда съ большимъ чѣмъ когда либо раньше или позже основаніемъ можно было сказать: „нѣтъ болѣе Пиренеевъ“.

34) (стр. 36). Иорнандъ, 36: „Со стороны же Римлянъ у патриція Аэція, которому государство поручило завоеваніе Гесперіи, было столько предусмотрительности, что съ собранными отовсюду войсками противъ дикой и несмѣтной толпы направился не съ неравными силами. Ибо съ нимъ были союзные франки, сарматы, армориты, бургунды, самсы, рипуары, ибріоны, со временемъ ставшіе римскими войсками, тогда же отличившіеся изъ числа союзниковъ, и нѣкоторыя другія кельтическія и германскія народы“.

Есть нѣчто дѣйствительно странное въ появленіи сарматовъ; но не мое дѣло оспаривать увѣреніе историка, что они были тутъ, особенно въ виду того, что для доказываемаго мною положенія выгоднѣе, чтобъ они дѣйствительно были тамъ.

Прискорбно, что въ этой великой борьбѣ арійцевъ съ туранцами на сторонѣ туранцевъ были и арійцы: германцы, готы.

35) (стр. 37). О походѣ Алариха къ Аэинамъ см. у Зосими V, 6.

36) (стр. 38). О вліяніи Массиліи на сосѣднюю Галлію смотри Страбона, IV, 1. Его слова дѣйствительно сильны: „Поэтому городъ еще не такъ давно дозволялъ варварамъ имѣть школы и сдѣлалъ галловъ эллинофилами, такъ что и договоры они стали писать на греческомъ языкѣ. Теперь же даже самыхъ знатныхъ изъ римлянъ, ищущихъ образованія, убѣждалъ

посѣщать мѣстныя школы вмѣсто того, чтобы путешествовать въ Аѳины“. Онъ говоритъ не менѣе сильно о римскомъ вліяніи на сосѣднія племена галловъ. „Сильно имя каваровъ и всѣхъ варваровъ этого рода; такъ называютъ даже и тѣхъ, которые уже не варвары, но приняли по большей части римскіе обычаи, языкъ и образъ жизни, а нѣкоторые даже и форму правленія“. Въ другомъ мѣстѣ (III, 2) онъ указываетъ на распространеніе римскаго вліянія на южныя племена Испаніи:— „Турдитаы и преимущественно живущіе въ окрестностяхъ Беты совершенно перемѣнили свои обычаи на римскіе и забыли даже свой языкъ. Большинство ихъ латинизировалось и они принимаютъ римскихъ колонистовъ, такъ, что вскорѣ всѣ сдѣлаются римлянами“.

37) (стр. 39). Нѣкоторые вопросы этого рода я долженъ оставить открытыми, пока филологи не опредѣлятъ точно степень сродства, если такое вообще существуетъ, между двумя большими группами флексирующихъ языковъ, арійскихъ и семитическихъ. До сихъ поръ мы должны лучше собирать и классифицировать факты, воздерживаясь отъ построенія теорій, и больше всего мы должны заботиться о томъ, чтобы не быть увлеченными частными аналогіями, ветрѣчающимися тамъ и сямъ, и могущими быть лишь случайными. Единственный научный путь состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать, что есть общее достояніе арійскихъ націй, и что есть общее достояніе націй семитическихъ. Только когда мы изслѣдуемъ это, мы будемъ въ состояніи видѣть, что имѣютъ общаго арійцы и семиты.

38) (стр. 42), *Annales*, IV, 33. „Ибо всѣми народами и городами правятъ или все населеніе, или лучшее, или одинъ. Образованное изъ соединенія этихъ формъ государственное устройство достойно похвалы, но едва ли можетъ быть осуществлено, а если и осуществится, не можетъ быть прочнымъ“. Однако большая часть расужденій Аристотеля въ четвертой книгѣ Политики направлена къ доказательству того, что лучшею формою правленія будетъ нѣчто смѣшанное. Идеальное государственное устройство (*политεία*) описанное въ девятой главѣ есть соединеніе аристократіи и демократіи, и оно составляетъ ученіе какъ разъ противоположное ученію Тацита, — „чѣмъ болѣе смѣшана форма правленія, тѣмъ она прочнѣе“ (IV, 12, 6). Также и раньше (II, 6) онъ

говорить: „нѣкоторые утверждаютъ, что самая лучшая форма правленія должна быть составлена изъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ формъ, поэтому и хвалить лаведмонское устройство“, и переходить затѣмъ къ описанію того, какимъ образомъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ соединены во-едино всѣ три формы правленія. Исократъ также въ своихъ Ареопагитическихкихъ и Папафинскихъ разсужденіяхъ, гдѣ онъ противопоставляетъ извращенной демократіи своего времени истинную демократію прошедшаго времени (ту демократію, которую учредилъ Солонъ очень любимшій народъ, А. 17; болѣе прочная и законная демократія, А. 30 и другія мѣста), которая по его мнѣнію существовала въ теченіи тысячи лѣтъ, не разъ употребляетъ это выраженіе.

Такъ in Павав. II, 139. „Установили себѣ демократію не по произволу управляемую... но такую, которая порицаетъ произволь и пользуется аристократіей“ и потомъ опять (Павав. II, 165) онъ говорить объ Ликургѣ: „и онъ учредилъ у нихъ демократію смѣшанную съ аристократіей, какъ было и у насъ, и начальниковъ поставилъ избираемыхъ не по жребію, а народомъ“. Это послѣднее является у Исократа повидимому главнымъ отличіемъ хорошей демократіи отъ худой. Однако въ Аѣинахъ всѣ дѣйствительно важныя должности замѣщались по выбору.

Съ другой стороны возможно, что, какъ это было въ старой польской конституціи, смѣшанное государственное устройство будетъ образовано изъ соединенія однихъ лишь худыхъ сторонъ каждой изъ трехъ простыхъ формъ—король безъ дѣйствительной власти, но съ большею долею нерегулированнаго фактическаго вліянія; народъ, находящійся въ рабствѣ; дворянство, образующее замкнутую олигархію по отношенію къ остальному населенію и бѣшенную толпу во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ.

39) (стр. 42). Едва ли въ настоящее время надо доказывать, что Германія Тацита, хотя безъ сомнѣнія и заключаетъ въ себѣ тамъ и сямъ саркастическіе намеки, не есть простая мечта римлянина, недовольнаго положеніемъ вещей въ Римѣ, но существенно достовѣрное описаніе германской расы при ея первомъ появленіи въ исторіи. Чѣмъ глубже изслѣдуемъ мы германскія древности, будетъ ли это на нашемъ островѣ или на континентѣ, тѣмъ болѣе подтверждается описаніе римскаго историка. Лучшій комментарий

къ Германіи составляетъ первый томъ Waitz's Deutsche Verfassungsgeschichte.

40) (стр. 44). Я не помню, чтобы я гдѣ нибудь встрѣчалъ въ греческой прозѣ ἀναξ, кромѣ какъ у Isokrates Evagoras, 88, гдѣ онъ употребляетъ ἀναξ и ἀνασσα совершенно такъ, какъ обыкновенно употребляютъ принцъ и принцесса. „τῶν ἐξ αὐτοῦ γεγονότων οὐδὲνα μετέλειπεν ἰδιωτικοῖς ὀνόμασι προσαγορευόμενον, ἀλλὰ τὸν μὲν βασιλεῖα καλούμενον, τοὺς δὲ ἀνακτας, τὰς δὲ ἀνασσας“.

41) (стр. 44). Смотри Growth of the English Constitution, 32, 171 и въ др.

42) (стр. 45). Древне-англійское *gise*, точно также какъ и верхне-голландское *reich* повидимому сохранились теперь только въ окончаніи слова *bishopric*; но въ сѣверо-англійскомъ *superice*, въ различныхъ правописаніяхъ, сохранялось весьма долго. *Ricsian*, *rixian* есть древне-англійскій глаголъ *rigere*.

43) (стр. 45). См. *Max Müller*, Oxford Essays, p. 24, а также смотри ниже примѣчаніе 64, къ IV лекціи.

44) (стр. 45). Масмагъ (*Ulfilos*, 728) объясняетъ готское *reiks* какъ „могущественный, начальникъ, властитель, почтенный, видный, мощный“.

45) (стр. 46). Аѳинское ἡλιαία, которое греческіе этимологи (см. *Suidas* на ἡλιαστής) хотѣли сооставить съ ἥλιος, есть конечно тоже самое слово, что и ἀλία сходное съ ἀλής и другими родственными словами.

46) (стр. 46). О различныхъ именахъ, напр. ἀγορά, какими Полибій называетъ ахейское союзное собраніе, см. *History of Federal Government*, I, 268.

47) (стр. 46) Латинское *frater* и англійское *brother* (братъ) на первый взглядъ не имѣютъ сходнаго себѣ въ греческомъ языкѣ, такъ какъ его мѣсто въ буквальномъ смыслѣ узурпировано словомъ ἀδελφός. Но слово это является тамъ въ формѣ φράτηρ или φράτωρ, обозначающей члена союза родовъ, называющагося φραγρία, φράτρια или φρατρία, о чемъ я говорю подробнѣе на стр. 103. Конечно отрицательная форма, употребляемая Несторомъ въ *Илиадѣ* (IX, 63), можемъ имѣть и то, и другое значеніе.

ἀφρήτωρ, ἀθέμιτος, ἀνεστίας ἐστὶν ἐκωνος,
ὅς πολέμων ἔραται ἐπιδημίου ὀκρούεοντος.

Но когда въ II, 362 онъ говоритъ Агамемнону

κρίν' ἀνδρας κατὰ φύλα, κατὰ φρήτρας, Ἀγάμεμνον,
ὡς φρήτρη φρήτρηφιν ἀρήγη, φύλα δὲ φύλοις.

мы не можемъ лучше перевести κατὰ φύλα, κατὰ φρήτρας какъ „по племенамъ и колѣнамъ“.

48) (стр. 46). ἵππος и equus (конь) имѣли прежде соотвѣтствующія имъ сходныя германскія слова въ старо-англійскомъ eoh, въ древне-верхне-голландскомъ ehu, изъ коихъ первая форма встрѣчается въ пѣснѣ Мальдона; но я не знаю, чтобы изъ нихъ были образованы слова, соотвѣтствующіе eques и chevalier (всадникъ).

49) (стр. 47). Объ этомъ родѣ словъ см. Norman Conquest, vol I, pp. 74, 172, 582. Къ собраннымъ тамъ я могу еще прибавить женское „seniorissa“ изъ одного документа, цитируемаго у Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, IV, 207. Смотри также Thirwall, History of Greece, I, 134. Наибольше любопытный примѣръ того, какъ такого рода слова дѣлались простыми переживаниями, можно найти въ поэмѣ изъ англійскихъ хроникъ, приводимой мною въ Norman Conquest, I, 625. Тутъ Эдвардъ Мученикъ называется одновременно и „cild unweaxan“ (невъросшій ребенокъ) и „eorla ealdor“ (старый старѣйшина).

50) (стр. 47). Глава Ассасиновъ, „rex Accinorum, id est de Assasis“ (Roger of Howden, III, 181; „Assasini Saraceni“ Roger of Wendover, III, 46) является у Бромптона (1268) какъ „Старецъ горы“ (Senex de monte) такъ названный не по возрасту, а по мудрости и важности, глава восточнаго народа, называемаго Ассасинами (Hassissini) „и онъ приписываетъ ему письмо (смотри также Rymer, I, 62), начинающееся такъ: „Старецъ горы (vetus de monte) привѣтствуетъ государей Европы и весь народъ христіанскій“.

51) (стр. 47). Изъ этихъ двухъ формъ древнѣйшая выражаетъ чувство, позднѣйшая голый фактъ. Мы можемъ сравнить съ русскими словами „дворянство“ и „дворя“ *).

52) (стр. 47). См. Norman Conquest, IV, 694.

53) (стр. 48). См. Norman Conquest, I, 269, II, 388, III, 472.

*) Фриманъ приводитъ въ примѣръ слова chieftain и captain.

ФРИМАНЪ СРАВНИТ. ПОЛИТ.

ЛЕКЦІЯ III.

1) (стр. 50). Опреѣленіе аристократіи, даваемое Аристотелемъ (Пол. IV, т. 2—5). „Аристократією по всему праву можно назвать ту форму политическаго устройства... гдѣ правительственная власть находится въ рукахъ просто людей хорошихъ, а не въ какомъ нибудь одномъ смыслѣ хорошихъ“... ясно исключаетъ такія мѣрила достоинства, какъ возрастъ, богатство или происхожденіе. Но онъ ясно чувствуетъ, что такое правленіе дѣйствительно лучшихъ есть только идеаль, и онъ кажется считаетъ лучшей формой *политеія*, которая есть тоже, что демократія Полибія и другихъ (См. *Growth of the English Constitution*, p. 166), приближающаяся къ аристократіи. Въ ней должности замѣщаются по выбору, а не по жребію, и при этомъ обращается вниманіе не на богатство только, а на заслуги: „гдѣ избираютъ себѣ правителей не только по богатству, но и по достоинству“. Аристократія, по мысли Аристотеля, есть нѣто совершенно отличное отъ олигархіи, правленія немногихъ, правленія однихъ богатыхъ или родовитыхъ, безъ отношенія къ ихъ достоинству. Но и идеальная аристократія неизбѣжно стремится къ преобладанію родовитыхъ и богатыхъ. Такъ какъ независимо отъ того, существуютъ или нѣтъ строго наслѣдственныя способности, достовѣрно, что извѣстныя способности, особенно политическія способности, не только вѣроятнo легче узнаются, но и дѣйствительно представляются выше тамъ, гдѣ богатство и происхожденіе представляютъ больше удобствъ для ихъ развитія.

Аристотель опредѣляетъ знатность, какъ „древнее богатство и

доблесть (IV, 8, 9) и какъ „доблесть рода“ (III, 13, 3): въ олигархіи, какъ искаженіи аристократіи, обращается вниманіе только на родовитость или богатство, а не на достоинство. Такъ, обращаясь къ писателю, жившему въ такое время, когда всѣ эти разсужденія объ аристократіи и демократіи сохранили лишь теоретическій интересъ, къ Діону Хризостому, мы найдемъ въ его разсужденіяхъ обращенныхъ къ Траяну, его опредѣленіе олигархіи и аристократіи. Онъ раздѣляетъ ученіе Аристотеля о трехъ формахъ правленія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое извращеніе, и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ аристократію: (I, 47). „Такъ называемая вторая аристократія, когда во главѣ правленія стоитъ не одинъ и не много какихъ-нибудь, но немногіе лучшіе, значительно далека отъ способности и пользы“. Олигархію онъ опредѣляетъ, какъ „жестокое и незаконное преимущество, соединеніе какихъ-нибудь немногихъ богатыхъ и испорченныхъ противъ многихъ бѣдныхъ“. Плутархъ (пері Мов. х. т. л. 3) даетъ тройное дѣленіе: монархія, олигархія, демократія, искаженіе которыхъ составляютъ тиранія, династія, оклократія.

Едва ли есть надобность говорить о томъ, что обиходное употребленіе слова „аристократія“ въ смыслѣ не формы правленія, но особаго класса общества не находитъ себѣ опоры ни у Аристотеля, ни у другого какого-нибудь писателя, который только обращаетъ вниманіе на значеніе употребляемыхъ имъ словъ. Подобное неправильное словоупотребленіе явилось въ новѣйшее время и въ отношеніи „демократіи“, также употребляемой не въ смыслѣ особой формы правленія, а въ смыслѣ особаго общественнаго класса.

2) (стр. 50). Ливій, II. 1. „Слѣдуетъ считать, что свобода главнымъ образомъ установилась въ силу того, что власть консуловъ сдѣлана годичной, какъ бы уменьшенная изъ царской власти. Первые консулы имѣли всѣ права и знаки власти; позаботились только о томъ, чтобы, если оба консула имѣли фасцы, страхъ не показался двойнымъ“.

Діонисій совершенно ясно указываетъ на то, что консульство было продолженіемъ царской власти. У него Брутъ совѣтуетъ римлянамъ „перемѣнить названіе государственнаго устройства.... и тѣхъ, которые будутъ имѣть власть надъ всѣми, не называть
16*

болѣ царями, ни монархами, но дать имъ названіе болѣ скромное и болѣ любимое народомъ; за тѣмъ не давать перевѣса мнѣнію одного надъ мнѣніемъ всѣхъ, а предоставить царскую власть двумъ лицамъ“. Въ главѣ 75 (смотри ниже примѣчаніе 30 къ IV лекціи) онъ прямо называетъ консульскую власть *basileia*. Я вижу, что о передачѣ царской власти коллегіи говорить и Генри Мэнъ.

3) (стр. 50). Нѣчто изъ раздѣленной царской власти досталось каждому изъ курульныхъ магистратовъ, при которыхъ каждый получилъ и часть прежнихъ знаковъ царской власти. Объ этомъ подробно говорится и у Діонисія, IV. 75. Ученіе объ *imperium* и *lex regia*, сохранявшееся со времени царей во все время республики, безъ сомнѣнія сдѣлало болѣ легкимъ переходъ къ имперіи.

4) (стр. 50). Tacitus, *Annales* I, 2. „Posito Triumviri nomine, consulem se ferens, et ad tuendam plebem tribunicio jure contentum; ubi militem donis, populum annona, cunctos dulcedine otu pellexit, insurgere paullatim, munia senatûs, magistratum, legum, in se trahere, nullo adversante“. (Переводъ приводимъ ниже, въ примѣчаніи 74 къ лекціи IV).

5) (стр. 50). Нѣтъ сомнѣнія, что были случаи, когда власть сената намѣренно ограничивалась въ какомъ нибудь отношеніи; примѣромъ можетъ служить *lex hortensia*, 268 года до Р. Хр. „Изданъ законъ Гортензія, постановившій, чтобы въ плебисцитахъ принималъ участіе весь народъ, и такъ этимъ путемъ они приравнены къ законамъ“. (Gaius, I, 2). Но не было въ Римѣ стремленія существенно измѣнить положеніе сената, какъ правительственной власти, отличающейся отъ власти законодательной. Въ этомъ рѣзкое различіе между Римомъ и Афинами, о чемъ я буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ лекцій. См. стр. 150.

6) (стр. 51). Arnold's *Rome*, III, 388. „Такимъ образомъ событія дали высшее оправданіе мудрости законовъ Гортензія: мы не можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на зловредные и революціонные, когда мы видимъ, что со времени ихъ изданія внутреннія смуты римлянъ прекратились на полтора года, и что въ теченіи этого періода всѣ отдѣльныя части государственнаго устройства оставались въ силѣ; это было спокойствіе, достигнутое не уничтоже-

ніемъ какой-нибудь изъ составныхъ силъ, а установленіемъ полнаго единства“.

7) (стр. 51). *Arnold's Rome*, III, 63. „Дважды въ исторіи повторялась борьба высшаго индивидуальнаго генія съ силами и учрежденіями великаго народа, и оба раза побѣдителемъ былъ народъ. Семнадцать лѣтъ боролся Ганнибалъ съ Римомъ; шестнадцать лѣтъ боролся Наполеонъ съ Англіей. Усиліямъ одного положенъ конецъ при Замѣ; усиліямъ другого при Ватерло“.

Это отрывокъ изъ лучшаго историческаго повѣствованія на англійскомъ языкѣ, изъ повѣствованія Арнольда о войнѣ Ганнибала. Я бытъ можетъ окажу добрую услугу, напомнивъ нашему поколѣнію о существованіи этого повѣствованія. Конечно сравненіе Ганнибала и Бонапарта относится лишь къ ихъ генію, но вовсе не къ ихъ цѣлямъ: Ганнибалъ боролся за Карфагенъ, Бонапартъ за самого себя.

8) (стр. 52). Ни одинъ римлянинъ, ни одинъ латинянинъ, никто изъ полноправныхъ гражданъ и никто изъ имѣвшихъ основательную надежду на гражданство никогда не возставали противъ Рима, хотя не одинъ разъ какъ римляне, такъ и латиняне, какъ отдѣльныя граждане, такъ и отдѣльныя колоніи, повидимому, склонялись къ тому, чтобы уклониться отъ участія въ борьбѣ. Въ этомъ рѣзкое отличіе отъ того положенія вещей, какое было въ Греціи, гдѣ это было такъ обыкновенно, что одна изъ партій вступала въ союзъ съ непріателемъ. Конечно, нельзя вполне сравнивать борьбу греческихъ городовъ между собою и борьбу Рима съ совершенно чуждой державой Карфагена. Но даже въ персидскую войну въ большинствѣ греческихъ городовъ была посредствующая партія, или во всякомъ случаѣ какой-нибудь Гиппій или Демаратъ готовый возстановитъ свою власть съ помощью варваровъ. Слабость Рима заключалась въ томъ, что онъ былъ по вpraженію Тиберія у Тацита (*Annales*, III, 6) „народъ-императоръ“. Подвластные города въ Италіи, не говоря уже объ Галліи, были естественно готовы присоединиться къ Ганнибалу.

9) (стр. 53). См. *Norman Conquest*, I, 128.

10) (стр. 54). Обращеніе за помощью въ борьбѣ между греками къ варварамъ хотя и было очень обыкновеннымъ дѣломъ, но могло также повредить и тѣмъ, кто прибѣгалъ къ этому сред-

ству. Тутъ было то же, что и съ Францискомъ I и Людвигомъ XIV, соединившимися съ турками противъ имперіи. Сознаніе общаго греческаго братства, скрывавшееся за всѣми такими случайными раздорами, при случаѣ выражалось очень ясно. Такъ оно выразилось во всей исторіи отступленія десяти тысячъ, какъ въ той связи, которая соединяла и сохраняла армию въ ея цѣлости, такъ и въ томъ сочувствіи, какое она находила въ различныхъ греческихъ городахъ на пути своего отступленія. Мы видимъ также выраженіе этого сознанія въ декретѣ противъ Артемія Зелейскаго, гдѣ оно составляетъ основную идею всѣхъ разсужденій Изократа. Возьмите на примѣръ его рѣчь или скорѣе письмо къ Филиппу, въ которомъ вездѣ греки понимаются какъ одно цѣлое, варвары какъ другое, а македоняне съ ихъ греческимъ царемъ довольно справедливо разсматриваются какъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Одно мѣсто (150) особенно сильно. Онъ говоритъ Филиппу, чтобы тотъ смотрѣлъ на всю Грецію, какъ на свое отечество и, опираясь на ея помощь, рѣшался на все. Изократъ въ дѣйствительности былъ не многимъ больше, какъ простой мечтатель; но все же онъ хорошій свидѣтель, насколько онъ выражаетъ то сознаніе, о которомъ мы говорили. Въ болѣе практическомъ видѣ это сознаніе выразилось въ двухъ заявленіяхъ Калликратида, что ни одинъ грекъ, на сколько отъ него зависитъ, не будетъ порабощаемъ, и что онъ постарается примирить соперничающія греческія державы для того, чтобы они могли не унижаться болѣе предъ варварами. Xen, Hell. I, 6, 7. „Калликратидъ недовольный одеждой и необходимостью часто ходить ко двору во гнѣвѣ сказалъ: что греки самые несчастные люди, такъ какъ льстятъ варварамъ изъ-за денегъ и, объявивъ, что при благополучномъ возвращеніи на родину, онъ по мѣрѣ своей возможности помирить афинянъ и лакедемонянъ, отплылъ въ Милетъ“ I, 6, 14. „Калликратидъ объявилъ, что подъ его управленіемъ ни одинъ грекъ, насколько это зависитъ отъ него, не будетъ порабощенъ“.

11) (стр. 54). Вся аргументація Аристотели предполагаетъ, что государство будетъ городомъ—ни больше, ни меньше,—ни простое селеніе, ни цѣлая нація. Эти три формы общенія противопоставляются другъ другу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ мы читаемъ въ Политикѣ (II, 2, 5): „Государство отличается такимъ образомъ

отъ племени, когда люди живутъ не раздѣльно по деревнямъ, а массою, какъ аркадцы“. Опредѣляя понятіе πόλις (городъ, государство), онъ говоритъ: „конечно не общими стѣнами слѣдуетъ опредѣлять государство, ибо одною стѣною можно оградить весь Пелопоннезъ. Таковъ быть можетъ Вавилонъ и всякій городъ, имѣющій очертанія скорѣе націи, нежели города“. И потомъ опять, говоря о возможномъ объемѣ государства (VII, 4, 7): „Подобнымъ образомъ и государство, если оно состоитъ изъ очень немногихъ членовъ, недостаточно сильно (а это главное качество государства); если же оно состоитъ изъ слишкомъ многихъ, то оно будетъ изобиловать необходимыми средствами, но будетъ уже какъ-бы націей, а не государствомъ; въ такой массѣ почти уже и не можетъ быть политическаго устройства. Кто будетъ стратегомъ этого столь чрезмѣрнаго множества? Или кто его герольдомъ? Развѣ Стенторій“.

Противуположное этому представленіе можно найти въ одномъ глоссаріи десятаго столѣтія (Eckhart, Res Franciae Orient. II, 999), гдѣ „pagus“ опредѣляется какъ „provincia absque muro“.

12) (стр. 54). Есть извѣстное различіе между „угнетенной народностью“ и „угнетеннымъ народомъ“. Народъ, страдающій подъ гнетомъ одноплеменнаго и одноязычнаго правительства, безъ сомнѣнія, „народъ угнетенный“, но тутъ не будетъ „угнетенной народности“. Подъ „угнетенной народностью“ разумѣется, я полагаю, народъ не просто угнетаемый, но угнетаемый особеннымъ образомъ. „Угнетенная народность“ считаетъ себя обиженной тѣмъ, что правительство, которому она подчинена, не признаетъ ея притязаній считаться отдѣльнымъ народомъ. Такъ, прежде Венгрія была, а Польша и теперь есть „угнетенная народность“. Но какъ бы ни было худо внутреннее управленіе Россіи или Австріи, никто не назоветъ Россію или Австрію „угнетенной народностью“. Слѣдовательно „угнетенной народностью“ будетъ тотъ народъ, угнетеніе котораго принимаетъ особую форму непризнанія его народности. Различіе тутъ существенное, но употребленіе отвлеченнаго выраженія „народность“, „національность“, имѣющаго совершенно другое значеніе, есть совершенно неуклюжій способъ выраженія того, что при этомъ подразумѣвается.

13) (стр. 55). Это одна изъ тѣхъ сторонъ древней политики

которыя намъ, съ нашими понятіями, всего труднѣе понять. Въ наше время завоеваніе или какое бы то ни было подчиненіе предполагаетъ уже въ большей или меньшей степени соединеніе съ завоевавшимъ государствомъ, предполагаетъ инкорпорацию. Завоеванная или другимъ способомъ присоединенная страна можетъ сохранить свои законы; въ случаѣ дѣйствительнаго завоеванія это будетъ дѣломъ терпимости; въ случаѣ добровольнаго присоединенія, какъ напр. Шотландіи къ Англіи, это будетъ дѣломъ соглашенія; но въ обоихъ случаяхъ различіе законовъ будетъ лишь мѣстнымъ различіемъ двухъ частей одного и того же государства. Въ современномъ политическомъ быту едва ли можетъ быть, чтобы государство сохраняло свое отдѣльное правительство со всѣми его функціями, сохраняло бы отдѣльную законодательную власть, даже, пожалуй, власть измѣнять по желанію свою форму правленія, но не имѣло бы самостоятельности въ международныхъ отношеніяхъ и должно было бы въ дѣлахъ мира и войны послушно слѣдовать указаніямъ другого государства и даже давать людей и деньги по его требованію. Но таково именно было отношеніе между Афинами и его союзниками въ четвертомъ столѣтіи до Р. Хр.; таково было отношеніе Рима къ его союзникамъ въ Италиі до союзнической войны; а отношеніе Спарты къ своимъ союзникамъ на Пеллопонезѣ не многимъ отличалось отъ этого, хотя ихъ положеніе конечно было болѣе выгодно. Государство все таки остается государствомъ; оно остается совершенно неприкосновеннымъ во всемъ, что составляетъ отдѣльное государство; оно ограничивается только въ свободномъ осуществленіи международныхъ сношеній. Такое отношеніе не предполагаетъ непременно дѣйствительнаго угнетенія какого либо подчиненнаго государства, хотя оно и устанавливаетъ легкую возможность такого угнетенія со стороны чиновниковъ господствующаго государства. Въ такомъ положеніи государство можетъ конечно во всякое время дѣйствовать самостоятельно и отказаться въ повиновеніи требованіямъ господствующаго государства, под страхомъ возможности быть вновь побѣжденнымъ и подвергнутымъ болѣе тяжкому игу. Для насъ болѣе понятно полное подчиненіе, когда государство управлялось намѣстникомъ, проконсуломъ, сатрапомъ, балыи или другимъ чиновникомъ господствующаго государства. Но даже и въ этомъ случаѣ все управленіе подчиненнаго государства ча-

сто сохранялось съ бѣльшимъ значеніемъ, нежели простой муниципалитетъ; оно все таки оставалось государствомъ, подчиненнымъ другому государству. По современнымъ понятіямъ, жители завоеванной или присоединенной страны дѣлаются подданными правительства, завоевавшего государство, наравнѣ съ его старыми гражданами.

14) (стр. 55). Случайное выраженіе Исократы выказываетъ это особенно сильно. Греки какого-то неизвѣстнаго, и всего вѣроятнѣе миѣнскаго времени, „считали собственными городами свои города, общимъ же отечествомъ почитали Элладу“. (Papeu. 90). Такъ и въ разсужденіи, обращенномъ къ Филиппу (150, смотри выше примѣчаніе 10), онъ говоритъ ему: „приличествуетъ потомкамъ Геракла, людямъ государственнымъ и блюстителямъ законовъ, любить этотъ городъ, въ которомъ они живутъ; тебѣ же слѣдуетъ какъ сдѣлавшемуся свободнымъ, всю Элладу считать отечествомъ“. *Πατρίς* во времена Исократы не было такимъ словомъ, которое примѣнялось ко всей Элладѣ, но лишь къ собственному городу каждаго. Онъ употребляетъ его въ этомъ смыслѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ томъ же разсужденіи (III, 121 и др.), и еще болѣе странно, что тутъ онъ говоритъ (72), что Кононъ „возстановилъ стѣны отечества“. Но было или должно было быть время, когда вся Эллада была отечествомъ, *πατρίς* каждаго грека.

15) (стр. 55). Ливій (XXXVIII, 53), разсказывая объ удаленіи Сципіона въ Литернумъ, говоритъ только о „необходимости или подчиниться приговору, или покинуть отечество“. Но Сенека (Epist. XIII, 1) прямо употребляетъ слово изгнаніе. „Какъ не удивляться этой возвышенности души, въ силу которой добровольно удалился онъ въ изгнаніе и тѣмъ вывелъ государство изъ затрудненія. Ибо дѣло стало такъ, что или свобода Сципіону, или Сципіонъ свободѣ причинилъ бы несправедливость. Не слѣдовало быть ни тому, ни другому: итакъ, не посягая на законы, удалился въ Литернумъ, обзанный своимъ изгнаніемъ, подобно Ганнибалу, республикѣ“. Также о Тиберіѣ читаемъ у Тацита (Ann, IV, 58): „ибо не предвидѣли такого невѣроятнаго случая, чтобы одиннадцатъ лѣтъ добровольно жилъ на чужбинѣ“. Смотри Merivale, V, 251.

16) (стр. 56). Это составляетъ одно изъ разительнѣйшихъ различій между Франціей и Англіей, и одинъ изъ главныхъ призна-

ковъ различія между франкскимъ завоеваніемъ Галліи и англійскимъ завоеваніемъ Британіи. Какъ общее правило, главные города Франціи сохранили непрерывное существованіе и значеніе съ римскихъ и гальскихъ временъ. Ихъ взаимное отношеніе не всегда сохранялось; однако Парижъ, Лионъ, Марсель, Бордо, Руанъ и много другихъ городовъ всегда сохраняли свое значеніе, какъ столицы, по крайней мѣрѣ прилегающихъ округовъ. Старый городъ очень рѣдко былъ заслоненъ тамъ юнымъ соперникомъ, какъ это было у насъ съ мѣстными столицами Йоркшира, Ланкашира, Варвикшира и Стаффордшира. Старый станъ кельтовъ дѣлался римскимъ городомъ, а римскій городъ сохранялся непрерывно до нашего времени, какъ столица своего округа. И значительная часть этихъ городовъ, преимущественно тѣ, которые не были, подобно Парижу и Шалону, расположены при рѣкѣ или около рѣки,—занимаютъ возвышенныя мѣста, на которыхъ были расположены первоначально укрѣпленія галовъ. Таковы Буржъ, Шартръ и особенно Лаонъ. То же можно сказать и относительно гальскихъ городовъ внѣ предѣловъ Франціи, каковы Женева, Лозанна и Зиттенъ. Въ Англій дѣло происходило совершенно иначе. Римскіе города въ Британіи не расположились, какъ въ Галліи, непременно на мѣстѣ кельтическихъ становъ, и повидимому кельты Британіи не были такъ сильно привязаны къ этимъ мѣстамъ, какъ кельты Галліи. У насъ мало городовъ, въ родѣ Линкольна и Экзетера, которые бы были расположены на возвышеніи, послѣдовательно занимавшемся бритами, римлянами и англичанами; и въ числѣ ихъ мы можемъ считать Лондонъ, въ которомъ первоначальный городъ, сити, съ соборомъ, вѣнчающимъ холмъ, есть дѣйствительно болѣе близкое подобіе Буржу или Шартру, чѣмъ это обыкновенно бываетъ съ англійскими городами. И въ Англій было много становъ, занятыхъ бритами, но они не развились въ римскіе города. Въ Галліи большой станъ при Улейбурѣ развился бы въ большой городъ, подобный Лаону, и Дорчестеръ былъ бы выстроенъ на вершинѣ Синодуна, а не у его подошвы. Но что это стремленіе занимать болѣе низкія мѣста было не только римскимъ, но и бритскимъ, это видно изъ расположенія по меньшей мѣрѣ двухъ епископскихъ церквей Уельса. Нельзя себѣ представить болѣе рѣзкой противоположности Буржу и Шартру, какъ селенія Лландафъ

и Сентъ-Давидъ. И потомъ, также въ силу разрушительнаго характера англійскаго завоеванія, занятіе англійскихъ городовъ рѣдко когда было продолжительнымъ.

Нѣкоторые изъ римскихъ городовъ, какъ Вроксетеръ и Сильчестеръ, были разрушены, и ихъ мѣста никогда болѣе не были заняты. Другіе, подобно Батсу и Честеру, были вновь заняты послѣ залуствнїя, длившагося нѣсколько столѣтій. Во всякомъ случаѣ, контрастъ между англійскими и французскими городами есть одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того рѣзкаго отличія, того положенія вещей, какое создано въ Британіи особеннымъ характеромъ англійскаго завоеванія, ничего не имѣющаго себѣ соотвѣтственнаго въ исторіи Галліи.

17) (стр. 56). Фукидидъ, II, 15. „Теперешній городъ прежде былъ акрополемъ“. О томъ, какъ болѣе возвышенныя поселенія смѣнялись низменными см. Grote, II, 144—188. Въ западной Европѣ нельзя найти лучшаго мѣста для изученія общаго измѣненія, какъ въ Лемайсѣ, гдѣ можно прослѣдить гальскую крѣпость, римскій и средневѣковой городъ, изъ коихъ каждый является расширеніемъ своихъ предшественниковъ, и все ниже и ниже спускается съ вершины холма.

18) (стр. 56). Я рѣшился сослаться на извѣстное противуположеніе Гомеромъ Дарданіи и Иліона, какъ выясняющее замѣну Стараго Салюсбюри Новымъ. Norman Conquest, I, 318.

19) (стр. 56). Софокль (Ed. Col., 694). „Въ великой Доридѣ, на островѣ Пелопса“.

20) (стр. 56). См. Grote, II, 147. Также и Maine, Ancient Law, 125. „Быть можетъ это вовсе не фантастическая идея, если я предполагаю, что циклопы служили у Гомера типомъ чуждой и отсталой цивилизаціи, такъ какъ почти физическое отвращеніе, какое первобытная община чувствуетъ по отношенію къ людямъ совершенно иныхъ нравовъ сравнительно съ ея собственными, обыкновенно выражается въ описаніи ихъ чудовищами и даже (какъ это почти всегда мы видимъ въ восточной міеологіи), какъ демоновъ“. Сравни Арист. Пол., I, 2—6. Циклопы были конечно уже крайностью; и преданія о нихъ, какъ и о другихъ существахъ такого рода, всего вѣроятнѣе относятся, подобно сѣвернымъ преданіямъ о Троллѣ, къ воспоминаніямъ о древнихъ не-арійскихъ

племенахъ, найденныхъ очень вѣроятно въ странѣ эллинами. Но отношенія къ народамъ западнаго берега Азіи, хотя они несомнѣнно были соплеменниками, въ поэмахъ Гомера проникнуты извѣстнымъ сознаниемъ превосходства; но какъ поверхностно это сознание, это можетъ быть понято только чрезъ сравненіе выраженій Гомера съ выраженіями трагиковъ. Мы имѣемъ также указанія (см. Одиссею, XIV, 315; XV 426 — 452) о европейскихъ сосѣдяхъ, дружелюбныхъ теспотіанахъ и враждебныхъ тафіянахъ, въ томъ же смыслѣ. Такъ въ предисловіи Фукидида древнѣйшій бытъ Элады вездѣ представляется нѣсколько болѣе низкимъ, нежели какой описанъ въ поэмахъ Гомера (смотри Grote, II, 47), но притомъ такимъ, слѣды котораго все еще сохранились и у наименѣ цивилизованныхъ греческихъ племенъ.

21) (стр. 57). Δῆμος у Гомера всегда обозначаетъ землю, напр. πόλις δῆμος и т. п. и не рѣдко оно противопологается городу πόλις или, пожалуй, употребляется въ смыслѣ, обнимающемъ собою и πόλις—πολί τε πάντι τε δῆμῳ.

22) (стр. 57). Объ аттическомъ демосѣ см. ниже прим. 59.

23) (стр. 57). См. History of Federal Government, I, 133.

24) (стр. 58). Смотри извѣстное замѣчаніе о локрійцахъ, этолійцахъ и акарнанцахъ у Фукидида, I, 5 и III, 94.

25) (стр. 58). Основаніе Мегалополиса (см. History of Federal Government, I, 200) есть вопросъ исторіи, а имена городовъ, изъ жителей которыхъ составилось его населеніе, перечислены у Павзанія, VIII, 27. Ксенофонтъ (Hell. III, 2, 27) замѣчаетъ, что Элида въ это время не была еще окружена стѣнами, а Діодоръ (XI, 54) относитъ ея основаніе къ архонству Праксергоса въ 471 году до Р. Хр. Вотъ его слова: „Элейцы, которые населяли большую часть малыхъ городовъ, поселились въ одно мѣсто, называемое Элидою.“ Страбонъ (VIII, 3) болѣе точенъ, и распространяетъ это замѣчаніе на многіе другіе пелопонезскіе города. „Элида, теперешній городъ, еще не существовалъ при Гомерѣ, но такъ называлась мѣстность, занятая деревнями... впоследствии только, именно послѣ персидскихъ войнъ пришли въ теперешній городъ Элиду жители изъ многихъ волостей. Также и прочія мѣстности въ Пелопонезѣ за исключеніемъ не многихъ, упоминаемая поэтому, называются имъ не городами, а землями, такъ какъ

каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ волостей, изъ которыхъ впоследствии составились извѣстные города, какъ напримѣръ Аркадская Мантинея составлена аркадцами изъ 5 волостей, Тегея изъ 9, изъ столькихъ же составлена Гегея Клеомбротомъ или Клеонимомъ; также Эгіонъ составился изъ 7 или 8 волостей, Патры изъ 7, Димы изъ 8. Такъ и Элида одна составила изъ окружныхъ деревень“. Различныя выраженія, употребляемыя Страбономъ для обозначенія древнѣйшаго быта, *δῆμοι*, *χωρῆδόν*, *περιοχίδες*, имѣютъ указанное значеніе. Последнее по крайней мѣрѣ едва ли могло бы быть примѣняемо. Элида въ перечисленіи Гомера есть имя не города, а области; къ аркадскимъ общинамъ не примѣняется ни слово *πολις*, ни также и *χώρα*.

Кембл (Kemble, Saxons in England, I, 49) замѣчаетъ, что, „говоря вообще, происхожденіе городовъ въ Греціи заключалось въ томъ, что можетъ быть названо сконцентрированіемъ такихъ *χωραι*. *Αγορά* есть пространство нейтральной земли, гдѣ всѣ одинаково могутъ сходиться“. Онъ дѣлаетъ это замѣчаніе для того, чтобы пояснить, какъ германское *Gau* (см. ниже, примѣчаніе 72, въ III лекціи) развилось изъ марокъ, *marks*. Онъ указываетъ также на образованіе Рима изъ трехъ территориальныхъ трибъ.

26) (стр. 58). Четыре или пять древнѣйшихъ общинъ, изъ соединенія которыхъ, какъ сказано, образовалась Мантинея, снова являются на сцену, когда политика Спарты привела къ раздробленію ея могущественнаго сосѣда. Ксенофонтъ передаетъ рассказъ, что „послѣ того стѣна была разрушена и жители Мантинеи расселены на четыре стороны, какъ они жили въ старину“. Онъ рассказываетъ затѣмъ, что каждое селеніе (*χωρη*) посылало отдѣльный отрядъ въ спартанскую армію, и что мантинейскіе олигархи радовались этой перемѣнѣ, такъ какъ она освободила ихъ отъ демократіи и демагоговъ. Но у Гомера какъ Тегея, такъ и Мантинея являются какъ цѣлыя единицы.

„Они владѣли и Тегеей и дорогою Мантинеей“.

Что то же самое было и въ отношеніи Спарты, извѣстно изъ словъ Фукидида, I, 10, который говоритъ о Спартѣ, какъ о „заселенной деревнями по старинному въ Элладѣ обычаю“ даже въ его время. Имена первоначальныхъ пяти деревень приведены по видимому у Павзанія, III, 16, 9, но въ перечисленіи Гомера (581)

о Лакедемонѣ и Спартѣ говорится скорѣе какъ о бывшихъ когда-то отдѣльными селеніями. „Владѣли лежащимъ въ обширной равнинѣ Лакедемономъ, Фарою, Спартою и обильною голубями Мессою“. Всѣ эти случаи, когда городъ образовывался изъ соединенія отдѣльныхъ селеній, должны быть тщательно отличаемы отъ соединенія аттическихъ городовъ. Элида, Мантиней и другіе образовались или изъ прямого соединенія сосѣднихъ селеній, или такъ, что жители различныхъ мѣстностей переносили свое жилище въ новый городъ. Въ Атикѣ не было ничего подобнаго. Города продолжали существовать какъ и прежде, только перестали быть отдѣльными политическими единицами и всѣ ихъ граждане получили аѳинское право гражданства.

27) (стр. 58). Что были македонскіе города, настолько успѣвшіе въ развитіи городского быта, что могли быть приняты, хотя и подчиненными въ извѣстной степени, (см. *History of Federal Government*, I, 193), членами греческой федераціи, явствуетъ изъ описанія, которое даетъ Ксенофонтъ (v. 2. 12.), того, какъ поступалъ Олинтъ при основаніи союза, который подавили Спартянцы: „послѣ этого они пытались и македонскіе города освободить изъ подъ власти Аминты, царя македонскаго“. Но мѣстныя дѣленія Македоніи и Эпира всѣ были дѣленіями племенными (см. Фукидадь, II, 99), и сельскій бытъ, сохранявшійся даже между чисто-греческими сосѣдями эпиротовъ, былъ очевидно господствующимъ бытомъ въ обѣихъ этихъ странахъ.

28) (стр. 58). О сходствѣ греческихъ метекъ съ *Niedergelassenen* въ Швейцаріи и „foreigners“, какъ они часто назывались во многихъ англійскихъ бургахъ, я говорю болѣе подробно въ другой лекціи (см. стр. 183). Существенная сторона тутъ та, что простое пребываніе во всѣхъ этихъ случаяхъ не имѣло никакого значенія. Какъ мало оно имѣло значенія напр. по греческимъ понятіямъ, видно изъ слѣдующихъ случайныхъ словъ Аристотеля (Пол. III. 1, 3): „гражданинъ не называется такъ по мѣсту жительства, потому что и метѣки и рабы по мѣсту жительства соприкасаются съ настоящими гражданами“. Онъ говоритъ за тѣмъ о тѣхъ метѣкахъ, которые въ силу отдѣльныхъ договоровъ, пользуются отдѣльными правами, *connubium* и *commercium* (право вступать въ браки и въ частныя юридическія сдѣлки съ гражданами) или какими'нибудь

другими: „не тѣ называются гражданами, которые пользуются общими правами гражданъ—правами отвѣтчика и истца, потому что это доступно и тѣмъ, которые вступили въ общеніе въ силу какого-либо договора; во многихъ мѣстахъ даже и этими правами не пользуются метэки, а принуждены отдавать себя подъ покровительство простата“. Тутъ разумѣется извѣстное ограниченіе метэковъ въ Аѳинахъ, по которому они не могли искать въ судѣ отъ своего собственнаго имени и вынуждены были обращаться къ посредству какого-нибудь патрона изъ гражданъ.

29) (стр. 59). Нѣчто подобное совершалось въ тотъ или другой періодъ исторіи въ большинствѣ греческихъ городовъ. Привожу наиболѣе знаменитый случай, Арист. Пол. III. 2, 3: „которые принимали участіе въ государственномъ переворотѣ, какъ на примѣръ поступилъ Клисеонъ послѣ изгнанія тирановъ: онъ ввелъ въ филы многихъ чужестранцевъ и рабовъ метэковъ. Разногласіе въ этомъ случаѣ заключается не въ томъ, гражданинъ ли кто, но въ томъ, справедливо ли, или нѣтъ пользуется онъ этимъ правомъ“.

30) (стр. 59). Таковъ на примѣръ случай съ ораторомъ Лизіемъ въ Аѳинахъ, метэкомъ, выказавшимъ себя такимъ аѳинскимъ патриотомъ, словно онъ происходилъ по прямой линіи отъ Эрехтея: онъ было добился признанія правъ полнаго гражданства, но затѣмъ былъ лишенъ ихъ въ силу нарушенія одной формальности при голосованіи. Фотій, 262 (р. 490. Bekker). „Послѣ возвращенія Фразибулъ предложилъ ему гражданство, и народъ утвердилъ этотъ даръ. Архинъ же опираясь на то, что внесеніе этого предложенія не было предварительно обсуждено, указываетъ на незаконность этого постановленія; и по признаніи его дѣйствительно незаконнымъ Лизій лишился гражданства и потомъ жилъ на общихъ правахъ съ другими гражданами“. Это значитъ, что онъ остался метэкомъ, лишеннымъ политическихъ правъ, но изъятымъ отъ особыхъ повинностей, лежавшихъ на этомъ классѣ, и платившимъ лишь тѣ налоги, что и граждане. Изъ того, что могло явиться сомнѣніе въ томъ, дать ли право гражданства даже такому человѣку, можно видѣть какъ высоко цѣнилось это право. Съ другой стороны есть одинъ древній случай того, что пожалованіе правъ гражданства, долженствовавшее имѣть практически лишь почетное значеніе, было сдѣлано въ отношеніи иноземнаго государя, именно

Өракійца Садока, сына Ситалка; случай этотъ приведенъ у Өукидида, II, 29: „Нимфодоръ заключилъ союзъ съ Ситалкомъ и сыну его Садоку далъ право аѳинскаго гражданства“, такъ и II, 67: „Садока, сдѣлавшагося аѳинскимъ гражданиномъ“. Надъ всѣмъ этимъ смѣется Аристофанъ, *Acharn.* 145. „А сынъ, котораго мы сдѣлали аѳинскимъ гражданиномъ, желалъ поѣсть апатурійской колбасы и умолялъ отца помочь отечеству“. Въ позднѣйшее время это было гораздо чаще.

Въ олигархической Спартѣ пожалованіе гражданства было конечно еще болѣе рѣдкимъ и болѣе цѣннымъ, чѣмъ въ демократическихъ Аѳинахъ. Однако мы находимъ одинъ примѣръ у Геродота (IX. 33), что право спартанскаго гражданства было пожаловано элейскому пропроку Тизамену и его брату Гигію. Но изъ этого разсказа мы видимъ, какую рѣдкость и какую особенною милостью считалось такое пожалованіе и съ какимъ трудомъ спартанцы рѣшились на него: „услышавши спартанцы сперва преувеличили дѣло“. Существуетъ другой позднѣйшій примѣръ—Діона Сиракузскаго (Плутархъ, Діонъ, 49), который показываетъ какъ вполне приравнивалось такое искусственное гражданство. разъ оно было пожаловано, къ гражданству природному. Гераклитъ представлялъ Гэзила, какъ болѣе способнаго начальствовать подъ сиракузскимъ войскомъ чѣмъ Діонъ, по той причинѣ, что онъ спартанецъ. Діонъ, подобно Тизамену. принятый въ число спартанскихъ граждаѳъ отвѣчаетъ „у сиракузцевъ есть способные начальники, если же непремѣнно требовался бы спартанецъ для этого дѣла, то онъ самъ спартанецъ“. Сравни также насмѣшку Горгія Леонтинскаго (Арист. Пол. III, 2, 2) надъ тою легкостью, съ какою въ Лариссѣ дѣлались гражданами: „онъ говорилъ, что какъ горшки сдѣланы горшечниками, такъ и Лариссейцы деміургами, словно есть какіе нибудь дѣлатели Лариссейцовъ“. Мы не можемъ не указать на контрастъ всего этого съ тою легкостью, съ какою иностранцы натурализуются теперь какъ въ европейскнхъ монархіяхъ, такъ и въ американскихъ республикахъ. Но это проистекаетъ изъ различія между городомъ и націей. Дѣйствительную параллель спартанскому или аѳинскому гражданству составляетъ не натурализація британскимъ подданнымъ, а допущеніе къ мѣстнымъ правамъ какого нибудь бурга.

31) (стр. 59). Объ этомъ *ἔθνοίσις* Аттики, объ одномъ изъ вели-

чайшихъ событій въ исторіи Греціи и въ исторіи міра, см. Historical Essays, Second Series, p. 119.

32) (стр. 59). О кратковременномъ соединеніи Аргоса и Коринѳа въ 393 году до Р. Хр. см. Ксенофонта, Hell., IV. 4, 6 и замѣчанія Грота (IX, 462). Слова Ксенофонта замѣчательны, если даже они выражаютъ только воззрѣніе олигархической партіи, такъ какъ они показываютъ, какъ неестественнымъ представлялось по греческимъ понятіямъ такое соединеніе отдѣльныхъ городовъ. „Замѣчая, что государство гибнетъ, потому что и границы уничтожаются и Аргосъ вмѣсто Коринѳа называется ихъ отечествомъ, будучи принуждены подчиняться аргивскимъ законамъ, въ которыхъ они вовсе не нуждались, въ самомъ наконецъ городѣ пользуясь меньшею властью, чѣмъ метэки, нѣкоторые изъ нихъ по всему этому думали, что имъ вовсе не слѣдуетъ такъ жить“. Извѣстно, что въ греческой исторіи не было другаго случая, чтобы два государства соединились такимъ образомъ; а поэтому мы должны цѣнить, что до насъ сохранились нѣкоторыя подробности объ этомъ соединеніи, какъ бы оно не оказалось недолговѣчнымъ. Трудно представить себѣ полное соединеніе столь отдаленныхъ другъ отъ друга городовъ, а конфедераціи двухъ городовъ не могло и быть. Замѣтьте также жалобу недовольныхъ коринѳянъ, что они были не въ лучшемъ положеніи, какъ метэки въ ихъ собственномъ городѣ.

33) (стр. 60). Я изложилъ древнюю исторію этихъ двухъ союзовъ въ моей History of Federal Government. У этолийцевъ греческій городской бытъ почти вовсе не развился. Напротивъ, ахейскій союзъ съ самаго начала былъ союзомъ городовъ въ самомъ строгомъ смыслѣ; но это были такіе ничтожные города, что они не имѣли никакой возможности сохранить независимость, оставаясь вполнѣ самостоятельными.

34) (стр. 60). См. History of Federal Government, I, 160. При соединеніи Спарты, съ которымъ союзъ распространился на весь Пелопоннезъ, должно было противостоять такимъ искушеніямъ, съ какими человѣческая природа не въ силахъ бороться.

Но съ этого времени исторія союза вся наполнена отпаденіями, и движеніями съ цѣлями отпаденія, со стороны Спарты, и жалобами, приносимыми Спартою на союзную власть римскому протектору.

35) (стр. 60). Различенію, установившемуся въ политическомъ языкѣ Германіи между Staatenbund (союзъ государствъ) и Bundesstaat (союзное государство) могли бы позавидовать сами греки. Въ союзѣ государствъ, какимъ былъ американскій союзъ до 1789 года и швейцарская конфедерація до 1848 года, члены союза соединяются на такихъ основаніяхъ и для такихъ цѣлей, какъ они могутъ согласиться, и ихъ общія дѣла завѣдываются союзнымъ собраніемъ или конгрессомъ. Но каждое государство остается все таки совершенно независимымъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и каждое имѣетъ даже право вступать въ отдѣльныя сношенія съ иностранными правительствами. Тутъ нѣтъ ничего, чтобы можно было, строго говоря, назвать союзнымъ правительствомъ. Съ другой стороны въ союзномъ государствѣ, хотя каждое государство остается сувереннымъ и независимымъ въ предѣлахъ такихъ правомочій, которыя не затрогиваютъ союзной власти, цѣлое составляетъ одно государство, имѣющее свое правительство съ его исполнительной, законодательной и судебной отраслью, дѣйствующее какъ суверенная и независимая власть въ своей сферѣ. Большинство федерацій послѣднихъ дней Греціи почти могутъ быть названы союзнымъ государствомъ.

36) (стр. 61). См. Historical Essays, Second Series, p. 146.

37) (стр. 62). Вейи кажется были также обширны, какъ и Римъ, но Вейи были большимъ пограничнымъ городомъ Этруріи, также какъ Римъ былъ пограничнымъ городомъ Лаціума. Такъ Мегалополисъ былъ основанъ на аркадской границѣ. Но, конечно если не принимать въ соображеніе Этрурію, Капуя есть единственный итальянскій городъ, который можно было сравнить съ Римомъ вплоть до греческихъ городовъ на югѣ. Близость большихъ греческихъ городовъ другъ къ другу наглядно представляется въ разсказѣ о Филолаѣ и Діоклѣ, передаваемомъ Аристотелемъ (Политика, II, 12, 8, 9). Филолай былъ погребенъ около Фивъ въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть коринескую территорію. Эгина, какъ извѣстно всему міру, находилась передъ самымъ Пиреемъ. Но пожалуй самое ясное представленіе о малости пространства — и о нравственномъ величій греческихъ республикъ даетъ письмо Сервія Сульпиція къ Цицерону (Ep. ad Div. IV. 5). — „Когда возвращаясь изъ Азіи отъ Эгины плылъ къ Мегарѣ, передъ

мною открылись вокруг лежація страны. За мною была Эгина, впереди Мегара, справа Пирей, слѣва Коринѳъ“. И онъ замѣчаетъ: „эти города были нѣкогда цвѣтущими, теперь же представляются взору раззоренными въ конецъ и разрушенными“. Мы могли ожидать замѣчанія, что всѣ они были нѣкогда независимыми государствами, а теперь составляютъ часть римскихъ владѣній. Но въ дѣйствительности они еще тогда не всѣ составляли римскія владѣнія. Смори примѣчаніе 40.

38) (стр. 63). Это ясно представлено въ третьей главѣ Римской исторіи Моммсена. Онъ даетъ живую картину возникновенія древнихъ итальянскихъ городовъ. Дѣло происходило въ существенныхъ чертахъ одинаково въ Италиі, Греціи и Галліи; только въ Италиі это было позднѣе, чѣмъ въ Греціи, а въ Галліи, куда была принесена римская цивилизація, позднѣе чѣмъ въ Италиі. Латиняне начали съ Markgenossenschaft, и городъ, подобно британскому oppidum, былъ сначала просто мѣстомъ убѣжища на случай нападеній непріятелей. „Эти мѣста, которыя естественно вмѣстѣ съ тѣмъ заключали въ себѣ и священныя мѣста общины и которыя слѣдуетъ представлять себѣ обыкновенно лишь слабо или вовсе не населенными, встрѣчаются намъ подъ именами „горъ“ (montes) и „срубовъ“ (pagi отъ pangere), „времлей“ (arces отъ arcere) и „остроговъ“ (urbes отъ urvus, curvus, orbis) и они послужили основаніемъ для городского областного устройства Италиі, и въ тѣхъ мѣстностяхъ Италиі, гдѣ городская совмѣстная жизнь развилась лишь позднѣе, а частью не развилась вполнѣ и до сихъ поръ, какъ на примѣръ въ Марзерѣ и въ мелкихъ округахъ въ Аbruццахъ, могутъ быть еще и теперь ясно различаемы“.

Даже самъ Римъ былъ сначала скорѣе мѣстомъ сборищъ, нежели мѣстомъ жительства для большей части его гражданъ. Въ этомъ Римъ и Аѳины были сходны; но аѳинское право гражданства не было распространено, вслѣдствіе цѣлой массы причинъ, за предѣлы природныхъ аттическихъ городовъ, между тѣмъ какъ обстоятельства позволили римскому гражданству быть въ концѣ распространеннымъ на всѣ римскія владѣнія. Даже гораздо ранѣе того, какъ Римъ сдѣлался главою Италиі, гражданство было предоставлено такимъ округамъ, которые отстояли отъ Рима на

болѣе далекое разстояніе, нежели какая либо часть Аттики отъ Аѳинъ.

39) (стр. 63). Я здѣсь принимаю взглядъ Моммсена на возникновеніе Рима. О стремленіи этихъ пограничныхъ округовъ и государствъ къ господству надъ ихъ сосѣдями и соплеменниками см. *Historical Essays, First Series, p. 220.*

40) (стр. 63). Главное легальное дѣленіе есть дѣленіе на *cives* (граждане) и *peregrini* (иностранцы). Къ *peregrini* относились до союзнической войны, во-первыхъ, латиняне—конечно уже не древній союзъ этого имени, но тѣ общины, которыя пользовались *jure Latii*, въ какой бы части римскихъ владѣній они ни находились; это были полу-граждане, имѣвшіе право, при извѣстныхъ условіяхъ, требовать полного права гражданства; во-вторыхъ, *socii*, союзные города Италіи, о которыхъ мы уже говорили, и которые получили гражданство постѣ союзнической войны; въ-третьихъ, провинціалы подданные Рима въ Италіи, находившіеся подъ управленіемъ римскихъ проконсуловъ или другихъ правителей, и древнія учрежденія которыхъ иногда и вовсе уничтожались, но чаще дѣлались простыми муниципальными учрежденіями, теряя значеніе учрежденій отдѣльныхъ государствъ. Не слѣдуетъ никакъ забывать, что какъ полное римское гражданство, такъ и менѣе важныя вольности латинянъ и италійцевъ были предоставляемы отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ общинамъ во всѣхъ частяхъ римскихъ владѣній. И мы должны также помнить, какъ много муниципалитетовъ и государствъ, хотя и окруженныхъ римской территоріей и на дѣлѣ зависимыхъ отъ Рима, сохраняли формальную независимость до весьма поздняго времени. Такъ Ликійскій союзъ существовалъ до царствованія Клавдія, а республики Родосская и Византія до царствованія Веспасіана.

Гай (I, 28) замѣчаетъ, что „латиняне многими способами достигали римскаго гражданства“. Особенность положенія латинянъ заключалась въ томъ, что они хотя и не были гражданами, но могли при исполненіи извѣстныхъ условій, требовать гражданства, какъ своего права, тогда какъ италійцы и провинціалы, подобно греческимъ метѣкамъ, могли получить право гражданства только какъ особую милость.

41) (стр. 63). До насъ дошла рѣчь Клавдія въ защиту болѣе

широкаго распространенія права гражданства между галлами, какъ она передана у Тацита (Ann. XI, 25), и отрывки изъ подлинной рѣчи, найденные на одной мѣдной доскѣ въ Лионѣ, и напечатанные въ концѣ одиннадцатой книги изданія Орелли. Различіе между двумя этими редакціями поучительно, такъ какъ оно даетъ намъ возможность видѣть, насколько рѣчи, приводимыя классическими писателями, могутъ считаться вѣрною передачей того, что дѣйствительно было сказано. Общій планъ аргументаціи одинъ и тотъ же; но языкъ совсѣмъ другой и даже отдѣльные примѣры приведены другіе. Такъ какъ подлинная рѣчь не полна, то можетъ быть въ ней могло заключаться больше того, что мы находимъ у Тацита; но странно, что Тацитъ опустил находящійся въ подлинной рѣчи весьма интересный рассказъ, въ которомъ Сервій Туллій отождествляется съ этрускомъ Мастарной. Въ обѣихъ редакціяхъ указывается на политику Рима, состоявшую въ постепенномъ распространеніи его гражданства на союзниковъ и подданныхъ. Мѣсто, которое я собственно имѣю въ виду, быть можетъ принадлежитъ Клавдію; оно взято изъ Тацита. „Что привело Лакедемонянъ къ гибели, хотя они были побѣдителями, какъ не то, что они обращались съ побѣжденными какъ съ чужестранцами? Нашъ же основатель Ромулъ былъ столь мудръ, что много враждебныхъ народовъ тотчасъ же обращалъ въ гражданъ“. Последнія мысли у Тацита, которыя также весьма важны для насъ, несомнѣнно принадлежатъ по содержанію Клавдію, хотя Тацитъ выразилъ ихъ лучшимъ языкомъ. „Все то, отцы сенаторы, что теперь считается древнѣйшимъ; было нѣкогда новымъ; плебеи получили доступъ къ магистратамъ послѣ патриціевъ; латиняне послѣ плебеевъ; другіе народы Италіи послѣ латинянъ. И это даже начинаетъ старѣть: и для чего теперь ищемъ примѣры, само будетъ въ числѣ примѣровъ“. Что касается постановленія эдикта Антонина Каракаллы, въ силу котораго всѣ свободные жители имперіи сдѣлались римскими гражданами, то мнѣ пріятно было найти у Генри Мэна (Ancient Law, 144) протестъ противъ общей наклонности слишкомъ низко оцѣнивать его значеніе. „Я позволю себѣ замѣтить, что тотъ взглядъ, по которому постановленіе Антонина Каракаллы о предоставленіи римскаго гражданства всѣмъ его подданнымъ есть мѣра, имѣющая

мало значенія, не имѣть за собой достаточнаго основанія“. Для Мэна главный интересъ этого постановленія заключается въ томъ, что онъ „чрезвычайно расширилъ сферу римской отеческой власти, patria potestas“. Для меня главный интересъ тутъ въ томъ, что постановленіе это распространило имя римлянъ на всѣхъ жителей имперіи. Имя Romanus, какъ противоположность Barbarus въ германскихъ кодексахъ, и имя „Ρωμαϊος“, долго служившее именемъ народу, лишь недавно возродившему имя „эллиновъ“, были прямыми результатами этого постановленія. И безъ этого постановленія вестъ-готъ Родеригъ не представлялся бы въ глазахъ сарацинъ царемъ римлянъ; Сельджуки, султаны Иконіи, не называли бы себя султанами Рима (Roum); римское имя не было бы тогда до сихъ поръ принятымъ названіемъ оттомановъ и ихъ имперіи на дальнемъ востокѣ. Это постановленіе создало территоріальную Romania на мѣсто чисто мѣстнаго Roma. Словомъ, это постановленіе составляетъ великую грань въ исторіи міра; когда какая нибудь политическая привилегія уничтожается, заключающіяся въ ней права теряютъ свое значеніе.

42) (стр. 64). Мнѣ нѣтъ надобности указывать, что пока существовала республика, голосъ римскаго гражданина, въ какой бы comitia онъ ни былъ подаваемъ, могъ быть поданъ только въ особомъ опредѣленномъ мѣстѣ въ Римѣ или близъ него. Но быть можетъ рѣже обращаютъ вниманіе на то, что когда голосованіе имѣло уже весьма мало значенія, Августъ придумалъ способъ, посредствомъ котораго граждане находящіеся далеко могли бы подавать свой голосъ дома и посылать его какъ-нибудь въ Римъ, я думаю, вѣроятно въ запечатанныхъ избирательныхъ листкахъ. Такъ Светоній рассказываетъ намъ (Aug. 46). „Италію... правомъ и достоинствомъ какъ бы уравнилъ отчасти съ городомъ: придумавъ способъ подачи голосовъ, по которому декуріоны колоніанъ, каждый въ своемъ селеніи подавалъ голосъ выбору магистратовъ города, и къ назначенному дню комицій посылали ихъ письменно въ Римъ“.

Объ этомъ порядкѣ голосованія желательно бы было имѣть нѣкоторыя дальнѣйшія подробности. Желательно бы было знать самый механизмъ голосованія и тѣ мѣры, какія были приняты противъ вліянія на голосованія со стороны декуріоновъ. Эти мѣры можно считать признакомъ упадка общественнаго духа, такъ какъ

забота человѣка о томъ, чтобы не давать себѣ ни малѣйшаго труда при подачѣ голоса, есть плохое свидѣтельство его достоинства. Но все же возможность подачи голосовъ при обсужденіи законовъ и при выборахъ магистратовъ внѣ Рима, а также сдѣланное нѣсколько позднѣе открытіе, что и императора можно избирать и не въ Римѣ, есть одинъ изъ признаковъ постепеннаго упадка верховенства города.

43) (стр. 65). Смотри Historical Essays, Second Series. pp. 264, 321. Стихи Мецената сохранены Сенекой, Epist. XVII, 1.

Debilem factito manu,
Debilem pede, coxa
Tuber adstrue, gibberum,
Lubricos quate dente:
Vita dum superest, bene est,
Hanc mihi, vel acuta
Si sedeam cruce, sustine.

Философъ называетъ это „порочнѣйшимъ мнѣніемъ“, „жалкимъ“ „презрѣннѣйшимъ“. Послѣднія строчки, такъ же какъ и комментаріи Сенеки, слѣдующіе за ними, слѣдуетъ замѣтить, такъ какъ они бросаютъ свѣтъ какъ на обычность, такъ и на природу распинанія на крестѣ.

44) (стр. 66). Аристотель однако же (Пол. I, 25) вполне признаетъ деревню—т. е., какъ мы это должны теперь понимать γένος—естественной переходной стадіей отъ семьи къ городу. „Итакъ первая постоянная форма общежитія есть естественно семья... другая форма общежитія, состоящая изъ нѣсколькихъ семей, не ограничивающихся интересами обыденныхъ нуждъ, есть деревенская община (κώμη), которую всего естественнѣе разсматривать какъ расселившуюся семью... совершеннѣйшая форма общежитія, состоящая изъ многихъ общинъ есть, государство“. Но вообще въ этомъ трактатѣ мы едва ли найдемъ столько, сколько можно бы было ожидать относительно γένος какъ особаго элемента государства.

45) (стр. 66). Кельтскіе кланы отличаются повидимому отъ другихъ формъ этого общаго учрежденія силою и прочностью родоваго и наследственнаго чувства. У германскихъ народовъ созна-

ніе сродства повидимому исчезло очень рано, какъ оно безъ сомнѣнія рано исчезло на дѣлѣ между марками и общинами; а въ Римѣ, хотя gens всегда оставался gens, сознание родства было гораздо слабѣе, чѣмъ въ кельтскомъ кланѣ. Особенно въ Римѣ не было ничего подобнаго главѣ клана.

46) (стр. 16). Относительно сельскихъ общинъ Востока я долженъ отослать ко второй и четвертой лекціи въ сочиненіи Генри Мэна объ этомъ предметѣ.

47) (стр. 67). Я не знаю ни одного названія сельской общины ни въ англійскомъ, ни въ германскомъ языкѣ, которое было бы полнымъ переводомъ греческаго и латинскаго названій. Geschlechter нѣмецкихъ городовъ конечно замѣчательно соотвѣтствуютъ въ исторіи нѣмецкихъ городовъ греческимъ γένη и латинскимъ gentes, но за то они всецѣло относятся къ послѣдующему развитію германскихъ муниципалитетовъ, о чемъ я буду говорить въ концѣ этой лекціи; они не имѣютъ никакого отношенія къ первобытному политическому развитію, о которомъ мы теперь говоримъ.

48) (стр. 67). О патронимическихъ названіяхъ марокъ въ Англии см. Kemble, Saxons in England, 159 и приложение А въ концѣ тома. Принципъ ихъ образованія таковъ: эпонимическій герой, положимъ Додда, даетъ свое имя роду, gens, Доддингамъ, Doddingas, совершенно такъ, какъ Алкмеою далъ свое имя Алкмеонидамъ; германское патронимическое ing вполне соотвѣтствуетъ греческому ἰδης. Затѣмъ селеніе Доддингговъ большею частью образуетъ свое названіе присоединеніемъ одного изъ обычныхъ окончаній ham или tun, Doddingaham, Doddingatun; эта послѣдняя форма встрѣчается и теперь въ многихъ мѣстахъ, называемыхъ Doddington. Иногда же оно носитъ имя рода безъ всякой приставки, какъ напр. Tooting, Woking (Totingas, Wokingas) и т. п., точно такъ же какъ и въ греческомъ Βραγχίδαи. Болѣе рѣдки названія, происходящія прямо отъ εἰσούριος, какъ Finsbury (Finnesburh). Но такого рода названія не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которыя давались мѣстностямъ по ихъ владѣльцамъ, простымъ смертнымъ. Такія названія довольно обыкновенны, но они не такъ обыкновенны между первоначальными англійскими и саксонскими поселеніями, какъ между датскими поселеніями Линкольншира и фламандскими—Пемброкшира. Кембль замѣчаетъ также, что форма ing, будучи

очень обыкновенна, проникла и въ такія названія, гдѣ она не имѣетъ за собой никакого основанія; таково напр. *Abingdon* и *Huntingdon*, вмѣсто *Abbandum* и *Huntandun*.

Тоже самое патронимическое *ing* въ различныхъ видахъ встрѣчается также во многихъ континентальныхъ именахъ. Одинъ наиболѣе интересный разрядъ ихъ разобранъ у Блунчи (*Staats—und Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich*, I, 25; передано у Грота, III, 16), который показываетъ, прослѣживая различныя формы названій, что окончаніе *ikon* или *iken* обычное въ старомъ округѣ Цюриха (*Zurichgau*) есть искаженное *inghoven*: напр. *Dellikon* вмѣсто *Tellinghoven*, совершенно соответствующее нашему *Gillingham* и *Doddington*. Другой разрядъ такихъ названій представляютъ дитмарсенскіе *gentes* или *Geschlechter*, которыми была заселена страна. Смотри хронику Іоанна Адольфи, называемаго Неокорусъ (изд. *Dahlmann*, Kiel, 1827) I, 224. Нѣкоторые изъ названій имѣютъ форму *ing*, какъ напр. *Dickbolingmanschlecht*, *Wittingmanschlecht* и др.

См. также *Norman Conquest*, I, 562 f.

49) (стр. 67). Объ этомъ слѣдуетъ прочесть эту же Моммсена *Die romischen Eigennamen* въ его *Romische Forschungen*. Но я не могу согласиться съ нимъ въ томъ, что онъ считаетъ прибавленіе имени демоса въ Аѳинахъ напр. (*Δημοσβένης Δημοσβένους Παλαμῆος*) равносильнымъ римскому *nomem*, родовому имени. *Παλαμῆος* не есть само по себѣ родовое имя. Могло случиться и такъ, тѣмъ болѣе что многіе *dēmos* соответствовали *gentes*; но само по себѣ это было не родовое дѣленіе, а мѣстное. *Παλαμῆος* въ дѣйствительности и не есть вовсе имя; это есть простое ближайшее опредѣленіе лица, тогда какъ родовыя имена *Claudius* или *Julius* суть въ строгомъ смыслѣ имена лицъ ихъ носящихъ. За исключеніемъ того, что принадлежность къ *dēmos* была строго наследственной, *Δημοσβένης Δημοσβένους Παλαμῆος* вполне соответствуетъ *Morgan ap Morgan of Llanfihangel* или *John Johnson of Beckington*, на той стадіи развитія имянъ, когда только сынъ Джона назывался Джонсонъ, а сынъ Робина Джонсона назывался Ричардъ Робинсонъ. Римлянинъ никогда не назывался по его мѣстной трибѣ или другой мѣстности, развѣ такое названіе мѣстности случайно будетъ его *cognomen*, напр. *Maluginensis* и т. п.

Аюиняринъ напротивъ никогда не назывался Παλαιός, развѣ въ смыслѣ ближайшаго поясненія при представленіи. Никто бы не отозвался, если бы назвали его Δηροσθένης Παλαιός, и еще менѣе если бы его назвали просто Παλαιός; тогда какъ по латини можно называть „Caius Julius“ и даже просто „Julius“. Порядокъ именъ въ Аюинахъ и въ Римѣ также различенъ. Въ Аюинахъ челоуѣка называютъ Δηροσθένης Δηροσθένουσ Παλαιός. Въ Римѣ же не „Caius Lucii filius Julius“, а „Caius Julius Lucii filius“. Затѣмъ если имѣется прибавляется cognomen: „Caius Julius Lucii filius Caesar“. Соотвѣтствующимъ греческому Παλαιός является тутъ Caesar, а не Julius. Единственное различіе въ томъ, что въ Аюинахъ къ каждому имени присоединялось названіе демоса, которое по необходимости имѣло мѣстный характеръ, тогда какъ въ Римѣ не каждый имѣлъ cognomen, и cognomen не должно было непременно быть мѣстнымъ. Это различіе предполагается дѣйствительно въ замѣчаніи самого Моммсена (s. 7).

„У грековъ родовое имя еще не опредѣлилось: мы находимъ рядомъ съ εος, ιδης, ωс; италійцы, и особенно римляне со свойственной имъ строгостью исключительно держатся въ родовыхъ именахъ суффикса—ius“.

Другими словами, присоединяемое къ имени названіе демоса, собственно не по теи или родовое имя, а узаконенное мѣстное прозвище, с о g n o m e n, принимаетъ различныя окончанія согласно самому имени демоса; по теи же или родовое имя, будучи строго родовымъ, принимаетъ всегда одно окончаніе на ius, соотвѣтствующее греческому ιδης и германскому ing. Моммсенъ дѣлаетъ еще раньше (стр. 5, 6) замѣчаніе поразительное, и по меньшей мѣрѣ, достойное вниманія. Онъ говоритъ, что въ такихъ выраженіяхъ, какъ „Marcus Marci“, „Δηροσθένης Δηροσθένουσ“ не предполагалось первоначально опущенное filius или υίός. Родительный падежъ тутъ есть просто родительный выражающій принадлежность; это есть, по выраженію Моммсена, Herrgennname, имя господина хозяина, указывающее того, подъ чьей властью, potestas, mund, находится данное лицо. Находящееся подъ властью, potestas, могло быть сыномъ, вдовой, рабомъ, воломъ или полемъ, и выраженіе одинаково для всѣхъ нихъ. Caecilia Marci, Marcus Marci — выражаетъ тоже самое отношеніе („sprachlich und rechtlich gleichartig“), что и ager Marci или, я

предполагаю, *Marcii* rog. Если это такъ, то стоило бы изслѣдовать, не возникла ли формула, въ которой кромѣ имени отца присоединено еще и имя дѣда, напр. *Caius Julius Lucii filius Sexti* перос, благодаря такимъ случаямъ, когда отецъ самъ еще былъ во власти дѣда.

50) (стр. 67). Смотри мѣста собранныя Нибуромъ (I, 327), мѣста несомнѣнно доказывающія, что не было вовсе необходимости, чтобы существовало дѣйствительное родство между всѣми членами рода, *gens*. Основательно также его замѣчаніе, что еслибы Цицеронъ думалъ, что всѣ члены рода имѣютъ общее происхождение, то едва ли онъ счелъ бы достаточнымъ такое опредѣленіе родичей, какое онъ даетъ въ *Topica*, 6 „родичи (*gentiles*) суть тѣ, которые носятъ одно имя“. Уже одни усновленія и отпущенія на волю, если даже *gens* никогда не расширялся инымъ средствомъ кромѣ этихъ двухъ, устранили бы существованіе дѣйствительнаго единства крови между всѣми членами рода. Но Нибуръ очевидно ошибается, заключая изъ этого, что *gentes* были чисто искусственными дѣленіями. Гораздо правильнѣе смотреть на дѣло Гротъ (III, 74). „Основаніемъ всего былъ домъ, очагъ или семья — совокупность болѣе или менѣе значительнаго числа которыхъ составляли *gens* или *genos*. Такой *gens* былъ слѣдовательно кланомъ, родомъ или расширеннымъ и частью фиктивнымъ братствомъ“. Описаніе, какое даетъ *Curtius*, *Griechische Geschichte*, I, 250, вполне бы хорошо выясняло природу *gens*, если бы онъ не требовалъ для понятія рода альтернативно или общаго родоначальника (*Stammvater*) или задружества (*Sippschaft*). Онъ сначала говоритъ, что „каждый родъ обнималъ собою группу семей, которыя или дѣйствительно происходили отъ одного родоначальника, или изстари соединились въ одну задругу“. Онъ указываетъ затѣмъ главныя связи, религіозныя и гражданскія и прибавляетъ: „то былъ большой домъ, замкнутое священное общеніе жизни“. Весьма извѣстное мѣсто изъ Варрона „происходящія отъ Эмилиа — эмилии и сородичи“, выражаетъ идею цѣлаго, и не принимаетъ въ соображеніе, былъ ли этотъ *Aemilius*, или вѣрнѣе *Aemilus*, дѣйствительной личностью, или нѣтъ. *Gens* могъ даже придумать для себя родоначальника, какъ и теперь существуютъ сочинители родословныхъ; но если и такъ, все же это дѣлалось только въ под-

ражаніе тѣмъ gentes, которые имѣли извѣстныхъ дѣйствительныхъ родоначальниковъ. Не каждый Юлій происходилъ непременно отъ дѣйствительнаго или мифическаго Юла (Julus), но gens Julia былъ тѣмъ не менѣе союзомъ, ядро котораго составляли дѣйствительные сородичи, происходившіе или притязавшіе на происхожденіе отъ Юла, но въ среду котораго допускались, чрезъ усыновленіе или натурализацію, нѣкоторые члены, которые не происходили и не притязали на происхожденіе отъ него.

Въ приведенномъ мѣстѣ изъ Topica, Циперонъ прибавляетъ къ своему опредѣленію родичей, gentiles, „которые происходятъ отъ свободныхъ“ и „изъ предковъ которыхъ никто не былъ въ рабствѣ“. Но это сдѣлано лишь для опредѣленія родового права наслѣдованія. Въ болѣе широкомъ смыслѣ вольноотпущенный, носившій родовое имя, былъ также членомъ рода. Сравни споръ патриціанскихъ и плебейскихъ Клавдіевъ у Cicero, De Oratore, I, 39 и замѣчанія Лонга. Long, Dictionary of Antiquities, 568. Въ остальномъ онъ слѣдуетъ воззрѣніямъ Нибура.

51) (стр. 68). О важномъ значеніи юридическихъ фикцій, особенно въ древнемъ быту см. вторую главу въ „Древнемъ правѣ“ Генри Мэна.

52) (стр. 68). Въ случаяхъ усыновленія усыновляемый обыкновенно былъ уже родственникомъ своего пріемнаго отца, сыномъ сестры и т. п. Но, во-первыхъ, не было никакой необходимости въ такомъ родствѣ; а если оно и существовало, племянникъ или другой родственникъ былъ на столько же чужеродцемъ, его допущеніе къ юридическому и религіозному общенію рода было столь же искусственнымъ, какъ если бы усыновляющій выбралъ совершенно ему чужое лицо. Но во всякомъ случаѣ усыновленный дѣлался, на сколько это могла сдѣлать фикція закона, настоящимъ сыномъ своихъ новыхъ родителей. Онъ дѣлался таковымъ во всѣхъ юридическихъ, общественныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ. Другими словами gens былъ учрежденіемъ первоначально основанномъ на общности крови, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускалась замѣна естественнаго родства искусственнымъ.

Рѣчи Исейоса, напр. вторая и третья, бросаютъ много свѣта на порядокъ усыновленія въ Аѣинахъ. Во второй рѣчи Περί του Μενεχλέου; κλήρου, усыновленный описываетъ этотъ порядокъ (18).

„Усыновивши, онъ приводитъ меня къ своимъ сочленамъ по фратріи и въ присутствіи ихъ вписываетъ меня въ число гражданъ и оргеоновъ“. Также и въ VII, 17, 20 другой истецъ описываетъ свое усыновленіе: „Когда онъ меня усыновилъ, еще при своей жизни, и отдалъ въ мое распоряженіе свое имущество и принялъ въ число родичей и членовъ фратріи... и въ праздникъ торгелій привелъ меня къ жертвенникамъ, къ родичамъ и фраторамъ“. Оргеоны упоминаемые въ одномъ изъ этихъ отрывкомъ были жрецы фратрій. Смотри у Свида это слово, гдѣ онъ говоритъ: „объ оргеонахъ писалъ и Филохоръ: необходимо чтобы фраторы принимали и оргеоновъ и родныхъ, которыхъ мы называемъ сородичами“. Представляется неяснымъ, имѣлъ ли право тотъ союзъ, въ сочлены коего принимался усыновляемый, отказать въ принятіи. Быть можетъ, что первоначально это право у нихъ и существовало, но позднѣе выродилось въ пустую формальность. Такъ, какъ извѣстно, дѣйствительно и случилось въ Римѣ, гдѣ для усыновленія требовалось какъ форма *lex curiata*.

53) (стр. 68) Смотри примѣчаніе 47 къ лекціи II.

54) (стр. 69). Не можетъ быть сомнѣнія, что политическое значеніе римскаго обычая употреблять родовое имя какъ дѣйствительное имя, *nomen*, было очень важно. *Nomen* обозначало чело-вѣка какъ принадлежащаго къ извѣстному роду. Нельзя было къ нему обратиться безъ того, чтобы онъ самъ и другіе не вспомнили о томъ родѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Въ Аѳинахъ самъ Алкмеонидъ и всякій другой знали, что онъ Алкмеонидъ, но тамъ не напоминало объ этомъ каждое къ нему обращеніе. Не можетъ быть сомнѣнія, что это имѣло большое вліяніе на наследственный характеръ, который мы видимъ такъ рѣзко выразившимся въ важнѣйшихъ римскихъ фамиліяхъ. Мы напередъ знаемъ, какой политики будетъ держаться какой-нибудь Фабій, Валерій или Клавдій. Тоже самое повторилось въ средніе вѣка, когда снова явились прозвища. Дѣло въ томъ, что нѣтъ ничего болѣе аристократическаго какъ прозвища, фамиліи. И это подкрѣпляетъ замѣчаніе, сдѣланное мною въ послѣдней лекціи, что настоящая аристократія можетъ существовать только въ республикѣ. Когда титулъ пара мѣняется съ каждымъ поколѣніемъ (а иногда, какъ это

было съ первымъ герцогомъ Лидсомъ (Duke of Leeds) нѣсколько разъ въ теченіе одной жизни), то родовое чувство можетъ пожалуй сохраняться въ самой фамиліи, но совершенно исчезаетъ у стороннихъ лицъ, которыя должны постоянно узнавать, кто онъ такой? Такого рода сомнѣнія невозможны, когда человѣкъ, вмѣсто пустого титула, наслѣдуетъ имя Фабія, Эрлаха или Рединга.

• 55) (стр. 69). Смотри выше примѣчаніе 26.

56) (стр. 69). О дорическихъ трибахъ смотри Grote, II, 479; O. Müller, Dorians, II, 76, Engl trad. Дѣло въ томъ, что такъ какъ три трибы, Гиллеи, Памфилы и Диманы повидимому находились во всѣхъ дорійскихъ селеніяхъ, гдѣ бы то ни было — что вполне подтверждается Геродотомъ, V, 68—то слѣдуетъ заключить, что эти трибы были древнѣе переселенія Дорійцевъ въ Пелопоннесъ и Критъ. При томъ мы припомнимъ, что тройное дѣленіе признавалось уже во времена Гомера: „Дорійцы раздѣленные на три колонны“, Одиссея, XIX, 174. Значить, эти трибы были также стары или еще старѣе, чѣмъ занятіе первоначальной сѣверной Дориды; и мы имѣемъ основаніе предполагать, что онѣ были древнѣе, такъ какъ ихъ названія не имѣютъ никакого отношенія къ четыремъ древнимъ дорійскимъ селеніямъ. Такимъ образомъ мы смотримъ на эти трибы, какъ на древнѣйшіе извѣстные намъ элементы дорійскаго народа, и повидимому въ образованіи каждаго дорійскаго поселенія принимали участіе члены каждой изъ этихъ трибъ. А имя Памфиловъ (Pamphyloi) какъ бы указываетъ на то, что эта триба по крайней мѣрѣ была агрегатомъ, составленнымъ изъ меньшихъ трибъ. Эти трибы, или, по крайней мѣрѣ, тѣ *ῥαί*, изъ которыхъ они были составлены, сохранились отъ самой древней эпохи. Мѣстныя дѣленія, сохранившіяся отъ до-дорійской эпохи, существуютъ рядомъ съ этимъ, подобно аттическимъ *δῆμοι* или подобно мѣстнымъ трибамъ Рима на ряду съ *gentes*. Различіе конечно было въ томъ, что въ этомъ случаѣ дѣленія завоевателей и завоеванныхъ сохраняются рядомъ другъ съ другомъ, тогда какъ въ Аѣинахъ нѣтъ никакихъ признаковъ завоеванія. *ῥαί* соотвѣтствуетъ *φρατρία* и *curiae*. Отфридъ Мюллеръ ссылается на *Athenaios*, IV, 19 въ подтвержденіе употребленія слова *φρατρία* въ смыслѣ спартанскаго *ῥα*. Димитрій Скипсійскій говоритъ тутъ о *σκάδες*, на Карнейскомъ праздненствѣ, изъ которыхъ каждое за-

ключило три ὄβραί. Я не знаю другого подобнаго мѣста. Я долженъ согласиться съ Отфридомъ Мюллеромъ противъ Грота въ томъ, что извѣстныя ῥήτρα у Плутарха Лив. 6, доказываютъ, что ὄβραί было тридцать. Я не могу въ этомъ отношеніи принять другого мнѣнія. Все это мѣсто замѣчательно въ томъ отношеніи, что указываетъ техническія спартанскія названія для различныхъ частей Спартанскаго государства: „φυλάς φυλαζάντα και ὄβρας ὠβάξαντα τριάκοντα, γερουσίαν σὺν ἀρχαγεταῖς καταστήσαντα, ὥρας ἐξ ὥρας ἀπελλάζειν... δάμψ δ'ἀγορὰν εἶμεν και κρατος“. „Плутархъ объясняетъ затѣмъ, что ἀρχαγεταῖς означаетъ царей, и ἀπελλάζειν—ἐκκλησιαζειν; но онъ не могъ думать, что Ликургъ раздѣлилъ спартанскій народъ на трибы и обы подобно тому, какъ нерѣдко англичане думаютъ, что Альфредъ раздѣлилъ Англiю на ширь и сотни.

57) (стр. 70). Мнѣ думается, что нѣчто въ этомъ родѣ можно видѣть въ рассказѣ о пеласгахъ, населявшихъ Аттику, см. у Геродота, VI, 137; Фукидида, II, 17 (см. примѣчаніе къ этому мѣсту Арнольда); Павзанія, I, 28, 3; Страбона, IX, 1 (II, 241): какъ „говорятъ, что сюда пришло племя пеласговъ, и что аттиками оно названо отъ блужданія“. Употребленіе рѣдко встрѣчающагося слова „Аттихоί“ напоминаетъ одно изъ замѣчательныхъ различій между „Аттиχοί“ и „Αθηναῖοι“, указаномъ Дикеархомъ или Атенеемъ (Geographi Graeci Minores, I, 99); но оно повидимому не означало непременно различія племеннаго.

48) (стр. 70). Объ іоническихъ трибахъ и о томъ, не были ли онѣ кастами, сравни Thirwall II, 6; Grote, III, 69. Но, какъ кажется, нѣтъ ничего, чтобы указывало на соотношенія трибъ и мѣстныхъ политическихъ партій, о которыхъ мы слышимъ во время Солона и Пизистрата.

59) (стр. 70). Смотри Grote, IV, 177 и Curtius, I, 311, который удачно называетъ ихъ Ortsgemeinden. Онъ доказываетъ, или вѣрнѣе признаетъ доказанной строго децимальную систему, о которой заключаютъ изъ извѣстнаго мѣста Геродота, V, 69: „десять демовъ раздѣлилъ на филы“; что касается меня, то я думаю, что Геродотъ думалъ именно подтвердить десятичную систему, но, что онъ впалъ тутъ въ ошибку. Это такого рода вопросъ, по отношенію къ которому очень легко впасть въ ошибку, какъ это и было въ извѣстномъ случаѣ, когда парламентъ Эдуарда III вымыслилъ,

что тогда въ Англіи было пятьдесятъ тысячъ приходоѡ. Дѣло въ томъ, что хотя новыя десять трибъ были искусственныя, нарочно составленныя Клизееномъ, но они были составлены имъ изъ демоѡ, которые не были искусственны, но существовали уже раньше. Бѣдствіе происшедшее отъ преобладанія въ Атикѣ мѣстныхъ различій партій и побудили Клизеена постановить, что трибы, которыя стали теперь составными элементами республики, должны быть составлены изъ участкоѡ, не составляющихъ одного непрерывнаго цѣлаго. Трибы слѣдовательно не были примѣромъ территориальной связности, непрерывности (хотя составлявшіе ихъ демы и были, см. выше прим. 22), но какъ прямая ей противоположность, они предполагаютъ уже существованіе этого принципа.

60) (стр. 70). Curtius, Griechische Geschichte, I, 311. „Онѣ (новыя трибы) не имѣли никакого отношенія къ тому, откуда кто родомъ и отъ кого происходитъ. Онѣ были не болѣе, какъ единицы, по которымъ были раздѣлены извѣстныя группы территориальныхъ участкоѡ (демы). Эти участки или мѣстныя общины существовали изстари: это были частью древніе двѣнадцать городовъ Атики, какъ Элевзисъ, Кефизія, Ториакъ, они же назывались по имени тѣхъ родовъ, которымъ преимущественно принадлежали земли, какъ Бутады, Эталиды, Пеониды“.

61) (стр. 70). Это значитъ, что во всѣхъ политическихъ отношеніяхъ триба составляла единицу безъ всякаго отношенія къ демамъ въ ней заключавшимся. Если судить по аналогіи съ Римомъ, то не такъ должно было быть съ древними трибами; такъ какъ въ Римѣ курія осталась политической единицей, съ своимъ отдѣльнымъ голосомъ въ куріатскихъ комиціяхъ. Въ военномъ отношеніи триба также составляла единицу; хотя и члены каждаго дема вѣроятно также соединялись въ одну группу.

62) (стр. 71). Смотри разсужденія Моммсена (Römische Geschichte, I, 33) о преданіяхъ относительно трехъ первоначальныхъ римскихъ трибъ, Ramnes, Titienses, — если только она была тоже первоначальной—и Luceres. Первоначальная легенда, топографія которой по крайней мѣрѣ не даетъ повода къ сомнѣнію, находится у Діонисія II, 50: „Ромулъ и Тацій съ своими сподвижниками расширили городъ присоединеніемъ къ этому двухъ другихъ холмовъ: такъ называемаго Квиринальскаго и Целійскаго; отдѣ-

ливши свои жилища, каждый сталъ жить на своей землѣ. Ромуль владѣлъ Палатинскимъ холмомъ и Целійскимъ, который смеженъ съ Палатинскимъ; Тацій же Капитолійскимъ, которымъ онъ владѣлъ издавна, и Квиринальскимъ“. Припомнимъ, что пространство между этими двумя было мѣстомъ комицій, и что ворота Януса давали возможность союзнымъ общинамъ помогать другъ другу во время войны.

63) (стр. 71). Различіе между генеалогическими и территориальными трибами указывается ясно Діонисіемъ IV, 14, при описаніи перемѣнъ, произведенныхъ Сервіемъ: „Туллій... раздѣливши городъ на четыре части... учредилъ четыре трибы, между тѣмъ, какъ до тѣхъ поръ было три; и людей, жившихъ въ каждой изъ четырехъ трибъ, онъ устроилъ какъ поселянъ... и деньги на военныя издержки велѣлъ собирать уже не по тремъ трибамъ родовымъ, какъ было прежде, а по четыремъ мѣстнымъ, которыя онъ самъ учредилъ; надъ каждымъ отдѣломъ онъ назначилъ начальниковъ, какъ бы начальствующихъ надъ трибами и волостныхъ старшинъ.“

64) (стр. 71). Обыкновенно относятъ появленіе Клавдіевой трибы за немного лѣтъ до изгнанія царей. Моммсенъ однакоже (*Römische Forschungen*, 72) относитъ его къ болѣе древнему времени, опираясь на преданіе, сохраненное у Светонія, *Tib. 1.* „Оттуда (изъ Региллы) въ только что основанный Римъ съ большой толпой кліентовъ переселился, по приглашенію Тація, сподвижника Ромула“. Вотъ слова Моммсена: „самый фактъ представляется болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ большинство остальныхъ сообщеній въ этой древнѣйшей части повѣствованія, но конечно первоначально онъ передавался безъ указанія времени и лишь въ силу позднѣйшаго ложнаго прагматизма сопоставлялся съ сабинской войной Попликолы — родъ Клавдіевъ долженъ былъ переселиться гораздо ранѣе, для того, чтобы по его имени могла быть названа одна изъ самыхъ древнихъ сельскихъ трибъ и самый родъ, хотя онъ и не игралъ въ древнѣйшихъ фастахъ выдающійся роли, все же является уже въ 259 году въ консульскихъ спискахъ.“

Въ отвѣтъ на это можно замѣтить, что фамильное тщеславіе весьма вѣроятно могло отодвинуть переходъ Клавдіевъ въ римское государство въ болѣе древнюю эпоху, тогда какъ если бы Клавдіи

были сабинами лишь въ томъ смыслѣ, что были Тиціями — рассказъ Светонія, какъ мы его имѣемъ, есть очевидно смѣшеніе двухъ отдѣльныхъ рассказовъ—было бы непонятно, какъ могъ явиться рассказъ объ ихъ позднѣйшемъ происхожденіи. Нѣкоторыя подробности, сообщаемыя Ливіемъ и Діонисіемъ, ясно показываютъ намъ, какъ происходило дѣло въ такомъ случаѣ — принятіе сразу и въ патриціанскій родъ и въ мѣстную трибу. Ливій (II, 16) такъ передаетъ рассказъ: „Аттѣ Клаузъ, который потомъ въ Римѣ носилъ имя Аннія Клавдія... изъ Регилла, съ большою толпой сопровождавшихъ кліентовъ, переселился въ Римъ. Имъ дано было право гражданства и земля за Аніеномъ: древняя триба съ присоединеніемъ потомъ другихъ въ этой мѣстности трибъ, названа Клавдіевою“. О переселеніи говорится также въ рѣчахъ въ IV 3; X, 8. Также и у Діонисія, V, 40: „Нѣкій мужъ, родомъ абининъ изъ города Регилла, благородной и богатой фамиліи, Титъ Клавдій, перебѣгаетъ къ нимъ съ большою семьею и многочисленными друзьями и кліентами, основавшими свои дома, числомъ не менѣе 5,000 способныхъ носить оружіе... За это сенатъ и народъ причислилъ его къ патриціямъ и позволилъ взять участокъ государственной земли для постройки домовъ; къ этому прибавили ему еще общественную землю, находящуюся между Фиденой и Пицентіей, для раздачи ея всѣмъ своимъ приверженцамъ; отсюда впослѣдствіи возникъ родъ, называемый Клавдіевымъ“. Другія новыя мѣстныя трибы, образованныя изъ союзниковъ или подданныхъ, принятыхъ въ число гражданъ, присоединялись довольно постоянно до 290 г. до Р. Хр., когда были прибавлены трибы Аніенская и Терентинская (Ливій X, 9). Затѣмъ идетъ перерывъ до 241 года, когда были прибавлены двѣ послѣднія трибы Велинская и Квиринская (Ливій, *Ерп.* 19). Это обозначаетъ стадію въ развитіи государствъ вообще, а именно ту стадію, когда государство не чувствуетъ уже болѣе нужды въ новыхъ гражданахъ, когда начинаетъ въ немъ преобладать эгоистическая замкнутость. (См. стр. 165—6). Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ силу этихъ послѣдовательныхъ прибавокъ новыхъ трибъ, *ager Romanus* разросся до и даже свѣше того пространства территоріи, какое можетъ быть занято одной городской общиной.

65) (стр. 73). Смотри *Norman Conquest* IV, 415. Вся исторія

этого слова изложена Гиббономъ, въ главѣ 21 (vol. III, p. 402 Milman).

66) (стр. 73). Это есть конечно дѣло вѣры, думать, что слово „heathen“, язычникъ, не имѣетъ никакого отношенія къ греческому ἑθνικός:—но оно въ его различныхъ формахъ существуетъ въ верхне-нѣмецкомъ, англійскомъ и готскомъ; haidhno отъ haidhi.

67) (стр. 74). Въ другомъ мѣстѣ я говорю объ этомъ съ нѣско-
рою подробностью. Norman Conquest, II, 587.

68) (стр. 74). Даже Ансельмъ есть „Anglorum Archiepiscopus“ (архіепископъ англовъ) по крайней мѣрѣ въ устахъ ирландцевъ и папы. Смотри Eadmer, Hist. Nov. lib, II pp. 393—414, Migne. Объ особенномъ территориальномъ титулѣ епископовъ Южной Саксоніи сморти Norman Conquest, II, 592.

Территориальные титулы многихъ американскихъ и колоніаль-
ныхъ епископовъ представляются поэтому съ англійской или бри-
танской точки зрѣнія болѣе примитивными, нежели тѣ, которые
образованы отъ названій городовъ.

69) (стр. 76). Я коснулся, нѣсколько слегка, природы марки въ
History of the Norman Conquest, I, 83 и еще бѣглье въ Growth of
the English Constitution, p. 10. Лучшее, что есть объ этомъ на англій-
скомъ языкѣ, это конечно глава о маркѣ Кембла, въ первомъ томѣ
его Saxons in England. Раньше о характерѣ древнихъ германскихъ
населеній писали различные нѣмецкіе писатели, начиная съ Якова
Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer, 495 et sqq), изъ нихъ осо-
бенно заслуживаетъ вниманія глава Вайца Das Dorf, die Gemeinde,
der Gau въ первомъ томѣ его Deutsche Verfassungsgeschichte. По-
слѣ Кембла предметъ этотъ разсматривался болѣе пространно,
хотя съ нѣсколько другой точки зрѣнія въ большихъ трудахъ
Маурера: Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof, und
Stadtverfassung (München, 1854), Geschichte der Mark-Verfassung
in Deutschland (Erlangen, 1866), Geschichte der Dorfverfassung in
Deutschland (Erlangen, 1866), въ отношеніи къ которымъ Генри
Мэндъ, въ своемъ Village Communities сдѣлался какъ бы крест-
нымъ отцомъ для англійскихъ читателей. Марка, строго говоря,
есть конечно граница, полоса невоздѣланной земли лежащей между
землей занятой даннымъ селеніемъ и землей его сосѣдей. Mark-
genossenschaft есть совокупность поселенцевъ, т. е. по моему воз-

зрѣнью, gens или кланъ, занявшій первоначально землю. Это низшая территориальная и политическая единица, встрѣчающаяся одинаково въ Индіи, Греціи, Италиі, Германіи и Англии, изъ соединенія которой съ другими марками постепенно образуются города, племена и націи.

70) (стр. 76). Общее владѣніе землей членами Markgenossenschaft это вопросъ, который со времени изслѣдованій Маурера (см. Einleitung, 40), а въ послѣднее время Нассе и Генри Мэна обратилъ на себя большое вниманіе. Меня это интересуетъ какъ древнѣйшая форма folkland, — названіе, которое никогда не должно произносить безъ чувства благодарности памяти Джона Аллена, — о которомъ можно найти нѣсколько словъ въ History of the Norman Conquest, I, pp. 83, 94, 589; относительно политическаго значенія folkland смотри Growth of the English Constitution, 139.

71) (стр. 76). Первоначальное родство между членами Markgenossenschaft, ослабленное конечно усыновленіемъ и допущеніемъ чужеродцовъ (смотри объ этомъ Maurer Dorfverfassung, I, 175; Einleitung, 13), съ силой выставляетъ Кембль, I, 56: „Я представляю его себѣ какъ большой семейный союзъ, включающій въ себѣ хозяйства различныхъ степеней богатства, знатности и авторитета: нѣкоторые, прямо происходящіе отъ общихъ родоначальниковъ или отъ героя отдѣльнаго племени; другіе въ болѣе отдаленномъ сродствѣ въ силу естественнаго вліянія наростанія населенія, которое, правда, увеличиваетъ число членовъ семьи, но съ каждымъ шагомъ все болѣе отдаляетъ ихъ отъ первоначальнаго ствола; нѣкоторые принятые въ союзъ въ силу брака или усыновленія, другіе даже въ силу отпущенія на волю; но всѣ они признаютъ между собой братство, сродство, или sibsceaft; всѣ составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое въ отношеніи къ другимъ подобнымъ общинамъ; всѣ управляются одними и тѣми же судьями и предводительствуются одними и тѣми же военачальниками; всѣ участвуютъ въ однихъ и тѣхъ же религіозныхъ обрядахъ и всѣ извѣстны другъ другу и своимъ сосѣдямъ подъ однимъ общимъ именемъ“.

Кембль ссылается на слѣдующее мѣсто у Цезаря, VI, 22: „И никто не имѣетъ отдѣльнаго участка земли или собственной межи; но должностныя лица и старѣйшины на одинъ годъ

отводить родамъ и семьямъ, живущимъ вмѣстѣ, землю сколько и гдѣ найдутъ нужнымъ, и спустя годъ заставляютъ переходить на другой участокъ“. Это мѣсто конечно имѣетъ значеніе, какъ указаніе для исторіи владѣнія землей. Для меня оно представляетъ интересъ потому, что въ немъ ясно опредѣляется *Markgenossenschaft*, какъ общеніе, основанное на родствѣ, и употребляется слово *gens*, могущее тутъ имѣть только свой техническій римскій смыслъ. У Тацита также находимъ такое мѣсто, *Germania*, 7. „Не по случаю и не случайному соединенію составлялся отрядъ или рядъ, но по семьямъ и по родству“. На это мѣсто ссылается и Вайцъ (*Deutsche Verfassungsgeschichte*, 1, 44). Вотъ его слова „Но и внутри общинъ семьи могли имѣть свое значеніе; вліяніе древнѣйшаго быта мы встрѣчаемъ и въ позднѣйшее время. Тацитъ говоритъ, что въ войскѣ германцевъ отдѣльные отряды составлялись по семьямъ и по родству; хотя уже существовало дѣленіе по сотнямъ и было преобладающимъ, но и эта древнѣйшая болѣе естественная группировка сохраняла свое значеніе, и это было возможно, такъ какъ члены семьи легко селились вмѣстѣ, дѣти и двоюродные братья оставались жить вмѣстѣ, если они не были принуждаемы къ переселенію или къ отдѣленію въ особый дворъ. Но дальше этого мы не пойдемъ; мы увидимъ ниже, что семья въ юридическомъ отношеніи имѣла еще весьма важное значеніе; но все это только въ предѣлахъ общины“. Вайцъ приводитъ одно мѣсто изъ *Lex Alamannorum* (tit. 84, col. 232, *Georgisch*): „Если между двумя родами (*genealogiae*) возникнетъ споръ о границахъ ихъ земель“, эти „*genealogiae*“ должны идти къ „*comes de plebe sta*“ (*Gaugraf?*) и рѣшить дѣло поединкомъ. Въ Англии мы имѣемъ *maegdh* въ его тѣснѣйшемъ смыслѣ, о чемъ у Лаппенберга находимъ замѣчательное мѣсто, на которое ссылается и Вайцъ (p. 583) и которое я долженъ привести вполнѣ въ оригиналъ, такъ какъ это подвергалось въ переводѣ Торпа (*Thorpe*) весьма странному сокращенію (328). „Къ древнѣйшимъ областнымъ названіямъ, предшествовавшимъ названію *Shire*, относилось также „*Maegthe*“, земля, которую сочлены рода или племени, *eine Magenshaft*, завоевавшіе ее вмѣстѣ во время войны, также вмѣстѣ получали во время мира. (Тутъ онъ ссылается на приведенныя выше мнѣніе изъ Цезаря и Тацита), „Мы находимъ это названіе обыкновенно уже при-

мѣненнымъ къ большимъ саксонскимъ, но не къ занятымъ англами провинціямъ, а иногда и въ болѣе древнемъ значеніи, такъ напр. Maogthe Минверовъ (Meawaren). Что между этими рядомъ живущими родами долго могло сохраняться чрезъ посредство наследственнаго права, вѣры, политическаго поручительства, сосѣдскаго права и другихъ подобныхъ установленій дѣйствительное родство, замѣчаемое однако у Англосаксовъ лишь въ немногихъ слѣдахъ, на это указываютъ намъ многіе примѣры, даже еще въ позднѣйшее время среднихъ вѣковъ, въ Kluffen, Veterschaften и тому подобныхъ семейныхъ союзахъ германскихъ племенъ, чтобы не ходить дальше; и это показываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что подъ конецъ съ большей подвижностью имущества и даже земельной собственности родство сохранилось лишь какъ обозначеніе политическаго соединенія“.

Смотри также параграфы Meare, Maegth, и Magenschaft у Schmid, Gesetze der Angelsachsen, который однако повидимому совершенно отвергаетъ возрѣнія Кембля на марку. Но я полагаю трудно отрицать указываемый Кемблемъ фактъ (I, 55, 56), что существовалъ Mearemo't и Mearebeorgh, холмъ, на которомъ происходило собраніе марки. Генри Мэнъ такъ говоритъ (Village Communities, 175) о маркахъ востока. „Сначала они представляются союзами родичей, соединенныхъ предполагаемой общностью происхожденія (несомнѣнно въ самомъ широкомъ смыслѣ). Иногда такая община не находится въ связи ни съ какимъ другимъ союзомъ, за исключеніемъ призрачнаго единенія касты: иногда она сама признаетъ себя частью болѣе обширной группы или класса. Но во всѣхъ случаяхъ эти общины организованы какъ совершенно самостоятельныя, самодовлѣющія единицы“.

Мнѣ едва ли надо распространяться о *mund* нашихъ предковъ и его сходствѣ съ римскимъ *potestas*. Но германскій *filius familias* не долженъ былъ подобно римскому навсегда оставаться во власти, *mund*, его отца. Когда онъ самъ дѣлался членомъ государства, гражданиномъ и воиномъ, освобожденіе наступало само собой. Смотри Waitz, 1, 39.

72) (стр. 76). Десятня и сотня судъ части древняго устройства, болѣе темныя нежели марка и земля, *g a u*. Я сошлюсь только на Zbrpf, Geschichte des Deutschen Rechts-Institute, 97, 112, 121;

Waitz, I, 37; Lappenberg, I, 585; главы Кембля о Tithing и Hundred: Bluntschli, Stadt und Rechtsgeschichte des Stadt und Landschaft Zürich, I, 24; Maurer, Einleitung 59 и на параграфъ Hundred у Schmid, Gesetze der Angelsachsen, который, что весьма странно, ссылается на подложнаго Ингульфа. Вайцъ полагаетъ, что тѣ мѣста у Цезаря и Тацита, въ которыхъ говорится о centum pagi, суть плодъ недоразумѣнія и мнѣ думается, что тамъ гдѣ Тацитъ говорить (Germania, 12) о „centeni singuli ex plebe comites“, которыя содѣйствовали князьямъ въ отправленіи правосудія, онъ также не понялъ дѣйствительнаго порядка заключавшагося въ томъ, что тутъ было на лицо нѣсколько представителей отъ каждой сотни.

73) (стр. 77) О gau говорятъ всѣ наши авторы: Grimm, Deutsche Rechtsaltertümer, 496; Eichhorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, 49; Zöpfl, Geschichte der Deutschen Rechts-Institute, 95, 108, 121, 148; Maurer, Einleitung, 54. (Сравнительная филологія едва ли допускаетъ возможность считать gau тѣмъ же, что греческое γέα или γῆ); а относительно исторіи отдѣльнаго gau и его распаденія на нѣсколько меньшихъ gauen смотри Bluntschli, I, 20. Waitz (I, 49) даетъ такое опредѣленіе gau— „Она основывалась не на землѣ или раздѣленіи территоріи, но гдѣ жило племя, все это и было его gau. Какъ германскому народу соотвѣтствуетъ его страна, Германія, такъ и раздѣленію народа на племена и народности (Völkerschaften) соотвѣтствуютъ тѣ территоріальные дѣленія, которыя мы называемъ gau“. Я полагаю, никто не станетъ оспаривать, что gau образовалась изъ марокъ, а государства изъ gauen. Это два существенныхъ элемента; относительно сотенъ дѣло представляется менѣе яснымъ, и Вайцъ повидимому смотритъ на нихъ какъ на подраздѣленія gau. Однако, такъ какъ мы вездѣ находимъ нѣчто среднее между gau и племенемъ (tribe), то представляется не невѣроятнымъ, что это средняя единица, *φρατρία*, *сигія* или сотня, была также собственно союзомъ, а не простымъ подраздѣленіемъ союза. Но я болѣе не стану настаивать на этомъ пунктѣ, если только будетъ признано, что въ другихъ случаяхъ большія единицы составлены соединеніемъ меньшихъ единицъ, а не меньшія раздѣленіемъ большихъ. У Кембля есть очень хорошее мѣсто о томъ какъ меньшія единицы сгруппировались въ большія. „явленіе повторя-

вшееся и продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока семья не стала племенемъ, а племя королевствомъ“.

74—5) (стр. 77). Объ ealdormen и heretogan смотри Norman Conquest, I, 579. Сравни замѣчаніе Этельреда изъ Мересіи, I, 563. Ealdormen есть слово употребляемое Эльфредомъ для передачи satrapae Бэды V, 10. Не можетъ быть, я полагаю, сомнѣнія, что Heretoga, верхне-нѣмецкое Herzog, есть именно то слово, которое Тацитъ переводить *dux*.

76) (стр. 79). Весьма извѣстное мѣсто изъ Бэды, описывающее древнихъ саксовъ, которое я привелъ въ другомъ мѣстѣ (Norman Conquest, I, 579) даетъ живую картину народа, выбирающаго себѣ единоличнаго главу только на время войны. Сатрапы или ealdormen выбирали изъ собственной среды вождя на время войны, „по окончаніи же войны, снова всѣ получали одинаковую власть“. Я буду говорить объ этомъ порядкѣ вещей также въ слѣдующей лекціи (смотри стр. 107), но я хочу здѣсь привести описаніе древне-саксонскаго государственнаго устройства изъ житія св. Лабуина (Pertz, II, 361), принадлежащее одному автору десятаго столѣтія, которое даетъ, если только ему можно вѣрить, отчетливую картину федеративнаго устройства. Страннымъ представляется при этомъ, что не только благородные и простые свободные, какъ этого слѣдовало бы ожидать, имѣли своихъ представителей въ союзномъ собраніи, но также классъ стоявшій ниже простыхъ свободныхъ, классъ, о которомъ я буду говорить позднѣе (смотри стр. 163). Но даже если авторъ и заблуждался въ этомъ отношеніи, вся картина едва ли можетъ быть вымышленной. Я замѣчу вмѣстѣ съ тѣмъ, что тутъ мы имѣемъ настоящее представительство, чего нельзя найти ни въ одномъ другомъ собраніи той эпохи; но этого только и можно было ожидать въ строго федеративной конституціи.

Вотъ это мѣсто: „Весь народъ, какъ и теперь, раздѣленъ былъ на три сословія. Есть тамъ такіе, которые на ихъ языкѣ назывались *edlingi*, *frilingi* и *lassi*, чему на латинскомъ языкѣ соответствуютъ *nobiles* (благородные), *ingenuiles* (свободные) и *serviles* (рабы). По своему желанію и разумнѣю управляютъ отдѣльными *pagis* отдѣльные мудрые старѣйшины“.

77) (стр. 79). О соплеменныхъ фризскихъ *Seelands* и ихъ сво-

бодѣ смотри у Eichhorn, § 2856 (v. III, ss. 265—271) и о самомъ Дитмарсенѣ Maurer, Einleitung, s. 289. Объ этомъ народѣ говорилось на добромъ ниже-голландскомъ языкѣ, не требующемъ для англичанина перевода. „De Didtmarschen leven sunder Heren and Hovedt unde dohn wadt se willen“. Дитмарсенъ былъ завоеванъ Фридрихомъ Вторымъ, королемъ датскимъ и его дадей Адольфомъ, герцогомъ Голштейнскимъ, въ 1559 году. Въ 1499 свободный народъ этой страны вполнѣ отразилъ нападенія короля Иоанна и герцога Фридриха. Исторію этихъ двухъ событій можно прочесть на природномъ языкѣ этой области въ хроникѣ Іонна Адольфи. Адольфи жилъ въ послѣдней половинѣ шестнадцатаго столѣтія, такъ что онъ былъ современникъ или почти современникъ двухъ этихъ событій, о которыхъ онъ говоритъ. Заглавіе той книги, въ которой говорится о побѣдѣ (I, 447) таково: „Datt Veerde Book Dithmerscher Historischer Geschichte, belangende eigentlichen und wahrhaffteu Bericht der gerlichen unde wunderlichen Victorien der Dithmerschen, unde der erbermlichen unde schrecklichen Nedderlage Koning lohans uth Denemarken unde seines H. Broders Frederichen, Hertogen tho Holstein“. Грустное повѣствованіе о 1559 годѣ (II, 151) озаглавлено такъ: „Dat Soste Bock geloff-unde denkwerdiger Geschichte, so sich im Dithmerschen begeben unde tho gedragen, alleine de lateste Beide unde Eroveeringe des Landes belangende“. Авторъ взялъ эпиграфомъ мѣсто изъ Салустія „Potior visa est periculosa libertas quieto servitio“. (Свобода полная опасностей миѣе спокойнаго рабства) и заканчиваетъ такой хронограмой „DJth MarsJae LJbertas rUit“.

78) (стр. 79.) Когда я обращаюсь снова къ моей Исторіи федеративнаго устройства, я надѣюсь заняться гораздо основательнѣе, чѣмъ я могъ это сдѣлать десять лѣтъ тому назадъ, остатками древняго германскаго строя, частью сохранными, частью утраченными, какъ въ первичныхъ трехъ кантонахъ, такъ и въ союзныхъ Gemeinden Граубюнденѣ и Валисѣ. Эти двѣ страны, не будучи окружены блескомъ миѣической славы, какъ три кантона, обратили на себя гораздо менѣе вниманія, но ихъ политическая исторія быть можетъ даже поучительнѣе.

79) (стр. 79). Въясненію этой перемѣны посвящены первая и вторая книги Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, оза-

главнейшия *Das Alterthum* и *Die neuen Umgestaltungen*. Новое заключалось въ соединеніи различныхъ разсѣянныхъ отраслей германской націи, о чемъ мы читаемъ у Цезаря и Тацита, въ болѣе крупныя группы—назовемъ ли ихъ народами или союзами—франковъ, аллемановъ, саксовъ и другихъ, игравшія главную роль въ исторіи третьяго столѣтія до Р. Хр. Вотъ слова Цейсса (303).

„Въ западной Германіи старыя названія народовъ съ начала третьяго столѣтія уступаютъ мѣсто другимъ менѣе многочисленнымъ, но болѣе широкимъ. Отдѣльныя части многообразвѣтвеннаго племени соединились здѣсь въ болѣе крупныя цѣлыя, различіе которыхъ остается на послѣдующее время. Къ этому внутреннему преобразованію приводитъ также распространеніе во вѣтъ; новыя народы перемѣнили также свои прежнія мѣста и въ распространяющемся поступательномъ движеніи передвинулись въ новыя мѣста“.

80) (стр. 80). вмѣстѣ съ нашимъ собственнымъ островомъ это описаніе можетъ быть примѣнено и къ странѣ между Альпами и Дунаемъ и ко всѣмъ германскимъ странамъ по лѣвой сторонѣ Рейна. Римскіе города сохранялись и сосѣдство романскихъ странъ должно было имѣть нѣкоторое вліяніе; иначе судьба этихъ странъ должна бы быть такой же какъ и судьба Британіи.

81) (стр. 80). Кое-что объ этомъ можно найти у Генри Мэна, въ его лекціи о порядкѣ феодализаціи, пятой лекціи въ его *Village Communities*. Но необходимо вполне прослѣдить развитіе какъ ленновъ (*manor*), такъ и церковныхъ приходовъ. И то, и другое конечно было нововведеніемъ; но юристы разсматривали марку совершенно также, какъ они разсматривали и королевство, и считали вотчинника, также какъ и короля, основаніемъ и источникомъ всего, вмѣсто того, чтобы считать ихъ сравнительно позднѣйшимъ нововведеніемъ, явившимся случайно. Но еще страннѣе то, какъ приходскій священникъ сдѣлался предсѣдателемъ *Meaergemót*, собранія марки, такъ какъ такимъ несомнѣнно является приходское собраніе.

82) (стр. 81). Мы имѣемъ тотъ фактъ, что слово *gau* не встрѣчается въ Англіи ни въ какую эпоху. И мы знаемъ также, что слово *shire*, соответствующее ему, обозначаетъ не соединеніе, а подраздѣленіе (отъ *sciran*, *shear*, отдѣлять), что оно при-

мѣняется къ другимъ болѣе мелкимъ дѣленіямъ на ряду съ gauen или графствами, и что въ смыслѣ gau оно находится уже въ законахъ Ина (Laws of Ine, 36—39). Съ другой стороны shire по латыни называлось pagus, что обозначало также и континентальное gau, дѣленіе, изъ совокупности котораго составлялось королевство. Если я вѣрно понялъ главу Кембля о „Gà или Scir“, gau и shire одно и тоже дѣленіе, разсматриваемое лишь съ разныхъ точекъ зрѣнія. Gau дѣлается shire, когда оно остановится частью бѣлаго цѣлаго; или также когда, какъ это было со многими континентальными gauen, какое-нибудь gau распадалось на нѣсколько меньшихъ gauen, или иначе какъ нибудь измѣняло свои границы. Такъ, когда большое Тургау раздѣлилось, Цюрихгау и другія меньшія gauen образовавшіеся при этомъ были въ буквальномъ смыслѣ shires — части отдѣленныя, shorn off, отъ бѣлаго цѣлаго. Досто вѣрно также, что, хотя мы встрѣчаемъ слово scir уже въ эпоху Ина, только около десятаго столѣтія мы встрѣчаемъ его дѣйствительно присоединяемымъ къ названіямъ округовъ. Извѣстно также, что есть много англійскихъ графствъ, къ которымъ названіе shire никогда до нашихъ дней не примѣнялось. Наконецъ извѣстно, какъ это указываетъ Кембль, что у насъ имѣются слѣды болѣе древнихъ дѣленій — дѣленій болѣе древнихъ, чѣмъ десятое столѣтіе—которыя частью совпадаютъ, частью отличаются отъ нашихъ теперешнихъ дѣленій (смотри Kemble, I, 78 — 84). Заключение, какое я дѣлаю изъ всего этого, есть тоже самое, какое я сдѣлалъ въ приложеніи Е. къ первому тому Norman Conquest, а именно, что тѣ ширь, которые не получили свое названіе отъ какого нибудь города, но имѣютъ собственное областное имя, суть собственно gauen, или, если это медиатизированныя королевства, группы такихъ gauen. Такъ въ Кентѣ и Суссексѣ lathes и gares, дѣленія среднія между сотней и графствомъ соотвѣтствуютъ gau. Другія графства названныя по имени какого нибудь города суть собственно ширь, нѣчто отдѣленное отъ бѣлаго цѣлаго. Такимъ образомъ, какъ я это старался показать въ уже названномъ прибавленіи, графства Мерсиа суть собственно ширь, подраздѣленія вновь образованныя Эдуардомъ Старшимъ, по возвращеніи страны изъ подъ власти датчанъ. Такъ же точно имя Йоркшира не встрѣчается ранѣе второй половины одиннадцатаго столѣтія. Это

ширь отдѣленный отъ первоначальнаго Нортумберланда, часть котораго еще сохраняетъ старое имя. И это есть ширь потомъ раздѣленный на меньшіе шири, изъ которыхъ одинъ, именно Ричмондъ-ширь, не могъ получить это имя до основанія замка Ричмондъ послѣ норманскаго завоеванія. Но, съ другой стороны, смотря на Йоркширъ въ его древнемъ видѣ, какъ на королевство Деиры (Deira), мы можемъ считать его составленнымъ изъ древнихъ гауевъ, Эльметъ, Кровень, Клевеландъ и т. д. Словомъ гау есть естественный союзъ; shire есть искусственное дѣленіе. Они могутъ совпадать, могутъ и не совпадать. Но совпаденіе встрѣчается весьма часто и, во всякомъ случаѣ, ширь есть дѣленіе соответствующее гау и представляющее его, хотя бы это совершилось только путемъ его замѣны.

Въ приложеніи, о которомъ я уже говорилъ, сказано кое-что о названіяхъ отдѣльныхъ графствъ. Я не упомянулъ тамъ, хотя и думаю я сдѣлалъ это въ другомъ мѣстѣ, что въ хроникахъ и въ Exchequer Domesday, Девонширъ называется широмъ (Defenascir), тогда какъ Сомерсетъ и Дорсетъ носятъ племенные названія (on Sumorsætan, on Dorsætan). И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Exeter Domesday мы иногда встрѣчаемъ также такую форму „Summersetæ syra“ такъ, что употребленіе племеннаго названія въ Exchequer Domesday имѣетъ значеніе поправки.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это я полагаю дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ одномъ или двухъ случаяхъ, современный французскій департаментъ вполне соответствуетъ старому герцогству или графству, различіе между тѣмъ и другимъ совершенно тоже самое, какъ между гау и shire, а въ тѣхъ случаяхъ, когда старая провинція распалась на нѣсколько департаментовъ, мы видѣли въ буйвальномъ смыслѣ образованіе шировъ.

83) (стр. 82). Смотри выше примѣчаніе 79.

84) (стр. 82). Смотри Norman Conquest, I, 25—27. Я привелъ тамъ описаніе Генри Гунтингдономъ развитія Восточной Англіи и Мерси; но то мѣсто изъ William of Malmesbury (I, 44) на которое я тамъ ссылаюсь, стоитъ привести здѣсь цѣликомъ: “Въ продолженіи девятидесяти девяти лѣтъ нортангембріискіе вожди довольные общимъ управленіемъ, жили какъ частныя лица подъ властью контуаритаровъ; но послѣ честолюбіе болѣе не сдерживалось, по-

тому ли что духъ человѣческой всегда склоненъ къ худшему, или потому что народъ этотъ обладаетъ по природѣ болѣе пылкимъ духомъ. Итакъ въ 547 году отъ Р. Хр., а послѣ смерти Генгеста въ 60-мъ, герцогская власть въ этой странѣ была измѣнена, и царствовалъ сперва Ида, безъ сомнѣнія почтеннѣйшій по возрасту и крѣпкой силами; но я не могу сказать точно, самъ ли онъ завладѣлъ властью или оно было ему предоставлено съ согласія другихъ, такъ какъ истина скрыта; впрочемъ хорошо извѣстно, что онъ происходилъ отъ великаго и древняго рода, чистыхъ и мужественныхъ нравовъ и что онъ много содѣйствовалъ славы благородныхъ родичей.

85) (стр. 83). Полное соотвѣтствіе значенія германскаго элемента въ французскомъ и романскаго элемента въ англійскомъ языкахъ нарушается нѣсколько тѣмъ, что нѣсколько столѣтій тому назадъ въ Англии было въ модѣ заимствовать множество французскихъ и латинскихъ словъ, тогда какъ число нѣмецкихъ, англійскихъ или другихъ германскихъ словъ, вошедшихъ во французскій языкъ за тотъ же періодъ, сравнительно не велико. Но, если мы обратимъ вниманіе на тѣ слова, которыя составляютъ дѣйствительную основу двухъ этихъ языковъ, мы увидимъ, что аналогія тутъ полная. Есть однако и различіе. Въ англійскомъ языкѣ мы имѣемъ два, а пожалуй и три класса романскихъ словъ, совершенно натурализовавшихся — метэковъ, получившихъ полноправіе — тогда какъ во французскомъ имѣется лишь одинъ такой разрядъ германскихъ словъ. Число германскихъ словъ вошедшихъ въ латинскій языкъ въ Галліи во время готскихъ, бургундскихъ и франкскихъ завоеваній и сохранившихся въ современныхъ провансальскомъ и французскомъ языкахъ, дѣйствительно очень значительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ это можно подуматъ съ перваго взгляда, гораздо значительнѣе числа кельтскихъ словъ, сохранившихся отъ природнаго языка страны. Однако какъ ни значительна эта примѣсь, она только примѣсь и нисколько не измѣняетъ существенно латинскаго характера двухъ современныхъ языковъ Галліи. Но эта германская примѣсь къ романскимъ языкамъ Галліи соотвѣтствуетъ, тройной примѣси романскаго къ германскому въ Британіи. Это, прежде всего, съ полдюжины словъ, которыя оставили послѣ себя римляне, и были приняты англійскимъ языкомъ также какъ и теперь мы при-

нимаемъ туземныя названія для туземныхъ предметовъ Индіи и другихъ странъ. Во-вторыхъ, имѣется болѣе значительная группа латинскихъ словъ, или церковныхъ или выражающихъ нѣкоторыя чужеземныя понятія, вошедшія въ англійскій языкъ со времени Августина до Вильгельма. Оба эти разряда далеко будутъ превзойдены числомъ германской—т. е. франкскою примѣсью—во французскомъ языкѣ. Это естественный результатъ различія между разрушительнымъ завоеваніемъ, подобномъ завоеванію англовъ Британіи, и колонизирующимъ завоеваніемъ, подобнымъ завоеванію франковъ въ Галліи. Но соотношеніе совершенно мѣняется съ третьюю норманскою примѣсью, куда я отношу тѣ романскія слова, признать которыя за романскія можно лишь съ помощью историческихъ или филологическихъ свѣдѣній, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя своимъ окончаніемъ или какъ-нибудь иначе съ перваго же взгляда выдаютъ свое иностранное происхожденіе. Всѣ эти классы должно признать совершенно натурализовавшимися въ англійскомъ, совершенно такъ, какъ франкскія слова натурализовались во французскомъ языкѣ. Но однимъ изъ постепенныхъ послѣдствій норманскаго завоеванія и того, что французскій языкъ сдѣлался на время языкомъ высшаго класса въ Англіи — событія, не имѣющія себѣ никакой параллели во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась Франціей—была мода вводить романскія слова и даже романскія окончанія въ англійскій языкъ, тогда какъ ничто не породило моды вводить нѣмецкую или англійскую примѣсь—въ отличіе отъ древне-германской—во французскій языкъ. Такъ напр. мы не стѣсняемся придавать романское окончаніе германскому корню и такимъ образомъ составлять такія слова-ублюдки, какъ *stargation* (голодное истощеніе), тогда какъ французскій воспринимаетъ такія слова какъ *meeting*, но не придаетъ своимъ корнямъ окончанія *ing*. Однако болѣе значительная романская примѣсь въ англійскомъ и менѣе значительная германская примѣсь во французскомъ языкахъ, обѣ одинаково суть примѣси и не измѣняютъ существа ни того, ни другого языка. Съ небольшимъ трудомъ можно избѣгать германскихъ словъ во французскомъ языкѣ, съ нѣсколько большимъ—романскихъ въ англійскомъ. Но ни на томъ, ни на другомъ нельзя поступить наоборотъ.

86) (стр. 83). Переходная эпоха европейской исторіи, эпоха пе-

реселенія народовъ и франкскаго господства, не можетъ быть попята вполнѣ въ отношеніи къ Италиі, если мы не примемъ во вниманіе, что Венеція во всемя, кромѣ своего географическаго положенія, принадлежала къ восточному, а не къ западному берегу Адриатики. Венеціанскія острова были единственной мѣстностью древней западной имперіи, избѣгнувшей германскаго завоеванія. Они остались частью восточной имперіи — „мы хотимъ быть подъ властью римскаго цара“ — до тѣхъ поръ, когда они стали достаточно сильны, чтобы основать свою собственную державу, независимую отъ обѣихъ имперій.

87) (стр. 84). Смотри этуодъ о древней Греціи и средневѣковой Италиі въ *Historical Essays, Second Series*.

88) (стр. 84). Одни названія, безъ всякой помощи письменныхъ историческихъ памятниковъ, обыкновенно оказываются достаточны, чтобы указать какія изъ нашихъ городовъ чисто англійскаго происхожденія. Римское поселеніе узнается само собой, если не по искаженному его прежнему имени, то по слову *Caester* въ его различныхъ формахъ. О большинствѣ чисто англійскихъ городовъ мы можемъ только сказать, что мы слышимъ о нихъ въ первый разъ въ такое-то время, но не имѣемъ никакого указанія на ихъ основаніе. О другихъ, какъ о Таунтонѣ въ одиннадцатомъ столѣтіи, а также о длинномъ рядѣ мѣстностей, укрѣпленныхъ Эдвардомъ и Этельфледомъ въ десятомъ столѣтіи, мы знаемъ когда они были укрѣплены, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они въ то же время и населились. Другой разрядъ селеній образовался около какого нибудь большого монастыря, или, что рѣже, какъ Уельсъ и Вальтомъ, просто около церкви. Но въ Дургамѣ въ десятомъ столѣтіи и Нью-Салисбюри въ тринадцатомъ столѣтіи церковь и городъ были построены одновременно. Но мы имѣемъ мало городовъ въ Англии, о которыхъ мы могли бы съ увѣренностью сказать, что они вызваны къ существованію, подобно городамъ основаннымъ преемниками Александра, личнымъ повѣленіемъ государя, Таковъ однако Кингстонъ на Геллѣ, созданіе великаго Эдуарда, и таковы также нѣкоторыя уельскіе города. У *Bluntschli, Staats und Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich*, мы можемъ видѣть, какъ постепенно образуются города изъ государева

дворца, монастыря, церкви и первобытнаго *Marcgenossenschaft*, всё рядомъ другъ съ другомъ.

89) (стр. 85). О пяти Бургахъ смотри *Norman Conquest*, I, 61, и объ Линкольнѣ, наибольшемъ изъ нихъ, IV, 208; объ Экзетерѣ, и о возможности, какая ему представлялась въ 1068 году стать главою конфедерации бурговъ, смотри IV, 138.

90) (стр. 85). Вся исторія Берна, этаго наиболѣе крупнаго примѣра въ новѣйшее время континентальнаго города, господствующаго надъ большимъ числомъ подвластныхъ городовъ и округовъ, совершенно въ римскомъ духѣ. Съ другой стороны Любекъ, глава великаго торговаго союза, естественно напоминаетъ Кароагенъ.

91) (стр. 85). Объ этомъ выраженіи, настоящемъ титулѣ древняго Швейцарскаго союза, смотри *Historical Essays, First Series*. 352. Имя „*Suiss*“ и *Switzerland*“, хотя и были давно въ употребленіи, сдѣлались официальнымъ названіемъ лишь съ 1803 года.

92) (стр. 85). Едвали надо говорить, что Верона есть *Dietrichsberg*; и я встрѣчалъ, что бургундскій Бернъ назывался *Verona in montibus*“. Оба эти имени должны конечно быть одного происхожденія. Отожествленіе едвали было тутъ чисто искусственное подобное тому, въ силу котораго *Wormio* превратилось въ *Worms*. Но каково дѣйствительное ихъ происхожденіе? Несомнѣнно одно: что Бернъ этимологически не имѣетъ никакого средства съ *beag*, *Vahr*, медвѣдь.

93) (стр. 86). Объ этомъ предметѣ при удобномъ случаѣ я поговорю подробнѣе. Надѣюсь, что на страницахъ *Masmillan's Magazine* (july, 1870) я доказалъ просто невозможность того, чтобы римскія учрежденія перешли къ нашимъ предкамъ; но послѣ того писатель, которому я возражалъ, Г. К. Кутъ (*Coote*) снова настаиваетъ на своемъ воззрѣніи и поддерживаетъ его противъ доктора Brentano съ тою же любопытной аргументаціей въ своей статьѣ *On the Ordinances of some Secular Guilds of London*, перепечатанной изъ *Transactions of the London and Middlesex Archaeological Society*.

94) (стр. 88). Смотри *Historical Essays, First Series*, pp. 153, 154.

ЛЕКЦІЯ IV.

1) (стр. 90). Смотри выше примѣчаніе 22 къ лекціи II и Вгусе, Holy Roman Empire, 192.

2) (стр. 90). Вгусе, Holy Roman Empire, 233.

3) (стр. 91). Такъ употребляется сравнительная и превосходная степень βασιλευτερος и βασιλευτατος въ Илиадѣ; напр. IX, 69

Ατρείδῃ, σὺ μὲν ἄρχε, σὺ γὰρ βασιλευτατός ἐσσι.

καὶ μοὶ ὑποστήτω, ὅσσον βασιλευτερός εἰμι. IX, 160:

ἐξ γενεῆν ὀρώων μῆδ' εἰ βάσιλευτερος ἐστιν. X, 240:

Я не могу, сказать мимоходомъ, утверждать, чтобы эти формы не могли быть найдены и въ другихъ мѣстахъ у Гомера; но достойно конечно замѣчанія, что всѣ эти три мѣста взяты изъ несомнѣнно подозрительной десятой книги, и изъ девятой, которую Гротъ также заподозриваетъ, хотя я и нахожу, что Гладстонъ удачно защитилъ ее. Подражаніе этимъ выраженіямъ Гомера находимъ у Тиргея, Fragment III, 7 „οὐδ' εἰ Τανταλίδεω Πέλοπος βασιλευτερος εἶη.

4) (стр. 91) Вюртембергъ, не будучи ни именемъ какого либо народа или племени, или территоріальнаго дѣленія, ни даже, подобно Ганноверу и Неаполю, именемъ города, есть конечно самое странное, какое когда либо было, названіе королевства. Что касается настоящей Баваріи и Саксоніи, иной можетъ быть склоненъ видѣть въ нихъ не столько подраздѣленія германскаго народа, сколько народности, изъ которыхъ составилъ германскій народъ. Но не слѣдуетъ никакъ забывать, что даже современная Баварія нисколько не соотвѣтствуетъ древней Баваріи, а теперешнее коро-

левство Саксонія не имѣетъ ни одной пяди земли общей съ тою Саксоніей, которая была покорена Карломъ Великимъ.

5) (стр. 91). Не слѣдуетъ забывать, что происхождение германскихъ и итальянскихъ королевствъ было совершенно различно. Четыре собственно германскихъ королевства Ганноверъ, Саксонія, Баварія и Вюртембергъ возникли еще на нашей памяти путемъ распада дреняго германскаго государства. Но королевства Сардинія и Обѣихъ Сицилій, хотя и были частями того, что въ просторѣчїи и практически считалось Италіей, и хотя континентальная Сицилія дѣйствительно занимала древнѣйшую Италію, не были образованы путемъ распада Итальянскаго государства. Они возникли въ странахъ лежащихъ внѣ его предѣловъ. Короны Сициліи и Сардиніи, какъ отдѣльныхъ государствъ, на ряду съ коронами Рима, Германіи, Итали, Бургундіи и Іерусалима, вошли въ составъ седмиричной короны Фридриха Второго. Сардинія и Сицилія соотвѣтствуютъ скорѣ Богеміи и Пруссіи, королевствамъ, сложившимся за предѣлами собственно германскаго государства; а примѣненіе названія Сардиніи къ континентальнымъ владѣніямъ сардинскаго короля бывшее довольно обыкновеннымъ, до того какъ Пиемонтъ поглотилъ собою всю Италію, вполне соотвѣтствуетъ тому, какъ имя Пруссіи распространилось до береговъ Эльбы и Рейна. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ титулъ королей образовался изъ названія малой и внѣшней части ихъ владѣній.

6) (стр. 92). Государь на срокъ—вещь неслыханная, исключая тѣхъ случаевъ простаго переживанія царскаго сана, о которыхъ я буду еще говорить. Причина этого безъ сомнѣнія лежитъ въ томъ, что государю, по указанному ниже основанію, присвоенъ извѣстный *character indelibilis*. Государь можетъ быть низложенъ, но его низложеніе, хотя и законное, есть мѣра чрезвычайная и необыкновенная, неизмѣющаяся въ виду при его возведеніи въ царскій санъ. Онъ пользуется своимъ саномъ пожизненно, развѣ будетъ примѣнена эта чрезвычайная власть, что мало вѣроятно. Такая власть есть власть иного рода, нежели власть срочная, „*durante bene placito*“ или хотя бы „*quamdiu se bene gesserit*“.

7) (стр. 92). О желаніи Цезаря стать королемъ смотри *Merivale*, II, 465. Диктаторства Суллы и Цезаря соотвѣтствуютъ тому, что Аристотель называетъ (Пол. III. 14) *αἰσχρογυαία* и опредѣляетъ

какъ „избирательную тираннію“ и что составляетъ одинъ изъ видовъ монархіи, перечисляемыхъ имъ: но *αισχυρητεια* не была непременно пожизненной; „одни занимали эту должность въ продолженіи всей жизни, другіе до извѣстнаго опредѣленнаго времени или въ предѣлахъ извѣстныхъ дѣйствій“. Такъ и Діонисій (V, 73) сравниваетъ римское диктаторство съ греческимъ *αισχυρητεια*, „ибо такъ называемые у грековъ издревле избирательные государи (эсимнеты), какъ рассказываетъ Теофрастъ въ исторіи о царствѣ, были избираемые тираны; а избирали ихъ города не въ опредѣленное время и не на всегда, но временно, всякій разъ, когда они считали полезнымъ и на извѣстный срокъ“. Въ слѣдующей главѣ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію другихъ случаевъ временнаго возобновленія царской власти подъ иными названіями. „Были вынуждены опять ввести власть тирановъ и царей, прикрывъ ее благовидными названіями: эссалійцы называли ихъ вождями (*αρχοὺς*; но не *ταγούς*) лакедемоняне правителями, боясь назвать ихъ тиранами или царями, потому что противозаконнымъ казалось имъ возстановить ту власть, которую они уничтожили съ клятвами и проклятіями по приказанію боговъ, давшихъ оракуль“. Во всякомъ случаѣ, была ли должность срочной или пожизненной, одинъ эсимнетъ не замѣнялся непременно другимъ. Дѣйствительно Римская имперія, по крайней мѣрѣ до Диоклетіана, имѣла по формѣ именно такое государственное устройство, такъ какъ власть императора въ каждомъ данномъ случаѣ сообщалась специальнымъ предоставленіемъ. Постоянная пожизненная должность, въ родѣ постоянного Гонфалоньера въ преобразованной флорентинской конституціи 1502 года, отнюдь не есть нѣчто обыкновенное. Спартанскіе цари и Венеціанскіе Дожи не были исключениями. Царь и Дождь не были простыми должностными лицами, но государами, хотя и ограниченныя самымъ малымъ объемомъ власти. Жрецы, какъ въ Римѣ такъ и въ другихъ мѣстахъ, были пожизненные, но это потому что они не были магистратами.

8) (стр. 92). Смотри Allen, on the Royal Prerogative, 93—98.

9) (стр. 92). Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, III, 61.

„У германскихъ народовъ, можно сказать, оно получило для христіанскихъ королей почти такое же значеніе, какое имѣло въ языческое время выведение царскаго рода отъ боговъ.

10) (стр. 93). Inquiry into the Rise and Growth of the Royal Prerogative in England. By John Allen. Neu Edition. London, 1849.

11) (стр. 94). Смотри Allen, pp. 14, 172.

12) (стр. 94). Смогри извѣстные стихи въ Иліадѣ (II, 102) относительно происхожденія скипетра, которые, если и не имѣютъ другаго значенія, ясно указываютъ, на мой взглядъ, что преданіе о Лидійскомъ происхожденіи Пелопса не есть дѣйствительно первоначальное преданіе. Сравни I, 277. „Ты, Пелидъ, не спорь съ царемъ, потому что никогда еще не достигалъ подобной чести ни одинъ царь скиптродержецъ, котораго Зевсъ возвеличилъ славою“. и II, 205: „Царь пусть будетъ одинъ, которому сынъ прозорливаго Кроноса далъ скипетръ и законы, чтобы онъ царствовалъ надъ другими“. И вся Иліада полна такими мѣстами. Любопытно прочесть комментарий Діона Хривостомъ къ словамъ Гомера. Они чрезвычайно характеристичны для такой эпохи, когда Гомеръ и другіе служили лишь для риторическихъ прикрасъ. Вотъ слова Діона (I, 3): „Очень хорошо Гомеръ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими говоритъ, что не всѣ получаютъ отъ Зевса скипетръ и эту власть, но только добрые“. Онъ затѣмъ переходитъ къ описанію того, чѣмъ долженъ быть царь. Видя, что рассказъ Гомера о передачѣ царской власти отъ Зевса касается лишь добрыхъ царей, невольно удивисься, найдя мнѣніе Викклиффа о томъ, что власть основана на милости, въ рѣчи обращенной къ Траяну.

Едва ли надо прибавлять, что преемство іудейскихъ царей отъ отца къ сыну, отъ Давида къ сыновьямъ Іосіа, и французскихъ королей отъ Гуго Капета до Людвига X, суть самые замѣчательные примѣры въ исторіи прямаго преемства въ царскомъ домѣ.

13) (стр. 94). Стоитъ въ тоже время прочесть рассказъ Плутарха (Тезей, 32) о воцареніи Менестея въ Аѣины и о томъ какъ онъ волновалъ народъ въ отсутствіе Тезея. Онъ самъ происходилъ отъ Ерехтея; но онъ былъ, согласно рассказу Плутарха, древнѣйшимъ демагогомъ: „первый, какъ говорятъ, изъ людей рѣшившійся говорить всенародно и въ угоду черни“. Сравни Павзанія, I, 10, 5, 6. Но въ перечисленіи Гомера онъ является какъ „царь, питомецъ Зевса“ не меньше, чѣмъ кто либо другой. Тутъ же мы находимъ другой перерывъ въ наслѣдственномъ преемствѣ аттическихъ царей, въ силу воцаренія Меланта; но тутъ и о царствующемъ

царѣ Тимотѣ говорится какъ объ низложенномъ или изгнанномъ (Paus. II, 18, 9): „Мелантъ получилъ царство, отнявъ его отъ Тимота, сына Оксанта“. Въ томъ и другомъ случаѣ перерывъ преемства представляется неправильнымъ или революціоннымъ. Я не знаю ни одного случая правильного избранія греческаго царя на римскій манеръ.

14) (стр. 95). Аристотель (Пол. III, 13) описываетъ героическую монархію, какъ „добровольную, наслѣдственную и законную монархію“ и непосредственно затѣмъ (14): „эта же состояла изъ гражданъ, добровольно подчиняющихся царю, власть котораго ограничена извѣстнымъ кругомъ дѣятельности: царь былъ военачальникъ, судья и верховный служитель боговъ“.

15) (стр. 95). Одиссея, I, 394. „Но есть много и другихъ царей ахейскихъ молодыхъ и старыхъ въ окруженной моремъ Итакѣ“ такъ и между Фэаками, Одиссея, VIII, 390. „Двѣнадцать славныхъ царей—вождей, а я самъ тринадцатый“ и объ нихъ уже говорится какъ о „царяхъ-скиптродержцахъ“, VIII, но Гезіодъ также (Дѣла и дни, 200, 246, 259, 261) говоритъ о царяхъ, Βασίλῆες, скорѣе какъ о классѣ лицъ, которыхъ могло быть нѣсколько въ одномъ государствѣ, нежели въ строго монархическомъ смыслѣ.

16) (стр. 96). Мы находимъ свѣдѣнія объ Interrex и объ особомъ порядкѣ его избранія патриціанскими сенаторами, у Ливія, IV, 43. Онъ не употребляетъ этого названія при описаніи перваго избранія консуловъ, но Діонисій даетъ этотъ титулъ Спурію Лукрецію, который, согласно разсказу, предсѣдательствовалъ въ коміціяхъ. Замѣчательны слова, которыя онъ влагаетъ въ уста Брута: „Я избираю себѣ интеррекса съ тѣмъ, чтобы онъ назначилъ того, кто бы принялъ на себя управление общественными дѣлами, и самъ слагаю съ себя власть Целеріевъ. Поставленный мною интеррексъ пусть назоветъ того, кто долженъ имѣть царскую власть (βασιλείαν)“. Объ этомъ последнемъ словѣ смотри выше стр. 244.

17) (стр. 96). Ливій, II, 2. „Наконецъ позаботились и о религіи; и такъ какъ нѣкоторые общественныя религіозныя обряды совершались самими царями, а царей (имѣть) не хотѣли, то и учредили царя жертвъ, rex sacrificulus. И это предоставили верховному жрецу, дабы почетъ присвоенный этому имени не повредилъ какъ нибудь свободѣ, о чемъ тогда больше всего заботились“. Онъ

является также у Ливія как „rex sacrificulus“ (VI, 41) и как „rex sacrificus“ (XI, 42); но что дѣйствительный его титулъ былъ „rex sacrosum“ видно изъ самаго Ливія (XXVII, 6), изъ Геллія (XV, 27) и Цицерона (Pro Дошо Sua, 14), который указываетъ также, что „rex sacrosum“ подобно интеррексу всегда былъ патриціемъ. Это значить, что когда должности государственныя одна за другой стали доступны плебеямъ, (См. выше: стр. 165) ни одному изъ реформаторовъ не пришло въ голову предложить законъ о допущеніи плебеевъ и къ должности „rex sacrosum“, которая не имѣла никакого политическаго значенія. Діонзій (IV, 74) въ этомъ мѣстѣ воодушевляется даже. „Для того чтобы имя царской власти, которое для насъ родно и явилось въ городъ при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ отъ боговъ, давшихъ свое согласіе, оберегалось ради самаго священнаго обряда, слѣдуетъ назначить навсегда царя жертвъ, который бы пользовался этою честью пожизненно, освободившись отъ занятій по военнымъ дѣламъ и имѣя одно только дѣло — первенство при жертвоприношеніяхъ“. Такъ и у Плутарха, Quaest. Rom. 63. „Почему такъ называемому царю жертвъ запрещено быть правителемъ и говорить всенародно? Не издревне ли цари совершали большинство жертвъ и самыя важныя и сами приносили жертвы вмѣстѣ съ жрецами? Но такъ какъ они не были умѣренны, а стали горды и несносны, то большинство грековъ отняло у нихъ эту власть, оставивъ за ними только принесеніе жертвъ. Римляне же, изгнавъ совершенно царей, поставили новаго царя для совершенія жертвоприношеній, которому не дозволено быть правителемъ и говорить всенародно, но предоставили ему лишь первенство въ дѣлахъ религіозныхъ. Итакъ бывають на площади предъ такъ называемыми комиціями жертвоприношенія, по совершеніи которыхъ царь удаляется съ площади“.

Едва ли можно представить болѣе поучительный примѣръ политическаго переживанія. Царь необходимъ для исполненія его религіозныхъ функцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ царь надѣленный хотя бы обрывкомъ политической власти представляетъ нѣчто ненавистное; поэтому учрежденъ такой царь, царскій санъ котораго исключаетъ его отъ всѣхъ общихъ правъ и обязанностей гражданъ. (Сравни Ливій, XII, 42). Едва ли можно представить болѣе краснорѣчивый символъ такого исключенія какъ то, что принеся жертву онъ уда-

ляется съ форума, какъ съ такого мѣста, гдѣ ему болѣе нечего дѣлать. Нѣчто подобное этимъ царямъ мы находимъ въ епископахъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ шотландскихъ монастыряхъ, единственно для посвященія, но безъ тѣни какой либо власти, и находившихся подъ начальствомъ ихъ церковнаго начальника аббата.

Аристотель (Пол. III, 14) говоритъ объ этомъ снизведеніи царей до однихъ чисто религіозныхъ функцій, какъ объ весьма обыкновенномъ дѣлѣ въ греческихъ государствахъ: „Впослѣдствіи, когда частью сами цари отказались отъ своихъ правъ, частью они были у нихъ отняты народомъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ за царями было оставлено право приносить жертвы, въ другихъ же достойныхъ названія царства они удержали только предводительство на войнѣ внѣ предѣловъ государства“. Объ этомъ послѣднемъ замѣчаніи смотри ниже примѣчаніе 20.

18) (стр. 97). Еще болѣе сильнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что сами императоры постоянно дѣлались консулами, по крайней мѣрѣ разъ въ свое царствованіе, а часто и нѣсколько разъ; что, когда они и не были консулами, они все же были надѣлены консульскою властью; и что — хотя они и не могли быть дѣйствительными трибунами, въ силу принятія плебея Октавія въ патриціанскій *gens Julia* — они не только надѣлены были властью трибуновъ, но и считали ее главнымъ основаніемъ своего авторитета. Смотри ниже примѣчаніе 42.

19) (стр. 97). Спартанская царская власть, по понятіямъ Аристотеля, была дѣйствительною властью, а не простымъ переживаніемъ подобнымъ жреческому царю, о которомъ говорилось выше. На его взглядъ Спарта есть даже лучший примѣръ законной царской власти; „Въ Лаведмонскомъ государствѣ царская власть кажется наиболѣе законная; она не есть господство надъ всѣмъ, но за предѣлами страны царь есть предводитель войска; кромѣ того царямъ поручено служеніе богамъ. Итакъ такая власть царя есть какъ бы нѣкая стратегія самодержавная и пожизненная“. Затѣмъ онъ называетъ ее „стратегія пожизненная“ и „такъ сказать просто стратегія наслѣдственная въ родѣ“. Но съ другой стороны достойно замѣчанія то, какъ Геродотъ (VI, 56—58) перечисляетъ преимущества спартанскихъ царей, ничего не говоря о томъ, что они не принимали никакого участія въ томъ, что обыкновенно по-

нимають подъ правленіемъ. Фукидидъ, съ своей стороны (I, 131), отмѣчаетъ какъ нѣчто странное, что эфоры имѣли власть арестовать царя („сперва онъ заключается эфорами въ темницу, потому что эфоры могутъ такъ поступать съ царемъ“), замѣчаніе тѣмъ болѣе странное, что Павзаній былъ не царемъ, а регентомъ. Ксенофонтъ также смотритъ на спартанскую царскую власть какъ на дѣйствительную, хотя и ограниченную царскую власть. Такъ начиная говорить объ Агезилаѣ (I, 1), онъ говоритъ о спартанской монархіи, какъ объ единственномъ правленіи дѣйствительно прочномъ и это (смотри Growth of the English Constitution, 228), потому что цари не искали большей власти, чѣмъ какую имъ давалъ законъ: „Ибо государство изъ зависти къ тому, что они превзошли другихъ почестями, никогда еще не старалось уничтожить ихъ власть, и цари никогда еще не желали большаго, чѣмъ тѣхъ условій, на которыхъ они получили первоначально царство. Итакъ, очевидно, нѣтъ другой формы правленія, которая бы была прочна, ибо ни демократія, ни олигархія, ни тиранія, ни монархія не таковы. Это же царство единственно остается постояннымъ“. На то же указываетъ и въ приписываемомъ ему трактатѣ о Лакедемонскомъ государствѣ (15), и тамъ упоминается еще объ обычай ежемѣсячной присяги—подобно Молосіянамъ—которою обмѣнивались цари съ эфорами, приносившими ее за государство: „Присяга царя состоитъ въ томъ, чтобы править по существующимъ законамъ, а присяга государства въ томъ, что царская власть будетъ неприкосновенна, покуда царь будетъ твердо соблюдать присягу“. И онъ прибавляетъ „такіе вотъ почести (въ отличіе отъ его военной власти) оказываются царю при жизни (въ отличіе отъ чрезвычайныхъ почестей воздаваемыхъ ему по смерти), ничѣмъ вовсе не отличающіяся отъ тѣхъ, которыми пользуются частные люди: ибо онъ не хотѣлъ ни царямъ предоставить гордость тирановъ, ни гражданамъ внушить зависть къ власти“. Діонисій, въ рѣчи приписываемой Бруту, которую я цитировалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, заставляетъ говорить освободителя о консульствѣ, какъ о подражаніи спартанскимъ царямъ. Власть римскаго консула была конечно значительнѣе, нежели власть спартанскаго царя. Но наслѣдственная должность существенно отличается отъ замѣщаемой ежегодно по выборамъ. Спартанскіе цари были дѣйствительные

цари съ ихъ весьма ограниченной властью: консульство было царской властью превращенной въ поручаемую должность.

20) (стр. 97). Мы имѣемъ нѣсколько указаній относительно аргосскихъ царей. Павзаній (II, 19, I) упоминаетъ, что съ царствованія нѣкоего царя Мидона, царская власть сдѣлалась лишь номинальной, а послѣ Мельта, который отнесенъ (Clinton, Fast. Hell. I, 249) ко времени Клизеена Сикионскаго, царская власть была и вовсе уничтожена. „Такъ какъ аргивяне съ самой отдаленной древности любятъ равноправность и самостоятельность, то они довели объемъ царской власти до минимума, какъ при Мидонѣ, сынѣ Киса, и его потомкамъ было оставлено только одно имя царской власти, а у Мельта, сына Лакода, потомка Мидона, народъ рѣшилъ совсѣмъ отнять власть“. Однако ясно, что царская власть сохранялась гораздо дольше. Мы имѣемъ рассказъ Плу-тарха въ его сочиненіи περί τῆς Αλεξάνδρου τοῦ ἤ ἀρετῆς (II, 8), по которому институтъ царской власти былъ такъ проченъ въ Аргосѣ, что когда старая династія Гераклидовъ вымерла, былъ избранъ новый царь, конечно согласно указаніямъ боговъ. „У аргивянъ прекратился наконецъ родъ Гераклидовъ, подѣ властью которыхъ они постоянно находились. Когда они стали спрашивать совѣта у оракула, то богъ имъ отвѣтилъ, что орелъ дастъ имъ знаменіе. И спустя немного дней появился орелъ и сѣлъ на кровлѣ дома, принадлежавшаго Эгону, который и былъ избранъ царемъ“. Онъ упоминаетъ и другой разъ объ этомъ избраніи Эгона въ своемъ сочиненіи о Писійскихъ оракулахъ (5), гдѣ онъ говоритъ случайно; „оракула какого то въ метрическомъ размѣрѣ, какъ думаю о царской власти Эгона, сына Аргія“. Но самое вѣрное указаніе есть извѣстное мѣсто у Геродота (VII, 148, 149), гдѣ онъ рассказываетъ, какъ при нашествіи Ксеркса, аргивяне пригласили на то, чтобы имѣть, если соединяться для защиты Греціи, одинаковое участіе съ лакедемонцами въ предводительствѣ. Лакедемоняне отвѣчали, что такъ какъ у нихъ два царя, тогда какъ у аргивянъ только одинъ, то участіе въ предводительствѣ не можетъ быть одинаково. Ни одинъ изъ Спарганскихъ царей не можетъ быть лишень своего голоса, но они готовы предоставить аргосскому царю третій на ряду съ ихъ двумя (λέγειν σφί μεν εἶναι δύο βασιλῆας, Ἀργείοισι δὲ ἕνα, οὐκ ὄντων δυνατόν εἶναι τῶν ἐκ Σπάρτης οὐδετέρων

παῦσαι τῆς ἡγεμονίης μετὰ δε δύο τῶν σφετέρων ὁμόφρων τὸν Ἀργεῖον εἶναι καλύειν οὐδέν). Изъ этого мѣста можно видѣть, что, каково бы ни было положеніе ихъ въ другихъ отношеніяхъ, аргивскіе цари сохраняли за собой по меньшей мѣрѣ военное начальство. Спартанцы никогда бы не предложили предоставить одинаковій голось съ своими царями такимъ царямъ, функции которыхъ были исключительно гражданскія или жреческія. Такимъ образомъ аргивскій царь относится къ тому классу царей, о которомъ говорить Аристотель въ приведенномъ въ примѣчаніи 17 мѣстѣ.

21) (стр. 97). Мы находимъ живое упоминаніе о царяхъ-архонтахъ въ Аѣинахъ во вступленіи рѣчи Лизія противъ Андокида. Онъ указываетъ на возможность того, что такая нечестивая личность какъ Андокидъ будетъ избранъ въ архонты: „если теперь Андокидъ безнаказанно уйдетъ отъ насъ съ этого суда и придетъ баллотироваться на должность одного изъ девяти архонтовъ и будетъ избранъ царемъ“. Онъ переходитъ затѣмъ къ указанію многочисленныхъ религіозныхъ обязанностей, которыя исполняетъ царь. Но тутъ же онъ употребляетъ слово царь въ его болѣе обыкновенномъ значеніи; такъ онъ говоритъ, что Андокидъ былъ льстецомъ многихъ царей, съ которыми сопоставляется и Діонисій Сиракузскій („онъ льстилъ многимъ царямъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, за исключеніемъ сиракузскаго Діонисія“). Діонисій, по словамъ оратора, былъ соперникомъ Андокида, а тотъ не могъ съ нимъ ничего сдѣлать.

Жена царя архонта была βασίλισσα, подобно тому какъ жена римскаго „rex sacrorum“ называлась „regina“. (Сравни Pseudo-Dem. c. Neaer, 98).

Рядомъ съ царемъ - архонтомъ было еще и другое переживаніе царской власти въ Аѣинахъ — филобазилейсь, который повидимому тоже что базилейсь, о которомъ говорится въ законѣ Солона, приведенномъ у Плутарха (Солонъ, 19). Плутархъ кажется непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говорить о немъ, какъ о πρῶταρχος. Весьма мало извѣстно относительно характера его обязанностей, но насъ интересуетъ тутъ только самый царскій титулъ. Быть можетъ это были цари четырехъ іоническихъ племенъ (tribes) прежде чѣмъ они совершенно слились въ одно государство; нѣчто вродѣ мѣстнаго подъ-короля запад-

ных саксовъ. Во всякомъ случаѣ это другой примѣръ сохраненія царскаго титула послѣ того, какъ сама царская власть уже исчезла вовсе, и при томъ сановниками, незанимавшими сколько-нибудь важнаго положенія въ государствѣ.

22) (стр. 98). Моммсенъ, вѣроятно правъ въ томъ, что считаетъ все преданіе о Ромулѣ сравнительно новымъ. Истинное древнее имя города скрывается въ названіи *Rampes*, и *ἑπόνορος* выдаетъ свое позднѣйшее происхожденіе тѣмъ, что имя его образовано отъ позднѣйшаго имени города. Какъ бы то ни было, преданіе представляющее Ромула сыномъ Марса ясно указываетъ на примѣсъ тутъ греческихъ понятій. Въ чистой итальянской религіи не только никто не является сыномъ Бога, но въ ней нѣтъ ничего подобнаго рожденію и генерации среди самихъ Боговъ. Божества представляются по парамъ, мужское и женское; вотъ и все, они назывались „*Partes*“ и „*Matres*“ прямо въ силу божественности. Смотри *Preller, Römische Mythologie*, 50. Рассказъ о Нумѣ и Эгеріи происходитъ вѣроятно изъ того же эллинизирующаго направленія, какъ и рассказъ о томъ, что Нума былъ ученикомъ Пифагора.

23) (стр. 98). Я думаю, что въ этихъ рассказахъ нѣтъ ничего собственно мифическаго; учрежденія Анка и Сервія дѣйствительно существовали; ихъ творецъ и время, къ которому они отнесены, быть можетъ баснословны, но въ рассказѣ нѣтъ ничего мифическаго или героическаго. Мы знаемъ изъ примѣровъ такихъ несомнѣнно существовавшихъ законодателей, какъ Солонъ и Альфредъ, что имъ постоянно приписываютъ всѣ установленія какъ древнѣйшія, такъ и позднѣйшія. На этомъ основаніи мы не вѣримъ рассказу объ законодательствѣ Анка и Сервія; но, хотя оно быть можетъ не историческое, оно есть какъ-бы историческое. Смотри *Historical Essays, First Series*, p. 4.

24) (стр. 98). Какъ бы мы ни смотрѣли на историческую цѣну рассказовъ о Тарквиніяхъ и Сервіи, не говоря уже о Нумѣ, ясно, что они могли явиться только у народа, который не придавалъ никакого значенія происхожденію своихъ царей, и у котораго выборъ иностранца или даже раба не былъ по крайней мѣрѣ теоретически невозможенъ. Не слѣдуетъ конечно забывать, что Клавдій держался совершенно другаго рассказа о происхожденіи Сер-

ви; однако, хотя онъ не является у него рабомъ, онъ является все же иностранцемъ.

25) (стр. 99). Въ Римѣ былъ gens Romilia, но онъ не былъ выдающимся и члены его никогда не занимали курульных должностей. Я не знаю, есть ли какія указанія на то, что члены его притязали на происхожденіе отъ основателя города.

26) (стр. 100) Смотри у Геродота (VI. 67), рассказъ объ оскорбительной насмѣлкѣ, обращенной Леотихидомъ къ Димарату: „каково быть архонтомъ послѣ того какъ былъ царемъ?“

27) (стр. 100). Смотри Fed. Gov., I, 433.

28) (стр. 100). Я не могу опереться на большой авторитетъ какъ на Юстина (II, 7). „Послѣ Кодра никто не царствовалъ въ Афинахъ, что было сдѣлано въ память объ его имени“. Если такою мотивъ и былъ выставленъ, онъ былъ лишь предлогомъ, такъ какъ уничтоженіе царской власти было такимъ шагомъ, который раньше или позже, но былъ неизбеженъ. Но все же остается тотъ фактъ, что римское преданіе представляетъ послѣдняго царя какъ ненавистнаго тирана, изгнаннаго за свои преступленія, тогда какъ афинское преданіе представляетъ послѣдняго царя пожертвовавшимъ своею жизнью для спасенія страны, и памяти о немъ всегда потомъ воздавалось величайшее почтеніе. Словомъ, царская власть въ гражданскихъ дѣлахъ сдѣлалась наконецъ совершенно невозможной, такъ что ни хорошій, ни худой царь не могъ ее спасти, и какъ преступленія, такъ и добродѣтели царя одинаково могли быть выставлены основаніемъ ея отмены.

29) (стр. 101). Я не вижу основанія сомнѣваться въ обычномъ рассказѣ о постепенномъ вырожденіи афинскаго архонства изъ наслѣдственнаго царскаго сана въ должность, такъ мало требующую и личной квалифікаціи, и ореола знатнаго происхожденія, что даже скромный гражданинъ считался способнымъ занимать ее. Въ началѣ мы видимъ одного пожизненнаго архонта изъ царскаго рода; затѣмъ одного архонта, избираемаго на десять лѣтъ, но также изъ царскаго рода; затѣмъ коллегію изъ девяти архонтовъ, аристократическихъ или демократическихъ, избираемыхъ или назначаемыхъ по жребію, соответственно постепеннымъ стадіямъ развитія республики, всего ни одинъ годъ. Существованіе, какъ посредствующей ступени, такой *duvasteia*, одной опредѣленной фа-

мили, изъ которой избирались должностныя лица, есть повидимому обычная переходная стадія отъ монархіи къ вполнѣ разившейся республикѣ, сперва аристократической, потомъ демократической. Коринскіе Бакхіады представляютъ обще-извѣстный примѣръ; но можетъ быть наиболѣе любопытный примѣръ представляютъ хаонійцы въ Эпирѣ (смотри ниже примѣчаніе 36). Мы могли бы также указать на склонность, даже когда уже не существуетъ различій по закону, сохранять важныя должности за извѣстными выдающимися фамиліями, какъ это впрочемъ было въ швейцарскихъ демократіяхъ (смотри Growth of the English Constitution, p. 27). Различіе, конечно, тутъ въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ δυναστεία не имѣетъ признаннаго существованія. Чуди или Атинггаузенъ могли быть на практикѣ ἀρχὸν γένος; но это было просто въ силу того, что избиратели избирали обыкновенно изъ ихъ среды: они не имѣли никакого преимущества по закону.

30) (стр. 101). Въ Парской хроникѣ (Voeskh, II, 301) пожизненные архонты называются царями. Титулъ этотъ измѣняется лишь тогда, когда архонты сдѣлались погодными. Въ 48-мъ вступленіи читаемъ такъ: „во время царскаго правленія въ Афинахъ Эсхила, продолжавшагося двадцать одинъ годъ, съ того времени сталъ погодно управлять архонтъ“, тогда какъ въ 49-мъ находимъ обычную формулу „при афинскомъ архонтѣ Тлезіѣ“. Павзаній (VII, 2, 3) описываетъ, какъ сыновья Кодра спорили о наслѣдствѣ послѣ его смерти и употребляетъ при этомъ слово βασιλεύειν: „Нилей говорилъ, что онъ не вытерпитъ подъ управленіемъ (βασιλεύομενος) Медонта“. Какая же разница была между архонтомъ все еще называвшимся царемъ и настоящими царями, какіе были до того? Я думаю, что она заключалась въ томъ, что царь или архонтъ стали съ того времени строго отвѣтственными, подобно тому какъ мы это видѣли относительно спартанскихъ царей (смотри примѣчаніе 19). По греческимъ понятіямъ безотвѣтственность была повидимому существеннымъ свойствомъ царской власти. Такъ въ Персахъ Эсхила (213) Атосса говорить о своемъ сынѣ Ксерксѣ какъ о „неотвѣтственномъ предъ государствомъ“ и мы находимъ указаніе на безотвѣтственность какъ на признакъ царской власти у двухъ позднѣйшихъ писателей. Такъ Свидя напр. подъ словомъ βασιλεία такъ опредѣляетъ его: „царская власть

есть власть безответственная, свободны не только дѣльные люди; но и цари, ибо царская власть безответственна, какъ принадлежащая лишь мудрымъ“. Такъ и Діонъ Христомъ (I, 46): „царская власть есть безответственная, а законъ есть воля царя“. Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи мы находимъ предвосхищеніе знаменитой доктрины римскаго права, хотя греческому реторику не приходилось заниматься какими-либо теоріями относительно „lex regia“. Я полагаю, что, хотя царь или архонтъ все еще назначался пожизненно, онъ все-таки, подобно магистратамъ явившимся послѣ него, былъ подчиненъ обязанности давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ (δοκμασία и εὐθύνη). Совершенно другой вопросъ, допускалось ли его низложеніе, которое если и допускалось закономъ, во всякомъ случаѣ представляло нѣчто чрезвычайное и необыкновенное. Нѣкоторое смѣшеніе этого порядка вещей и положенія царя-архонта уже установившейся демократіи можно замѣтить въ словахъ Псевдо-Демосееновой рѣчи противъ Неэра (98): „Когда Тезей поселилъ ихъ вмѣстѣ и учредилъ демократію и городъ сдѣлался многолюденъ, то народъ прежде всего избралъ себѣ царя изъ достойныхъ посредствомъ хиротоніи“. Это послѣднее указаніе выясняетъ тотъ фактъ, что царское достоинство или архонство были ограничены родомъ Кодра. Дѣйствительно, на этой стадіи афинской конституціи, царь или архонтъ, наследственный или по большей мѣрѣ избираемый изъ одного опредѣленнаго рода, пользующійся своимъ саномъ пожизненно, но ответственный за свое управленіе, долженъ былъ быть вполне подобенъ спартанскому царю съ тѣмъ изъятіемъ, что не имѣлъ себѣ сотоварища.

31) (стр. 101). Смотри Historical Essays, Second Series, p. 126.

32) (стр. 101). Діонъ Кассій (LXIX, 16) „Адрианъ... получивши самую высокую власть отпраздновалъ великолѣпно Діонисіи въ мѣстной одеждѣ“. Это значить, что онъ былъ въ томъ году ἀρχὸν ἐπέθρονος.

33) (стр. 101). Смотри Niebuhr, Römische Geschichte, I, 544.

34) (стр. 102). Смотри Historical Essays, Second Series, p. 127.

35) (стр. 102). Предсѣдательство въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, право ставить вопросы на обсужденіе и рѣшать вопросы порядка, составляютъ ужь само по себѣ важное различіе между

римскими консулами и афинскими архонтами. Архонты послѣ установленія вполнѣ развитой демократіи никогда не предсѣдательствовали въ народномъ собраніи. Эту функцію исполняли пританы трибъ поочереды, какъ это ясно видно изъ извѣстнаго случая предсѣдательства Сократа при преніяхъ послѣ Аргенузь. Въ Спартѣ, пренія переданныя Фукидидомъ показываютъ, что эта власть принадлежала эфорамъ. Ясно, что если бы права притановъ и архонтовъ соединились въ однихъ рукахъ, положеніе магистрата, который бы обладалъ ими, было бы гораздо выше нежели положеніе притановъ или архонтовъ въ отдѣльности. Неудобно было бы предоставить эти права полководцу, на дѣлѣ высшей исполнительной власти республики, такъ какъ быть можетъ уже начали сознать, что функціи предсѣдателя и руководителя собранія (leader) должны быть разьединены. Смотри *History of Federal Government*, I, 296. Я укажу также, что нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ предметѣ находятся въ одномъ письмѣ Георга Льюиса, въ послѣднемъ какое я отъ него имѣю и которое можно найти на страницѣ 427 его напечатанныхъ писемъ. Мой отвѣтъ на это письмо нѣсколько измѣнилъ его взглядъ, что и выразилось въ послѣднемъ его сочиненіи *Presidency of Deliberative Assemblies*, на которое указывается также на стр. 430 его писемъ. Я бы желалъ, чтобы и его письмо, и мое, и эта статья всѣ три явились вмѣстѣ.

Римскіе магистраты, консулы въ своемъ собраніи и трибуны въ своемъ имѣли также еще болѣе важное право, а именно они одни могли сдѣлать предложенія собранію. Это, пожалуй больше чѣмъ что либо другое, выясняетъ значительно бѣльшую сравнительно съ афинскими власть римскихъ магистратовъ.

36) (стр. 104). Фукидидъ, II, 8: „Хаопы не имѣютъ царя. Ими управляли съ годичною властью Фотій и Никаноръ изъ начальническаго рода (ἀρχικοῦ γένους).“ Смотри выше, примѣчаніе 29.

37) (стр. 104). Объ эфирекомъ союзѣ смотри *Hist. Fed Gov.*, I, 150. Я говорю тамъ о присягѣ молоссіанскихъ царей, также какъ и въ *Growth of the English Constitution*, p. 229.

38) (стр. 104). О македонскихъ собраніяхъ я скажу болѣе въ слѣдующей лекціи.

39) (стр. 104). О четырехъ македонскихъ государствахъ смотри *Hist. Fed. Gov.*, 661.

40) (стр. 104). Селевкія, какъ главный восточный аванпостъ западной цивилизаціи, оставалась свободнымъ городомъ съ республиканскимъ устройствомъ весьма долгое время. Упадокъ и паденіе монархіи Селевкидовъ безъ сомнѣнія много содѣйствовало упроченію въ независимости. Во время Тиберія Тацитъ (Ann. VI, 42) говоритъ о Селевкіѣ, какъ о свободной республикѣ, съ сенатомъ изъ трехъ сотъ членовъ и съ народнымъ собраніемъ. Но обыкновенно эти два учрежденія не могли согласиться и парфянскіе цари иногда вмѣшивались, поддерживая олигархическіе интересы. „*Seleucenses, civitas potens, septa muris, neque in barbarum corrupta, sed conditoris Seleuci retinens. Trecenti, opibus aut sapientia delecti, ut Senatus; suo populo vis: et quoties concordēs agunt, spernitur Parthus; ubi dissensere, dum sibi quisque contra aemulos subsidium vocant, accitus in partem, adversum omnes valescit. Id nuper acciderat, Artabano regnante, qui plebem primoribus tradidit ex suo usu: nam populi imperium juxta libertatem; paucorum dominatio regiae libidini propior est.*“ Плиній также (Hist. Nat. VI, 30) говоритъ о ней какъ о „свободной теперь и имѣющей свои законы и македонскіе обычай“.

41) (стр. 105). Смотри Historical Essays, Second Series, pp. 180, 184.

42) (стр. 105). О важности трибунской власти „*potestas tribunitia*“ Тацитъ говоритъ въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ. (Ann. III, 56) „Это имя высшей власти присвоилъ себѣ Августъ, съ тѣмъ чтобы не принять имя царя или диктатора, или даже другимъ какимъ названіемъ не возвыситься надъ другими властями“. Онъ затѣмъ объясняетъ, что предоставленіе Друзу трибунской власти означало тоже, что назначеніе его наслѣдникомъ имперіи. О томъ какъ изъ соединенія отдѣльныхъ властей образовалась одна власть большая чѣмъ какая либо одна изъ нихъ, сравни слова вложенныя въ уста самаго Тиберія немного раньше (III, 53) „ибо я выполняю дѣло не эдила, претора, или консула: нѣчто большее и высшее требуется отъ государя“.

У Іоанна Лиды есть весьма любопытное разсужденіе о различіи между *τύραννος*, *βασίλευς* и *αὐτοκράτωρ* (De Magistratibus, I, 3), а также описаніе правъ, предоставленныхъ какъ старшему, такъ и младшему Цезарямъ (II, 1—3). Эти мѣста слишкомъ длинны, чтобы

привести ихъ здѣсь вполнѣ; но должно замѣтить, что этотъ писатель, писавшій въ шестомъ столѣтїи на греческомъ языкѣ и совершенно въ римскомъ духѣ, прямо отрицаетъ, чтобы власть императоровъ была царская (βασιλεία) или тиранская (τυραννίς). „Законъ есть воля царя и воля тирана законъ, ибо прозвание кесарей или самодержцевъ не обозначаетъ царской власти, ни тираннїи, а скорѣе самовластіе и самодержавіе въ управленїи возстающими по согласію общинъ къ лучшему и въ начальствованїи войскомъ, какъ оно должно сражаться съ врагами: ибо командовать у италійцевъ значитъ impere, отсюда и происходитъ названіе императоръ.“ Все это получаетъ значеніе протеста, если мы вспомнимъ, какъ обыкновенно въ теченїи вѣковъ имя βασιλεύς примѣнялось къ императорамъ. Лидъ весьма естественно представляетъ Марїа и Суллу тиранами; но онъ представляетъ также, съ чѣмъ мы едва ли можемъ согласиться, тираномъ и Ромула, и довольно пространно доказываетъ, что латинское rex соотвѣтствуетъ греческому τυραννος. Тутъ нельзя подмѣтить и слѣда того спора, который возгорѣлся три столѣтїа позже относительно ῥήξ и βασιλεύς.

43) (стр. 105). Смотри выше, примѣчаніе 18.

44) (стр. 105). Теодорихъ былъ несомнѣнно консуломъ, хотя его патриціатъ представляется въ исторїи весьма подозрительнымъ. И онъ, и Одоакръ были патриціями по императорскому пожалованію. О патриціатѣ Одоакра смотри отрывокъ Малха въ Боннскомъ изданїи, стр. 235. Сенатъ проситъ Зенона предоставить это званіе Одоакру. „Предоставить ему званіе патриція и позволить управлять Италійцами“; и императоръ дѣлаетъ согласно съ тѣмъ „посылая Одоакру царскую грамоту о томъ, чего тотъ хотѣлъ, назвалъ его въ этой грамотѣ патриціемъ“. О Теодорихѣ анонимный авторъ помѣщенный въ концѣ у Ammianus, 717 говоритъ: „Зенонъ, вознаграждая Теодорика, сдѣлалъ его патриціемъ и консуломъ, щедро одарилъ и послалъ въ Италію“. Онъ особенно называетъ его патриціемъ. Но Юрнандъ (57) особенно воодушевляется консульствомъ Теодориха: „сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ консуломъ, что составляетъ лучшее и первѣйшее въ мірѣ украшеніе“.

45) (стр. 105). Слѣдуетъ считать особеннымъ счастіемъ Бозція, 20
ФРИМАНЪ СРАВНИТ. ПОДЪИТ.,

что не только онъ самъ былъ консуломъ, но и видѣлъ консулами своихъ сыновей. Смотри *Consolatio*, II, 3, 4.

46) (стр. 105). Иорнандъ рассказываетъ намъ отчетливо, что „Императоръ Юстиніанъ побѣдилъ посредствомъ счастливѣйшаго консула Велисарія и Витига, приведеннаго въ Константинополь; пожалованъ званіемъ Патриція“. Такъ и Проконій (*Bell. Goth.* I, 5) прямо указываетъ, что онъ былъ еще консуломъ во время его завоеванія Сициліи и что срокъ его должности окончился какъ разъ въ тотъ день, когда онъ вступилъ въ Сиракузы.

„Велисарію тогда везло несказанно; ибо получивъ консульское званіе за побѣду надъ вандалами, онъ въ этомъ еще званіи послѣ покоренія всей Сициліи вступилъ въ Сиракузы въ послѣдній день своего консульства“. Онъ продолжаетъ затѣмъ: „не нарочно однако имъ сдѣлано это, но по какой-то случайности, человекъ возвратившій римлянамъ островъ, вступилъ въ тотъ день въ Сиракузы и тамъ сложилъ съ себя консульскую власть, а не по обычаю въ византійскомъ сенатѣ“.

47) (стр. 105). Что Константинъ занималъ должность полководца въ Аѳинахъ, указывается его племянникомъ Юліаномъ въ его первой рѣчи обращенной къ Констанцію (8) „будучи, царемъ и властителемъ всѣхъ, считалъ достойнымъ называть себя ихъ полководцемъ и получивъ такое изображеніе съ подписью, онъ радовался болѣе, чѣмъ если бы удостоился самыхъ высшихъ почестей“. Онъ говоритъ затѣмъ о подаркѣ зерномъ, какой Константинъ сдѣлалъ аѳинянамъ. „ἀμειβόμενος ἐπ' αὐτῶ την πόλιν“. Смотри *Finlay, Greece under the Romans*, 340.

48) (стр. 105). Плутархъ, Цезарь, 60. *εκεῖνος οὐκ ἔφη βασιλεὺς ἀλλὰ Καίσαρ καλεῖσθαι.*

49) (стр. 105). Едвали нужно собирать примѣры такого употребленія, начиная съ Новаго Завѣта, и дѣйствительно одинъ или два примѣра случайно представляютъ уже приведенныя мною цитаты. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ рѣчахъ Діона Хризостома обращенныхъ къ Траяну вездѣ предполагается, что власть императора есть власть царская, *βασιλεία*, хотя *βασιλεία* вездѣ старательно противопоставляется тираніи, *τυραννίς*. Въ одномъ мѣстѣ въ третьей рѣчи, (I, 46) послѣ описанія деспотическаго правителя, Діонъ говоритъ, „никогда бы я не назвалъ такого правителя са-

шодержцемъ или царемъ, а скорѣе тираномъ и человѣкомъ заслуживающимъ быть побитымъ камнями, какъ когда-то предсказалъ Аполлонъ сикіонскому тирану“. Въ другомъ мѣстѣ во второй рѣчи (I, 31) онъ случайно указываетъ на одинокое положеніе римскихъ правителей, на что обращено такое вниманіе Голдвиномъ Смитомъ (Smith) въ концѣ его сужденія о Конгревѣ.

Хорошій царь долженъ дѣлать то и другое для общественнаго блага: „состязаться въ доблести съ другими царями, если какіе есть“. Различіе между этимъ писателемъ и такимъ, столь болѣе новымъ какъ Іоаннъ Лидъ, есть различіе между греческимъ реторикомъ, говорящимъ о плачевномъ положеніи дѣлъ такъ, какъ и дѣйствительно ихъ видѣлъ вѣкругъ себя и римскимъ юристомъ, пишущимъ случайно по гречески, но все же смотрящимъ на историческую и юридическую сторону дѣла съ чисто римской точки зрѣнія.

50) (стр. 105) Іоанъ Лидъ (I, 4) говоритъ о ношеніи короны и царскаго облаченія какъ о нововведеніи Діоклетіана и прибавляетъ, что въ этомъ „онъ обратился къ царскому или вѣрнѣе къ тиранскому обычаю“. Сравни Aurelius Victor, *Caesares*, 39.

51) (стр. 105) Слово *regnum* примѣняется къ императорскому управленію даже Тацитомъ, хотя повидимому всегда съ нѣкоторымъ сарказмомъ. Такъ въ *Annales* (XII, 66) о Локустѣ говорится, что она „*diu inter instrumenta regni habita*“ и потомъ о Палладѣ (XIII, 14) говорится, что „*velut arbitrum regni agebat*“. Но гораздо раньше (*Annales*, I, 4) Тацитъ о домѣ Августа, какъ о „*domus regnatricis*“ повидимому безъ всякаго сарказма.

52) (стр. 105) Названіе *regia* не однажды примѣняется Тацитомъ въ жилищу императора. Такъ о Калистѣ, прежнемъ любимцѣ Кая, говорится (*Annales*, XI, 29) какъ о „*prioris quoque regiae peritus*“ и въ другомъ мѣстѣ (XIV, 13) о дворцѣ Нерона „*deterri-mus quisque, quorum non alia regia fecundior exstitit*“. Тутъ быть можетъ опять сарказмъ, но не слѣдуетъ забывать, что домъ императора былъ формально *regia*, царскій домъ, въ силу того что императоръ былъ верховнымъ жрецомъ. Если отъ Тацита мы обратимся въ ближайшему латинскому писателю, заслуживающему имя историка, мы найдемъ въ самой первой главѣ Амміана, какава сохранилась до насъ, слово *regia*; и довольно всякихъ другихъ производ-

ныхъ отъ слово *гех*, употребляемыя какъ обиходныя выраженія; но самое это слово *гех* нигдѣ не найдемъ.

53) (стр. 105) Въ начальной главѣ Амміана (XIV, I) имя царица, *regina*, дважды примѣнено къ императрицѣ Евсебіѣ. Такъ же и XVI, 10; онъ говоритъ также о царскомъ родѣ „*regia stirps*“ и о царскомъ креслѣ „*sella regalis*“.

54) (стр. 105), Вполнѣ достовѣрно извѣстно, что ни одинъ императоръ никогда ни однимъ латинскимъ писателемъ не былъ названъ *гех*. Что этотъ титулъ былъ данъ Ганнибадіану, племяннику Константина, также вполнѣ достовѣрно (смотри первую главу Амміана и *Dictionary of Biography*). Если бы это было ранѣе декрета Антонина Караваллы, можно бы было сказать, что онъ былъ царемъ не надъ Римомъ или римлянами, но подобно сыновьямъ триумвира Антонія надъ нѣкоторыми изъ провинцій римской имперіи. Но едва ли это объясненіе можетъ имѣть значеніе по отношенію къ тому времени, когда уже всѣ подданные имперіи были вмѣстѣ и римляне. Но все же этотъ титулъ стоитъ совершенно особнякомъ, и весьма удивительно видѣть, что слово *гех* никогда не примѣнялось къ императору, хотя всѣ его производныя свободно примѣнялись ко всему, что до него относилось.

55) (стр. 106) О римскихъ званіяхъ Алариха смотри Зосиму, V, 5, 31, VI, 7.

56) (стр. 106) О консульствѣ Клодвигъ узнаемъ отъ Григорія Турскаго, II, 38. „Итакъ Клодвигъ получилъ отъ императора Анастасія рескриптъ о консульскомъ званіи, облекся въ царскую блаженнаго Мартина пурпурную тунику и хламиду и возложилъ на чело діадему“. Онъ былъ привѣтствуемъ „какъ консулъ и августѣйшій“. Это смѣшеніе консула и августѣйшаго, въ понятіяхъ Клодвигъ или Григорія, можетъ напомнить о подобномъ же смѣшеніи понятій у Ріензи, называвшемъ себя „*candidatus Spiritus sancti miles, Nicolaus severus et clemens, Liberator Urbis, Zelator Italiae, amator Orbis, et Tribunus Augustus*“. *Cronica Sanese*; 1347 *Muratori*, XV, 118. *Chronicon Estense*, ib. 441.

57) (стр. 106). Смотри Брюсе, *Holy Roman Empire*, 404. Юсифъ Второй, послѣдній носившій этотъ титулъ, былъ избранъ въ 1764 году еще при жизни своего отца и сдѣлался императоромъ-избранникомъ послѣ его смерти въ слѣдующемъ году.

58) (стр. 106). Смотри Growth of the English Constitution, 17, 169.

59) (стр. 106). См. Peterborough Chronicle, 449: „Отъ Водана произошелъ весь нашъ царскій родъ, а также (родъ) южно-умбрийцевъ“. Противуположный процессъ указываетъя повидимому королежъ Альфредомъ, когда онъ передаетъ рассказъ объ Одиссеѣ и Цирцеѣ. „Была тамъ дочь Аполлона, сына Юпитера; тотъ Юпитеръ былъ ихъ царемъ и прикинулся высшимъ богомъ, а невѣжественный народъ повѣрилъ ему, потому, что онъ былъ царскаго рода и они не знали въ то время иного бога, только своихъ царей почитали за боговъ. И отецъ Юпитера былъ такимъ же богомъ, имя ему было Сатурнъ, и весь родъ его они считали богами“.

60) (стр. 107). См. Norman Conquest, I, 593.

61) (стр. 107). Смотри Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I, 68, 166.

62) (стр. 107). Смотри выше, примѣчаніе 76 къ III лекціи.

63) (стр. 107). Смотри Growth of the English Constitution, 34, 171.

64) (стр. 109). За исключеніемъ тѣхъ, которые воображаютъ, что имя King имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ татарскому ханъ или къ „capping“ или „cunning“—могущій, хитрый, всё согласны, что англійское suning и санскритское ganaka оба происходятъ отъ одного корня, отъ того широко распространеннаго корня, отъ котораго происходятъ наши sun или kin и греческое γένος. Вопросъ заключается единственно въ томъ, существуетъ ли между suning и ganaka болѣе близкое средство, нежели какое предполагается ихъ происхожденіемъ отъ одного первоначальнаго корня. Другими словами, можемъ ли мы предположить, что suning и ganaka суть строго говоря одно и тоже слово, общее санскритскому и греческому языку, или надо признать, что suning образовалось самостоятельно послѣ того, какъ германцы выдѣлились изъ первоначальнаго общенія арийцевъ? Первый взглядъ поддерживается Максомъ Мюллеромъ, въ послѣднемъ изданіи его Science of Language (II, 285) съ такимъ аппаратомъ германской учености, которому трудно противиться. Съ другой стороны англичанину трудно, обративъ лишь вниманіе на собственный языкъ, не принять, что

сунинг прямо происходитъ отъ сун. См. Norman Conquest, I, 583. Growth of the English Constitution, 171. Различіе этихъ двухъ производствъ не очень велико, такъ какъ сунъ есть основное понятіе въ обоихъ случаяхъ; но если мы примемъ непосредственное средство этого слова съ санскритскимъ *ganaka*, мы будемъ приведены къ понятію „отца своего народа“, понятіе, не имѣющее мѣста при производствѣ сунингъ отъ сун.

65) (стр. 109). Смотри родословныя Этельвульфа въ хроникахъ подъ 855 годомъ. Они производятъ его отъ Водана, а того отъ Ноя и Адама; но Водана не производятъ отъ Сима, Хама или Яфета, а отъ Сифа, сына Ноя, родившагося въ ковчегѣ.

66) (стр. 111). Ис. Нав. IX, 2.

67) (стр. 111). Бытія. XXXVI, 14. Еврейское *הָלֵא*, отъ *הָלֵא* gens, соотвѣтствуетъ однако скорѣе сунингъ нежели heretoga.

68) (стр. 112). Смотри примѣры, которые я собралъ въ примѣчаніи, въ приложеніи къ первому тому Norman Conquest и на стр. 172. Growth of the English Constitution. Другое мѣсто относительно готовъ находится у Зосимы, IV, 34. Фритигернъ есть *ῥητιών*, тогда какъ онъ говоритъ о Атанарихѣ какъ объ „главѣ всего царскаго рода скивовъ“.

69) (стр. 112). Это различіе постоянно приводится въ его трактатѣ De Monarchia. Смотри Historical Essays, First Series.

70) (стр. 113). Смотри Norman Conquest, I, 26. Сравни относительно Мерсиа также разсказъ о битвѣ при Винфильдѣ, гдѣ наль-Тинда „и тридцать сородичей вмѣстѣ съ нимъ“. Это послѣднее замѣчаніе находится только въ Peterborough Chronicle. Мы можемъ сравнить описаніе Амміаномъ Аллемановъ въ сраженіи при Страсбургѣ. Хнодомарій, Бретвальдъ, такъ сказать, является первымъ; потомъ другіе начальники по имени „Nos sequabantur potestate proximi Reges numero quinque. Regalesque (вѣроятно этлинги) decem.“ Батавцы также являются въ томъ разсказѣ съ нѣсколькими королями.

71) (стр. 113). См. Growth of the English Constitution, 172.

72) (стр. 113). Смотри знаменитое мѣсто въ Иліадѣ, II, 188.

73) (стр. 114). Я буду говорить объ этомъ полнѣе въ моей послѣдней лекціи.

74) (стр. 114). Согласно знаменитой доктринѣ римскаго права

(Институции, I, 2. 6) „что государю угодно, имѣть силу закона; такъ какъ царскимъ закономъ (*lege regia*), постановленнымъ относительно его власти, народъ перенесъ на государя всю свою власть могущество“. Съ этой теоріей юристовъ о происхожденіи имперіи стоитъ сравнить краснорѣчивый разсказъ Тацита объ ея дѣйствительномъ происхожденіи (Ann. I, 2). „Остальной вождь Цезарь, оставивъ названіе триумвира, сдѣлался консуломъ и облекся трибунской властью въ отношеніи къ плебсу; затѣмъ войско подарками, народъ хлѣбомъ, всѣхъ сладостью покоя прельстилъ, мало по малу возвышался, и безъ всякаго сопротивленія перенесъ на себя авторитетъ сената, магистратовъ, законовъ“.

75) (стр. 114). Смотри *Norman Conquest*, I, 584. Стоитъ при этомъ сравнить опредѣленіе Свиды подъ словомъ βασιλευς. „Великій царь, царь персовъ; присоединили и прочихъ даже имена подданныхъ, какъ напр. лакедемонянъ, монедонянъ“. Онъ переходитъ затѣмъ къ различію βασιλευς и τυραννος и указываетъ, что Пиндаръ и другіе примѣняли имя βασιλευς къ тиранамъ.

76) (стр. 115). Я полагаю, что Россія теперь единственная европейская страна, къ которой можетъ относиться это описаніе, единственная; гдѣ государь самъ по себѣ можетъ издавать законы, даже по формѣ не совѣщаясь съ народнымъ собраніемъ какого-нибудь рода.

77) (стр. 115). Смотри *Norman Conquest*, I, 23, 78. *Growth of the English Constitution*, 37.

78) (стр. 116). Смотри *Growth of the English Constitution*, 153.

79) (стр. 116) См. *Norman Conquest*, IV, 430.

80) (стр. 116). См. *Norman Conquest*, I, 24.

81) (стр. 117). Возвращеніе южной Испаніи имперіей въ войнѣ Велисарія не слѣдуетъ забывать, если мы хотимъ имѣть точное понятіе какъ о картѣ Европы, такъ и о положеніи Имперіи въ шестомъ и седьмомъ столѣтіяхъ. См. выше, примѣчаніе 32 къ лекціи II.

82) (стр. 118). См. *Norman Conquest*, I, 78.

83) (стр. 118). „*Mundi Dominus*“, владыка міра, было всегда титуломъ средневѣковыхъ императоровъ. Возьмите напримѣръ поэму о Фридрихѣ Барбароссѣ, изданную Гриммомъ (9), которая начинается такъ „*Salve mundi domine; caesar noster, ave*“.

84) (стр. 118). Королевства Генриха Саксонскаго и Рудольфа Габсбургскаго, величайшаго изъ германскихъ королей, никогда не-получившаго императорской короны; строго говоря не было имперіи и Карла и Оттона. Едва ли однако можно удивляться употребленію титула императоръ для главы союза князей.

85) (стр. 118). О различныхъ названіяхъ королевствъ, образовавшихся изъ распадёнія франкской монархіи, смотри приложение Т къ первому тому History of the Norman Conquest „Names of Kingdoms and Nations“.

86) (стр. 118) Я полагаю, что съ прекращеніемъ династіи Гогенштауфеновъ Имперія слѣдовала тому смѣшенію избирательнаго и наслѣдственнаго порядка преемства престола, которое было общимъ закономъ во всѣхъ германскихъ королевствахъ. Затѣмъ слѣдовала эпоха, въ теченіи которой происхожденіе едва ли вовсе не принималось въ соображеніе, хотя тутъ было нѣкоторое слабое подобіе династіи въ Люзельбургскихъ короляхъ Богеміи. Послѣ того слѣдуетъ долгій періодъ, начинающійся съ середины пятнадцатаго столѣтія, въ теченіи котораго, хотя часто предлагались и другіе кандидаты, но курфюрсты всегда избирали австрійскаго принца, обыкновенно наслѣдника австрійскаго герцогства или, какъ это было съ Карломъ VII, неудачнаго искателя престола въ этомъ герцогствѣ: или же, какъ это было съ Францискомъ I, супруга австрійской эрцгерцогини.

87) (стр. 119). См. Norman Conquest, IV, 16; 97.

88) (стр. 120). Нельзя сказать, чтобы я слишкомъ сильно выразился объ этомъ, если вспомнить, что въ одномъ сочиненіи объ Италіи лорда верховнаго судьи (lord Chief Justice) Вайтсида (Whiteside) о Швейцаріи говорится, какъ о „союзѣ мелкихъ королевствъ“. Дѣло не мѣняется отъ того, думалъ ли авторъ дѣйствительно, что въ Швейцаріи имѣется двадцать два или двадцать пять королевствъ, или онъ просто полагалъ, что различіе между монархіей и республикой такъ неважно, что одно слово безразлично можно употреблять вмѣсто другого. Въ обоихъ случаяхъ это лучшее доказательство обычнаго невѣжества и игнорированія носителемъ этого вопроса. Въ обычномъ представленіи газетъ о швейцарскихъ дѣлахъ кантональное правительство Женевы—такъ какъ изъ Женевы приходятъ телеграммы — повидимому смѣши-

вается съ правительствомъ Союза. Развѣ эти писатели смѣшали бы президента штата Нью-Йорка съ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ?

Рядомъ съ швейцарскими республиками мы не должны забывать республику Андорру, смотрящую теперь спокойно какъ старшая сестра на волненіе болѣе молодыхъ и менѣе счастливыхъ республикъ по другую ея сторону.

89) (стр. 121). Относительно всѣхъ этихъ вопросовъ я сошлюсь на этюдъ о президентскомъ управленіи, послѣдній въ первой серіи моихъ Historical Essays.

90) (стр. 122). Законное происхожденіе королевы Елизаветы отъ Эдуарда III посредствомъ Йоркскаго дома, выводится чрезъ девять поколѣній предковъ, изъ которыхъ лишь двое, ея отецъ и его дѣдъ Эдуардъ IV были королями. И изъ нихъ, лишь одинъ Генрихъ достигъ престола въ силу мирнаго преемства. Ея происхожденіе по другой линіи, а именно отъ Генриха VII чрезъ законныхъ дѣтей Іоанна Гадитъ, еще менѣе царственно.

ЛЕКЦІЯ V.

1) (стр. 124). Обь отношеніи ахейскихъ городовъ къ союзу смотри History of Federal Government, I, 256.

2) (стр. 125). Обь устройствѣ ахейскаго союзнаго собранія смотри, History of Federal Government, I, 263.

3) (стр. 125). То же явленіе мы можемъ видѣть въ Англии, когда мелкіе независимые короли и эльдормень Мерсіи превратились въ эльдорменовъ назначаемихъ общимъ королемъ Мерсіи, а также когда вестъ-саксонскіе вице-короли царскаго дома замѣщены были эльдорманами. И то же самое совершилось, когда нѣсколько отдѣльныхъ королевствъ слилось въ одно королевство. Послѣдовательныя стадіи этой перемѣны рѣзко выражены въ исторіи Мерсіи. Отъ независимыхъ и воинственныхъ королей какъ Пенда и Оффа, мы переходимъ въ эпоху Альфреда къ королю подобному Бургреду, являющимся подданнымъ короля вестъ-саксонцевъ и затѣмъ между такого рода королями и полнымъ присоединеніемъ является эпоха Этельреда и Этельфледа. Смотри приложение F къ первому тому Norman Conquest.

4) (стр. 126). Первое майское воскресенье было всегда днемъ собранія общины Landesgemeinde Ури, и обыкновенное время собраній всѣхъ другихъ общинъ относится къ тому же времени года. Отличительныя особенности всѣхъ этихъ Landesgemeinden, изъ которыхъ я видѣлъ только собраніе Ури и Аппенцель-Аусерроденъ, описаны подробно Ромбертомъ (Rombert) въ его статьѣ въ Bibliothque Unirerselle за 1872 годъ.

5) (стр. 127). Полный рабъ, servus, δοῦλος или ρησων, по са-

тому существу не имѣлъ политическихъ правъ, потому что онъ не имѣлъ и общихъ человѣческихъ правъ. Но рядомъ съ настоящими рабами и свободнымъ метэкомъ, являющимся гражданиномъ другого государства, существовалъ еще обширный классъ несвободныхъ, пополнявшихъ по различнымъ ступенямъ пространство между полнымъ рабомъ и вполне свободнымъ. Въ Спартѣ мы можемъ отнести сюда періаковъ, гражданъ подвластнаго города и илотовъ, рабовъ государства, а не частныхъ лицъ, какъ представляющихъ болѣе высокую и болѣе низкую степень этого среднего состоянія. Фессалійскіе пенесты, *penestai*, пожалуй римскіе кліенты могутъ служить другими примѣрами. Такъ и въ германской системѣ мы находимъ *liberti* Тацита (*Germ.* 25) т. е. *laetas*, *liten* или *lazzen* (см. стр. 162) о которыхъ смотри у Вайца (I, 179) и главу Кембля о несвободныхъ. Этотъ классъ возродился въ Англіи въ позднѣйшее время въ формѣ *villeins regardant* нашихъ юристовъ, классъ образовавшійся съ одной стороны поднятіемъ полныхъ рабовъ *theow*, *servus* въ *Domesday book*, и съ другой стороны приниженіемъ свободныхъ *ceorl*, *villanus* въ *Domesday*.

Можно было бы подумать, что существенной чертой этого класса было лишеніе политическихъ правъ, однако мы имѣемъ указаніе на странное постановленіе относительно саязнаго собранія древнихъ саксовъ, которое я привелъ выше.

Кембль (I, 185) опредѣляетъ рабство какъ „зависимость, нахожденіе во власти (*mund*) другого, который и представляетъ зависящаго въ народномъ собраніи, *folgemòt*“. Это конечно скорѣе примѣнимо къ этимъ классамъ, нежели къ полному *theow*, рабу.

6) (стр. 126). Это значить, что аристократическая республика первоначально была демократической. Римскіе патриции, *populus* или старые граждане, первоначально составляли между собой конечно демократію и ихъ демократическій характеръ не былъ нарушенъ существованіемъ какого бы то ни было класса несвободныхъ, будутъ ли это кліенты или полные рабы. Они сдѣлались аристократіей, когда вокругъ нихъ сложился, въ формѣ плебса, классъ лицъ, лично также свободныхъ какъ и они сами, но обладающихъ лишь низшей политической свободой.

7) (стр. 128). *Waitz*, I, 36. „Какъ войско есть тотъ же народъ только находящійся на войнѣ, такъ и всѣ вообще военныя отно-

шенія ни въ чемъ не отдѣляются отъ остальныхъ бытовыхъ условий; военная и судебная власть всегда находятся въ однихъ рукахъ; какъ народъ есть войско, собраніе народа—судъ, такъ судья есть вмѣстѣ и полководецъ. Подраздѣленіе войска предполагаетъ поэтому всегда такое же подраздѣленіе народа, а подраздѣленіе должно совпадать съ подраздѣленіемъ страны“.

8) (стр. 129). Едва ли нужно говорить о томъ, что собраніе ахейцевъ во второй пѣснѣ Иліады есть, по существу дѣла, воинское собраніе. Но достойно замѣчанія что оно называется ἀγορή въ стихѣ 51, 93, 96, λαός въ 97—100, στρατός и ἀγορή вмѣстѣ въ 207 и πληθόςъ въ 278.

9) (стр. 129). О македонскомъ войсковомъ собраніи говорится у Арріана, III, 27, 2; 27, 3, какъ о πληθόςъ и Μακεδόνες; въ 27, 4 оно называется ἐκκλησία.

10) (стр. 129). Смотри Norman Conquest, II, 103.

11) (стр. 129). Я подразумѣваю аѳинскій порядокъ, по которому полководецъ избирался ἐκ καταλόγου, по списку гражданъ возраста военной службы, тотъ, кого они считали способнымъ для даннаго похода.

12) (стр. 129). Это особенно ярко представляется въ исторіи аѳинской осады Сиракузъ. Войско въ Сициліи, хотя и составляющее весьма значительную часть аѳинскаго народа, ждетъ и исполняетъ распоряженія оставшихся на родинѣ гражданъ такъ послушно, какъ только могутъ это дѣлать подданные деспота.

13) (стр. 129). Смотри о дѣйствіяхъ аѳинскаго сената и народа на Саламинѣ у Геродота, IX, 4 et seq. Достойно замѣчанія, что насиліе оказанное сенатору Ликиду, предложившему подчиниться Персамъ, и еще болѣе насиліе аѳинскихъ женщинъ надъ его женой и дѣтьми не находятъ себѣ никакой параллели въ событіяхъ внутри города.

14) (стр. 129). Фукидидъ VIII; 76, гдѣ войско у Самоса дѣйствуетъ само по себѣ и отстаиваетъ демократію противъ олигархической революціи въ городѣ. Эразибулъ и Эразиль говорятъ у него, „что не слѣдуетъ быть малодушными по причинѣ отпаденія отъ нихъ города“. Они были правильно избраны въ полководцы войскомъ, правильнѣе нежели Камилль (Ливій, V, 46) былъ избранъ диктаторомъ римскимъ собраніемъ въ Вейяхъ, хотя обстоятельства

римскаго бѣгства къ Вейямъ болѣе подходятъ къ аѳинскому бѣгству къ Саламину.

15) (стр. 130). Объ этолійскомъ союзномъ собраніи происходившемъ подъ стѣнами побѣжденнаго города Медіона въ 231 до Р. Хр. Смотри History of Federal Government, I, 413.

16) (стр. 131). Въ германской мифологіи богъ моръ умереть, какъ это видно изъ извѣстнаго примѣра Балдера. Въ греческой мифологіи нѣтъ ни одного примѣра смерти бога, хотя возможность такого случая предполагается въ одномъ мѣстѣ Илиады (V, 388) гдѣ объ Арѣ (Морей) говорится какъ о подвергнувшемся опасности быть убитымъ сыновьями гиганта Алоса: καί νο καν ἔνθ' ἀπολοῖτο "Αρης, ατος πολέμοιο, εἰ μὴ μητροῦτῆ. περιχαλλῆς Ἡερίβουα, Ἑρμῆα ἐξηγγεῖλαν, οὐδ' ἐξεκλεψεν "Αρηα, ἠὲτῆ τετρομενον; χαλεπὸς δε εἰ θεσμος εδαμνα.

Въ той же рѣчи о Герѣ и Андѣ говорится какъ о раненныхъ Гераклѣмъ и въ той же пѣснѣ говорится объ Афродитѣ и объ Арѣ какъ о раненныхъ Діомедомъ (336, 885).

17) (стр. 132). Илиада, XX, 10 ελθόντες δ' ες δῶμα Διὸς νεφεληγερέταο ξεστης αἰθούσῃσιν ἀφίζανον, ἄς Δίι πατρὶ "Ηφαιστος ποιήσεν ἰδοῖτρεσ προπίδεςσιν.

Какъ въ божескомъ, такъ и въ человѣческомъ собраніи требовалось, чтобы члены сидѣли; когда всѣ вставали, тогда, какъ и въ настоящее время, былъ конецъ всякому порядку. Илиада, XVIII, 246 ορθῶν ἔστατον ἀγορῆ γενετ, οὐδε τις ετλη εἶζεσθαι, παντας γαρ εχετρομος.

18) (стр. 132). Смотри Growth of English Constitution. 168.

19) (стр. 132). Илиада, XX, 13.

20) (стр. 132). Смотри Historical Essays, Second Series, 83.

21) (стр. 132). Въ этомъ сравненіи я могу опереться на такой авторитетъ, какъ король Альфредъ, который смотрѣлъ на Одиссея какъ на короля подчиненнаго императору Агамемнону. „Случилось древле въ троянской войнѣ, что былъ тамъ король по имени Улиссъ, царствовавшій надъ двумя народами подъ властью императора. Народы назывались Jdhacige и Retie, а императору было имя Агамемнонъ“.

22) (стр. 133). Илиада, XVI, 434.

23) (стр. 133). Одиссея, II, 26.

24) (стр. 134). Tacitus, Germania, II. „Если мнѣніе не нравилось, крикомъ отвергали; если же нравилось, оружіемъ брацали. Почетнѣйшее выраженіе согласія, оружіемъ одобрять“.

25) (стр. 134). Фукидидъ, I, 87 κρίνοσαι γὰρ βοῆη καὶ οὐ ψήφῳ.

26) (стр. 135). Я сошлюсь только на два примѣра, на собраніе бывшее, и на одно не бывшее и тѣмъ еще болѣе доказательное, нежели какое либо изъ бывшихъ. Кассандръ, имѣя Олимпію въ своей власти, но обѣщавъ пощадить ея жизнь, сначала созываетъ собраніе, въ которомъ она была осуждена на смерть заочно; но потомъ, когда она все же требуетъ публичнаго суда, онъ пугается того впечатлѣнія, какое, онъ зналъ, должно произвести ея присутствіе на собраніи, и умерщвляетъ ее тайно. Diod. XIX, 51., ὁ δὲ Κάσσανδρος... πρυετρέψατο τοὺς οἰκείους τῶν ἀνήρημένων ὑπ' Ὀλυμπιάδος ἐν κοινῇ τῶν Μακεδόνων ἐκκλησίᾳ κατηγορεῖν τῆς προειρημένης γυναικός. ὧν ποιησάντων τὸ προσταχθέν, καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος οὔτε παρούσης οὔτε ἐχούσης τοὺς ἀπολογησομένους, οἱ μὲν Μακεδόνες κατεγίνωσκον αὐτῆς θάνατον... εὐλαβεῖτο γὰρ ἅμα καὶ τὸ περὶ αὐτὴν ἀξίωμα καὶ τὸ τῶν Μακεδόνων εὐμετάβολον. τῆς δ' Ὀλυμπιάδος οὐ φαιμένης φευεσθαι, τοῦναντιον δ' ἔτοιμης οὔσης ἐν πᾶσι Μακεδόσι κριθῆναι, ὁ Κάσσανδρος φοβηθεὶς μήποτα τὸ πλῆθος ἀκοῦον τῆς βασιλείσης ἀπολογουμένης καὶ τῶν Ἀλεξάνδρου καὶ Φιλίππου πρὸς ἅπαν τὸ ἔθνος εὐέργεσιῶν ἀναμιμνησκόμενον μετανοήσῃ, κ. τ. λ.

27) (стр. 135). Такъ у Арріана, III, 26. Филотъ обвиняется Александромъ предъ собраніемъ македонянъ и осуждается ими, тогда какъ въ слѣдующей главѣ Аминтъ и многіе другіе обвиняются и оправдываются.

28) (стр. 136). Смори Historical Essays, Second Series, 189.

29) (стр. 138). Если мы будемъ считать отъ законодательства Клизеена, въ 508 г. до Р. Хр., до подавленія свободы Антипатромъ въ 322 до Р. Хр., то будетъ меньше двухъ сотъ лѣтъ; если считать даже съ Солона, съ 594 года, мы все же будемъ имѣть значительно менѣе трехсотъ лѣтъ.

30) (стр. 139). Смори опредѣленіе демократіи даваемое Аенаторомъ у Фукидида, Growth of the English Constitution, 105. Большая часть того, что говорю въ текстѣ для характеристики демократіи изложено болѣе полно въ этюдѣ объ афинской демократіи въ моихъ Historical Essays, Second Series.

31) (стр. 139). Однимъ изъ достоинствъ демократіи, по словамъ Перикла въ его погребальной рѣчи (Фукидидъ, II, 37), является та свобода, которую она даетъ развитію индивидуальнаго характера и индивидуальныхъ способностей, въ противоположность той неизмѣнной рутинѣ, которой каждый долженъ былъ подчиняться въ Спартѣ. „Правленіе называется народнымъ, потому что управленіе касается не нѣкоторыхъ, но большей части; въ частныхъ же спорахъ все пользуются равноправностью, что касается до уваженія, какимъ кто пользуется у другаго... Далѣе мы свободно управляемъ государствомъ и что касается до взаимнаго наблюденія въ ежедневныхъ дѣйствіяхъ, не гнѣваемся другъ на друга, если кто дѣлаетъ что-нибудь ради своего удовольствія и не обнаруживаемъ противъ него гримасъ, хотя безвредныхъ, однако непріятныхъ на видъ“. Затѣмъ онъ говоритъ о повиновеніи законамъ и должностнымъ лицамъ, какъ объ одномъ изъ послѣдствій народнаго правленія. Новые писатели весьма часто обвиняютъ демократію, какъ разъ въ противоположномъ всему этому и особенно въ томъ, что она подводитъ всѣхъ подъ одинъ образецъ. Но обыкновенно бываетъ трудно уразумѣть, что разумѣютъ современные писатели подъ демократіей, и вообще надо думать, Периклъ зналъ это лучше.

32) (стр. 140). Я имѣлъ въ виду иренія въ Спартанскомъ собраніи приведенныя у Фукидида (I, 67 — 88). Совѣщающимся учрежденіемъ является здѣсь общее собраніе спартанскихъ гражданъ (*ἐὐλλογος σφῶν αὐτῶν ὁ εἰσθῶς*) въ отличіе отъ меньшихъ учреждений спартанскаго государства и отъ общаго собранія лакедемонскихъ союзниковъ являющимся въ главѣ 119. Выслушиваютъ Коринтянъ и другихъ; потомъ выслушиваютъ отвѣтъ аѳинскихъ посланниковъ. Затѣмъ спартанцы совѣщаются между собой; но въ рассказѣ повидимому предполагается, что говорятъ только два важнѣйшихъ официальныхъ лица, царь Архидамъ и эфоръ Стенеландъ, и послѣдній повидимому открылъ собраніе нѣсколько неожиданно своею властью. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ подачи голосовъ (смотри выше примѣчаніе 25) эфоръ объявилъ — историкъ намекаетъ, что онъ сдѣлалъ это съ умысломъ („требуя отъ нихъ открытой подачи голосовъ чтобы болѣе побудить ихъ къ войнѣ“) — что онъ не можетъ разобрать, на чьей сторонѣ боль-

шинство и поэтому потребовалъ раздѣленія собранія на двѣ половины по различію мнѣній. Слова Фукидида, которыя я привелъ, стоитъ замѣтить. Когда тайная подача голосовъ еще не была введена, поверхностные люди нерѣдко спрашивали, отчего, если избиратели подаютъ голоса тайно, лишь парламентъ долженъ подавать ихъ открыто. Они забывали, что никому нѣтъ надобности знать за кого подалъ голосъ другой избиратель, но избирателямъ надо знать, за что подаетъ свой голосъ ихъ представитель. Но къ непосредственному собранію такое возраженіе противъ тайнаго голосованія не примѣняется. И разсказъ Фукидида какъ бы указываетъ на то, что Стенелаидъ поступилъ не честно, заставивъ голосовать открыто, заботясь о проведеніи своего мнѣнія. Припомнимъ, что тайная подача голосовъ есть теорія оксфордской конвокаціи, которая также есть непосредственное собраніе. Во всѣхъ имѣющихся у насъ описаніяхъ афинскихъ собраній мы видимъ гораздо больше ораторовъ нежели въ спартанскихъ, и мы ни разу не видимъ чтобы какое-нибудь должностное лицо дѣйствовало съ такою властью какъ Стенелаидъ.

33) (стр. 140). О власти ахейскаго полководца смотри *History of Federal Government*, I, 287.

34) (стр. 141). Я привелъ эту аналогію и одну двѣ другихъ на страницѣ 308 того же сочиненія. Въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ, именно относительно отсутствующихъ членовъ каедральныхъ капитуловъ, замѣчается ясное стремленіе къ лучшему порядку.

35) (стр. 141). Смотри *History of Federal Government*, I, 263.

36) (стр. 142). Смотри *Norman Conquest*, I, 100—102.

37) (стр. 142). Смотри *History of Federal Government*, I, 698. *Norman Conquest*, I, 592; II; 330.

38) (стр. 143). Смотри *Norman Conquest*, III, 623.

39) (стр. 143). Измѣненія въ народныхъ собраніяхъ франковъ при Меровингахъ и Карловингахъ изложены въ двухъ главахъ у Вайца; одна изъ нихъ во второмъ томѣ озаглавлена *Die Gerichts-Heer- und Reichs-Versammlungen*; другая, въ третьемъ, — *Der Hof und die Reichs-Versammlungen*. Общій результатъ представляется тотъ, что народныя собранія низко упали при Меровингахъ, но новая жизнь сказалась въ нихъ въ эпоху германскаго возрожденія при

австразийскихъ мѣрахъ и короляхъ. Но даже при Меровингахъ, старыя мѣстныя собранія повидимому сохранились во всей своей силѣ у зависимыхъ народовъ (II, 419, 444; 455). Что при Карловингахъ собраніе сохранило, по крайней мѣрѣ въ теоріи, свой старый народный характеръ, это явствуетъ изъ цѣлага ряда свидѣтельствъ собранныхъ Вайцомъ, III, 468 и дал.; его общее заключеніе таково (III, 486): „нельзя сомнѣваться, что общимъ правомъ свободныхъ людей оставалось право присутствовать на большихъ годичныхъ собраніяхъ: именно по этому оно и называется общимъ и часто говорится о мѣрѣ или массѣ народа“.

40) (стр. 143). У баваровъ и аллемановъ мы находимъ мѣры направленные къ тому, чтобы усилить внимательность собранія. Но это не было безъизвѣстно даже въ Аѣинахъ, какъ мы это видимъ изъ нагляднаго описанія у Аристофана въ начальной сценѣ Ахарнейцевъ. „Какъ теперь, когда во время обычнаго народнаго собранія площадь эта бываетъ пуста, они же болтаютъ на площади и бѣгаютъ то вверхъ, то внизъ по канату, раскрашенному красною краскою“.

Назначеніе особыхъ Schöffen, Scabini, Echevins, явилось повидимому въ силу необходимости обезпечить, чтобы было кому исполнять обязанности собранія. Смотри Waitz, III, 487; IV, 325, и особенно главу озаглавленную Die Schöffen въ Savigny's Geschichte des Römischen Rechts. Савиньи прямо говоритъ (I, 197): „различіе было лишь въ томъ, что Scabini обязаны были какъ должностныя лица присутствовать на судѣ въ качествѣ шеффеновъ, тогда какъ другіе свободные могли по произволу являться или нѣтъ, за исключеніемъ трехъ большихъ собраній въ году, на которыя должны были являться все“.

На первой страницѣ Domesday-book мы видимъ, что въ Кентѣ тѣ, которые были позваны на Scirgemot и не явились, подлежали наказанію, если собраніе происходило въ старинномъ мѣстѣ на Пеннендовомъ полѣ (Pennenden Heath). Они не были обязаны идти дальше. „Si fuerint praemoniti ut convenient ad sciram, ibunt usque ad Pinnendennam, non longius. Et si non venerint, de hac forisfactura et de aliis omnibus rex c. solidos habebit“.

41) (стр. 145). Смотри History of Federal Government, I, 211, 271. Такъ Фукидидъ (I, 125) замѣчаетъ, что въ собраніи лакедемон-

ской федераціи—которая, хотя и не была настоящей федераціей, но представляеть нѣкоторое приближеніе къ ней, будучи собраніемъ независимыхъ государствъ—каждый городъ большой и малый имѣлъ одинаковый голосъ. „Предложили подачу голосовъ по очереди всѣмъ присутствовавшимъ союзникамъ и большому и меньшему городу, и собраніе рѣшило воевать“.

42) (стр. 145). Этотъ фактъ сохраненъ до насъ Страбономъ и приведенъ въ *History of Federal Government*, I, 209.

43) (стр. 146). Смотри *Hist. Fed. Gov.* I, 272 и сравни освобожденіе меньшихъ ахейскихъ городовъ Филопоменомъ, I, 626.

44) (стр. 146). Сравни *Hist. Fed. Gov.* I. 270.

45) (стр. 147). Такъ Ливій (I, 43) замѣчаетъ о центуриатныхъ комиціяхъ Сервія: „не всѣмъ поголовно съ одинаковымъ значеніемъ и правомъ, какъ это со времени Ромула сохраняли другіе цари, было предоставлено право голоса; но были установлены степени, такъ чтобы никто не оказался лишеннымъ права голоса, а вся сила осталась за лучшими изъ гражданъ“.

Это мѣсто доказываетъ, что голоса подававшіеся въ собраніи не были индивидуальными голосами, а голосами трибъ или центурій, развѣ слово *viritim*, поголовно, могло бы ввести въ сомнѣніе. Въ собраніи мѣстныхъ трибъ въ предѣлахъ трибы всѣ подавали голоса одинаково. Также и въ собраніи центурій въ предѣлахъ центурии голосъ одного человѣка значилъ столько же какъ и голосъ другого. Но въ трибутныхъ комиціяхъ не имѣло мѣста никакое различіе происхожденія или званія; тогда какъ въ центуриатскихъ комиціяхъ было устроено такъ, чтобы голосъ немногихъ богатыхъ, составлявшихъ одну центурію, былъ равенъ голосу многихъ бѣдныхъ, составляющихъ другую центурію. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что въ трибутскихъ комиціяхъ, какъ и въ куриатскихъ, голоса подавались *viritim*, поголовно; голосъ одного имѣлъ такое же значеніе, какъ и всякаго другого, чего не было въ томъ же смыслѣ въ центуриатскихъ комиціяхъ. Голосъ одного значилъ дѣйствительно столько же, сколько и голосъ всякаго другого, съ тою только разницею, что одна триба или курія включала въ себѣ больше гражданъ, чѣмъ другая; и это различіе ихъ численности не имѣло никакого отношенія къ богатству или происхожденію гражданъ.

46) (стр. 147) Съ другой стороны о старомъ сенатѣ всегда

говорится какъ объ одномъ изъ собственно демократическихъ учреждений Афинъ, и когда четыреста захватили власть, то однимъ изъ ихъ первыхъ дѣйствій было низвергнуть силою сенатъ. Смотри Фукидидъ, VIII, 69.

47) (стр. 147) Объ уменьшеніи правъ ареопага смотри Grote, V, 480 et seqq. Дѣло въ томъ, что въ коллегіи, избираемой пожизненно, едвали можетъ не зародиться такой духъ, который можно назвать аристократическимъ, если и не непременно олигархическимъ. Каждый новый членъ, вступая въ коллегію, постепенно проникается ея общимъ духомъ.

48) (стр. 148) Цензоры назначали сенаторовъ, но было въ обычаѣ каждый цензъ въ списокъ сенаторовъ включать тѣхъ, кого народъ избиралъ въ магистраты со времени послѣдняго ценза. Народъ такимъ образомъ косвенно избиралъ сенатъ.

49) (стр. 148) Смотри мѣста собранные въ примѣчаніи на I, 264 моей History of Federal Government.

50) (стр. 149) Фукидидъ, III, 36—49.

51) (стр. 149) Фукидидъ, VI, 8—28.

52) (стр. 149) Ксенофонтъ, Hell. I. 7.

53) (стр. 149) Sallustius, Bell. Cat. 50—53.

54) (стр. 150) При Августъ и Тиберіѣ комиціи стали мало-помалу пустымъ именемъ. Кай объявилъ, что возвратитъ собранію его прежнія права, но спустя нѣкоторое время онъ снова ихъ отнялъ. Стоитъ привести здѣсь слова объ этомъ Діона Кассія (LIX, 20) „Ибо онъ предоставилъ право выбирать должностныхъ лицъ; но такъ какъ они были безопасны въ исполненіи своихъ обязанностей, такъ какъ они ничего свободно не предпринимали въ продолженіи долгаго времени и кандидатовъ на должности по большей части представлялось не больше, чѣмъ сколько слѣдовало избрать, если же когда и случалось, что было представлено больше вслѣдствіе любовной сдѣлки, то внѣшность демократіи, народовластія сохранялась, на дѣлѣ же ничего отъ нея не оставалось, вслѣдствіе чего они опять были упразднены самимъ Кайемъ. Послѣ этого прочее все оставалось также какъ и при Тиберіѣ“.

55) (стр. 151). Смотри Growth of the English Constitution, 162.

56) (стр. 151). Тамъ же, 82. Norman Conquest, I, 102.

57) (стр. 154) Таковъ парламентъ назначавшій Balie, принявшій и возстановившій Козьму Медичи.—Сисмонди, IX, 39, 44.

58) (стр. 155). Смотри Norman Conquest II, 339, Growth of the English Constitution, 7.

59) (стр. 156). О томъ, какъ большой совѣтъ Венеціи, со времени своего основанія въ 1172' году сдѣлался подконецъ, между 1286 и 1319 годами, непосредственнымъ собраніемъ аристократическаго сословія, смотри Sismondi, III, 289; Daru, Histoire de Venise, VI, 11—14. Послѣ этой перемѣны, называемой serrar del consiglio, совѣтъ состоялъ изъ тѣхъ, кто былъ тогда членомъ и ихъ потомковъ. Въ силу этого многія древнія фамиліи были изъ него исключены. По мѣрѣ того, какъ это олигархическое учрежденіе развивалось, старое демократическое собраніе, не будучи формально уничтожено, выходило постепенно изъ употребленія.

Я не достаточно знакомъ съ исторіей Польши, для того чтобы прослѣдить въ подробности, какимъ образомъ выборъ короля перешелъ къ общему собранію шляхты, исключая и сеймъ, и остальное населеніе. Но конечно это было такъ со времени прекращенія династіи Ягеллоновъ.

60) (стр. 157). Смотри выше примѣчаніе 40.

61) (стр. 157). Наболѣе важныя отрасли судебной власти палаты лордовъ вѣроятно также скоро исчезнуть, такъ что отдѣленіе законодательной и судебной власти будетъ наконецъ проведено вполнѣ.

ЛЕКЦІЯ VI.

1) (стр. 161). Смотри примѣчаніе 59 къ лекціи V.

2) (стр. 161). Я не хочу этимъ сказать, чтобы я сомнѣвался въ томъ, что какъ эвпатриды въ Аѳинахъ, такъ и патриціи въ Римѣ дѣйствительно вели свое происхожденіе отъ сословія старыхъ гражданъ, такъ какъ аналогія и выводъ даютъ намъ вполне достаточное доказательство тому, что это было именно такъ. Я хочу сказать, что только посредствомъ вывода и аналогіи мы можемъ сказать что нибудь объ этомъ вопросѣ, что мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на это въ памятникахъ, какъ это мы имѣемъ относительно болѣе поздняго времени, не имѣемъ даже свидѣтельства просвѣщеннаго сторонняго наблюдателя, какъ это мы имѣемъ относительно древнѣйшаго быта нашихъ предковъ.

3) стр. 162). Не слѣдуетъ забывать, что какъ полное рабство, состояніе *placuit*, такъ и менѣе угнетенное состояніе *villicus* исчезло въ Англіи, но никогда не было въ ней формально уничтожено. Всякій знаетъ это въ отношеніи къ *villicus*, но я подозреваю, что многіе вовсе не думаютъ, чтобы полное рабство когда либо существовало въ Англіи. Когда суды въ послѣднемъ столѣтіи провозгласили, что нельзя быть рабомъ на англійской территоріи, они установили отличный законъ, но это было дѣйствительно новымъ закономъ и его авторы быть можетъ были бы удивлены, еслибы услышали о Бристольскомъ торгѣ рабами въ одиннадцатомъ столѣтіи и о стараніяхъ св. Вульфстана его уничтожить.

4) (стр. 162). Объ *liti* или *lazzi* смотри примѣчаніе 5 къ лекціи V.

5) (стр. 163). Смотри описаніе древнихъ саксовъ, приведенное въ примѣчаніи 76 къ лекціи III, и сравни болѣе древнее описаніе того же народа у Nithard, IV, 2. „Этотъ народъ раздѣленъ на три сословія; суть между ними называющіеся на ихъ языкѣ эдлинги, фрилинги и лацци; на латинскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ названія *nobiles* (знатные), *ingenuiles* (свободные) и *serviles* (рабы)“. И говорить затѣмъ о „фрилингахъ и *lazzi*, которыхъ превеликое множество“.

6) (стр. 163). Таковъ взглядъ Вайца I, 86. „Князья совершенно отличаются отъ знати. Я перевожу „князья“ (*Fürsten*) гдѣ у Тацита „*principes*“. *Nobiles* я перевожу знатные, *nobilitas*—знать (*Adel*)... Князья (*principes*) избираются въ народныхъ собраніяхъ“.

7) (стр. 163). Смотри *Norman Conquest*, I, 81.

8) (стр. 169). Объ интеррексѣ смотри выше стр. 96.

9) (стр. 167). Я ссылаюсь на этотъ разговоръ въ *Historical Essays*, Second Series, II, 92. Все это мѣсто у Саллюстія (*Bell. Jug.* 63, 64), весьма замѣчательно. Чтобы исполнѣ понять его, надо принять въ соображеніе три обстоятельства. Первое, что консульство зависѣло отъ свободного дара самаго народа. Второе, что Метелль былъ плебеемъ. Третье, что Марій достигалъ одной должности за другой, пока не достигъ преторства — самой близкой по рангу должности къ самому консульству. Надо также замѣтить, что Саллюстій употребляетъ слово *plebes*, противопоставляя его уже не слову *patricii*, а слову *nobilitas*. Саллюстій рассказываетъ намъ, какъ Метелль былъ избранъ въ военные трибуны и затѣмъ продолжаетъ: „Вслѣдъ за этою должностію достигалъ одной за другой; и всегда пользуясь властію такъ дѣйствовалъ, что бы быть признаннымъ достойнымъ еще большей власти; однако столь достойный до этого мужъ (ибо послѣ того явилась опасность отъ честолюбія) не рѣшался добиваться консульства. Даже тогда другія должности удерживали плебеи, но консульство знать. Новый никто не былъ на столько славенъ и не представлялъ такихъ отмѣнныхъ заслугъ, чтобы онъ не считался недостойнымъ этого сана и какъ бы незапятнаннымъ“. Затѣмъ онъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ Метелль пытался дружескими увѣщаніями убѣдить Марія не добиваться консульства: „не предпринимать такого неправаго дѣла, и не идти противъ судьбы; не должно всѣмъ желать всего, должно ему

довольствоваться своимъ удѣломъ: наконецъ онъ не долженъ требовать отъ римскаго народа того, въ чемъ ему отказано по праву“. Наконецъ онъ даже оскорбляетъ его: было достаточно времени Марію добиваться консульства, когда его собственный сынъ, младшій Метелль, могъ бы быть его сотоварищемъ: *Saepius eadem postulanti fertur dixisse, ne festinaret abire; satis mature illum cum filio suo consulatum petiturum. Is eo tempore in contubernio patris ibidem militabat, annos natu circiter XX*“.

Такая рѣчь въ устахъ человѣка, который самъ былъ плебеемъ, показываетъ, что новое понятіе знатности совершенно заслонило старое. Метелль говоритъ съ Маріемъ, какъ Анпій Клавдій могъ бы говорить съ предками Метелла. Это указываетъ также, что часто простой обычай представляется инымъ умамъ имѣющимъ больше силы, чѣмъ законъ, представляется какъ бы принадлежащимъ къ естественному порядку вещей.

10) (стр. 168). Смотри *Norman Conquest*, I, 85 et seqq, *Growth of the English Constitution*, 42 et seqq.

11) (стр. 169). *Eorl* или *Jarl* признается теперь за сокращенное *ealdor* (смотри *Max Müller, Science of Language*, II, 280, 7-th ed.) Это вполне согласуется съ тѣмъ, что сокращенная форма должна преобладать у датчанъ, у которыхъ имена обыкновенно являются въ болѣе короткой формѣ, нежели въ англійскомъ языкѣ. И изъ этого производства повидимому слѣдуетъ, что обыкновенно созвучіе *eorl* и *seorl* есть простое созвучіе. Но это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые имѣютъ лишь филологическое значеніе. Исторически, *eorl*—какъ названіе особой должности, отличающееся отъ общаго понятія знати, *noble*—есть отличительный титулъ эльдермена, замѣной которому оно служитъ. Мы слышимъ впервые объ *eorlas* въ датскихъ полчищахъ, съ которыми сражался Эльфредъ. Затѣмъ титулъ этотъ былъ сохраненъ, какъ и слѣдовало ожидать, датскими начальниками въ Нортумберландѣ; наконецъ при Кнутѣ, онъ распространился по всей Англійи и замѣнилъ титулъ *ealdorman*. Смотри *Norman Conquest*, I, 76, 277, 405, 646.

Слово *thegn*, насколько это касается насъ, первоначально имѣло значеніе слуги, а затѣмъ ужъ получило болѣе высое политическое и общественное значеніе. Но какъ кажется самое

первое значеніе его было скорѣе человѣкъ, и затѣмъ слуга, какъ человѣкъ въ отношеніи къ своему хозяину (lord). Другимъ примѣромъ можетъ служить наше knave, Knabe и греческое παῖς: или также sniht, kneht, имѣвшіе первоначально значеніе юноши, получили чрезъ посредство значенія службы два противоположныхъ значенія, въ нѣмецкомъ Knecht и въ англійскомъ knight. Хотя thegn по видимому никогда не получалъ на континентѣ такого опредѣленнаго значенія, какъ въ Англии, однако самое слово въ различныхъ формахъ довольно часто встрѣчается, какъ мы видимъ это въ Degene, во второй станціи Niebelungen-Lied. Нѣсколько формъ и примѣровъ употребленія этого слова собрано въ древнемъ Thesaurus Шильтера (Schilter, 1738) подъ словомъ Diu.

12) (стр. 169). Это значеніе выражается можетъ быть всего яснѣе въ употребленіи прилагательнаго rhegenlic. Такъ въ пѣснѣ Мальдона (смотри Growth of English Constitution, p. 46), говорится, что Оффа лежалъ какъ вѣрный слуга рядомъ съ своимъ господиномъ Бритнортомъ:

Онъ легъ мужественно
Рядомъ съ господиномъ.

А въ весьма замѣчательномъ документѣ, помѣщенномъ у Кембля Codex Diplomaticus (IV, 54), содержащемъ описаніе дѣйствій ширгемота въ Герфордширѣ, нѣкая женщина по имени Еанвена (Eanwene), сынъ которой Эдвинъ судился за то, что отнялъ землю, говорить тремъ танамъ, которые были къ ней посланы: „Dodh rhegenlice and wel“, что равносильно современному „дѣйствуйте, какъ джентльмены“.

13) (стр. 169). Слово vassal, по мнѣнію Вайца, (IV, 205) кельтискаго происхожденія, и оно повидимому имѣло то же первоначальное значеніе и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пло тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и англійское слово thegn. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Waitz. IV, 229) „serviens“, „servitium“ и другія сходныя слова употреблялись какъ равнозначущія съ нимъ. Но я рѣшаюсь совершенно несогласиться съ этимъ великимъ ученымъ, когда онъ говоритъ (s. 210), что вассальство каролингской эпохи не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ comitatus. „Съ древней дружиной (Gefolgschaft) вассальство не имѣетъ

ничего общаго; безъ всякаго основанія и прежде и теперь смѣшиваются или только соединяють другъ съ другомъ то и другое. Вассальство имѣетъ другое основаніе, другія послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ было гораздо распространеннѣе.“ На мой взглядъ, различіе между двумя этими институтами такое же точно, какъ между франкскими королями того времени, когда франки были еще кочевымъ народомъ, и того когда они сдѣлались территоріальными обладателями значительной части Европы и присвоили себѣ римскій императорскій титулъ. Характеръ института и въ томъ и въ другомъ случаѣ значительно измѣнился, но все же это одинъ и тотъ же институтъ, измѣнившійся сообразно обстоятельствамъ. Да и самъ Вайцъ говоритъ почти то же, что и я:

„Послѣ всего вышеизложеннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія, что полученіе *beneficium* основывало само по себѣ отношеніе близкаго личнаго соединенія, обязанности и преданности, и въ отличіе отъ общихъ обязанностей гражданъ, связывало съ королемъ болѣе тѣсной личной связью. И это получило въ то время свое опредѣленное выраженіе и твердую форму въ комментаціи и во вступленіи въ вассальныя отношенія, которыя первоначально развившись на иной почвѣ, тѣснѣйшимъ образомъ соединились теперь съ бенефиціями, и даже стали ихъ характеристичнымъ признакомъ“.

Я еще не читалъ этой позднѣйшей части труда Вайца, когда я писалъ вторую главу моей *History of the Norman Conquest*, и хотя Вайцъ во многомъ дополняетъ объясненія подробностей, я не вижу основанія отказаться отъ того взгляда, который я изложилъ тамъ согласно съ Пельгревомъ и Кемблемъ.

Вайцъ замѣчаетъ (IV, 242), что вассальная система развилась гораздо болѣе въ романскихъ, нежели въ чисто германскихъ странахъ. Это такъ и должно было быть, если, какъ я это думаю, вполне развитыя феодальныя отношенія образовались изъ соединенія въ одномъ лицѣ и римскихъ и германскихъ отношеній.

Путь, какимъ феодальная идея личнаго отношенія вотчинника и вассала вытѣснила строго политическое понятіе обязанности по отношенію къ государству и къ королю, какъ его главѣ, хорошо выясненъ Вайцомъ (IV, 241). Онъ приводитъ разнообразныя выраженія, показывающія какъ король постепенно сталъ разсматриваться,

главнымъ образомъ, какъ вотчинникъ. Онъ могъ бы присоединить къ нимъ древнее англійское выраженіе *Synclaford* и современное— *our Lord the King* (нашъ вотчинникъ король).

14) (стр. 169). Мною сказано кое-что объ этомъ во второмъ томъ моей *History of the Norman Conquest*, p. 270. Сравни также замѣчанія *Palgrave, Normandy*, II, 11.

15) (стр. 170). Мы можемъ кажется видѣть слѣды *Comitatus* въ томъ „кружкѣ храбрѣйшихъ юношей“, который у *Ливія I*, 12, окружаетъ *Ромула* и въ томъ „избранномъ конвойномъ отрядѣ“, который окружаетъ диктатора *Авла Постумія* (II, 20).

16) (стр. 171) Можетъ показаться, что мы находимся въ *Иліонѣ* или *Мальдонѣ*, когда мы слышимъ какъ въ битвѣ при *Граникѣ* сподвижникъ *Демаратъ* (*Argian*, I, 15, 9) даетъ свое копье *Александру*, когда его собственное сломалось: *Δημάρατος δὲ, ἀνὴρ Κορινθίος τῶν ἀμφ' αὐτὸν ἐταίρων, δίδωσιν αὐτῷ τὸ αὐτοῦ δόρυ.*

17) (стр. 171). Римскіе кліенты соотвѣтствуютъ въ старомъ англійскомъ языкѣ не столько *thegns* сколько, *loaf-eaters*. Отношеніе *oafeater* представляло конечно видъ, хотя и низшій видъ дружины, *comitatus*; и даже простолюдинъ могъ имѣть такихъ *loaf-eaters*, какъ это видно изъ 25 закона *Этельберта*: „Если кто убьетъ слугу (*hlaf-aetan*) крестьянина, заплатитъ пеню въ шесть шиллинговъ“.

18) (стр. 174). Въ *Бернѣ* молодой патриціей буквально обучался политической дѣятельности посредствомъ особеннаго института *Ausserstand*, представлявшаго подобіе настоящему государству съ собственными совѣтами и магистратами. *Schultheiss* или главное должностное лицо этой примѣрной республики избирался обыкновенно изъ членовъ Большаго совѣта настоящей республики. Смотри описаніе этого въ *Coxe's Travels in Switzerland*, II, 231. Въ то время, какъ и раньше во время епископа *Бѣрнета*, путешественники не пренебрегали изученіемъ учреждений страны.

19) (стр. 176). Передо мной *Geographisches Statistisch-topographisches Lexicon von Franken* (Ulm. 1801), гдѣ (IV, 46) имѣется списокъ двадцати трехъ патриціанскихъ родовъ *Нюрнберга*, изъ коихъ трое были приняты лишь въ 1788 году, но ни одинъ изъ этихъ „*novi homines*“ не засѣдалъ дѣйствительно въ сенатѣ.

20) (стр. 178). Книга *Числь*, XXXV, 9; Второзаконіе, IV, 41; XIX, 2; *Иисуса Нав.* XX, 2. Но еврейскій законъ строго ограничи-

ваетъ всетаки это право лишь тѣмъ убійцей, который не враждовалъ прежде съ убитымъ. Поэтому оно не распространялось бы на случай древне-германскаго *Faehde*.

21) (стр. 178). Законы Альфреда (42) устанавливаютъ общее начало, что никто не можетъ прибѣгать къ насилію, пока не испробовалъ законныхъ способовъ. „Еще приказываетъ: если кто узнаетъ, что врагъ его дома, пусть не нападаетъ на него, не попросивъ у него напередъ законнаго удовлетворенія“. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько правилъ, опредѣляющихъ случаи, въ которыхъ частная война допускается, изъ коихъ послѣдній есть тотъ, когда кто застанетъ другого со своей женой, дочерью, сестрой или матерью: „Человѣкъ можетъ безнаказанно нападать, если онъ найдетъ другого у своей законной жены, при закрытыхъ дверяхъ или подъ однимъ одѣяломъ; либо у своей законнорожденной дочери, либо у своей законнорожденной сестры, либо у своей матери, законной жены своего отца“. Аѳинскій законъ объ этомъ предметѣ изложенъ въ первой рѣчи Ливія, гдѣ убійца Эратостена оправдывается, ссылаясь на прелюбодѣянія убитаго съ его женой. Этотъ случай тѣмъ замѣчательнѣе, что Эратостень предлагалъ деньги, отъ которыхъ мужъ отказался, рѣшившись, по его словамъ, исполнить законъ: „οὐκ ημφισβήτει, ὃ ἄνδρες, ἀλλ ὠμολογεῖ ἀδικεῖν, καὶ ὅπως μὴ ἀποθάνῃ ἡντιβόλει καὶ ἰκέτευσεν, ἀποτινεῖν δ ἐτοιμος ἦν χρῆματα. ἐγὼ δὲ τῷ μὲν ἐκείνου τιμηματι οὐ συνεχωροῦν, τὸν δὲ τῆς πόλεως νόμον ἡξίουσι εἶναι χυριώτερον καὶ ταυτην ελαβον την δίκην, ἣν ὁμεῖς δικαιοσύνην εἶναι ἡγησάμενοι τοῖς τα τοιαῦτα ἐπιτηδεουσιν σταζατε.

Римскій законъ объ этомъ предметѣ изложенъ въ *Lex Julia*, который даетъ право убить прелюбодѣя мужу или брату. Смотри *Huschke, Iurisprudentiae Antejustinianaе, 560, et seqq.* Тамъ въ „*Mosaicarum et Romanarum legum Collatio*“ старательно различаются права брата и мужа согласно предписаніямъ императоровъ и мнѣніямъ великихъ юристовъ.

22) (стр. 178). Смотри *History of Federal Government, I, 381.*

23) (стр. 179). Обо всемъ этомъ смотри замѣчанія *Allen'a* объ судебной власти въ его *Royal Prerogative, 88.*

24) (стр. 179). Левитъ, XXIV, 19. Смотри подъ словомъ *Talio* въ *Dictionnary of Greek and Roman Antiquities.*

25) (стр. 180). Смотри извѣстное мѣсто *Илиады, IX, 628.*

νηλῆς, καὶ μὲν τίς τε κασιγνήτοιο φόνου
ποινήν, ἢ οὐ παιδὸς εδεξατο τεθνεώτος.
καὶ ῥ' ὁ μὲν ἐν δήμῳ μένει αὐτοῦ, πολλ' ἀποτίσας.
τοῦ δέ τ' ἐρηγῶνται κραδίη καὶ θυμὸς ἀγῆνωρ.
ποινήν δεξαμένου.

26) (стр. 180). Въ Иліадѣ, VI, 45, Адрестъ просить у Менелая сохранить ему жизнь {и предлагаетъ ему выкупъ—*σο δ' ἄξια δεξαί αποίνα*—Менелай готовъ пощадить его, но Агамемнонь вступается и самъ убиваетъ Адреста, и поэтъ одобряетъ этотъ поступокъ.

ὡς εἰπὼν ἔτραψεν ἀδελφαιῶ ἑρένας ἦρος.
αἰσιμα παραιπῶν.

Сравни убійство Ликая Ахилломъ, Иліада, XXI, 341—34. Ахиллъ, въ томъ духѣ, отвергаетъ выкупъ.

27) (стр. 180). Тацитъ (Germania, 12) упоминавъ о суровыхъ наказаніяхъ налагавшихся на измѣнниковъ и перенимателей южныхъ пороковъ, прибавляетъ: „Но и за болѣ легкія преступленія установлено соразмѣрное наказаніе (Кембль, I, 271 замѣчаетъ, что къ числу этихъ болѣ мелкихъ преступленій должно относиться и убійство). Осуждаемые уплачиваютъ пеню въ извѣстное число лошадей и рогатаго скота; часть пени идетъ государю или государству, часть самому отомщаемому или его близкому. Такъ и въ 21. „Необходимо раздѣлять какъ вражду такъ и дружбу отца или близкаго: и не остаются не отомщенными. Ибо даже убійство смывается опредѣленнымъ числомъ крупнаго и мелкаго скота и принимается вознагражденіе весь домъ; это полезно для общества, ибо при свободѣ особенно опасны распри“. О развитіи законодательства объ этомъ предметѣ смотри статью въ Contemporary Review May 1873. Primitive Society by Mr. Tylor.

28) (стр. 180). Въ древнѣйшемъ памятникѣ англійскаго права въ законахъ Этельберта имѣется выработанная шкала такого рода; но и въ законахъ Альфреда триста лѣтъ позднѣе мы находимъ различныя степени тѣлесной обиды, изложенныя съ не меньшимъ стараніемъ. Перечисленіе начинается съ № 45 и продолжается до конца собранія законовъ, Schmid, 98.

29) (стр. 130) Смотри опредѣленіе размѣра виры въ законахъ Альфреда, 27 et seqq. (Schmid, 86) и обо всемъ этомъ предметѣ смотри у Кембля главу о „Faehde and Wergylt“.

30) (стр. 180). Смотри Laws of Ine, 23, 24; 32, 33 (Schmid, 30, 34). Мы не найдемъ этого различія въ законахъ Этельберта, изъ владѣній котораго бриты были изгнаны, ни въ законахъ Альфреда, во время котораго бриты подъ англо-саксонскимъ управленіемъ утратили свою національную особность, но мы найдемъ его въ законахъ Ина, во время котораго весь Сомерсетъ отъ Акса на югозападъ представлялъ только что завоеванную страну, гдѣ англичане и бриты еще различались.

31) (стр. 181). О королевской *virg* и о платѣ жителей Кента за кровь Муля (Mul) и жителей Мерсиа за кровь Эльфвина Нортумберландскаго, смотри Kemble, I, 279—287.

32) (стр. 181). Во времена Эдуарда IV лордъ Беркелей со своими сторонниками позвалъ лорда Лизля (Lisle) съ его сторонниками на Ниблей Гринъ. Послѣдовала битва, въ которой Лизль былъ побѣжденъ и убитъ. Лордъ Беркелей затѣмъ долженъ былъ уладить дѣло уплатой денегъ вдовѣ убитаго. Это, сколько мнѣ извѣстно, послѣдній примѣръ въ Англии и частной войны и уплаты виры.

33) (стр. 183). На хорахъ церкви Бреконскаго пріората имѣется памятникъ одного мѣстнаго героя, одною изъ заслугъ котораго, какъ сказано тамъ, было то, что онъ былъ „ревностнымъ защитникомъ правъ природныхъ гражданъ противъ иногородцевъ“.

34) (стр. 185). Смотри статью о Швейцарской союзной реформѣ въ British Quarterly Review, April 1873.

35) (стр. 186). Отношеніе британскихъ владѣній къ Великобританіи, даже если взять колонію, пользующуюся самымъ широкимъ самоуправленіемъ, представляетъ два сходства съ отношеніемъ періэковъ. Колонія можетъ быть вовлечена въ войну, которая вовсе ея не касается и на которую у нея не спросили согласія даже тѣмъ косвеннымъ путемъ, какимъ это согласіе выражается, можно сказать, самой метрополіей. Она получаетъ также губернатора—каковъ бы ни былъ дѣйствительный объемъ его власти—котораго она не избираетъ и не можетъ смѣстить, такъ какъ колонія не имѣетъ средствъ, подобно парламенту и избира-

тельнымъ собраніямъ метрополиі, контролировать тѣхъ, кто его назначаетъ. Острова Мэнъ и Норманскіе, пользующіеся полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, но для которыхъ всетаки издаются законы парламентомъ, въ которомъ они не имѣютъ своихъ представителей, по своей географической близости къ намъ, болѣе подходятъ подъ строгое понятіе *періохот*. Но такое владѣніе какъ Индія конечно напоминаетъ скорѣе отношенія провинцій, нежели *періэковъ*. Однако все же существуетъ большое различіе между жителями британскихъ владѣній какого бы то ни было рода, и подданными Венеціи, Рима, или другаго какого господствующаго города. Подданные Рима, или Венеціи, а точно также и подданные Берна или Ури, были въ строгомъ смыслѣ слова подданные (*Unterthanen*); они не только не имѣли голоса въ дѣлахъ правящаго государства, но и не имѣли возможности и получить его. Но что касается британскихъ владѣній, жители ихъ суть британскіе граждане (*cives*); про ихъ страну можно сказать, что она своимъ положеніемъ напоминаетъ отношеніе провинціи или *періэковъ*, но сами они лично не суть провинціалы или *періэки*, потому что они британскіе подданные, и если они перенесутъ свое мѣстожителства въ соединенное королевство, то могутъ тогда пользоваться всѣми правами британскихъ подданныхъ.

36) (стр. 187). Предо мной памфлетъ подъ заглавіемъ *Verfassungsskizzen der freien und Hänsestädte Lübeck, Bremen und Hamburg*, профессора К. И. Вурма (Hamburg, 1848), гдѣ (s. 115) я нахожу слѣдующее замѣчаніе „Обоюдно городской (сообща Любеку и Гамбургу принадлежащій) округъ есть аномалія, но аномалія конечно небольшая той, какую представляетъ положеніе въ германскомъ союзѣ владѣнія Книпгаузенъ“. На ниже-голандскомъ языкѣ ганзейскихъ городовъ подданные назывались *Undersaten*.

37) (стр. 188). Смотри *History of Federal Government*, I, 582—638.

38) (стр. 189). Я не буду вдаваться въ подробности относительно средневѣковой исторіи Швейцаріи, такъ какъ я надѣюсь имѣть случаи коснуться ея болѣе полно, какъ въ подробной, такъ и въ болѣе краткой формѣ. Едва ли есть какаядругая страна на свѣтѣ, изученіе которой требовало бы такихъ разнообразныхъ свѣдѣній.

39) (стр. 189). Для того, чтобы точно указать черты сходства и несходства между лакедемонскими *περίοχοι* и итальянскими союзниками Рима, требовалось бы гораздо больше подробных свидѣній, нежели какія мы имѣемъ. Итальянскіе союзники безъ сомнѣнія сохранили полное мѣстное самоуправленіе, будучи подчинены только случайнымъ ограниченіямъ, какія могла потребовать политика Рима. Въ цѣломъ, ихъ положеніе повидимому было гораздо лучше, чѣмъ лакедемонскихъ *περίοχοι*. Въ то же время мы должны помнить, что *περίοχοι* имѣли собственные города, и у Геродота есть одно весьма замѣчательное мѣсто, изъ котораго явствуетъ, что они могли быть поставлены, съ гораздо бѣльшимъ правомъ, чѣмъ это можно бы было ожидать, на одинъ почти уровень со Спартой. Я имѣю тутъ въ виду то мѣсто, гдѣ Демарать (VII, 234) говоритъ Ксерксу, что у Лаконцевъ есть много городовъ, изъ которыхъ Спарта есть главный и ея жители — храбрѣйшіе. Протъ также замѣчаетъ, что мы не имѣемъ основанія предполагать, что бы положеніе всѣхъ періекскихъ городовъ было совершенно одинаковое. Нѣкоторые, напр., Амиклы, находились въ болѣе благоприятномъ положеніи, нежели другіе.

40) (стр. 189). Не слѣдуетъ забывать, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, Бернъ владѣлъ какъ южнымъ, такъ и сѣвернымъ берегомъ озера. Эти округи сѣверной Савойи вѣроятно отдѣлились бы только на время—развѣ мы вступимъ въ теологическія контроверзы — перейдя изъ подъ власти бернской аристократіи подъ власть своихъ собственныхъ герцоговъ, но если бы они затѣмъ раздѣлили судьбу своихъ собратьевъ на сѣверномъ берегу, они быть можетъ раздѣляли бы ее и до сихъ поръ.

41) (стр. 190). Смотри мои *Historical Essays, 2-nd Series, p. 143.*

42) (стр. 191) Коринѣъ могъ по крайней мѣрѣ похвастаться (Thucydides, I, 38) хорошими отношеніями со всѣми своими колоніями, кромѣ Коркиры: „Мы же отвѣчаемъ, что мы вывели колоніи не для того, чтобы сносить отъ нихъ оскорбленія, но чтобы быть ихъ вождями и быть почитаемыми по достоинству. Вѣдь прочія колоніи почитаютъ насъ и вообще наиболѣе насъ любятъ колонисты“. И надо замѣтить, что въ этихъ словахъ повидимому предполагается извѣстная политическая власть Коринѣа надъ его

колоніями, что еще яснѣ видно изъ того, что въ коринѣскую колонію Потидею нѣкоторыя должностныя лица ежегодно присылались изъ метрополіи. Thus. I, 56: „эпидеміурговъ... которыхъ ежегодно отправляли Коринѣяне“,—и это даже тогда, когда Потидея была подвластнымъ союзникомъ Аѣины. Такъ мало касались Аѣины внутренняго управленія своихъ владѣній.

ЕДИНСТВО ИСТОРИИ.

1) (стр. 194). Однако ясно, что ничто подобное сравнительной филологии является уже у Роджера Бэкона и даже раньше его у Гиральда Камбрена. Едва ли можно желать лучшего выяснения соотношения между романскими языками и латинским, нежели какое дает великий монах в своем *Opus Tertium*, с. 25 (р. 90, Brewer). „И это видимъ въ различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка; ибо идиомъ есть разновидность какого нибудь языка отличающаяся отъ другихъ; каковы нарѣчія пикардійское, галльское, провансальское и всѣ нарѣчія отъ границъ Англіи до границъ Испаніи. Ибо языкъ латинскій во всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же, по существу, но измѣняющійся по различнымъ идиомамъ“. На слѣдующей страницѣ онъ говоритъ о знаніи греческаго языка Робертомъ Гроссетскимъ.

Гиральдъ, можно сказать не обинуясь, отмѣтилъ нѣсколько чертъ сходства между всѣми арійскими языками, съ какими только ему приходилось встрѣчаться, и британскій элементъ въ немъ открылъ ему болѣе широкое поле для наблюденія, нежели какое открывалось большинству его современниковъ. У него есть два мѣста объ этомъ предметѣ въ *Itinerarium Cambriae*. Въ первомъ изъ нихъ (I, 8, р. 75, Dimock) онъ передаетъ удивительную исторію о мальчикѣ, который научился языку эльвовъ, весьма похожему на греческій. Онъ переходитъ затѣмъ къ указанію сходства между греческимъ и бретано-валлійскимъ языкомъ и его баснословное объясненіе этого сходства по крайней мѣрѣ не хуже той теоріи, по которой сходство

греческаго и санскритскаго объяснялось походомъ Александра въ Индію.

„Были слова... весьма напоминающія греческій идиомъ. Такъ когда спрашиваютъ воду, говорятъ *Ydor ydorun*; что означаетъ дай воды. Ибо *Ydor* на ихъ языкѣ, какъ и на греческомъ, означаетъ воду: отсюда и сосудъ для воды называется *Ydriae*: а сходное *Diur* означаетъ воду на языкѣ британскомъ. Точно также желающіе соли говорятъ: *Halgein ydorun*, что значить—дай соли. *Hal* же по гречески означаетъ соль, а по британски *halein*. Ибо британскій языкъ по причинѣ долгаго пребыванія въ Греціи послѣ оставленія Трои бритовъ, которые тогда назывались троянцами, а послѣ отъ Брута бритами, во многомъ представляется сходнымъ съ греческимъ языкомъ“.

Затѣмъ онъ переходитъ къ указанію на замѣну начальнаго *S* придыханіемъ. „Достойнымъ замѣчанія представляется мнѣ, что въ одномъ этомъ словѣ сходятся столько языковъ, сколько я не думалъ. Ибо *hal* по гречески, *halein* по британски, *halein* также и по иберійски; *halgein*, со вставкою *G* на указанномъ языкѣ. Также *sal* по латински—ибо, какъ говоритъ Присціанъ, въ нѣкоторыхъ рѣченіяхъ вмѣсто придыханія ставится *S*; такъ *hal*—по гречески, *sal* по латини; *hemi*, *semi*; *hepta*, *septem*;—*sel* по гальски отъ латинскаго съ измѣненіемъ гласной *a* въ *e*; съ прибавкой буквы *t* по англійски *salt*, *sout* по тевтонски. Итакъ имѣется семь или восемь языковъ весьма сходныхъ въ одномъ этомъ словѣ“. Подъ тевтонскимъ языкомъ слѣдуетъ здѣсь разумѣть какую нибудь форму ниже-нѣмецкаго.

Въ другомъ мѣстѣ (I, 15, p. 194, Dimock.) онъ отмѣчаетъ другія сходства между бретоно-уэльскимъ, латинскимъ и греческимъ, причемъ останавливается на нѣкоторыхъ числительныхъ.

„Слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ слова британскія сходятся или съ греческими или съ латинскими. Греки называютъ воду *ydor*, бриты *diur*, соль—*hal*, бриты—*halein*; *mis*, *tis*—я и ты, бриты же—*mi*, *ti*; *opoma*, *enou*, *penta*, *dica*, *pimp*, *dec*. Такъ и латиняне называютъ мечъ *frenum*, *tripodem*, *glodium* и *loricam*; бриты—*froin*, *trebeth*, *cladhif* и *lhuric*; *unico unig*, *cane can*, *belua beleu*“.

Я не могу ручаться за бретоно-уэльскія слова Гиральда, но Димокъ приводитъ британскія слова въ ихъ современной формѣ.

Онъ говорить, что не можетъ понять, гдѣ Гиральдъ нашель *mis* и *tis* какъ греческія слова соотвѣтствующія *ego* и *tu*. Я думаю, что то, что тутъ привелъ Гиральдъ, была новая форма множественнаго числа *μαῖς* и *σεις*. Мы не должны забывать, что въ эти вѣка, за исключеніемъ людей съ такой исключительной ученностью какъ Роджеръ Беконъ, если бы кому понадобилось собрать нѣсколько греческихъ словъ, то онъ это легче могъ получить у какого нибудь итальянскаго матроса, нежели у ученыхъ Парижа или новорожденнаго Оксфорда.

2) (стр. 196). Я собралъ немного мѣстъ такого рода, гдѣ Аддисонъ говорить объ этомъ. Название „готическій“, славное для насъ съ одной стороны, какъ связанное съ памятью объ Ульфилѣ и Теодорихѣ, и не менѣ славное въ силу его употребленія, что нѣсколько странно, для обозначенія національной архитектуры Англіи, Германіи и Франціи, для Аддисона есть во всѣхъ отношеніяхъ выраженіе презрѣнія. Въ № 63 „языческой храмъ посвященный богамъ тьмы“, описывается „какъ уродливое зданіе построенное по готическому образцу, и покрытое безчисленными украшеніями этой варварской скульптуры“. Онъ входитъ и видитъ „мѣстное божество изображенное въ одеждѣ монаха“. Въ № 70 онъ говорить кое-что, о „готической манерѣ писать“, которая, по видимому, „нравится только тѣмъ, у кого у самихъ образовался неправильный художественный вкусъ подъ влияніемъ мелкихъ вычурныхъ авторовъ и писателей эпиграмъ“. Можно видѣть тутъ какъ бы проявленіе Немезиды, когда въ той же статьѣ мы находимъ увѣреніе, что Гомеръ писалъ свои поэмы „съ тѣмъ, чтобы установить между греками единство, которое было такъ необходимо для ихъ безопасности“ въ ту эпоху, когда „существованіе многихъ правительствъ“ „давало персидскому императору, который былъ ихъ общимъ врагомъ, много преимуществъ передъ ними въ силу ихъ взаимнаго соперничества и вражды“. Однако же въ этой самой статьѣ онъ первый обратилъ вниманіе на дѣйствительное значеніе пѣсни *Chevy Chase*, хотя на слѣдующей страницѣ (74), гдѣ онъ говорить объ ней, онъ проявляетъ свой критицизмъ, говоря: „Если бы эта пѣсня была написана по готическому образцу, такъ любимому всѣми нашими мелкими остроумцами, какъ писателями, такъ и читателями, она бы не удовлетворяла вкусу столь многихъ вѣковъ“.

Интересно бы было знать, какой эпитетъ придалъ Аддисонъ „стилю“ пѣсней о Бруннбургѣ и Мальдонѣ. Въ № 98, не некстати слѣдующимъ за статью объ „Фарамондѣ королѣ Галліи“—который въ другой статьѣ (480) имѣетъ придворныхъ съ французскими именами—мы находимъ, какой то странный головной уборъ, о которомъ говорится, какъ о „готическомъ зданіи“. Несомнѣнно, что въ № 329 сирѣ Роджеръ, нѣсколько почтительнѣе, сравнивается съ „образомъ стараго готическаго короля“.

Два болѣе важныхъ мѣста стоитъ привести; одно (№ 415), гдѣ Аддисонъ сравниваетъ Римскій Пантеонъ съ „готическимъ соборомъ“ и говоритъ о томъ, „какъ мало онъ потерялъ отъ сосѣдства средневѣковаго строенія, хотя онъ въ пять разъ болѣе, что не можетъ происходить ни отъ чего другаго, какъ отъ величавости стили одного и ничтожности другаго“. Такъ, въ № 201 онъ принимается объяснять происхожденіе церковныхъ одеждъ и обрядовъ и излагаетъ это такимъ образомъ:

„Какой-нибудь готскій епископъ, быть можетъ, считалъ подходящимъ повторить такую-то форму въ томъ или другомъ особенномъ башмагѣ или туфлѣ; другой находилъ весьма пристойнымъ, что такая-то часть публичной молитвы будетъ совершена съ митрой на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Къ этому какой-нибудь братъ вандалъ, столько же мудрый, какъ и другіе, присоединилъ античное одѣяніе, которое онъ признавалъ соответствующимъ тому или другому таинству, и мало по малу вся служба превратилась въ пустую комедію“.

Неужели Аддисонъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что Улфила занимался придумываніемъ особой формы башмаковъ?

3) (стр. 196). „Не задолго до настоящаго времени одинъ изъ нихъ (англійскихъ путешественниковъ), полубезсознательно сдѣлавшись сторонникомъ русо-скандинавской исторической теоріи, говорилъ съ страннымъ тономъ произвольнаго презрѣнія о литовцахъ, какъ о „народѣ-высочкѣ“. Тамъ говорится также объ „этихъ родахъ высочкахъ Куртенэ и Дерингахъ“; и это необыкновенно несчастный случай, такъ какъ всякое другое слово литовскаго языка представляло бы подлинное и замѣчательное свидѣтельство самой чистой арійской древности, иногда болѣе древней, чѣмъ Гомеръ или даже Веды.

Стоило бы пожелать автору увязнуть по шею въ литовскомъ болотѣ, быть загнаннымъ въ литовское задѣсье, что быть въ обществѣ послѣдняго живого глагола на — *mi*, послѣднихъ бизоновъ и быть можетъ послѣдняго патриота. *Selected Writings of Viscount Strangford*, I, 6.

4) (стр. 200). Я имѣю тутъ въ виду извѣстное мѣсто Саксона Грамматика: „Данъ и Ангуль, отъ которыхъ произошли датчане, были не только основателями нашего народа, но и правителями“. Онъ рассказываетъ затѣмъ, какъ Ангуль далъ свое имя области, и какъ его потомки переселились потомъ въ Британію, между тѣмъ какъ Данъ остался на родинѣ. Его вдова, можно замѣтить, была „Грита, весьма почитаемая у германцевъ жена“.

Вестъ-Саксъ быть можетъ былъ бы недоволенъ такой генеалогіей, но въ Йоркширѣ и Линкольнширѣ она можетъ сойти за правильную.

5) (стр. 203). Смотри *Hist. of Fed. Government*, I, 404, 451.

6) (стр. 203). Смотри *Plutarch, Philopoimen*, 21.

7) (стр. 204). Смотри *Hist. of Fed. Government*, I, 226.

8) (стр. 204). Между тѣмъ какъ языкъ Полибія, что касается формъ словъ, есть языкъ аттической, аркадскія и элейскія надписи у Бекка (*Voeskch*, I, 705 et seqq.) всѣ болѣе или менѣе имѣютъ дорическій оттѣнокъ, и въ нѣкоторыхъ дигамма сохранялась до удивительно поздняго времени. Такъ, въ надписи подъ номеромъ 1520-мъ, настолько поздней, что въ ней упоминается имя Луція Муммія, мы находимъ имя *Γασσάβοχος*, написанное весьма старыми буквами, а мистеръ Варренъ (*Warren, Greek Federale Coinage*, 45) приводитъ *ΓΑΛΕΙΩΝ*, какъ надпись на монетахъ города, который на изысканномъ аттическомъ нарѣчій назывался *Ἴλις*, но который, повидимому, самъ себя даже во второмъ столѣтіи до Р. Хр. все еще называлъ *Γᾶλις*.

9) (стр. 205). Первая стадія этой борьбы происходила между греческими колонистами и карагенянами, вторая—между восточными императорами и сарацинами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ соперничавшія стороны обѣ были покорены владѣтелями смежной части Италіи, въ первомъ случаѣ римлянами, во второмъ—орманами.

10) (стр. 205) Смотри *Knight's Normans in Sicily*, 244, 334.

11) (стр. 206). О завоеваніи Марсели Карломъ Анжуйскимъ и о страшномъ возмездіи, совершенномъ надъ защитниками республики, смотри разсказъ Вильяма Нангійскаго въ *D'Achery, Spicilegium*, III, 40.

12) (стр. 206). Объ исторіи Херсониса смотри *Finlay, Byzantine Empire*, I, 415. Онъ ссылается на отрывокъ, который Гэзъ (Hase) приводитъ въ своихъ примѣчаніяхъ—на Льва Дьякона, стр. 503. Но это описаніе стоитъ привести цѣликомъ, такъ какъ я не знаю, гдѣ Финлей нашель слова „дорожить учрежденіями Эллады“, хотя я не сомнѣваюсь, что они вызваны фактами. Точныя слова византійскаго писателя таковы: „Они же, оттого ли, что никогда не испытали на себѣ царской милости и не обращали вниманія на греческіе обычаи, но заботились преимущественно о самостоятельности, или оттого, что они жили по сосѣдству съ царемъ, владѣющимъ землями, лежащими къ сѣверу отъ Истра, будучи сильны многочисленнымъ войскомъ и отличаясь въ сраженіи, а обычаями своими не отличаясь отъ нихъ, сговорились заключить союзъ и покориться имъ“. Это относится ко времени подчиненія города русскому князю Владиміру. Везимьянный авторъ держится, конечно, чисто византійской точки зрѣнія. Но вообще странно у него видѣть, что онъ употребляетъ вообще слово *Ελληνικός*, такъ какъ въ то время слово *Ελλην* и его производныя обозначали обыкновенно я з ы ч н и к о в ъ, въ противоположность христіанамъ. Примѣръ можно найти тамъ же, на страницѣ 464.

13) (стр. 206). Все, что я имѣлъ сказать въ точности объ отношеніи Филиппа и Александра къ Греціи, я сказалъ въ моемъ этюдѣ объ Александрѣ во второй серіи моихъ *Historical Essays*. Но я приведу здѣсь слова епископа *Thirwall*, р. 479: „Честь засѣдать въ совѣтѣ амфиктіоническомъ, хотя предоставленная царю, отразилась и на его народѣ; это имѣло значеніе какъ бы натурализаціи, смышшей пятно ихъ полуварварскаго происхожденія: македоняне могли съ того времени считаться греками“.

14) (стр. 207). Смотри *Strabo*, V, 112, *Appian, Mithr.*, 114. Странно нѣсколько видѣть такія формы, какъ *Γαλλόγραχοι* и *Γαλλογραχία*.

15) (стр. 208). Иной, быть можетъ, удивится, что я говорю о „монументахъ“ въ такомъ кирпичномъ городѣ, какъ Равенна.

Это потому, что большія кирпичныя церкви Равенны, даже тѣ, которыя строились или окончены послѣ обратнаго завоеванія Византіей, слишкомъ древни, чтобы имѣть греческія надписи. Во время Юстиніана латинскій языкъ все еще, и во всякомъ случаѣ въ Равеннѣ, былъ языкомъ римской имперіи. Греческія надписи, включая и эпитафію Исааку Армянину въ церкви св. Виталія и тѣ, которыя собраны въ одной залѣ во дворцѣ архіепископа, относятся къ позднѣйшему періоду Экзархата. Но какъ въ Торчелло, такъ и въ соборѣ св. Марка греческая надпись ΜΡ ΘΥ, если не что другое, достаточно ясна на мозаическихъ сводахъ.

16) (стр. 208). Смотри то мѣсто у Вильгельма изъ Пуатье, которое я привелъ и комментировалъ, на стр. 86, моей *History of Norman Conquest*.

17) (стр. 208). Я не имѣю въ виду обсуждать богословскую сторону этого вопроса, но я полагаю, что съ исторической точки зрѣнія включеніе въ Никейскій символъ вѣры „Filioque“ должно быть разсматриваемо какъ и всякая другая интерполяція въ какой либо историческій документъ.

18) (стр. 210). Эпитафію Нэвія, написанную имъ самимъ и сохраненную у Авла Геллія, I, 24

Mortales immortales flere si foret fas
Flerent Divae Camenae Naevium poetam;
Jtaque, postquam est Orcino traditus thesauro
Obliti sunt Romae loquier Latinâ lingua,

должно сравнить съ отрывкомъ изъ Эннія, сохранившимся у Цицерона, *De Claris Oratoribus*, 18.

„Quos olim Fauni vatesque canebant,
Cum neque Musarum scopulos quisquam superarat,
Nec dicti studiosus erat“...

Римскія Камени и греческія Музы тщательно различаются и противопологаются. О возрожденіи настоящей латинской литературы съ появленіемъ христіанскихъ поэтовъ, смотри J. M. Neale, *History of Roman Literature* въ *Encyclopaedia Metropolitana*, 214. „Интересно, что отбрасывая чуждыя формы, которыми латинскій

языкъ такъ долго гордился, христіанскіе поэты въ дѣйствительности просто возобновляли въ болѣе духовной формѣ старыя мелодіи республиканскаго Рима;—ритмическія баллады, служившія утѣхой тѣмъ, кто воевалъ съ Самнитами, Вольсками и Ганнибаломъ“.

19) (стр. 210). Сатурнійскій стихъ Невія

Fato Metelli Romae fiunt consules

и соотвѣтствующій ему

Dabunt malum Metelli Naevio poetae, ●

конечно болѣе имѣють общаго съ средневѣковыми, нежели съ классическими метрами. (Смотри пѣсню въ честь императора Фридриха въ примѣчаніи 82 къ IV лекціи). Великую поэму о битвѣ при Льюесѣ, манифестъ либеральной партіи въ 13 столѣтіи можно найти въ *Political Songs of England, by the Camden Society*, p. 72.

20) (стр. 211). Смотри Ливій, I, 26.

21) (стр. 212). Я встрѣтилъ какъ-то эти слова вложенными въ уста шведской королевы Христіны.

22) (стр. 213). Сравни Горація, *Odes*, т. 3, II. *Virgiliya, Georg.* I, 24—36; Лукана, I, 45—59. Обыкновенно думаютъ, что лесь Лукана была саркастическая; смотри, однако, *Merivale*, VI, 99.

23) (стр. 214). О посѣщеніи Атанарихомъ Константинополя говорится у Амміана (XXVII, 5) и у Зосимы (IV, 34), но только у Юрнанда (28) мы находимъ вложенной въ его уста эту замѣчательную рѣчь. „Въ царственный городъ вошелъ и удивляясь сказалъ: „вотъ я вижу то, о чемъ часто не вѣря слышалъ, т. е. столь славный городъ“, и обращая взоръ то туда, то сюда, то на расположеніе города и на скопленіе кораблей, то на славныя стѣны, удивлялся на разноплеменную толпу, какъ бы въ одинъ потокъ съ различныхъ сторонъ сливающуюся волной, и смотря также на устроенное войско сказалъ: „Безъ сомнѣнія императоръ есть земной богъ, и всякій, кто поднимаетъ на него руку, самъ повиненъ въ своей крови“.

24) (стр. 214). Орозій, въ самомъ концѣ своего труда, приводитъ это замѣчательное заявленіе Атольфа“. Ибо я же самъ слышалъ нѣкоего нарбонца, занимавшаго видное мѣсто въ войскѣ подъ начальствомъ Θεодосія, такъ же благочестиваго, мудраго и

важнаго, какъ онъ у города Виолеема блаженному Иерониму, пресвитеру рассказывалъ, что въ Нарбонѣ онъ былъ очень близокъ къ Аттольфу, и часто о томъ за подлинное слышалъ, что онъ какъ человѣкъ великой храбрости, силы и дарованія, первый стремился къ тому, чтобы, послѣ того какъ имя римлянъ поблекло, все римское одною властью готовъ и дѣлалось и называлось, и сдѣлалось бы такъ, чтобы сказать попросту Готія сдѣлалась бы тѣмъ, чѣмъ была Романія, а Аттольфъ сдѣлался бы теперь тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда Цезарь Августъ. Но когда долготѣняя опытность доказала, что готы никоимъ образомъ не могутъ повиноваться законамъ по причинѣ страшнаго своего варварства, и что нельзя отмѣнить законовъ республики, безъ которыхъ республика не республика, тогда Аттольфъ предназначилъ себя по крайней мѣрѣ для того, чтобы приобрести славу возстановленіемъ и возвеличеніемъ римскаго имени съ помощію готовъ и чтобы считаться у потомковъ виновникомъ возстановленія Рима, если ужъ не могъ его замѣнить.

·25) (стр. 214). Смотри Gibbon. с. LXV (XLI, 21, Milman).

26) (стр. 215). Смотри рассказъ объ отогнаніи Алариха отъ стѣнъ Аѣины появленіемъ Аѣины и Ахиллеса. Зосима V, 6. „Аларихъ, приближаясь со всѣмъ войскомъ къ городу, увидѣлъ Аѣину—Защитницу обзорѣвающую стѣны такую, какъ ее можно видѣть на статуяхъ, вооруженную и какъ бы собирающуюся объявить войну врагамъ, а у стѣнъ стоялъ герой Ахиллесъ, какимъ его изобразилъ Гомеръ среди троянцевъ, когда онъ въ гнѣвѣ готовился воевать, чтобы отомстить за смерть Патрокла. Не вынося этого зрѣлища, онъ отказался отъ попытки взять городъ и отправилъ пословъ для заключенія мира“.

27) (стр. 215). Смотри Plutarch, Démétrios, 10, относительно титула Καταβάτης, даннаго Деметрію въ Аѣинахъ, и относительно алтаря посвященнаго ему подъ этимъ именемъ, и, еще болѣе, рассказъ объ лесті выказанной ему Демохаромъ и объ итивалическихъ стихахъ Доуриса Самосскаго, въ Athénaios, VI, 62, 63.

28) (стр. 215). „Большинство болгарскихъ царей принимало еврейскія имена, какъ Симеонъ, Гавріиль, и особенно Самуиль; сломить ихъ силу было великимъ подвигомъ императора Василія.

29) (стр. 216). О всей этой сценѣ смотри Finlay, Byzantine Empire, I, 452.

30) (стр. 247). О сношеніяхъ Гуго Великаго съ королемъ Лудвигомъ Заморскимъ, смотри Norman Conquest, I, 219—220.

31) (стр. 217). Смотри Gibbon, c. LXV. 12, 8. Milman.

32) (стр. 217). Смотри Creasy, History of the Ottoman Turks, I, 241.

33) (стр. 218). Во вступительномъ привѣтствіи, обращенномъ къ университету св. Андрея, 19-го марта 1869 г. Джемсомъ Антономъ Фрудомъ, ректоромъ университета (Inaugural Address delivered to the University of Saint Andrews, March 19 th 1869 by J. A. Froude, London, Longmans and Co. 1869), авторъ говоритъ (стр. 17). что „молодой человекъ, идущій въ Оксфордъ обучается тому же, чему учили тамъ два столѣтія назадъ“. На стр. 18 онъ говоритъ о „древнихъ латинскомъ и греческомъ языкахъ, которые школы должны сохранять, пока ими обуславливаются университетскія степени“, а на стр. 28, читаемъ: „Если что, то именно подготовка духовныхъ, есть специальный предметъ оксфордскаго преподаванія. Все приспособлено для этой цѣли. Старшины коллегій, постоянные члены, тьюторы, профессора, за немногими исключеніями суть сами духовныя лица“. Смотри Saturday Review, April 3 rd, 1869.

За годъ передъ тѣмъ, distinguished Робертъ Лоу (Lowe) держаль рѣчь въ Ланкаширѣ въ такомъ же романтическомъ духѣ.

„Поговорите съ кѣмъ-нибудь прошедшимъ чрезъ обычную рутину воспитанія въ какой-нибудь общественной школѣ или университетѣ, или, вообще съ человекомъ разсуждающимъ и спросите, сознаетъ ли онъ, что онъ смотритъ на вещи черезъ покровъ предразсудка, или считаетъ ли онъ, оставляя эти мѣста воспитанія, чтобы онъ былъ достаточно подготовленъ и вооруженъ для житейской борьбы?.. Это потому, что въ такую эпоху, когда дѣйствительно нечему было учиться и нечего знать, извѣстное число учреждений было основано для изученія латинскаго и греческаго языка, и эти учреждения существуютъ и до сихъ поръ, и привлекаютъ къ этому извѣстное число учениковъ въ общественныхъ школахъ. Всякаго рода знанія, науки, языка и литературы явились съ тѣхъ поръ; но эти учреждения, подобно

ихъ первоначальному направленію, остались неподвижными“. Смотри Sat. Rev, February 8, 1868.

Такъ и на обѣдѣ, данномъ Институтомъ гражданскихъ инженеровъ въ апрѣлѣ 1871 г., согласно отчету Таймза, Лоу сказалъ слѣдующее:

„Мое собственное воспитаніе, а я имѣлъ счастье получить его въ одномъ изъ нашихъ публичныхъ школъ и университетовъ, было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы изучить нѣчто изъ литературы и языка народа уже давно исчезнувшаго—народа, который зналъ очень мало о природѣ, очень мало о мірѣ, въ которомъ онъ жилъ, очень мало о всемъ, за исключеніемъ ссоръ и столкновеній, какія происходили въ его средѣ, и которыя представлялись по размѣру весьма миниатюрными. (Смѣхъ). Когда я думаю о прославленной битвѣ при Марафонѣ и о всемъ нашемъ школьническомъ энтузіазмѣ по поводу 192 погибшихъ при этомъ случаѣ со стороны побѣдителей (смѣхъ) и сравниваю это съ великою драмою, разыгравшеюся въ другой части Европы въ теченіи послѣднихъ семи или восьми мѣсяцевъ, я не могу не почувствовать того, какъ мелко было то, на что обращалось наше вниманіе въ юности. Конечно, крупное каменноугольное несчастіе, на взглядъ специалистовъ, которыхъ я вижу вокругъ себя, вполне затмило бы любое изъ этихъ великихъ событій древности“ (смѣхъ). Смотри Sat. Rev. April 29, 1871.

Я думаю, что подобныя вещи можно спокойно высказывать въ университетѣ св. Андрея, въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, или въ иномъ институтѣ въ Ливерпулѣ. Но любопытно бы было видѣть, что бы произошло, если бы Фрудъ или Лоу рѣшились повторить это въ присутствіи какого-нибудь оxfordца, получившаго степень или жившаго въ университетѣ за послѣднія двадцать лѣтъ, или — такъ какъ они исключаютъ математику также, какъ и новую исторію или естественныя науки — въ присутствіи какого-нибудь настоящаго кембриджца.

34) (стр. 218). Я самъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ старался объ основаніи въ Оксфордѣ разумной школы исторіи, взаимнѣйшей системы, по которой изученіе извѣстныхъ періодовъ исторіи сводилось на вопросъ объ объективномъ и безотносительномъ, между тѣмъ какъ другіе періоды до недавняго времени служили лишь

для цѣлей профессиональнаго обученія и теперь стоять отдѣльно отъ періодовъ, все еще остающихся въ рабствѣ. Десять тысячъ статутовъ могутъ быть изданы, но все будетъ бесполезно, пока Оукицидъ, Тацитъ, Этингардъ; Хроники и Кларендонъ не соединятся въ одной школѣ. Точно также должна существовать филологическая школа, въ которой бы англійскій и нѣмецкій языкъ были поставлены въ ихъ естественныя отношенія къ греческому и латинскому. Въ то время, какъ я тщетно старался въ Оксфордѣ, настоящая школа исторіи возникаетъ повидимому въ Кембриджѣ и, это главнымъ образомъ, я думаю, благодаря трудамъ А. В. Уарда.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Австрийскій домъ**, выборъ изъ него позднѣйшихъ императоровъ, 312.
- Агамемнонь**, его значеніе какъ императора, 132; его отношеніе къ народному собранію, 133.
- Ager publicus**, тоже что Folkland, 76.
- Ауофъ**, употребленіе слова, 46; примѣненіе къ собранію боговъ, 132.
- Аддисонъ**, употребленіе имъ слова готическій, 339.
- Адольфи**, Иоаннъ, его хроника Дитмарсена, 281.
- Адресъ**, его битва съ Агамемнономъ, 392.
- Адріанъ**, его архонство въ Аѳинахъ, 101, 302.
- Αἰσχυρητεία**, въ сравненіи съ римскимъ диктаторствомъ, 290.
- Анархія**, городской бытъ никогда не развивался въ ней вполне, 57; ея значеніе въ позднѣйшее время, 60.
- Аларихъ**, его походъ отъ Аѳинъ къ Риму, 37; его римскія должности, 106-308; его уходъ отъ Аѳинъ, 344.
- Александръ Великій**, его положеніе, 104.
- Александръ Эпиротъ**, 104.
- Allen, John**, его объясненіе развитія королевской власти, 93; ссылки на него, 276, 292.
- Альби**, консулы въ ней 18.
- Альфредъ**, его законы, 228, 331, 332, 333.
- Америка**, англійская, ея отношенія къ Соединеннымъ Штатамъ, 53.
- Аминтъ**, оправданный македонскимъ народнымъ собраніемъ, 318.
- Амфиотіоническій союзъ**, его устройство, 57; его значеніе для выясненія древнаго быта Греціи, тамъ же.
- Ἄραξ**, употребленіе этого слова Исократомъ, 240.
- Англичане**, ихъ отношеніе къ другимъ германскимъ народностямъ, 29; ихъ три отечества, 31; они перенесли съ собою въ Британію германскія учрежденія, 79.

Англійскій языкъ, романскія въ немъ элементы, 286.

Англія, преемственность ея политической исторіи, 30; отсутствіе римскихъ элементовъ, 31, 86; ея посланники при дворѣ Юстиніана, 36; самостоятельное развитіе въ ней германскихъ учреждений, 80; видоизмѣненія въ ней марки и гау, 81; соединеніе ея различныхъ королевствъ, 82, 115, 119; развитіе городовъ задержано большимъ національнымъ единствомъ, 85; ея мѣсто въ общей германской исторіи, 88; исторія въ ней царской власти, 108, 115; непрерывность престолонаслѣдія, 116; непрерывное сохраненіе народнаго собранія, 150, 151; нѣтъ настоящаго дворянства, 151; власть парламента, 157; вліяніе феодальныхъ идей, 169; ея отношенія къ Индіи, 186.

Ангуль и Дань, бреданіе о нихъ, 341.

Андорра, республика, 313.

Аннь, значеніе преданія о немъ, 299.

Античное и новое, отсутствіе реального различія между изученіемъ того и другаго, 197—199.

Антиохія, воссоединенная Никифоромъ, 227.

Антонинъ Кариналла, значеніе его эдикта, 261.

Антрустіоны франковъ соотвѣтствуютъ англійскимъ танамъ, 169.

Aquae Septimae, ихъ вліяніе въ Галліи, 38.

Аргосъ, его соединеніе съ Коринтеомъ, 59, 251; исторія въ немъ царской власти, 97, 297.

Ареопагъ, въ сравненіи съ римскимъ сенатомъ, 147; его духъ, 323.

Аристидъ; его реформы, 165.

Аристократія, первые слѣды ея, 42; значеніе слова, 49, 126, 242, 243; неотдѣлима отъ республики, 173; ея характеръ въ правящемъ городѣ, 174; ея богатство способными администраторами, 174; сравненіе ея съ демократіей, 175; несомѣстимость съ царской властью, 175, 176; различныя формы ея развитія, 175, 176; принятіе иностранцевъ, 176; управленіе въ ней подвластными областями, 190; неправильное употребленіе слова, 243; ея развитіе въ Римѣ, 315.

Аристотель, знакомство съ нимъ въ средніе вѣка, 190; его ученіе о смѣшанномъ правленіи 238; его опредѣленіе аристократіи, 242; — города, 246.

Арійцы, ихъ три главныя отрасли, 24; ихъ отношенія выяснены только сравнительнымъ методомъ, 38; ихъ первобытное состояніе, 33; расселеніе по Европѣ, 35; ихъ первобытныя учрежденія не заимствованы другъ отъ друга, 38; ихъ общее происхожденіе, 39, 40, 43; ихъ древній словарь, 40; ихъ первобытная форма правленія, 42.

Ариа, изобрѣтаема была нѣсколько разъ, 21.

Аркадія, ея языкъ, 204.

Arnold, Dr., ссылка на него, 245.

Ἄρχων βασιλεύς въ Аѳинахъ, происхожденіе этой должности, 97.

Архонты въ Аѳинахъ, ихъ происхожденіе и исторія, 97, 100, 102, 300; они называются царями, 301; не предсѣдательствуютъ въ народномъ собраніи, 302.

Атанарихъ, впечатлѣніе, произведенное на него величіемъ Рима, 214.

Атольфъ, измѣненіе въ его намѣреніяхъ, 214; его завоеванія въ Испаніи, 216;

Аттический діалектъ Греціи, его постоянное значеніе, 203, 204.

Attus Clausus, его переселеніе въ Римъ, 71.

Augustus, примѣненіе этого титула къ Хлодвигу, 308.

Ausserstand, его значеніе въ Бернѣ, 330.

Африна, государство вандаловъ въ ней, 117.

Ахейскій союзъ, сходство его организаціи съ организаціей Соединенныхъ Штатовъ, 22; его происхожденіе и характеръ, 60, 257; видоизмѣненіе въ немъ демократіи, 140; характеръ союзныхъ собраній, 140—143; порядокъ голосованія, 145, 146; сходство съ Римомъ, 146, 149; законъ Полибія, 204; присоединеніе Спарты, 257.

Азцій, его исторія, 236; народности въ его войскѣ, тамъ же.

Аѳины, ихъ происхожденіе, 56, 70; ихъ незначительность въ позднѣйшей исторіи Греціи 60; древнѣйшее населеніе, 69; характеръ позднѣйшихъ трибъ, 70; происхожденіе δῆμοι, 71; исторія царской власти, 97, 100, 292, 300; случаи войсковыхъ собраній въ ихъ исторіи, 129; истинный характеръ ихъ демократіи 136—139; кратковременность ихъ процвѣтанія, 138; различіе отъ позднѣйшихъ греческихъ демократій, 140; отъ Рима 147—149; исторія знати, 161, 165; право военной мести, 178; законность тираноубійства, тамъ же; ихъ положеніе въ XI вѣкѣ, 215; пожалованіе гражданства, 255; происхожденіе архонствъ, 300; предсѣдательство въ собраніяхъ, 302; Константинъ стратегъ аѳинскій, 306; подчиненіе войска собранію, 316.

Банонъ, Роджеръ. его замѣчаніе о романскихъ языкахъ, 337.

Βασίλευς, происхожденіе слова, 46; его употребленіе, 90, 289; его значеніе въ Аѳинахъ, 97, 101; въ примѣненіи къ императорамъ, 105, 306; споръ объ этомъ титулѣ, 230—232; его употребленіе у Гезіода, 293; у Лида, 305; отличіе его отъ τύραννος, 311.

Βασίλισσα, названіе вдовъ царя-архонта, 298.

Баязеть, Тимуръ называетъ его Цезаремъ, 214; полученіе грамотъ отъ номинальнаго калифа, 217.

Боги, у боговъ Италіи нѣтъ дѣтей, 98, 299; представленіе о нихъ въ Греціи, 131, 132; ихъ сояты и собранія, 131; ихъ смерть въ скандинавской и греческой мифологіи, 417.

Богини, ихъ присутствіе въ собраніи боговъ, 131.

Бернелей, лордъ, уплатилъ виру за лорда Лайзля, 333.

Бернъ, поучительность его исторіи, 85; характеръ его правленія, 173, 174, 190; происхожденіе его аристократіи, 176; его господство надъ подвластными ему областями, 187, 189; расширеніе его владѣній путемъ покупокъ, 188; его сходство съ Римомъ, 288; происхожденіе имени, 288; Ausserstand, 330.

Бѣрнетъ, епископъ, его путешествія по Швейцаріи, 330.

Bluntschli, ссылки на него, 265, 288.

Болгары, ихъ исторія, 232; еврейскія имена ихъ царей, 345.

Босфоръ, греческое царство, 206.

◆ **Бозцій**, его консульство, 105, 306.

Британія, характеръ ея исторіи, 31; о ней говорятъ, какъ объ особомъ мірѣ, 229; вліяніе ея островнаго положенія, 230.

Бриты, вира за нихъ меньшая, чѣмъ за англичанъ, 180, 333.

- Брунбургъ**, сраженіе при — 113.
- Waitz G. H.**, ссыла на него, 240, 241, 277, 278, 279, 291, 315, 321, 326, 328.
- Вальтелина**, ея исторія, 189.
- Вандалы**, исторія ихъ королевства, 117.
- Варвары**, въ противоположность грекамъ, 54; какъ въ Греціи смотрѣли на союзъ съ ними, 245.
- Ward, Mr. A. W.**, 348.
- Waggen, Mr. I. L.** ссыла на него, 341.
- Василій Второй**, его триумфъ въ Аѳинахъ, 215.
- Василій Македонянинъ**, его сношенія съ Львомъ Вторымъ, 245.
- Вассаль**, происхождение слова, 328.
- Вассальство**, происхождение и развитіе, 169; его соотношеніе съ древнимъ comitatus, 328.
- Вашингтонъ**, капиталій въ немъ, 18.
- Вейи**, римское народное собраніе въ нихъ, 316.
- Велизарій**, его консульство, 105, 306.
- Венгры**, ихъ исторія, 235.
- Венеція**, ея непосредственная связь съ древними вѣвками, 82, 287; Большой Совѣтъ въ ней, 126, 324; положеніе въ ней cittadini, 162; происхождение и характеръ ея знати, 169, 176; характеръ ея правленія, 174, 175; ея отношеніе къ подвластнымъ землямъ, 186.
- Верона**, названіе ея, 288.
- Вестъ-Готы**, пространство ихъ королевства, 237.
- Вестъ-саксонцы**, развитіе ихъ государствъ, 82; возвращеніе ихъ къ правленію эльдерменовъ, 111; союзные подкороли, 112; постоянство ихъ царствующей династіи, 116.
- Вилланы**, ихъ положеніе, 162.
- Вильгельмъ Завоеватель**, окончательно объединяетъ Англію, 50; значеніе его законодательства, 172.
- Вильямъ Руфъ**, его ученіе о супрематѣ короля, 230.
- Вира**, обще-арійское установленіе, 177, 179; уничтоженіе права частной мести 176, 180; замѣчаніе о ней у Гомера, 180; древне-англійское законодательство 180, 181; уплата виры народомъ народу, 181, послѣдній примѣръ въ Англіи, 181.
- Witenagembt**, собраніе всѣхъ свободныхъ, 142; превращеніе въ болѣе ограниченное собраніе 142, 146; сохраненіе его въ видѣ палаты лордовъ, 150; его прежняя власть, 157.
- Владѣнія**, въ нихъ повторяется учрежденія метрополии, 16; управленіе ими 190, 248; ихъ отношеніе къ метрополии, 333, 334.
- Владѣніе публичное**, рассматриваемое какъ частная собственность, 188.
- Воданъ**, родоначальникъ германскихъ государей, 106, 310; упоминаеніе о немъ какъ о личности христіанской эпохи, 109.
- Военная служба**, общеобязательна въ древности, 128.
- Возмездіа**, начало, (talio) признано Моисеевымъ закономъ, 179; какъ оно опредѣлялось въ Англіи, 180.
- Возрастъ**, названія должностей обозначающія—47.

Возрожденіе наукъ, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, 193; его хорошая и дурная сторона, 193—196.

Война, частная постепенно ограничивается закономъ, 177, 181, послѣдній случай въ Англіи, 181.

Воинство, тождественно съ народнымъ собраніемъ, 197; его развитіе въ городахъ, тамъ-же.

Witt, C. I. ссылка на него, 334.

Whiteside, chief Justice, его взглядъ на Швейцарію, 312.

Вавлонъ, свободный городъ, 111.

Вавока, средство этого слова съ king и cuning, 109, 309.

Ганнибалманъ, называется гех, 308.

Ганнибалъ, въ сравненіи съ Бонапартомъ, 245.

Гаи, его отношеніе къ white, 76, 283; территория занята племенемъ 76; литература, 278; неизвѣстно въ Англіи, 282.

Гезіудъ, о царяхъ, 293.

Генрихъ III, императоръ, первый король римлянъ, 106.

Генрихъ VIII, англійскій, избранный король, 143.

Genitilis, опредѣленіе Цицерона, 267.

Генгархія, ея неизвѣстность, 112.

Германія, измѣненіе ея исторія въ силу ея связи съ имперіей 30; измѣненія въ ней со временъ Тацита 79; исторія въ ней городовъ 85; развитіе современныхъ королевствъ 91, 289, 290; превращеніе германскаго государства въ союзъ, 118; современная имперія или возрожденіе королевства, 118, 312.

Германцы, ихъ отдѣленіе отъ другихъ арийскихъ отраслей въ Европѣ, 35; ихъ учрежденія болѣе первобытны, чѣмъ учрежденія Греціи и Италиі, 65; идея города никогда не получала у нихъ полного развитія, 65, 73; отношеніе ихъ исторіи къ исторіи Греціи и Италиі, 72, 82; ихъ племена развились въ націи, 72, 80; ихъ болѣе медленное, но и болѣе прочное развитіе, 75, 76; первое описаніе ихъ Тацитомъ, 76; они перенесли свои учрежденія въ завоеванныя страны, 79; ихъ учрежденія суть основаніе современнаго европейскаго общества, 83; видоизмѣненіе ихъ учреждений подъ римскимъ вліяніемъ, 83, 84; положеніе у нихъ городовъ, 84.

Gesidhas, соотвѣтствуютъ греческимъ εταῖροι, 168.

Geschlechter, германскія соотвѣтствуютъ римскимъ gentes, 264.

Gibbon, ссылка на него, 227.

Giraldus Cambrensis, зачатки у него сравнительной филологіи, 337, 338.

Glodstone, его защита дѣматой книги Илиады, 289.

Галесъ валь, древній способъ его, 133, 134.

Генаръ, что служить ему дѣйствительной параллелью, 196.

Города, образовались изъ соединенія деревень, 58, 252; ихъ исторія въ Англіи и другихъ странахъ, 85, 130; сравненіе ихъ во Франціи и Англіи 249; различіе классовъ въ Англіи, 287.

Городъ, какъ государство, 52; греческое понятіе о немъ, 54; онъ состоялъ изъ gentes, 59; отсутствіе полного развитія у германцевъ, 65.

Германство, его характеръ въ Греціи, 56; оно сперва свободное, затѣмъ фризіанъ. СРАВН. ПОЛИТИКА.

рѣдкое распространѣніе на иигородцевъ, 182; представленія его въ Аѳинахъ 255; въ Спартѣ, 256.

Государи, представляютъ національную стадію развитія, 91; Трудность ихъ опредѣленія, 89; романскія и германскія названія, 90; положеніе въ древней Греціи, 94, 293; ограниченіе ихъ власти, 95; ихъ положеніе въ Спартѣ, Агросъ и Аѳинахъ, 97, 100; ихъ присяга въ Молоссій, 104; ихъ положеніе въ Македоніи, тамъ же, въ Римѣ они не имѣютъ божественнаго характера, тамъ же, германскіе государи, занимаютъ римскія должности, 106; какъ они избирались, 106. Описаніе Тацита, 106; происходить отъ Водана, тамъ же; происхожденіе названія king, kōnig 107, 108; церковное вѣнчаніе, 109; его политическое значеніе, начало наследственнаго преемства престола, 110; большое число ихъ въ древнее время, 112—113; 310; превращеніе территориальныхъ вотчинниковъ, 114; измѣненіе въ ихъ титулахъ 114, 311; различіе ихъ власти 115; ихъ отношеніе къ своимъ министрамъ, 115; 119; англійскіе государи, подчинены закону, 116. Развитіе ихъ власти, 182; слѣды ихъ избранія въ Англии, 154; избраніе въ Польшѣ, 156; они преслѣдуютъ преступленія отъ имени государства, 179, 181; императорскіе титулы принятые ими въ Англии, 230; ихъ священныи характеръ, христіанскій и язычскій, 291; происхожденіе ихъ власти отъ Зевса, 292; престолонаследіе въ Иудеѣ и Франціи, тамъ же; какъ о нихъ говоритъ Гезіодъ, 298; ограниченіе ихъ одними жреческими обязанностями, 295; примѣненіе ихъ имени къ аѳинскимъ архонтамъ, 301.

Государства, составились изъ графствъ (chires) или pagi, 77; изъ соединенія меньшихъ государствъ, 170; раздѣленія ихъ, 112; территориальное основаніе, 114; германскія, ихъ возрожденія, 118; развитіе ихъ въ Германіи и Италіи, 289.

Государство, представленіе о немъ какъ о городѣ, 52; какъ о націи, 52, греческое представленіе о немъ, 54.

Готическій, употребленіе этого слова, 195.

Готы, исторія ихъ государства въ Испаніи, 117; сохраняли римскіе памятники, 227.

Гражданство, различныя формы въ Англии, 183, 184; какъ оно получалось въ городахъ, 184.

Граубюнденъ, сохраненіе старинной свободы, 79; его господства надъ Валтелиной, 189.

Греки, ихъ развитіе и исторія 25; въ противоположность варварамъ 54; чувство взаимнаго братства, 245.

Греческая церковь, ея характеръ и истоянство, 208.

Греческій языкъ, незнакомство съ нимъ въ средніе вѣка, 193; его особенное сходство съ латинскимъ, 204; его отношеніе къ новымъ языкамъ, 199; его исторія 204—208; долговѣчность аттическаго діалекта, 204; его употребленіе въ Сициліи, 205; на востокѣ, 207; въ Римѣ тамъ же; его отношеніе къ христіанству, 208; знаніе его въ XIII вѣкѣ, 339.

Греція, ея природа, 25, 225; общее происхожденіе ея обитателей и обитателей Италіи, 33, 35; ея древнія политическія учрежденія, 42; ея до-историческій бытъ, 56; развитіе въ ней городского быта, 57; федеративный періодъ, 60; отсутствіе истинной національной жизни, 61; вліяніе персидскихъ войнъ, тамъ

же; ея колоніи, 62, 205, 206, 225, 226. Сходство ея мнѣвъ съ ея историческимъ бытомъ, 83; характеръ власти древнихъ царей, 94, 130, 132 — 133; ея вліяніе на востокъ, 206; въ Римѣ, 207; на христіанство, 207; на Византійскую имперію 207; ея возрожденіе въ новое время, 208; ея непрямое вліяніе на новій міръ 209; отечество азіатскихъ грековъ, 225; преданія о не-арійскихъ народностяхъ въ ней, 252; близкое сосѣдство ея большихъ городовъ, 258.

Grimm Jakob, ссылка на него, 275.

Grote, его защита аѳинской демократіи, 137; ссылка на него, 251, 252, 267, 270.

Данія, деспотизмъ въ ней, 228; ея отношеніе къ герцогствамъ, тамъ же.

Dawkins, Mr. W. B. ссылка на него, 234.

Дворянство, его отсутствіе въ Англіи, 151, 171.

Двухпалатная система, ея происхожденіе, 14, 151; ея необходимость въ союзномъ государствѣ, 152, 153.

Демократія, первобытная, 42; опредѣленіе, 126, 139; форма, какую она приняла въ средневѣковой Италіи, 154; управленіе ея подвластными землями, 190; описаніе ея Перикломъ, 319; ея исторія и характеръ въ Аѳинахъ, 136; сравненіе аѳинской съ позднѣйшими греческими демократіями, 140; видоизмѣненія ея въ ахейскомъ союзѣ, 141; чистая демократія неосуществима въ обширномъ государствѣ, 142.

Деревня есть средняя стадія между семьей и городомъ, 264.

Деревенскія общины суть особая форма рода, gens, 66, 76, 264; они являются чашъ въ первомъ описаніи германскаго быта, 76.

Диктаторство, его характеръ въ Римѣ, 102, 290; оно всегда отличалось отъ царской власти, 92.

Дитмарсенъ, сохраненіе древней свободы, 79, 155; мѣстныя названія, 265; его исторія, 280, 281.

Діадема, ея употребленіе, 105; введеніе Діоклетіаномъ, 307.

Dietrichsberg, названіе Вероны, 288.

Djmosk, Mr. J. F., ссылка на него, 488.

Діоклетіанъ, ввелъ діадему, 307.

Діонъ Хризостомъ, его опредѣленіе аристократіи, 243; его ученіе о царской власти, 292, 306.

Δῆμος въ Аѳинахъ, первоначально деревенскія общины, 71, 272; ихъ мѣстный характеръ, 71.

Δῆμος употребленіе слова, 57, 252.

Должностныя лица, ихъ большая власть въ аристократическихъ государствахъ, 140; въ союзныхъ государствахъ, 140; ихъ власть въ итальянскихъ герцогахъ, 154.

Дорійцы, древность ихъ трехъ трибъ, 270.

Духовенство, его значеніе какъ земскаго чина, 15.

Dhengenle, употребленіе этого слова, 328.

Ealdor, ealdorman, происхожденіе титула, 77; начальники племенъ, 78; уступаютъ мѣсто королямъ, 108; возвращеніе къ ихъ управленію, 111.

Earl, eorl, jorl, скандинавские, 112, 113; история и значение слова, 169, 327; незапамятная знатность, 161, 164; они уступают место танамъ, 167, 172.

Евпатриды, афинские, ихъ незапамятная знатность, 161; ея въроятное происхождение, 164, 325; падение ихъ политической власти, 165; все же предпочитаютъ при замѣщеніи высшихъ должностей, 166.

Еврейские суды, 111.

Елизавета, королева, ея английское происхождение, 313.

Ελευθη употребление этого названия, 227.

Епископы, ихъ положение и титулы въ южной Европѣ, 74; у кельтовъ и германцевъ, 74, 275; положение въ шотландскихъ монастыряхъ, 295.

Equi, eoh, сродны съ equus, 241.

Законъ, его сила въ Англии, 116.

Зевсъ, его власть въ собраніи боговъ, 131, 132; двойное представление о немъ, 133.

Знать, различіе ея происхожденія, 160, 161; служебная знать замѣняетъ родовую, 160, 167; незапамятное ея происхождение у германцевъ, 164; ея история въ Афинахъ, 165; въ Римѣ, 165; плебейская знать въ Римѣ, 166; современная знать, ея происхождение изъ comitatus, 171; ея характеръ во Франціи, 174.

Jarl, Karl и Thrall, преданіе объ ихъ сотвореніи, 164.

Иберійцы, положение ихъ въ Европѣ, 235.

Ида основала королевскую власть въ Нортумберландѣ, 113.

Иерусалимские ассизы, 17.

Избирательные листы, употребление ихъ въ Римѣ, 262.

Изобрѣтеніи, случаи многократности, 20.

Изократъ, его опредѣленіе демократіи, 239; его рѣчь къ Филиппу, 246.

Илада, вопросъ о подлинности ея девятой и десятой книги, 289.

Илонъ, его основаніе, 56.

Ing, германское патронимическое окончаніе, 264, 265.

Индія, ея отношенія къ Англии, 186.

Итъ, его законъ, 333.

Иностранецъ (foreigners), значеніе слова въ английскихъ городахъ, 183.

Integrex, interregnum, происхождение этихъ названій, 96; должность всегда патриціанская, 166, 294.

Имена, различіе ихъ въ сродныхъ языкахъ, 43; аналогии, 46; сравненіе римскихъ и афинскихъ, 265, 269.

Императоры, происхождение ихъ власти, 50, 114, 291; соединеніе различныхъ должностей въ ихъ рукахъ, 105; они только назывались монархами, 112; различіе между древнѣйшими и позднѣйшими, 122; ихъ отношеніе къ сенату и народному собранію, 150; сохраненіе и подражаніе ихъ титуламъ, 155; ихъ консульство, 295; ихъ трибунская власть, 295, 304.

Империа, ея вліяніе на городъ и провинціи, 64; ея вліяніе въ Германіи и Италиі, 88; императорское достоинство доступно каждому христіанину, 90; соединеніе съ германскимъ королевствомъ, 106; ея соединеніе съ королевствомъ франковъ, 118; ученіе юристовъ объ ея основаніи, 311; она дѣлается чисте избирательною, 312; затѣмъ на практикѣ наследственной, тамъ же.

Юническія племена, 271.

Юдея, престолонаслідіе ея царей, 292.

Юсифъ Второй, послѣдній король римлянъ, 106, 308.

Ius Latii, значеніе его, 260.

Ирландія, воспроизведеніе въ ней англійскихъ учреждений, 16.

Исторія, какъ ее должно изучать, 200, 218.

Итама, въ ней нѣсколько царей, 95, 113; не бываетъ народныхъ собраній въ отсутствіе Одасея, 138.

Италія, общее происхожденіе ея обитателей съ обитателями Греціи 33; ея древнія политическія учрежденія, 42; городской бытъ въ ней менѣе развитъ, чѣмъ въ Греціи, 61; ея исторія имѣетъ болѣе федеративный характеръ, 63; ея учрежденія болѣе первобытны нежели греческія, 64; о значеніи въ ней gens'a, 65; германскій характеръ ея средневѣковой политики, 83; ея параллель съ древней Греціей 84, развитіе въ ней городовъ, 85; новня королевства въ ней, 91, 285; характеръ ея средневѣковыхъ демократій, 154; распространеніе въ ней греческой колонизаціи, 226; сравнительная рѣдкость большихъ городовъ, 259; происхожденіе ея древнихъ городовъ, тамъ же.

Иай, императоръ возстановляетъ Comitia, 323.

Иалликратидъ, его греческій патриотизмъ. 246.

Иамены въ отличіе отъ музъ, 343.

Иапителий, употребленіе этого названія въ Тулузѣ, 18, 223; въ Кельнѣ, тамъ же.

Иарль Англійскій, его завоеваніе Марсели, 205, 342.

Иарль Великій, соединеніе имъ римской имперіи съ германскимъ королевствомъ, 106; его императорскіе титулы, 230.

Иельнъ, капителий въ немъ, 224.

Иельты, характеръ ихъ исторіи, 32; они авангардъ арійскаго переселенія на западъ, 34; ихъ положеніе въ Европѣ 235.

Kemble, F. M., ссылки на него, 253, 264, 275, 276, 279, 283, 315.

Кентерберійскій архіепископъ, онъ называется папой, 230.

Кентъ, народныя собранія въ немъ, 321..

Кипръ, французское государство на немъ, 223.

Kirk, въ отличіе отъ church, 232.

Клавдіи, ихъ принятіе въ Римѣ, 176, ихъ переселеніе, 273.

Клавдій, императоръ, его рѣчь о постепенномъ распространеніи римскаго гражданства, 63, 260.

Кланы, ихъ характеръ у кельтовъ, 66; сравненіе съ римскими gentes, 268.

„Классическіе“ языки, правильнй способъ ихъ изученія, 218, 219.

Классическое, дурное вліяніе устанавлиаемаго этимъ названіемъ различія, 194, 196.

Клеомень, возстановляетъ въ Спартѣ царскую власть, 100.

Клисеонъ, его устройство трибъ и демовъ, 272.

Клиенство, его характеръ въ Римѣ, 170, 171.

Кингпечатаніе, было изобрѣтаемо не однажды, 20.

Кодръ, архонство сохранилось въ его родѣ, 101.

Колоніи, греческія, ихъ распространеніе, 205, 206; ихъ отношеніе къ метрополію, 333.

Константинополь. его происхожденіе, 208; какъ онъ представлялся средне-вѣковому воображенію, 208.

Константинъ, стратегъ въ Аѳинахъ, 105, 306.

Консуль, консульство, употребленіе этихъ названій 18; въ Альбія, 18, 223; происхожденіе въ Римѣ, 100; царская власть, 102, 243; консульство императоровъ, 105; ограниченіе власти консуловъ, 147; опредѣленіе Діонисія, 243; происхожденіе ихъ въ Тулузѣ 224; консульство Теодориха 305;—Бозція и Веливарія, 306.

Коринѣъ, его союзъ съ Аргосомъ, 62, 258; олигархія Бакхиадовъ 300: его отношеніе къ его колоніямъ, 335.

Корира, ея отношенія къ Коринфу, 335.

Кори, невозможность новыхъ. 6.

Коронованіе, смыслъ и значеніе этого обряда, 92.

Крестоносцы, ихъ законодательство на Востока, 223.

Культура, примѣненіе сравнительнаго метода къ ея изученію, 7; названіе принятое наукой о ней, 10; ея отношеніе къ другимъ наукамъ, 11.

Ламедемонскій союзъ, способъ голосованія въ собраніи. 321.

Ланонія, положеніе въ ней *періохои*, 163.

Landesgemeinde, въ Ури и другихъ кантонахъ, 29; время ихъ собранія 314.

Lappenberg, I. M. ссыла на него, 277.

Латинскій языкъ, его особенное сродство съ греческимъ, 183; его мѣсто во всеобщей исторіи, 210—212; его древняя, классическая и средне-вѣковая форма, 211; это языкъ права и власти, 223; его церковное значеніе 212, продолженіе его жизни въ романскихъ языкахъ, 212 — 218; какъ онъ долженъ быть изучаеъ 218.

Латины, ихъ положеніе, 260.

Lex Mortensia, его значеніе, 244.

Lex regia, значеніе ученія о немъ, 243.

Лидіадъ, его исторія, 203.

Лидъ, Іоаннь, его различеніе императора, царя и тирана, 304.

Лизій, его положеніе въ Аѳинахъ, 255.

Ливаонъ, убитый Ахиллесомъ, 332.

Личія, способъ голосованія, 145, 146; исторія ликійскаго союза, 203, 260.

Линкольнъ, исторія, 288.

Лионъ, имя и исторія, 233.

Литва, древность ея языка 196, 340.

Liti, ихъ положеніе 163, 315.

Leaf-eaters, сравненіе ихъ съ кліентами, 330.

Lowe, Mr. R., его воззрѣніе на университетское обученіе 346, 347.

Ломбардія, возвратъ ея къ правленію герцоговъ, 112.

Long, Mr. G., ссыла на него, 267.

Лошадь, титулы образованнаго отъ ея различныхъ названій 46, 47.

Лукавъ, о Неронѣ, 213.

Лѣсные кантоны, сохраненіе ими старинной свободы, 79.

- Любенъ**, его сходство съ Кароагеномъ, 288.
- Maegth**, 277.
- Maine**, Sir. H. S., ссылки на него, 244, 251, 261, 264, 268, 275, 278, 282.
- Mayor**, введение этого титула, 224.
- Македонія**, сохраненіе въ ней древнѣйшаго быта Греціи, 58; ея государственное устройство, 104; ея историческое значеніе, 103; исторія въ ней царской власти, 104; характеръ македонскихъ государствъ въ Азіи, 104; несовершенство ея исторіи, 136; вліяніе Греціи, 206; развитіе въ ней городского быта, 254; названіе и значеніе въ ней народнаго собранія 316, 318.
- Мантима**, основаніе и исторія 58, 253.
- Марій**, Кай, его выборъ въ консулы 167, 326, 327.
- Mark**, Markgenossenschaft, германская форма соответствующая римскому gens, 76, 276; ея исторія и номенклатура въ Англіи, 80, 264; ея собранія сохранились въ приходскихъ собраніяхъ 154; литература 275; общее завладѣніе земель, тамъ же; примѣръ ея на Востокѣ, 277; переходитъ въ приходъ и феодальное владѣніе, 282.
- Маріъ Аврелій**, употребленіе имъ греческаго языка, 207.
- Массалии**, ея вліяніе въ Галліи, 38, 237; завоеваніе ея Карломъ Анжуйскимъ, 205, 342.
- Мегалополь**, основаніе его 58, 252.
- Менестей**, первый демагогъ, 292.
- Мерсія**, ея постепенное соединеніе съ Уссекомъ 314.
- Мертвые языки**, не суть таковы, 197.
- Местъ**, частная, основаніе уголовного правосудія, 177; постепенно ограничивалась государствомъ. 177; еврейское, греческое, римское и англійское о ней законодательства, 178, 330; замѣна ея вирой, 179—181.
- Металль**, его рѣчь къ Марію, 326, 327.
- Мѣтоики** въ Греціи, ихъ положеніе, 126, 183, 184; они соответствуютъ англійскимъ *foreigners*, тамъ же; швейцарскимъ *Niedergelassenen*, 185; особый налогъ на нихъ, 255.
- Меценатъ**, его стихи, 263.
- Mill**, мельница, исторія этого слова, 4, 221.
- Министры**, ихъ отношеніе къ коронѣ, 119.
- Михаилъ**, императоръ, обращается къ Карлу Великому какъ къ базилюсу, 230
- Миеологія**, сравнительная, ея отношеніе къ сравнительной филологіи, 4, 7; къ изученію культуры, 11.
- Миеологія**, научное и ненаучное къ ней отношеніе, 7.
- Моголь**, аналогія его имперіи съ римской, 316, 317.
- Моисеевъ законъ**, ограничиваетъ право частной мести 179; признаетъ начало возмездія, talionis 179, 180.
- Mommsen**, Th., ссылки на него, 259, 265, 272, 273, 299.
- Монархія**, первые ея слѣды, 42; въ отличіи отъ королевства, 112.
- Монархъ**, употребленіе этого слова, 112.
- Шорлотъ**, принятіе этого рода въ Бернѣ, 176.

Müller, Max., ссылки на него, 12, 221, 222, 238, 240; его воззрѣніе на слово cuning, 309.

Müller, Otfried. ссылка на него, 270.

Mund, соответствует римскому potestas, 76, 278.

Mundi Dominus, титулъ средневѣковыхъ императоровъ, 311.

Муниципалитеты, римскіе, ихъ вліаніе на средневѣковую Европу, 86—87.

Народное собраніе, различныя его названія; 46, 816; характеръ его въ Македоніи, 104, 135, 318; суверенный его характеръ, 124, 138, 157, 158; участіе въ немъ каждаго гражданина 124, 125; неизвѣстность представительства въ городахъ, 125; исторія его въ племенахъ, 126; различіе демократическаго и аристократическаго, — 126, 127; тождество съ войскомъ, 128; примѣры войсковыхъ собраній, 129, 130; его характеръ въ героической Греціи, 130; на Слимъ, 131; отношеніе къ нему царей, 132—134; отсутствіе его въ Италіи, 133; порядокъ голосованія, 134; характеръ его у молоссіанъ, 134, 145. 146; происхожденіе его и характеръ въ Аѳинахъ, 136, 137, 138; отношеніе его къ другимъ властямъ въ государствахъ, 139; характеръ его въ Спартѣ, 140; въ Ахейскомъ союзѣ, 141; въ Англіи, 142; исчезаетъ тамъ, гдѣ не вводится представительство, 142; исторія его у франковъ, 143; характеръ мѣстныхъ собраній, 143; характеръ его въ федераціяхъ, 144; различныя его формы въ Римѣ 146; его отношеніе къ сенату, 148; сравненіе римскихъ и аѳинскихъ собраній, 149; исчезновеніе ихъ при имперіи, 149; измѣненіе его характера въ средневѣковой Европѣ, 150; оно образуется изъ сословныхъ чиновъ, 150; непосредственныя собранія въ Англіи, 153; во Флоренціи, 154; въ Фрисландіи и Дитмарсенѣ, 155; въ мѣстнхъ контавахъ, 155; аристократическія непосредственныя собранія въ Польшѣ и Венеціи, 156; предсѣдательство въ собраніяхъ, 157; аѳинское собраніе въѣ Аѳины, 316; римское въ Вейяхъ, тамъ же; мѣсто въ немъ. 317; принудительное участіе, 321.

Наслѣдственное престолонаслѣдіе, его введеніе, 110.

Nationalrath, въ Швейцаріи, его устройство, 153.

Натурализація, различія въ различныя вѣка, 127, 128.

Национальныя опредѣленія, 54; угнетенныя національности, 247.

Нація, какъ основаніе государства, 52.

Neale, Mr. I. M., ссылка на него, 343.

Не-арійскіе народы, аналогія ихъ учрежденій, 37.

Nesii, его эпитафія, 343; его значеніе въ исторіи латинскаго языка, 210.

Несвободные, ихъ положеніе, 314.

Ниблей Гринъ, битва при, 333.

Niebuhr, его взглядъ на gentes, 267.

Niedergelassenen въ Швейцаріи соответствуютъ греческимъ *δεσποχοι*, 185.

Nobilis, значеніе въ Римѣ, 167.

Novus homo, въ Римѣ, 167.

Nomen, употребленія его въ Римѣ, 69; его политическое значеніе, 269.

Норвегія, соединенная Гарольдомъ, 113.

Норманское завоеваніе Англіи, его вліаніе, 115.

Нортумберландъ, образованіе королевствъ, 113, 284.

Нума, греческіе элементы въ преданіи о немъ, 98; его значеніе, 299.

- Мюрнбергъ**, патриціанскіе рѣды въ немъ, 330.
- Община**, тоже что *Mark*, 76; ея положеніе въ Швейцаріи, 185, 186.
- Общинъ**, палата, ея происхожденіе, 151.
- Одиссей**, его отношеніе къ царямъ предъ Иліономъ, 138; легенда о немъ въ Германіи, 233; разсказъ о немъ Эльфа, 317.
- Одоакръ**, его патриціатъ, 305.
- Оксфордскій университетъ**, сходство его организаціи съ атейскимъ союзомъ, 141; способъ голосованія въ конвокаціи 320.
- Олгаркія**, ея развитіе въ вѣ Венеціи, 324.
- Оппозиціонные ораторы**, существованіе ихъ въ гомерическомъ народномъ собраніи, 133.
- Ὀργανοὶ**, оргоны въ Аѳинахъ, 269.
- Отвѣтственность**, отличаетъ должностныхъ лицъ отъ государя, 301.
- Оттоманы**, на востокѣ называются римлянами, 262.
- Рагис**, тоже, что *gau* или *shire*, 76. средневѣковое его опредѣленіе, 247.
- Палата лордовъ**, ея происхожденіе, 151; 317: ея судебная власть, 324.
- Палата представителей**, 152.
- Параламентъ**, его происхожденіе и развитіе въ Англіи, 14, 150; во Флоренціи, 154, 324.
- Patria**, употребленіе этого слова, 55.
- Patria potestas**, ея соотношеніе съ германскимъ *Mund*, 76.
- Πατρίς**, употребленіе этого слова, 55, 249.
- Патриціатъ Теодориха**, 305. Одоакра, тамъ же.
- Патрици**, употребленіе этого названія въ германскихъ городахъ. 87; происхожденіе привилегій въ Римѣ, 160, 165, 325; постепенная ихъ утрата, 165, 167.
- Патронимическія**, мѣстныя названія въ Англіи, 65, 264; практическое знаніе ихъ употребленія, 69.
- Парезионъ**, превращеніе его въ христіанскій храмъ, 215.
- Пемброкширъ**, мѣстныя названія. 264.
- Пергамъ**, развитіе, 208.
- Peregrini**, въ отличіе отъ *cives*, 260.
- Периживадія**, ученіе о нихъ. 9, 204; периживаніе царской власти, 95, 98.
- Перилль**, характеръ его вліянія, 138—140; его описаніе демократіи, 319.
- Περίοχοι**, ихъ положеніе, 163; примѣръ ихъ въ средневѣковой и современной Европѣ, 187, 189; различія въ ихъ дѣйствительномъ положеніи, 190; сравненіе ихъ съ итальянскими союзниками, 335.
- Перстао**, англійское его происхожденіе и характеръ, 171; его существованіе несомнѣнно съ существованіемъ дворянства, 172.
- Пипинъ** его патриціатъ, 106.
- Персы**, ихъ военное могущество, 233.
- Плебъ** въ Римѣ, его происхожденіе, 71, 166; постепенное допущеніе его къ должностямъ, 165; образованіе плебейской знати, 167; Саллюстій противуполагаетъ ему *nobilitas*, 326.
- Полемархъ**, его положеніе въ Аѳинахъ, 102.

Полибий, его особенное положеніе и судьба, 202; его законодательная дѣятельность, 203; его языкъ 204.

Политика, сравнительная, ея опредѣленіе 13; ея предметъ, 22.

Политеѣа, употребленіе этого слова Аристотелемъ, 238, 242.

Помоводцы, ихъ власть въ Аѣинахъ, 102; ихъ особенная власть во время войны, 129.

Польша, характеръ въ ней царской власти, 90; аристократическое непосредственное собраніе, 126. 156, 324; приближеніе ея къ аристократіи, 175; ея положеніе при Ягеллонахъ, 233; характеръ ея государственнаго устройства 289.

Помазаніе, введеніе этого обряда, 109, его политическое значеніе, 110.

Посейдонъ, его положеніе въ собраніи боговъ, 132.

Потдеа, ея отношенія къ Аѣинамъ и Коринѣу, 336.

Право Римское, его постоянное вліяніе, 84; его вліяніе на власть государя у германцевъ, 114, 118; оно составляетъ величайшее твореніе Рима, 210, 211.

Прѣбываніе, считалось за ничто въ городскихъ республикахъ, 255.

Преданія, о греческихъ герояхъ въ Италіи и Германіи, 33; ихъ значеніе въ Римѣ 299.

Представительство, его необходимость въ обширномъ государствѣ, 143—147

Прелободѣи, законъ дозволяющій убивать его, 331.

Приходское собраніе, представляетъ собою собраніе марки, 154.

Приходъ parish, его соотношеніе съ маркой, 76, 282.

Провинціалы, положеніе ихъ, 260.

Prudentius, его значеніе въ исторіи латинскаго языка, 210.

Пруссія, ея сходство съ Сардиніей, 290.

Прѣдѣлае, употребленіе этого названія, 298; ихъ прѣдсѣдательство въ народномъ собраніи, 309.

Рабство, его существо, 127, 314; его происхожденіе и характеръ въ древности, 168; его исторія въ Англіи, 325.

Равенна, историческое значеніе города, 208; греческіе надписи въ ней, 343

Rambert, М., ссылка на него, 314.

Rampes, ихъ происхожденіе, 70; древнѣйшее названіе римлянъ. 299.

Regia, въ примѣненіи къ дому императора, 105, 307.

Regina, въ примѣненіи къ женѣ императоровъ, 105; 308; къ женѣ ихъ засгогum, 298.

Regnum, въ примѣненіи къ имперіи, 105, 307.

Reiks, значеніе этого слова въ языкѣ готовъ, 240.

Рех, происхожденіе этого слова и сродныя съ нимъ слова, 45; императоры никогда такъ не назывались, 103, 309.

Рех засгогum, rex sacrificulus, первоначальный характеръ его должности, 96, 293;

Римляне, связь ихъ худыхъ и хорошихъ сторонъ, 52.

Римъ, его развитіе, 27; источникъ его величія, 28; въ какомъ смыслѣ онъ вѣченъ, тамъ же; его отношеніе къ германскимъ государствамъ, 31, 84, 203; консервативный характеръ его исторіи, 49; онъ есть величайшій примѣръ города-государства, 63; постепенное расширеніе правъ римскаго гражданства, 63,

64, 227; недостатки его муниципальной системы, 64, 149; значение въ немъ *gentes*, 68; мѣстный характеръ его трибъ 70; большее, нежели въ Греціи развитіе въ немъ національной жизни, 71; исторія и характеръ царской власти, 95, 98; замѣна царей консулами, 99, 227; власть магистратовъ, 102, 106; непреходящее вліяніе его права, 184; развитіе имперіи, 106; восстановление царской власти, 106; войсковыя собранія въ немъ неизвѣстны, 129; способъ голосованія въ собраніяхъ, 147; сходство съ федеративнымъ періодомъ Греціи, 147; характеръ въ немъ политическихъ партій, 148; соотношеніе государственныхъ властей, 148, 149; происхождение патриціевъ, 161, 164, 315, 325; постепенное уничтоженіе ихъ привилегій, 165, 166; они замѣнились служебной знатью, 166; слабыя слѣды *comitatus*, 170; вліенство, 170—172; право частной мести, 178; тираноубійство дозволено въ немъ закономъ, 178; право возмездія (*talio*) 179; его истинное положеніе въ исторіи, 200, 209, 212; вліяніе на него Греціи, 207; особенный характеръ его вліянія, 210, 214; восточныя параллели его позднѣйшей исторіи, 216; характеръ его древнихъ легендъ, 233; чувства его гражданъ и подвластныхъ въ теченіи войнъ Ганнибала, 245; его происхождение, 259; развитіе въ немъ аристократіи, 315.

Родосъ, продолжительность его существованія, 260.

Родъ, *Генос*, *gens* или *clan*, употребленіе слова, 46; его особенное значеніе въ древней Италиі, 62, 65; его различныя формы, 66; единство крови какъ первоначальное основаніе, 67, 267; видоизмѣненіе въ позднѣйшее время, 68; постоянное значеніе въ Римѣ, 69; его соотношеніе съ трибами и *дѣмо* 71; названіе родовъ въ Англіи, 67; его форма какъ деревенской общины, 76; въ Римѣ въ сравненіи съ кельтійскими кланами, 264; съ германскими *Geschlechter*, тамъ же; наследственный характеръ, 269.

Ротнеі, значеніе этой формы, 232.

Романос, употребленіе этого имени, 227, 261.

Романскіе языки, ихъ происхождение, 83.

Romilia gens, его незначительность, 300.

Ромуль, греческіе элементы въ преданіи о немъ, 98, 299.

Россія, друговоротъ въ ея исторіи, 232, самодержавіе, 311.

Рѣчи, насколько они достовѣрны у классическихъ историковъ, 261.

Савиньи, Ф. К., ссылка на него, 321.

Савойя, сѣверная, ея завоеваніе Берномъ, 189, 335.

Саламинъ, аѳинскій сенатъ и народное собраніе въ немъ, 316.

Самось, дѣйствіе подъ нимъ аѳинскаго флота, 316.

Сардинія, сходство съ Пруссіей, 290.

Сарматы, указаніе на ихъ присутствіе при Шалонѣ, 237.

Селевнія, ея исторія и устройство, 304.

Семитическіе языки, ихъ отношеніе съ арійскимъ, 38, 238.

Сенатъ, ахейскій, частью дѣйствуетъ въ качествѣ народнаго собранія, 140.

Сенатъ, аѳинскій, собственно демократическое учрежденіе, 322.

Сенатъ, римскій, его исторія, 50; сравненіе римскаго и аѳинскаго сената, 147; способъ его поочленія, 148; его отношенія къ народному собранію, 148, 149; его доложеніе при имперіи, 150, 323.

- Семать** въ Соединенныхъ Штатахъ, его организація. 162; его особенныя функціи, 153.
- Seniocrassa**, титулъ, 241.
- Серый**, значеніе легенды о немъ, 299.
- Скандинавія**, характеръ ея исторіи, 30, 88; ея государства не затронуты послѣдними революціями. 228.
- Славянскіе народы**, ихъ отношеніе къ восточной церкви и имперіи 32; ихъ прошедшее и будущее, тамъ же.
- Smith. Mr. Goldwin**, ссылка на него, 307.
- Смѣшанное правленіе**, взглядъ на него древнихъ писателей 238. 239.
- Совладѣніе**, примѣры его въ Германіи и Швейцаріи, 187, 334.
- Соединенные Штаты**, аналогичность ихъ устройства съ устройствомъ Ахейскаго союза, 22; ихъ отношенія къ Британской Америкѣ, 52; двѣ палаты конгресса, 153.
- Солнечная теорія**, насколько допустима. 7. 222.
- Соловь**, значеніе его законодательства, 165.
- Сословныя чины**, ихъ характеръ въ Англіи и Франціи 15; представительство, ихъ, 149; уничтоженіе ихъ въ Англіи 151.
- Сотня**, hundred, соответствуетъ соти и фэгл, 76; составлялась изъ марокъ, 77, литература, 279; ея природа, 279.
- Socii**, ихъ положеніе. 260.
- Союзники** въ Италіи въ сравненіи съ законскими періокой, 335.
- Союзное государство**, въ отличіе отъ союза государствъ, 258.
- Союзъ**, германскій, образованіе его изъ монархій, 118.
- Союзъ государствъ** въ отличіе отъ союзнаго государства, 258.
- Спарта**, образовалась изъ деревень, 58. 253; ея невольное соединеніе съ Ахейскимъ союзомъ, 60; исторія въ ней царской власти, 97, 100, 295; предоставленіе права гражданства 255; сравненіе ея царей съ римскими консулами, 296; классы несвободныхъ, 315; порядокъ народныхъ собраній, 319.
- Сравнительный методъ**, его результаты, 197.
- Средній классъ**, особенно англійскій. 172.
- Старець Горы**, его описанія, 47. 241.
- Ständerath**, въ Швейцаріи, его устройство, 152; его необходимость, 159.
- Стезихоръ**, ссылка на него, 234.
- Strangford. Viscount**, ссылка на него, 341.
- Судебная власть**, постепенно отдѣляется отъ законодательной, 157.
- Судебный поездникъ**, его происхожденіе и отиѣна, 179.
- Суды** у евреевъ и готовъ, 111.
- Сходство**, различныя его роды, 18, 16, 19.
- Scabini, Schöffen**, ихъ развитіе, 321.
- Сципионъ**, его изгнаніе въ Литернъ, 55, 249.
- Schmid, Dr. R.**, его возвращеніе на марку, 278.
- Таны**. аналогія съ ними у другихъ народовъ. 167; происхожденіе и развитіе этого сословія, 168; измѣненія въ значеніи слова 169, 327; заимствовали проловъ (eorls) 160, 171.
- Тацитъ**, его возвращенія на смѣшанное правленіе, 42, 238; его описаніе древ-

нихъ Германцевъ, 42, 106; достовѣрность его Germania, 239; его передача рѣчи Клавдія, 261.

Теодорихъ, его консульство и патриціатъ, 105, 305.

Территориальная идея о царской власти, 114; территориальные титулы тамъ-же

Терситъ, отношеніе къ нему въ гомерическомъ народномъ собраніи, 133.

Teutonia, употребленіе этого слова Гиральдомъ, 338.

Тиберій, въ Капревъ, 55.

Timbrian, употребленіе этого слова, 233.

Тиранубійство, дозволялось закономъ въ Афинахъ и Римѣ, 178.

Tities, ихъ происхожденіе, 70.

Tylor, Mr., E. V., ссылка на него, 12, 222, 332.

Tribunitia potestas, главный источникъ императорской власти, 105, 304.

Трибуны, ихъ власть въ Римѣ, 147.

Тулуза, ея капитолій и магистраты 18. 224.

Thierry, Augustin, ссылка на него, 223.

Thirwall, епископъ, ссылка на него, 342.

Thudans, происхожденіе и сходство этого имени, 44.

Убѣище, значеніе преданія объ убѣищѣ открытою пришесть зарождавшимся Римомъ, 166.

Укрѣпленные холмы, развитіе изъ нихъ городовъ, 56, 250.

Undersaten, употребленіе этого слова, 334.

Unterthanen, соответствуютъ περὶοχοι, 189.

Urbs aeterna, употребленіе этого названія, 227.

Ури, его владѣніе подвластными землями, 189; битъ его, 233.

Усыновленіе, значеніе римскихъ законовъ объ—53, 268; его вліяніе на gens, 68; характеръ его въ Афинахъ, 268.

Федераци, ихъ характеръ въ позднѣйшей Греціи 60; характеръ союзныхъ собраній 84; войсковыя собранія болѣе въ нихъ обыкновенны 129; необходимость въ нихъ двухъ палатъ 152.

Феодализмъ, его происхожденіе и вліяніе во Франціи и Англии, 171; его развитіе, 223.

Филологія, сравнительная, ея отношенія къ другимъ отраслямъ сравнительнаго изученія, 2, 7, 11; ея зачатки у Роджера Бакона, 337.

Filloque, вставка, 493.

Филотъ, его осужденіе македонскимъ народнымъ собраніемъ, 318.

Finlay, Mr. его исторія, 227; ссылка на него 342.

Финны, ихъ положеніе въ Европѣ, 235.

Финляндъ, участокъ общаго владѣнія Любека и Гамбурга, 187.

Фламмиги въ Римѣ всегда изъ патриціевъ, 166.

Флоренція, ея парламенты, 154.

Fochde feud. 331.

Folkland, тоже что аger publicus, 76.

Франки, ихъ мѣсто среди германскихъ народностей, 82; исторія и развитіе ихъ королевства, 112, 117 усиленіе власти ихъ королей, 118; соединеніе ихъ королевства съ имперіей, тамъ же.

Франція, ея образование, 118; строгая наследственность короны, 119, 292; влияние феодализма, 169.

Французские, короли и герцоги, 216, 217.

Французский языкъ, германские въ немъ элементы, 285.

Φράτρα, φρατρία, φράτωρ, употребление этихъ словъ, 46; соответствуетъ латинскому curia, 68; и германскому hundred, hundred, 76; средняя слова 240.

Фрименъ, ихъ исторія въ английскихъ городахъ, 184.

Фрисландія, сохраняетъ непосредственное народное собраніе, 155.

Фритигернъ, его титулы, 310.

Froude, Mr. I. A., его рассказъ объ университетскомъ обученіи, 346.

Ханаанъ, его цари, 111.

Хаонія, уничтоженіе въ ней царской власти, 104; ея устройство, 308.

Heretoga, Herzog, тоже что эльдерменъ, 77; соответствуетъ ему у Тацита dux, 280.

Херсонесъ, греческая республика, 206.

Ηλιαία, происхождение слова, 240.

Хлодвигъ, его консульство, 106. 308.

Христіанство, его семитическое происхождение 28; какъ религія римской имперіи, 28; противно исключительнымъ преимуществамъ родовитости 109; влияние на него греческаго языка 208.

Capitouls, должностныя лица въ Тулузѣ, 228.

Царская власть, различіе между ней и титулами, 51, 119; передача ея въ Римѣ двумъ консуламъ, 119; общее понятіе о ней, 91, 92; ея религіозный характеръ, 92, 109; ученіе о ней юристовъ 93; ея первоначальный характеръ, тамъ же; доказательства ея существованія въ Римѣ, 95, 102; ея видоизмѣненіе въ городахъ государствахъ, 99; исторія ея въ Спартѣ, 100. 295; въ Аѳинахъ, 100; различіе основаній ея уничтоженія въ Римѣ и Аѳинахъ, 100, 300; сохраненіе ея въ Эпирѣ и Македоніи, 103; ея германская форма въ соединеніи съ римской императорской властью, 106; замѣщаетъ прежнюю власть эльдерменовъ, 108; ея происхождение въ Англии, 108, 110, 115, видоизмѣненія ея въ позднѣйшее время, 114; ея различныя формы 115. 290; видоизмѣненіе ея въ силу поселенія германцевъ въ предѣлахъ имперіи, 118; поглощеніе ея въ Германіи императорской властью, 118; наследственность ея во Франціи, 119; отсутствіе наследственности въ Германіи, тамъ же; сохраненіе ея въ американскомъ президентѣ, 120; несовмѣстимость ея съ аристократіей, 175; ея безсрочность, 290; временное возрожденіе ея, тамъ же; остатки ея въ Греціи, 295, сохраненіе ея въ Аргосѣ, 297; греческое опредѣленіе ея 301; упадокъ ея въ Мерсин, 314.

Царь-архонтъ, въ Аѳинахъ, 298.

Цезарь, его желаніе быть царемъ, 290.

Центурія, въ значеніи сотни, 76; собраніе центурій въ Римѣ, 146.

Seorgl, въ противоположность къ seorgl, 164.

Циклопы, преданія о нихъ, 251.

Cittadini въ Венеціи, ихъ положеніе, 168.

Цицеронъ, плебейскій авгуръ, 166.

Cyn, kin, cunesyn, сродство этихъ словъ съ cuning, king, 44, 107, 109, 309.
Cynehlaford, 329.

Cuning, king, происхождение этого слова, 44, 107, 109; его сродство съ ganaka, 309.

Claudia gens, его происхождение, 71.

Comitatus, его германская форма названная подъ влияніемъ римскихъ идей, 114; общеарійское учрежденіе 168; его исторія у грековъ и германцевъ 168, 9, основа современного дворянства, 169, 171; слабые слѣды въ Римѣ, 169; сродство съ кліенствомъ, 169, 170, 330; его характеръ въ Македоніи, 170; предполагается царя или единоличнаго предводителя, 170; его связь съ вассальствомъ, 328.

Comitia, въ Римѣ, формы ихъ, 147; способъ голосованія, 147, 322; возстановленіе Каемъ, 323.

Coote, Mr. H. C. его взглядъ на римскія учрежденія въ Англіи, 288.

Cox, Mr. G. W., ссылка на него, 221.

Coxe, архидіаконъ, его путешествіе по Швейцаріи, 330.

Curia, соединеніе родовъ, 68, соотвѣтствуетъ спартанскому $\omega\beta\gamma$, 69; и германскому hundred, 76.

Curtius, Ernst, ссылка на него, 225, 267, 271, 272.

Charis, Charites, происхождение этого слова, 6, 221.

Chevy Chase, замѣчаніе объ этой пѣснѣ>Addисона, 489.

Герихъ, происхождение этого города, 287.

Шалонъ, битва при,—участіе въ ней арійскихъ народностей, 36.

Швейцарія, ея устройство есть подражаніе Соединеннымъ Штатамъ, 22; развитіе ея какъ искусственной народности, 53; обыкновенное пренебреженіе въ ея исторіи, 120; форма союзной исполнительной власти, 121; двѣ палаты союзнаго собранія, 152; свобода дѣсныхъ кантоновъ, 155; вліяніе современной организаціи 186; примѣры въ ней періодовъ, 187; вліяніе французскаго нашествія, 189; управленіе округовъ находившихся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ кантоновъ, 190; положеніе романскихъ кантоновъ, 228; происхождение союза 235; 236; употребленіе названія, 288; значенія ея исторіи, 334.

Школа исторіи, необходимость ея въ Оксфордѣ, 347.

Шлезвигъ, его отношеніе въ Даніи, 228.

Шотландія, развитія ея какъ искусственной народности, 52.

Шотландскіе, аббаты и епископы, 295.

Юлианъ, его употребленіе греческаго языка, 207.

Юпитеръ, рассказъ о немъ Альфрида.

Юристы, ихъ ученіе о власти государя, 114.

Юстиніанъ, его историческое значеніе 36; пространство его имперіи, 236

Экзетеръ, его значеніе въ англійской исторіи, 85, 86, 288.

Эмда, ея основаніе, 58, 252; языкъ ея надписей, 341.

Эльфвинъ, вира уплаченная за его кровь, 333.

Эпиръ, древнѣйшій бытъ Греціи въ немъ сохраняется, 58, 103, его значеніе въ позднѣйшее время, 60; исторія царской власти, тамъ же; дѣлается греческой республикой, 114.

Этельбертъ, значеніе его крещенія, 110; его законы, 332.

Этолія, городской бытъ никогда не былъ въ ней развитъ, 57; ея значеніе въ позднѣйшее время, 60; характеръ этолійскаго союза, 257.

Эфоры, предсѣдатели спартанскаго народнаго собранія, 303.

Язычники, heathen heiden, происхожденіе названія, 73, 275.

Θεράποντες, соответствуютъ англійскимъ thegnas, 168.

*PB-38271-SB

5-19

CC

B/T